

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

2

NEW
WORLDS
OF ROBERT
SHECKLEY

Volume two

NOVELLAS
AND SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

**НОВЫЕ
МИРЫ
РОБЕРТА
ШЕКЛИ**

Том второй

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Новые Миры Роберта Шекли. Т. 2 /Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 367 с.

Вошедшие во второй том блистательные повести и рассказы из последнего авторского сборника «Машина Шехерезада», а также других представляют собой вершины творчества выдающегося американского фантаста-юмориста.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТИ

ЗИРН БЕЗ ОХРАНЫ, ДВОРЕЦ ДЖЕНГИК ГОРИТ, ДЖОН ВЕСТЕРЛИ МЕРТВ

Донесение было полустерто страхом.

— Кто-то пляшет на наших костях, — сказал Шарлеруа и оглянулся, обнимая взглядом Землю. — Это будет достойный мавзолей.

— Странны слова твои, — произнесла она. — Но кое-что в твоих манерах я нахожу привлекательным... Подойди же, незнакомец, и объяснись.

Я отступил и вытащил из ножен меч. За моей спиной зашипел металл — Окпетис Марн тоже обнажил клинок. Мы стояли бок о бок, вдвоем против наступающей мегентской орды.

— Ныне дорого продадим мы свои жизни, Джон Вестерли, — произнес Окпетис Марн с шипяще-горловым мнерианским акцентом.

— Воистину так, — отозвался я. — И немало вдов станцуют Пляску Перехода, прежде чем кончится день.

Он кивнул.

— И немало скорбящих отцов принесут одинокие жертвы богу ухудшений.

Мы улыбнулись собственным отважным словам. Но было нам не до шуток. Мегентские воины надвигались медленно и неудержимо, шагая по заросшему зеленым и лиловым мхом лугу. Их *рафтии* — длинные кривые обоюдоострые ножи, наводившие ужас на самые отдаленные уголки обитаемой вселенной — были обнажены. Мы ждали.

Первый враг скрестил свой клинок с моим. Я парировал удар, пронзил великану глотку. Он рухнул, и я повернулся к следующему противнику.

Теперь на меня кинулось двое. Позади слышалось прерывистое дыхание Окпетиса, рубившего и резавшего своим мечом. Положение было совершенно безнадежным.

Я вспомнил невероятное стечение обстоятельств, приведшее меня сюда. Вспомнил города Землянской Множественности, чье существование зависело от уже предрешенного исхода этой схватки. Я вспомнил осень в Каркассоне, туманное утро в Саскатуне, стальной дождь, секущий Черные Холмы. Неужели все это сгинет? Нет, конечно. И все же — почему нет?

— Вот факторы, вот нынешнее наше положение, — сказали мы компьютеру. — Сделай одолжение — реши нашу проблему, спаси наши жизни и жизни всех землян.

Компьютер задумался.

— Проблема не поддается решению, — ответил он.

— Так как же нам спасти Землю от разрушения?

— А никак, — отрезал компьютер.

Мы мрачно вышли. Потом Дженкинс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одного компьютера.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

Цыганка вытащила карту. То был аркан «Страшный Суд».

Мы мрачно вышли. Потом Майерс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одной цыганки.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

«Ты сам сказал: “Яркий кровавый цветок расцвел у него на лбу”. Ты странно глядел на меня. Должна ли я тебя любить?»

Все началось так неожиданно. Усмирненные давным-давно орды мегентских ящеров начали внезапно плодиться благодаря сыворотке, подаренной им жаждущим власти телепатом Чарльзом Энгстремом. Джон Вестерли был срочно отозван из тайной миссии на Ангот-2. Но, к величайшему несчастью, Вестерли материализовался посреди кольца Черных Сил, и произошло это благодаря нечаянному предательству его верного друга,

мнерианина Окпетиса Марна, который был пойман в Зале Плывающих Зеркал, чтобы его рассудком смог завладеть отступник Сантис, главарь Энтропийной гильдии. То был конец Джона Вестерли и начало конца всех нас.

Старик находился в ступоре. Я отстегнул его от дымящегося кресла перед пультом. Ноздри мои уловили характерный соленокисловато-сладкий запах манжины — гнусного наркотика, что растет лишь в пещерах Ингидора и чье гнусное влияние подчинило себе стражу Пояса Стенных Звезд.

Я грубо встряхнул старика.

— Престон! — вскричал я. — Ради Земли, ради Магды, ради всего святого скажи мне, что случилось?!

Глаза его закатились, губы дрогнули.

— Зирн! — выдавил он невероятным усилием. — Зирн потерян, потерян!

Голова его запрокинулась. Черты лица исказила смерть.

Зирн потерян! Мысли мои бешено неслись. Это значит, что открыт Верхний Звездный перевал, отрицательные аккумуляторы бездействуют, робосолдаты повержены. Зирн был раной, сквозь которую вытекала кровь нашей жизни. Но должен же быть какой-то способ выбраться?

Президент Эдгарс поглядел на райский телефон. Его предупреждали никогда не использовать его, кроме как в случае страшной опасности, и даже тогда, наверное, не прикасаться к нему. Но неужели нынешнее положение не оправдает?.. Президент снял трубку.

— Райская приемная. Мисс Офелия слушает.

— Это президент Эдгарс, с Земли. Я должен немедленно поговорить с Господом Богом.

— На данный момент он покинул свой офис, и связаться с ним невозможно. Могу я вам чем-то помочь?

— Ну, видите ли, — сказал Эдгарс, — у меня на руках серьезная катастрофа. Я хочу сказать, что всему конец.

— Всему? — переспросила мисс Офелия.

— Ну, не в буквальном смысле. Но нам тут точно конец. И Земле, и всем вокруг. Если бы вы помогли мне обратиться на это внимание Господа...

— Поскольку Господь всезнающ, то, я уверена, он уже осведомлен об этом.

— Я тоже в этом уверен. Но я полагаю, что если я смогу побеседовать с ним лично, только один раз...

— Боюсь, что на данный момент это невозможно. Но вы можете оставить сообщение. Господь бесконечно милостив и честен, и я уверена, что он рассмотрит вашу проблему, как только у него выдастся время, и сделает то, что сочтет справедливым и благим. Знаете, он просто чудесен. Я люблю Господа.

— Как и мы все, — печально согласился Эдгарс.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Да! Вы не могли бы соединить меня с мистером Джозефом Дж. Эдгарсом?

— А кто это?

— Мой отец. Он умер около десяти лет назад.

— Извините, сэр, но это не разрешено.

— Не могли бы вы хотя бы сказать, с вами ли он или где-то еще?

— Прошу прощения, но подобной информации мы не разглашаем.

— Ну так скажите хотя бы, есть там у вас хоть *кто-нибудь*? Я хочу сказать, есть вообще эта самая загробная жизнь? Или кроме вас с Господом там наверху и нет никого? Или просто кроме вас?

— За информацией касательно загробной жизни, — ответила мисс Офелия, — будьте добры, обращайтесь к ближайшему священнику, пастору, раввину, мулле или любому другому аккредитованному представителю Господа. Спасибо, что обратились к нам.

Зазвенели колокольчики. Потом в трубке воцарилась мертвая тишина.

— Что сказал большой начальник? — осведомился генерал Мюллер.

— Ничего я не получил, кроме отговорок от секретарши.

— Лично я не склонен к суевериям вроде веры в Бога, — заметил генерал. — Даже если это и правда, не верить в него полезнее для здоровья. Ну что, продолжим?

Они продолжили.

Свидетельство робота, который мог быть доктором Заком:

«Истинная моя личность остается для меня тайной, и тайну эту при нынешних обстоятельствах вряд ли удастся раскрыть. Но я был во дворце Дженгик. Я видел, как мегентские воины лезут через алые балюстрады, переворачивают церемониальные бронзовые котлы, ломают, убивают, рушат. Губернатор погиб с мечом в руке. Терранская гвардия заняла последний

рубеж у Скорбной цитадели и сгинула до последнего человека в страшном бою. Придворные дамы защищались кинжалами столь ничтожными, что защита эта была лишь символической. Им была дарована легкая смерть. Я видел, как пламя пожирает серебряных земных орлов. Я наблюдал, как дворец Дженгик — этот шедевр архитектуры, символизирующий размах земного владычества, — беззвучно рушится в прах, из которого восстал. И понял я, что все потеряно и что Терре — планете, чьим верным сыном я себя считаю, несмотря на то что был я (скорее всего) создан, а не сотворен, произведен, а не рожден, — что божественной Терре судьба уготовала быть уничтоженной дотла, пока не сотрется даже память о ее памяти».

«Ты сам сказал: “В глазу его взорвалась звезда”. В эти последние часы я должна любить тебя. Слухи сегодня кишат, и алеет небо. Я люблю, когда ты поворачиваешь голову вот так. Может, и правда, что мы лишь мякина меж стальных жерновов жизни и смерти. Но я предпочитаю следить за временем по собственным часам. И я лечу в лицо очевидному, лечу с тобой.

Это конец, я люблю тебя, это конец».

КОНЕЧНАЯ

Это случается вот так: ты откидываешься на спинку кресла (первый класс, компания «Мажорские космические линии»), закуриваешь сигару и берешь бокал шампанского — начинается рейс из Развал-Сити, Земля, на Гнусвилльский Перекресток, Арктур-ХII. Сразу за таможенным барьером тебя ждет Магда, а в «Ультима Хилтоне» устроят шикарную вечеринку в твою честь. И ты понимаешь, что, прожив наполненную борьбой жизнь, ты наконец добился богатства, успеха, привлекательности и уважения. Жизнь похожа на кусок печеночного паштета — сочная, жирная, вкусная. Ты столько лет перекапывал дерьмо ради этой минуты, и вот она настала, и ты готов насладиться ею.

И тут загорается табло: «ПОСАДКА».

— Эй, красотка, — окликаешь ты стюардессу, — что творится?

— Мы высаживаемся на Конечной, — отвечает она.

— Но ее нет в расписании. Почему мы приземляемся?

— Сюда нас завел корабельный компьютер, — пожимает плечами стюардесса. — Придется вылезать.

— Послушайте, — холодно начинаешь ты, — мой добрый друг Дж. Уильямс Нэш, президент вашей линии, лично заверил меня, что остановок вне расписания не будет...

— На Конечной гарантии недействительны, — объясняют тебе. — Может, вы и не собирались сюда, но то, что сюда вы приехали, — это точно.

Ты застегиваешь ремни и думаешь: «Ну что за невезение! Всю жизнь вкалываешь как ишак, врешь, воруешь, жульничаешь, а только захочешь повеселиться — нате вам, Конечная».

На Конечную попасть легко. Всего и дел — появиться тут. Космолет припаркуйте на свалке. Никаких бумаг подписывать не надо. Ни о чем не волнуйтесь. Пройдитесь, познакомьтесь с ребятами.

В крутом оттяге подваливает Живчик с вопросом:

— Чуваки, а с чего вы тут кайф ловите?

End City

© 1973 by Robert Sheckley

— Да навроде как с «Надежды-98», — отвечает Нюхач Морт.

— А какие с той «Надежды» глюки?

— Начинаешь думать, что у тебя есть будущее.

— Эх, мне бы так поташиться, — грустно вздыхает Живчик.

Познакомьтесь с Люси-Лапочкой, девушкой с тысячью оживших тел.

— Каждый понедельник я захожу в «Небесную лавку тел» и хочу выбрать себе наконец симпатичное тело — вы понимаете, что я имею в виду, *симпатичное*. Но каждый раз на меня словно находит что-то, и я вновь оказываюсь в мешке с жиром. Если бы я только могла победить этот дикий невроз — о, какой бы красоткой я стала!

Комментарий доктора Бернштейна:

— Ее спасение в ее похмелье. Неудачники всегда принимают истинный облик. Будете уходить — пните ее. Она направляется.

Жирардо много путешествовал, но никогда не забирался далеко от дома.

— Точно говорят, что вся Галактика поместится у меня в голове. Чем дальше едешь, тем меньше видишь. Был я на Акмене-IV — вылитая Аризона. Сардис-VI — калька с Квебека, а Омеона-VI — двойник Земли Мэри Бэрд.

— А на что похожа Конечная?

— Если бы я не знал, где я, — отвечает Жирардо, — то подумал бы, что вернулся домой в Хобокен.

На Конечной приходится все импортировать. Ввозят кошек и тараканов, мусорники и мусор, полицейских и статистику преступности. Ввозят кислое молоко и гнилые овощи, ввозят голубую замшу и оранжевую тафту, ввозят апельсиновые шкурки, растворимый кофе, запчасти от «фольксвагена» и запальные свечи «Чемпион». Ввозят мечты и кошмары. Ввозят тебя и меня.

— Но зачем это все?

— Глупый вопрос. С таким же успехом можешь поинтересоваться, а для чего реальность?

— Мм... а для *чего* реальность?

— Заходите в любое время. Я живу в доме 000 по улице Зеро, на перекрестке с Минус-бульваром, близ Нулевого парка.

- У этого адреса есть некое символическое значение?
- Да нет, просто я там живу.

На Конечной никто не может позволить себе необходимого. Зато роскошь доступна всем. Каждую неделю бесплатно раздаются десять тысяч тонн первосортных устриц. Но майонеза вы не найдете ни по дружбе, ни за деньги.

РАЗГОВОР НА ЛИМБО-ЛЕЙН

- Доброе утро, молодой человек. Все еще занимаетесь этой глупостью о целях и средствах?
- Да наверное, профессор.
- Так я и думал. Ну, до свидания, молодой человек.
- Кто это был?
- Профессор. Он всегда спрашивает про глупости о целях и средствах.
- А что это значит?
- Не знаю.
- А почему не спросишь?
- Плевал я на него.

— Монизм постулирует, что существует нечто одно, — говорит доктор Бернштейн, — дуализм — что не одно, а два. И в том и в другом случае выбор у вас небогатый.

— А-а! — восклицает Джонни Каденца. — Может, поэтому все тут на вкус похоже или на острый перец, или на апельсиновый соус.

РЕПЛИКИ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЕЧНОЙ:

- Ад — это бесконечно откладываемая поездка.
- Ад — это твое настоящее лицо.
- Ад — это когда получаешь то, чего не хочешь.
- Ад — это когда получаешь то, чего хочешь.
- Ад — это повторение.

Гляди перед собой: там чернота Вселенной, провала, конца, прыжка в ничто. А за тобой — все места, где ты побывал: прошлогодние надежды, вчерашние прогулки, старые мечты. Все использовано и выброшено.

Ты дошел до финиша. Садись и думаешь, чем же заняться дальше.

Добро пожаловать на Конечную.

РАССКАЗ О СТРАННОМ ПРОИСШЕСТВИИ СО СРЕДНИМ АМЕРИКАНЦЕМ

Дорогой Джоуи!

В своем письме вы спрашиваете, что надо делать, если внезапно, из-за собственной дурацкой ошибки, человек оказывается в ситуации, когда над ним нависает опасность грозных неприятностей, избавиться от которых он не может.

Вы поступили совершенно правильно, обратившись ко мне, как к своему духовному пастырю и руководителю, чтобы я помог вам в этом деле.

Я полностью разделяю ваши чувства. Приобрести репутацию двуличного, лживого и вороватого мазила, которого вряд ли примут в свою компанию даже албанские кретины, это действительно тяжело, и я прекрасно понимаю, что подобная ситуация может сильно подорвать ваш бизнес и ваше самоуважение, больше того, она угрожает вам, как члену общества, полнейшим уничтожением. Но это не причина для того, чтобы, как вы пишете, стать камикадзе, врезавшись в крутой склон горы Шаста* на пикирующем планере.

Джоуи, безвыходных ситуаций не бывает. Другим людям приходилось вылезать и из куда более вонючих дел, нежели ваши, и, выйдя из них, благоухать подобно розам.

Чтобы просветить вас в этом отношении, я изложу вам недавнее происшествие с моим хорошим другом Джорджем Блакстером. Не думаю, чтоб вы встречались с Джорджем. Вы были в Гоа в тот год, когда он жил на Ибице, а потом вы с группой Субуда оказались на Бали, тогда как Джордж со своим гуру отправился в Исфахан. Важно то, что во время событий, которые я собираюсь живописать, Джордж проживал в Лондоне, пытаясь всучить тамошним издателям свой роман, который только что закончил. В те дни он сожительствовал с Большой Карен, каковая, как вы, может быть, помните, была

The Shaggy Average American Man Story
© 1979 by Robert Sheckley

* Шаста — гора на западном побережье США. (Примеч. пер.)

любовницей Ларри Шарка, когда Ларри играл на электрогитаре в ансамбле «Чокнутых» на фестивале в Сан-Ремо.

Так или иначе, но Джордж тихо-мирно поживал в своей мебелирашке в Фулхэме, пока в один распрекрасный день у него не появился неизвестный, представившийся ему в качестве репортера парижской «Геральд трибюн». Гость спросил Джорджа, как тот относится к последней сенсации.

Джордж ни о какой последней сенсации понятия не имел, разве что о проигрыше «Кельтов» «Никсам» на розыгрыше кубка НБМ, что он и высказал пришельцу.

— Но ведь кто-то должен был сообщить вам об этом! — воскликнул репортер. — В таком случае, я полагаю, вам неизвестно, что исследовательская группа Эмерсона в Аннаполисе, штат Мэриленд, только что завершила монументальный научный проект по приведению концепции усредненности в соответствие с современными и все еще меняющимися демографическими и этноморфическими аспектами нашей великой нации?

— Никто мне об этом не говорил, — промычал Джордж.

— Какая небрежность! — воскликнул репортер. — Что ж, так вот, в связи с этим исследованием, эмерсоновской группе был задан вопрос, не могут ли они назвать реально существующую личность, которая бы точно соответствовала и даже олицетворяла новые параметры современного среднего американца. Репортерам нужно было знать, кто именно заслуживает звания Мистера Среднего Американца. Вы ж знаете, что за публика эти журналисты!

— Но какое мне до этого дело?

— Да, тут действительно допущена грубейшая небрежность, что вы не поставлены в известность, — ответил репортер. — Так вот, этот вопрос был введен в компьютер, который принялся отыскивать возможные соответствия до тех пор, пока наконец не выдал на-гора ваше имя.

— Мое? — несколько удивился Джордж.

— Ага. Им следовало немедленно известить вас об этом.

— Меня считают средним американцем?

— Так, во всяком случае, утверждает компьютер.

— Но это же полный идиотизм, — возопил Джордж. — Как я могу быть средним американцем? Рост у меня всего 5 футов 8 дюймов, фамилия Блэкстер, пишется через «л», а произойдет без него, я смешанного армяно-латышского происхождения, а родился в каком-то Шип-Боттоме, что в Нью-Джерси. Что ж тут среднего, скажите, ради Бога? Им следовало бы проверить свои расчеты! Им нужен какой-нибудь фермер из Айовы, блондин, подписчик какого-нибудь местного «Меркурия» и с 2,4 ребенка.

— Это прежний и давно устаревший стереотип, — ответил репортер. — Сегодняшняя Америка состоит преимущественно из расовых и этнических меньшинств, чья повсеместная распространенность абсолютно исключает выбор англосаксонской модели. Средний мужчина сегодня должен быть уникален, чтоб стать средним, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Ну... и что же я должен делать в этом случае? — спросил Джордж.

Репортер пожал плечами:

— Предполагаю, вы должны производить те же усредненные действия, которые производили до того, как это с вами случилось.

В это время в Лондоне, как обычно, ощущалась нехватка сенсаций, а потому Би-Би-Си направила целую группу сотрудников брать интервью у Джорджа. Си-Би-Эй сделала его сюжетом для своего тридцатисекундного репортажа, и Джордж за одну ночь превратился в знаменитость.

Последствия были незамедлительны. Роман Джорджа был условно принят знаменитой издательской фирмой «Гратис и Спай». Его редактор Дерек Полсонби-Джиггер протащил Джорджа через уйму читок, переделок, сокращений и улучшений, повторяя: «Теперь все почти хорошо, но кое-какие мелочи меня беспокоят, и мы обязаны довести его до совершенства, не так ли?»

Через неделю после выхода в эфир программы Би-Би-Си Джордж получил свою рукопись обратно с вежливым отказом от публикации.

Он отправился на Сент-Мартин-лейн и повидался с Полсонби. Тот был вежлив, но тверд.

— Видите ли, у нас просто отсутствует рынок для книг, написанных средними американцами.

— Но вам же нравился мой роман! Вы собирались его опубликовать!

— Однако в нем всегда присутствовало нечто, беспокоившее меня, — ответил Полсонби. — И теперь я знаю, что это было.

— Ну и...

— Вашей книге не хватает уникальности. Это просто средний американский роман. А что же еще может написать средний американец? Вот что скажут критики. Я очень сожалею, Блакстер.

Придя домой, Блакстер увидел, что Большая Карен упаковывает свои чемоданы.

— Джордж, — сказала она ему, — боюсь, что между нами все кончено. Мои друзья надо мной смеются. Я потратила годы на то, чтоб доказать, что уникальна и неповторима, а теперь видишь, что из этого получилось — выходит, я путалась со средним американцем!

— Но это ж моя проблема, а не твоя!

— Слушай, Джордж, средний американец должен быть и женат на средней американке, иначе какой же он, к шуту, средний, верно?

— Я об этом не задумывался, — признался Джордж. — Черт возьми, не знаю, все может быть.

— В этом есть резон, малыш. Пока я буду с тобой, я всего лишь средняя женщина среднего мужчины. А этого творчески мыслящая женщина, уникальная и неповторимая женщина, в прошлом «старуха» Ларри Шарка в его бытность членом ансамбля «Чокнутые» в тот самый год, когда они получили «Золотой диск» за свой сногшибательный шлягер «Все эти носы», просто перенести не может. Но дело не только в этом. Я обязана сделать это ради детей.

— Карен, о чем ты? У нас нет никаких детей!

— Пока нет. Но когда будут, это будут средние американские дети. Не думаю, что я перенесу такое! Да и никакая мать не сможет. Я уйду, меняю фамилию и имя и начинаю с нуля. Прощай, Джордж.

После этого жизнь Джорджа начала рушиться с необычайной быстротой и фундаментальностью. Он слегка повредился в уме. Ему казалось, что люди, смеющиеся за его спиной, смеются именно над ним, а это, ясное дело, ничуть не содействовало излечению его психоза, даже если выяснялось, что они смеются по другому поводу. Он стал носить длинные черные пальто, черные очки, он оглядывался, входя и выходя из дверей, а в кафе сидел, закрывая газетой свое усредненное американское лицо.

Наконец Джордж бежал из Англии, оставив позади презрительные ухмылки былых друзей. Теперь он не мог найти убежища в тех местах, где бывал раньше — в Гоа, на Ибнице, в Пуне, Анапри, Иосе или в Марракеше. Во всех этих местах у него были друзья, которые обязательно станут хихикать за его спиной.

В отчаянии он отправился в изгнание в самое невероятное и невообразимое из всех мест, какое только мог придумать, — в Ниццу, Франция.

А теперь держитесь, Джоуи, мы сразу пропускаем несколько месяцев. Февраль в Ницце. Холодный ветер дует с Альп и

пальмы на Boulevard des Anglais* выглядят так, будто собираются сложить свою листву в чемоданы и вернуться в Африку.

Джордж лежит на давно не прибиравшейся кровати в своем отеле «Les Grandes Meules»**. Излюбленный приют самодур. Выглядит как склад в Монголии, только куда мрачнее.

Стук в дверь. Джордж открывает. Входит восхитительная женщина и спрашивает, не он ли знаменитый Джордж Блэкстер, Средний Американец. Джордж отвечает, что так оно и есть, готовя себя к тому новому оскорблению, которое этот жестокий и беззаботный мир собирается ему нанести.

— Я — Джекки, — говорит она ему. — Из Нью-Йорка, но сейчас отдыхаю в Париже.

— Хм-м, — отвечает Джордж.

— Решила потратить несколько дней, чтоб взглянуть на вас, — продолжает она. — Узнала, будто вы тут.

— Ну, и чем могу быть полезен? Еще одно интервью? Последние приключения Среднего Мужчины?

— Нет, нет, ничего подобного! Однако, боюсь, я немного нервничаю... Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

В эти дни Джордж погрузился в такие глубины самоедства и отвращения к себе, что перешел на абсент, хотя и ненавидел его всей душой. Он налил Джекки стаканчик.

— О'кей, — сказала она. — Пожалуй, лучше сразу перейти к делу.

— Что ж, послушаем, — мрачно отозвался Джордж.

— Джордж, — сказала она, — вам известно, что в Париже есть платиновый брус длиной точно в один метр?

Джордж в изумлении уставился на нее.

— Этот платиновый метр, — продолжала она, — является эталоном для всех остальных метров в мире. Если вы хотите узнать, правилен ли ваш метр, вы везете его в Париж и сравниваете с их метром. Я упрощаю, конечно, но вы понимаете, к чему я это говорю?

— Нет, — ответил Джордж.

— Этот платиновый метр в Париже был изготовлен по международному соглашению. Все страны сравнили свои метры и вывели среднюю величину. Эта средняя величина и стала стандартным метром. Понимаете теперь?

— Вы хотите нанять меня, чтоб я украд для вас этот метр?

Она нетерпеливо качнула головой:

— Послушайте, Джордж, мы с вами взрослые люди и можем говорить о сексе, не ощущая неловкости, правда?

* Английская набережная (фр.).

** «Большая мельница» (фр.).

Джордж выпрямился. В первый раз за все время в его глазах появилось осмысленное выражение.

— Дело в том, — говорила Джекки, — что за последние несколько лет я испытала уйму разочарований в моих отношениях с мужчинами. Мой психоаналитик — доктор Декатлон — говорит, что все это из-за моего врожденного мазохизма, который превращает все, что я делаю, в сплошное дерьмо. Таково его мнение. Лично же я полагаю, что мне просто не везет. Правда, я в этом не уверена, и для меня крайне важно узнать, так ли это на самом деле. Если у меня мозги набекрень, мне придется пройти курс лечения, чтоб потом получать полное удовольствие в постели. Если же врач ошибается, то я с ним даром теряю время и к тому же немалые деньги.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — протянул Джордж.

— Проблема в том, каким образом девушка может выяснить, являются ли ее неудачи следствием собственной неполноценности или мандража у парней, с которыми она имела дело? Стандарта для сравнения нет, нет специального сексоизмерителя, нет способов оценить истинно усредненное сексуальное поведение американца, нет платинового метра, с которым можно сравнить все прочие метры мира...

И тогда Джорджа как бы озарило сияние солнечных лучей, и все стало для него яснее ясного.

— Я, — возопил он, — я — средняя величина американской мужской сексуальности!

— Детка, ты — уникальный платиновый брус точно метр длиной, и в мире нет ничего равного тебе! Иди ко мне, мой дурашка, и покажи мне, что такое настоящий средний сексуальный опыт!

Ну, вот так и разнеслась слава Джорджа, ибо девушки вечно делятся своими секретами друг с другом. И множество женщин узнали об этом, а услышанное заставило их заинтересоваться возможностью сравнения, так что вскоре у Джорджа совсем не осталось свободного времени и его жизнь оказалась так плотно и божественно заполнена, что подобное ему не только не снилось, но даже в самых смелых мечтах не могло быть вообразено. Бесконечным потоком к нему сначала шли американки, а потом дамы всех национальностей, узнавшие о нем с помощью подпольной глобальной женской сексуальной информационной сети. К нему приходили неудовлетворенные испанки, сомневающиеся датчанки, беззащитные суданки, женщины отовсюду летели к нему, как мошки на свет лампы или как пылинки, увлекаемые в сточную трубу течением по

часовой стрелке (в Северном полушарии). В худшем случае все было хорошо, а в лучшем — неописуемо прекрасно.

Теперь Блэкстер независим и богат — благодаря дарам, подносимым ему благодарными дамами-обогательницами всех национальностей, типов, форм и цветов. Он живет в великолепной вилле, подаренной ему французским правительством в знак признания его исключительных талантов и огромных заслуг в деле развития туризма. Он живет в роскоши и совершенно независим; он категорически отказывается иметь дело с исследователями, желающими изучать его феномен, чтоб писать книги под названием «Концепция усредненности в современной американской сексуальности». Блэкстер в этом не нуждается. Чего доброго, они навредят его стилю.

Он живет своей собственной жизнью. Как-то он поведал мне, что по ночам, когда последняя дама, радостно улыбаясь, покидает его, он садится в огромное глубокое кресло, наливает стакан старого бургундского и обдумывает парадокс: его общеизвестная усредненность превратила его в чемпиона среди большинства, если не всех американских мужчин, сразу в нескольких жизненно важных и приятнейших областях. То, что он оказался средним, дало ему возможность обогатить свою жизнь бесчисленными преимуществами. Он — платиновый эталон, счастливо проживающий в хрустальном ящике, и он никогда не вернется к тому, чтобы быть просто уникальным, как все остальные экземпляры человеческой расы.

Быть средним — залог счастья. Проклятие, от которого он когда-то не мог избавиться, стало даром, который он никогда не потеряет.

Трогательно, не правда ли? Как видите, Джоуи, я постарался показать вам, что очевидные убытки могут быть превращены в солидные доходы. Как применить это правило к вашему случаю — тоже очевидно. Если же вы этого не понимаете, то напишите мне новое письмо с приложением обычного чека за эксплуатацию моих мозговых извилин, и я с удовольствием сообщу вам, каким способом можно, будучи известным как паршивый кусок мелкого ганифа* и еще к тому же как никудышный любовник, на случай, если вы еще этого не слышали, воспользоваться всем этим в ваших собственных интересах.

*Всегда ваш Энди —
человек, отвечающий на все
вопросы*

* Ганиф — прохвост, жулье (*идиш*).

ПРОЩАНИЕ С БОЛЬЮ

Воскресным утром в недалеком будущем Джозеф Элрой удобно устроился в кресле, пытаясь вспомнить название своей любимой футбольной команды (он же собирался вечером смотреть их матч), одновременно почитывая раздел объявлений о банкротствах в воскресной «Таймс» и размышляя о неприятностях.

День был обычный: небо в окне имело здоровый мерзко-бежевый оттенок, прекрасно гармонировавший с мерзко-бурой обстановкой, купленной миссис Элрой (скрипевшей в тот момент зубами в кухне) в одном из ее нередких всплесков бытового энтузиазма. Их дочка Эликсир применяла на практике последнее свое открытие в комнате наверху — ей исполнилось три года, и она только что обнаружила прелесть блевания.

А у Элроя в голове крутилась песенка. На данный момент — «Амапола», которая будет крутиться, пока ее не сменит другая мелодия, и так песня за песней, весь день, всю ночь, вечно. Музыка исходила из внутреннего Элроева проигрывателя, включавшегося, когда условием выживания становилось безразличие к окружающему.

В этом состоянии и находился Элрой. Может, и вы в нем бывали: когда ребенок вопит, жена зудит над ухом, а ты плывешь сквозь дни и ночи в полном отпаде и слушаешь мелодию, крутящуюся в мозгу. И ты знаешь, что щит из мутного оргстекла, отделивший тебя от мира, тебе не пробить никогда, и серая мгла депрессии и скуки опускается, чтобы уже не подняться. И единственное, что не дает тебе покончить с собой и этой тягомотиной, — это твоя Жизненная Сила, которая заявляет: «Проснись, придурок, это все творится с тобой — да-да, с тобой, утопающим в бассейне лимонного желе с идиотской ухмылкой на безрадостном лице, пока ты

закуриваешь очередную “Мальборо” и наблюдаешь за окружающим в замедленной съемке».

В таком положении волей-неволей ухватишься за любой шанс из него выбраться, не так ли? В тот самый день у Джозефа Элроя появился шанс.

Зазвонил телефон. Элрой поднял трубку.

— Будьте добры, представьтесь, — потребовал голос на другом конце провода.

— Джозеф Элрой слушает, — ответил Элрой.

— Мистер Элрой, а не напеваете ли вы про себя в данный момент песенку?

— Собственно говоря, да.

— А какую именно?

— Последние пару часов не могу отвязаться от «Амаполы».

— Как, вы сказали, она называется?

— «Амапола». А что...

— Да!! Да, конечно!!! Это она!!

— Э?

— Мистер Элрой, теперь я могу открыться. Я, Мерв Даффл, в прямом эфире телешоу «Встреча всей жизни», и вы только что назвали ту самую мелодию, что крутится в голове нашего замечательного гостя, мистера Фила Саггерса! А это значит, что вы, мистер Элрой, и ваша семья выиграли ежемесячный суперприз синхронности. Встреча всей жизни! Знаете ли вы, мистер Элрой, что это значит?

— Знаю! — радостно завопил Элрой. — Я смотрю ваше шоу, и я-то знаю! Эльва, кончай там придуриваться, мы выиграли суперприз, выиграли, выиграли, выиграли!!!

На практике это значило, что следующим же утром явилась группа техников в оранжевых комбинезонах и установила в гостиной Элроев штуковину, похожую на изуродованный компьютер. Мерв Даффл лично передал Элрою всемогущий Справочник и объяснил, как были собраны вместе и введены в этот компьютер все наилучшие пути развития личности, самообучения и самопознания. Многие из значившихся в справочнике услуг были доступны только богатым, удачливым и одаренным — тем, кому они вовсе не нужны. Но теперь всем этим богатством могли распоряжаться Элрой при помощи разработанной в Стенфорде и заложенной в аппаратуру техники сверхбыстрого высокоусвояемого обучения: коротко говоря, они могли делать со своими жизнями совершенно все, что вздумается, бесплатно и в уединении.

Элрой был человеком серьезным (как и все мы в глубине души); начал он с того, что рылся в Справочнике (содержавшем все известные компании по оказанию услуг), пока не наткнулся на «Дело вашей жизни» — знаменитую фирму по открытию новых талантов из Милл-Вэлли, Калифорния. Там смогли протестировать Элроя по телефону и выдать результаты в течение пятнадцати минут. Оказалось, что Элрой обладает тем сочетанием интеллекта, ловкости рук и склада характера, которое могло сделать его выдающимся микропалеонтологом. В соседнем Музее Естественной Истории как раз открылась эта вакансия, а всему, что требовалось знать о новой профессии, Элроя обучили в Школе Высокоскоростной Профессиональной Подготовки Блюхнера-Вагнера. Так что Элрой смог начать многообещающую карьеру через полмесяца после того, как услышал слово «микропалеонтология».

Эльва Элрой (или Эльф, как она называла себя в моменты задумчивости) пребывала в неуверенности относительно своих планов. Она шарила по Справочнику, пока не наткнулась на компанию «Мандрагора, Инкорпорейтед», производившую уличшатель настроения в капсулах продленного действия «Нормал-Хай». Капсулы были заказаны в Службе Срочной Доставки Наркоты Эймса — «Без кайфа нету лайфа». Чувствуя себя как никогда прекрасно, Эльва нашла в себе силы встретить проблему обеда лицом к лицу. Хорошо подумав, она остановилась на «Фрейдистской Формуле Формованного Питания» — «Мы накормим голодного ребенка вашего подсознания».

Для дочурки Эликсир вызвали «ДетКаприз», нянь, привычных успокаивать испорченных потомков нефтяных шейхов, обслуживавших теперь Элроев круглосточно и усмирявших капризы малышки. Эликсир была в восторге. Столько новых мягких игрушек, которые можно разбрасывать, — что может быть лучше?

Таким образом у Элроев появилось достаточно времени и сил, чтобы заняться друг другом. Для начала они отправились в семейную консультацию «Омнирадость», вдохнувшую в прошлом месяце новую жизнь в агонизирующий брак перед телекамерами в Хьюстоне. Одного сеанса хватило, чтобы принести Элроям глубокую и стойкую любовь друг к другу — чтобы ее вызвать, следовало только глянуть партнеру в глаза и сосредоточиться. Это придало им достаточно уверенности в себе, чтобы взяться за пятидневный курс в «Сексуальной реакции» (Лэнсинг, штат Мичиган) — также весьма успешный в смысле достижения новых высот и оргиастических плато. Однако Элрой ощутил некоторую неуверенность в своих силах, а с ней — и острую нужду воспользоваться услугами службы ро-

мантических свиданий Бродвейского Джо — «Тайные встречи с очаровательными, утонченными и сексуальными девушками. Мы даем гарантию, что вы не опозоритесь».

— Ах так?! — вспыхнула Эльва, узнав об этом, и немедленно исполнила свою давнюю мечту, позвонив в «Крутые секс-услуги». Ее привлекло их рекламное объявление в Справочнике: «Детка, ты хочешь, чтобы *это* было серьезно — грубо, жестоко, круто? Но ты не хочешь оказаться разочарованной? Так? Так. Позвони нам, детка, — у нас есть то, чего ты жаждешь».

Обоим потом было стыдно и противно. Остывали они в фирме «Причал мечты» на Файер-Айленд, под знаменитым девизом «Медикация — лучшая медитация».

Теперь перед Элроями открывался прямой путь наверх. Но неприятности накапливались. Эликсир окончательно отбилась от рук — в самое неудачное время, ведь Элрой вот-вот должен был давать интервью для «Нью-Йорк мэгэзин», а Эльва начала двухнедельные курсы прима-балерин с гарантированным контрактом в русской балетной труппе Монте-Карло. Они собрали семейный совет и, перелистывая Справочник, наткнулись на объявление фирмы «Детоправы».

— И что это такое? — спросила Эльва.

Элрой начал читать:

— Может быть, ваш ребенок своим неумемным характером портит вашу жизнь? Или вас мучает проблема — как любить его/ее и не испортить себе жизнь этой любовью? Не слишком ли много времени занимает ваше дитя? Так воспользуйтесь услугами «Детоправов»! Мы увезем вашего ребенка и вернем его/ее любящим/ей, покорным/ой, смиренным/ой и нетребовательным/ой — и все это без ущерба для его/ее личности, инициативы и агрессивности, помоги нам Бог.

— Звучит чертовски серьезно, — заметила Эльва.

— Забавно, что ты это заметила, — пробормотал Элрой. — Тут внизу так и сказано: «Поверьте — мы чертовски серьезны».

— Это решает дело, — заявила Эльва. — Звони!

Эликсир увезли, и Элрой отпраздновали обретение свободы, позвонив в фирму «Настоящие Друзья на Пороге» и закатив пирушку с Виктором и Викки, Вечериночниками.

Все дальше Элрой шли по суровой тропе самосовершенствования. К сожалению, это вызвало конфликт интересов. Мистер Элрой стремился к Высоким Материям при помощи

Силы Разума. Эльва все еще искала совершенства в брэнной плоти. Начался спор о том, по какому из номеров Справочника звонить. Поскольку оба супруга прошли ускоренные курсы в Фонде совершенного общения, спорщиками оба были искусными. А так как слушать друг друга они еще не научились, то очень действовали друг другу на нервы.

Отношения их разваливались, но в «Починку браков» супруги не звонили из упрямства. Эльва из принципа подверглась негатерапии под интригующим лозунгом «Ненавистью проложим дорогу к счастью». Элрой собрался с мыслями, исследовал свой внутренний мир при помощи революционной техники Клеточного Самоанализа и понял наконец в чем загвоздка: жену свою он презирает и хочет ее смерти. Очень просто!

Элрой приступил к действию. Он пролистал Справочник и нашел службу Супружеских Изменений (Саугерти, штат Нью-Йорк). Оттуда приехали и забрали Эльву, и Элрой смог наконец заняться собой вплотную.

Для начала он выяснил, как достигать мгновенного экстаза. Способность эта была до недавнего времени исключительной прерогативой некоторых восточных культов, потому что никто другой не знал нужного телефона. Блаженство — это замечательно, но Элрою пришлось выйти из этого состояния, потому что позвонили «Детоправы» и заявили, что ребенок ремонту не поддается. Что теперь с ним делать? Элрой приказал собрать, что можно, и отправить на склад до особого уведомления.

За это время он смог повысить свой интеллект на два уровня выше гения при помощи «Психокачки Инкорпорейтед», как отмечено в исправленной версии его биографии, опубликованной в «Нью-Йорк таймс» с продолжениями.

Позвонили из службы Супружеских Изменений и сказали, что Эльва была старой модели, таких больше не чинят, и построить ее без серьезной угрозы для механизма невозможно. Элрой отправил ее на хранение вместе со сломанным ребенком.

И, наконец, в триумфальном одиночестве, Элрой вернулся к радостным трудам по изгнанию боли из своей жизни. Теперь он достиг немалых успехов и испытывал религиозные видения огромной силы и мощи. Но оставалось нечто неудовлетворительное, хотя что — Элрой не мог понять.

Он просмотрел весь Справочник и не нашел ответа. Похоже было, что этот вопрос ему придется решать самому. Но тут, как по волшебству, отворилась парадная дверь и вошел смуглый улыбчивый человек в тюрбане, с мудрыми глазами и аурой

невообразимой силы. То был Таинственный Гуру, который находит тебя, когда пришло время, и говорит то, что ты должен узнать — если ты подписан на Справочник.

— Это твоё эго, — сказал Таинственный Гуру и вышел.

Элроя захлестнуло понимание. Эго! Конечно же! Почему же он об этом сразу не догадался? Очевидно, что его эго было последним якорем, привязывающим его к тусклой и прилипчивой реальности. Его собственное «я»! Эго удерживало его, постоянно засыпая его своими эгоистичными требованиями и полностью игнорируя высшее благо Элроя!

Элрой открыл Справочник И там, на последней пустой странице он обнаружил «Эго-удалителей Лефковица», Нью-Йорк.

Под объявлением имелась приписка: «Главный врач США предупреждает: удаление эго может быть опасно для вашего здоровья».

Джозеф Элрой заколебался, подумал, взвесил все факторы. На мгновение он едва не потерял решимость. Но тут в комнату заглянул Таинственный Гуру и бросил: «Духовность сейчас идет семь к пяти, и кроме того — тебе-то что терять?» А потом вышел снова.

Элрой набрал на панели нужный номер.

Вскоре в дверь постучали. Элрой отворил, и вошли эго-удалители Лефковица.

А потом вышли. Осталась только консоль, подмигивала, и ухмылялась, и светила сама себе. А потом исчезла и она, и в комнате остался только бесплотный голос, напевающий «Ама-полу».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ (ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ?) ЗЕМЛИ

Когда объявили о конце света, мы с Рэйчел решили все-таки не разводиться. «Какой в этом смысл? — спросила она. — Никаких новых связей мы все равно завести не успеем». Я кивнул, хотя она меня не убедила. Я забеспокоился: а что будет, если мир не придет к концу, если великое событие отменяется, откладывается, задерживается на неопределенный срок? Быть может, в расчеты влияний Z-поля вкралась ошибка или ученые ошиблись, оценивая влияние схождения Саперштейна, и мы с Рэйчел с нашими вечными жалобами, и дети наши с их вечными жалобами останемся привязаны друг к другу грядущим апокалипсисом крепче, чем брачной клятвой, пока смерть не разлучит нас или пока не грянет Армагеддон — уж что случится раньше. Я постарался помягче высказать все это Рэйчел, но она ответила: «Не беспокойся, если мир не придет к концу по расписанию, составленному ведущими учеными, ты вернешься в свою унылую меблированную комнату, а я останусь здесь с детьми и любовником».

Это обнадеживало; кроме того, мне вовсе не хотелось дожидаться конца света в унылой меблированной комнате, которую я снимал на паях вместе с девицей-японкой и ее дружкой-американцем и где не было даже телевизора. Делать там было совершенно нечего, разве что слушать, как японка болтает по телефону с подругами, и жрать в китайском ресторанчике, где обещали обслуживать посетителей до самого конца света, или до тех пор, пока это будет возможно — владелец не верил во внезапные перемены.

«Такие вещи с ясной головой встречать нельзя», — заявила Рэйчел и вытащила на свет Божий все свои запасы — тайский опиум, пестро-бурый кокаин, «кислотка» в форме красных звездочек, сушеные грибы Бог знает откуда, и еще красные ливанские и зеленые марокканские, и последние, бережно

хранимые «куаалуды»*, и еще пара таблеток могодона на всякий случай. «Объединим наши мозгокрутные ресурсы, — заявила она, — и устроим себе кайф до гроба».

Конечно, каждый готовился к концу света, как мог. Воздушные линии организовывали апокалиптические спецрейсы в Ультима Туле, в Вальпараисо, в Куала-Лумпур — для пресыщенных извращенцев. Телевидение, само собой, стояло на ушах. Сняли некоторые из наших любимых программ ради шоу «Конец Света». Мы переключились на Си-Би-Эс, где шло «Последнее ток-шоу»: «Ну что ж, кажется, скоро нам и вправду задуют свечку. Наш нынешний гость, профессор Мандрак из Лос-Анджелесского университета, сейчас объяснит нам, какого размера “бумс” нам стоит ожидать».

На какой канал ни настроишься — физики, математики, биологи, химики, лингвисты, философы и телеведущие пытаются объяснить, что же они, собственно, объясняют.

— Ну конечно, — сказал известный космолог профессор Джонсон, — это событие нельзя назвать в полной мере космологическим иначе как метафорически, имея в виду его влияние на нас. Мы, люди, привыкли считать важным то, что происходит на нашей территории. Но я заверяю вас, что в том масштабе, в котором работаю я, это событие незначительно, я даже сказал бы, банально: наша карликовая звезда нулевого класса входит в Z-поле как раз в момент сочетания Саперштейна с последующим нарушением местных условий. Я намеренно изъясняюсь туманно, поскольку принцип неопределенности делает точность пережитком девятнадцатого века. Но, возможно, профессор Уивер с философского факультета может разъяснить это подробнее.

— Ну, в общем-то, — сказал профессор Уивер, — выражение «конец света» несколько расплывчато. Мы сталкиваемся с проблемой точки зрения. Можно сказать, что для постороннего наблюдателя, если таковой существует, ничто на самом деле не кончается. Мгновенье боли, дорогая, затем — жизнь вечная, как сказал поэт...

Переключив канал, мы узнали, что расквартированным в Германии войскам' раздают праздничные ужины с индейкой. Поговаривали о том, чтобы всех солдат отправить домой, но решили все же оставить их на месте на случай, если это все же не конец света, а подлый коммунистический заговор — мы-то знаем, на что способны эти русские с их извращенным чувством юмора и неутолимым желанием устроить всем побольше

* «Кислотка» — ЛСД, популярный галлюциногенный наркотик. «Куалуд» — торговая марка сильного транквилизатора. (Примеч. пер.)

неприятностей. Говорилось также, что китайцы вовсе не стали объявлять указанный факт населению — только косвенно, в форме плакатов не больше почтовой марки, подписанных «Обеспokoенный сосед из блока Ц».

А Рэйчел никак не могла понять, почему ее любовник Эдвард упорно сидит в своей комнате и заканчивает роман. «Это уже неактуально, — говорила она. — Все равно никто твой роман не напечатает и не прочтет».

— А мне какое дело? — отвечал Эдвард и подмигивал мне.

Я прекрасно понимал его — я сам работал как берсерк, чтобы закончить собственный рассказ об этом последнем дне, да-да, я работал с наслаждением, потому что конец света дарит писателю лучший из финалов, последний финал: наступила полночь, и это последняя строка, все, ребята! Какой это вызов! Я знал, что по всему миру художники откликаются на него, пытаюсь создать шедевр, достойный привлечь внимание историков из параллельного мира, в котором катастрофы не будет.

— Ну, в общем-то, — сказал профессор Карпентер, — концепция параллельных миров представляется возможной, но недоказуемой, по крайней мере теми средствами, которые мы успели создать. Лично я склонен считать ее успокоительной сказкой, хотя в этом вопросе более компетентен мой добрый друг и известный психолог профессор Мун.

В тот вечер Рэйчел приготовила свою знаменитую фаршированную индейку с клюквенным соусом, и пирог из сладкого картофеля с меренгами, и даже ребрышки по-китайски на закуску, хотя китайцы и не верили в конец света, несмотря на плакаты-почтовые марки с предупреждениями. Весь мир опять начал курить, кроме нескольких упрямцев, отказывавшихся поверить в конец света и потому боявшихся рака легких. Те, кто лежал на смертном ложе, пытались протянуть еще немного, «чтобы, когда уйду я, весь мир отправился за мной». Некоторые врачи оставались на своем посту, называя это своим нелепым долгом, прочие же безостановочно играли в гольф и теннис, даже не пытаюсь попадать по мячам.

У индюшки оказалось четыре ноги и восемь крыльев. По телевизору идут похабные шоу: раз всему конец, то все позволено. На деловые письма отвечают, что в голову придет: «Дорогой Джо, возьми-ка свой контракт и засунь себе в жопу шоу закончено и я могу тебе наконец сказать какая ты сволочь но на случай если Конца не будет имей в виду что это письмо шутка и ты такой замечательный человек что наверняка ее оценишь».

Все мы оказались зажаты между непримиримыми требованиями осторожности и наплевательства. А если мы не умрем? Чтобы поверить даже в конец света, нужна вера — это относится и к профессорам, и к посудомойкам.

В последнюю ночь мира я бросил курить. Нелепость. Какое это имеет значение? Я сделал это, потому что Рэйчел всегда утверждала, что значение имеют нелепости, и я всегда верил в это, так что я вышвырнул пачку «Мальборо» в окно и слушал, как профессор Мун говорит: «Исполнение желаний, или его составная часть, исполнение мортидо, не могут быть, пользуясь терминологией Элиота, на законных основаниях обобщены в объективный коррелят. Однако если принять во внимание Юнга и рассматривать конец света как архетип, не говоря уже о Weltanschauung, то наше понимание растет по мере того, как наше тьетро *raga gastario* исчезает в черной дыре прошлого, содержащей все наши надежды и чаяния».

Пришел последний час. Я глодал индейку, Эдвард вышел из своей комнаты, чтобы набрать себе тарелку грудинки и спросить, что я думаю об окончательной версии его последней главы, и я ответил: «Стоило бы еще поработать», и Рэйчел заметила: «Это жестоко», а Эдвард возразил: «Да, я тоже так подумал» — и ушел к себе. Улицы за окнами были пусты, только несколько несчастных бродили в поисках свободного телевизора, и мы с Рэйчел употребили большую часть наркоты и напропалую переключали каналы. Я вынес пишущую машинку в кухню и принялся все записывать, а Рэйчел говорила об отпусках, которые нам следовало взять, и я думал о женщинах, которых стоило любить, и без пяти двенадцать из комнаты снова вышел Эдвард и показал мне переписанную последнюю главу, а я заявил: «Вот теперь сделано как надо», и он ответил: «Я так и думал, а кокаина больше не осталось?» И мы разделились с остатком наркотиков, и Рэйчел закричала: «Бога ради, прекрати наконец стучать по клавишам!» И я заявил: «Я должен это все записать», и она обняла меня, и Эдвард обнял меня, и мы трое обняли ребятешек, которым позволили не идти в постель, потому что наступал конец света, и я пробормотал: «Рэйчел, прости меня за все», и она ответила: «И ты меня прости», а Эдвард добавил: «Я вроде ничего дурного не сделал, но простите вы и меня». «За что простить?» — хором спросили малыши, но, прежде чем мы смогли сказать им, за что, прежде чем поняли это сами...

РУКА ПОМОЩИ

В то утро Трэвиса уволили с работы. Да, она была скучной и низкооплачиваемой, но все же служила хоть какой-то зацепкой в жизни. Теперь у него не осталось ничего, и он держал в руке средство, с помощью которого намеревался прервать свое полное отчаяния и унижительное существование. В бутылочке находился быстрый, надежный и не причиняющий боли яд, украденный на предыдущей работе в химической компании, где это вещество использовали как катализатор.

Из-за прежних попыток самоубийства немногие еще оставшиеся приятели считали Трэвиса невротиком, желающим привлечь к себе внимание. Что ж, на этот раз он им покажет, и они пожалеют о своих словах. Может, даже жена выдавит слезинку-другую.

Мысль о жене укрепила решимость Трэвиса. Любовь Леоты со временем превратилась в безразличную терпимость, а потом и в ненависть — острую, всепоглощающую и едкую, против которой он оказался бессилен. Ужас заключался в том, что сам он любил ее до сих пор.

«Давай, чего тянуть?» — подумал он и, закрыв глаза, поднял бутылочку.

Но не успел он поднести ее ко рту, как она вылетела из его руки.

— Что ты надумал? — услышал он резкий голос Леоты.

— По-моему, это очевидно.

Она с интересом вглядывалась в его лицо. У Леоты, крупной женщины с грубоватым лицом, был дар непрерывно делать кому-либо гадости. Но сейчас ее лицо смягчилось.

— Ты всерьез собирался это сделать, верно?

— И сейчас собираюсь, — ответил Трэвис. — Не сегодня, так завтра или на следующей неделе.

— Никогда не верила, что ты на это решишься. Кое-кто из твоих приятелей полагал, что у тебя хватит смелости, но только не я. Что ж, пожалуй, я и в самом деле превратила несколько лет твоей жизни в ад. Но надо же кому-то принимать решения.

— Мои проблемы уже давным-давно перестали тебя волновать, — заметил Трэвис. — Почему же ты меня остановила?

Леота ответила не сразу. Неужели ее сердце дрогнуло? Трэвис никогда еще не видел жену такой.

— Я неверно тебя оценила, — сказала она наконец. — Всегда считала, что ты блефуешь, лишь бы вывести меня из себя. Помнишь, как ты грозился броситься из окна? Высунулся из него... вот так.

Леота высунулась из окна двадцатого этажа.

— Не делай этого! — крикнул Трэвис.

Улыбнувшись, она скользнула обратно в комнату.

— Как странно слышать такое от тебя. Только не говори, что я все еще тебе небезразлична.

— Могу и сказать, — произнес Трэвис. — Могу, если ты и я...

— Возможно, — отозвалась Леота.

В душе Трэвиса вспыхнул огонек надежды, хотя он едва осмеливался его замечать. Женщины всегда такие странные! Вот и сейчас она почему-то улыбается. Крепко взяв мужа за плечи, Леота сказала:

— Я не могу тебе позволить убить себя. Ты даже не представляешь, какие сильные чувства я к тебе испытываю.

Ответить он уже не смог. Он был тронут. Сильные заботливые руки жены тронули его необыкновенно — прямо к распахнутому окну.

Когда его пальцы соскользнули с подоконника и он почувствовал, что падает, Трэвис услышал, как жена кричит ему вслед:

— Достаточно сильные, дорогой, чтобы ты сделал это *моему!*

ПАЛЬБА В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Встреча произошла в баре клуба «Beaux Arts»* в Кемдене, что в Нью-Джерси. Это было как раз одно из тех чопорных заведений, которых Бакстер, как правило, старательно избегал — абажуры из тиффани**, стойка темного полированного дерева, приглушенное освещение. Возможный клиент Бакстера — мистер Арнольд Конаби — уже дожидался его, сидя за столиком в отдельной кабинке. Выглядел Конаби хлипким, лицо имел добродушное, и Бакстер приложил усилия, чтоб его рукопожатие не отличалось особой крепостью. С трудом втиснув свое мощное тело в обитую красной кожей кабинку, Бакстер заказал мартини с водкой, самое сухое, ибо, по его мнению, именно такая выпивка должна была соответствовать подобным заведениям. Однако Конаби тут же обошел его на голову, заказав себе чистую «жемчужинку».

Эта работенка была у Бакстера чуть ли не первой за весь месяц, и он настроился на то, чтобы ни в коем случае не проворонить ее. Его дыхание благоухало, а тяжелые челюсти были щедро припудрены тальком. Костюм из пестрого твида был только что отутюжен и отлично скрывал толстое брюхо своего владельца, а черные полицейские ботинки прямо-таки сверкали. Отлично смотришься, детка. Однако он забыл почистить ногти, и теперь, увидев под ними черноту, Бакстер очень хотел бы спрятать руки под стол, что, правда, помешало бы ему курить. К счастью, Конаби ногти Бакстера мало интересовали. У Конаби была проблема, из-за которой он и устроил эту встречу с частным детективом, который в справочнике имел себя сыскным агентством «Акме».

Shootout in the Toy Shop
© 1981 by Robert Sheckley

* «Изящные искусства» (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

** Тиффани — материя, шелковый газ.

— Кто-то меня обкрадывает, — говорил между тем Конаби. — Но я не знаю, кто именно.

— Ознакомьте меня с деталями, пожалуйста, — отозвался Бакстер. Голос был его лучшим достоинством — глубокий мужественный тягучий голос, как раз такой, какой должен быть у частного сыщика.

— Мой магазин находится в торговой зоне Южного Кемдена, — сказал Конаби. — «Игрушки Конаби для детей любых возрастов». Мы даже начали приобретать международную известность.

— Точно, — ответил Бакстер, до сих пор и слыхом не слыхавший о заведении Конаби.

— Все неприятности начались недели две назад, — продолжал Конаби. — Я тогда только что закончил экспериментальный экземпляр куклы — самой лучшей куклы такого сорта в мире. В этом экземпляре используются новая система световолоконных цепей и синтетическая белковая память, в тысячу раз превышающая по объему память прежних моделей. В первую же ночь после того, как ее выставили в витрине, куклу украли. Одновременно исчезли и кое-какие инструменты, а также некоторое количество драгоценных металлов. И с тех пор что-нибудь крадут почти каждую ночь.

— Следов взлома нет?

— С замками никто не баловался. И вор, по-видимому, отлично знает, где лежат вещи, которые стоит украсть.

Бакстер pokrхтел, а Конаби сказал:

— Похоже, что ворует кто-то из своих. Но я в это не могу поверить. У меня всего четверо служащих, и только один из них работает у меня шесть лет. Остальные — больше. Я привык верить им безоговорочно.

— Тогда, похоже, вы сами сперли барахлишко, — отозвался Бакстер, подмигнув. — Ведь кто-то должен был его увести, верно?

Конаби оскорбленно выпрямился, поглядел на Бакстера с удивлением, а затем рассмеялся:

— Очень хотел бы, чтоб так оно и было, — сказал он. — Мои служащие — мои друзья.

— Черта с два, — буркнул Бакстер. — Любой из нас с радостью урвет кусок у своего босса, особенно ежели безнаказанно.

Конаби опять бросил на него удивленный взгляд, и Бакстер понял, что сказал нечто столь неджентльменское, что его семьдесят пять баксов могут за здорово живешь улетучиться.

Он заставил себя поостыть и произнести глубоким компетентным, не терпящим шуток голосом:

— Я мог бы сегодня провести ночь в вашем магазине, мистер Конаби. Вам следует избавиться от этих неприятностей раз и навсегда.

— Да, — ответил Конаби. — Это действительно неприятности. И дело тут вовсе не в денежных потерях, а... — Он оставил фразу неоконченной. — Как раз сегодня мы получили из Германии партию золотой филигранный на сумму 800 долларов. Запасной ключ я захватил с собой.

Бакстер сел в автобус в центре и доехал до площади Суда. У него еще оставалось около трех часов до того, как он сядет в засаду в магазине Конаби. Его так и подмывало потребовать задаток, но, подумав, он решил с этим не связываться. Жадность никогда не окупается, а эта работа могла стать началом нового этапа в его карьере. На улице он увидел Долговязого Джонса, подпирающего фонарь напротив фонтана и «Клинтонна». Долговязый был высокий тощий негр, носивший белый полотняный костюм в обтяжку, белые мокасины, а на голове рыжеватого-коричневый стетсон.

— Привет, детка.

— И тебе того же, — кисло отозвался Бакстер.

— Хлебушка моему боссу притаранил?

— Я ж сказал Динни, что в понедельник.

— А он велел напомнить тебе — уж очень ему неохота, чтоб ты запамятовал.

— Сказано, в понедельник, — буркнул Бакстер и пошел своей дорогой.

Речь шла о жалкой сотне баксов, которую он задолжал Динни Уэллсу — боссу Долговязого. Бакстеру претило то, что об этом ему нахально напоминают, да еще с помощью этого наглого подонка в костюме цвета сливочного мороженого. Впрочем, изменить ситуацию он сейчас все равно не мог.

В винном магазине Клинтонна, где цены были снижены, Бакстер спросил бутылку хэйговского Забористого, чтоб отметить новую работу, но у приказчика Терри Тернера хватило нахальства заявить:

— Хм... Чарли, боюсь, я себе такого больше не могу позволить.

— Какого черта ты тут болтаешь? — грозно спросил Бакстер.

— Дело не во мне, — сказал Терри. — Ты же знаешь, я тут только работаю. Это все мадам Чедник. Она не велела отпустить тебе в кредит.

— Ладно, возьми из этого, — сказал Бакстер, протягивая последнюю двадцатку.

Тернер пробил чек, а потом проямлил:

— Но твой счет...

— А это я уж улажу с самой мадам Чедник, ты только не забудь передать ей об этом.

— Что ж, ладно, Чарли, — Тернер отдал ему сдачу, — но у тебя будут большие неприятности.

Они поглядели друг на друга. Бакстер знал, что Тернер — совладелец «Клинтона» и что он и мадам Чедник вместе решили отказать ему в кредите. И Тернер прекрасно знал, что Бакстеру это известно. Подонок!

Следующей остановкой были мебелишки на Ривер-роуд Экстеншн, которые он называл своим домом. Бакстер поднялся по лестнице и оказался в сумрачной тоске своей гостиной. Маленький черно-белый телевизор слабо светился в углу. Бетси была в спальне, где упаковывала чемодан. Глаз у нее здорово заплыл.

— Разрешите узнать, куда это вы намылились? — мрачно спросил Бакстер.

— Буду жить у своего брата.

— Забудь, — распорядился Бакстер. — У нас с тобой просто вышел спор.

Она продолжала укладываться.

— Останешься тут! — приказал Бакстер. Он отпихнул Бетси и тщательно обыскал чемодан. Там он обнаружил свои ониковые запонки, заколку для галстука с золотым самородком, несколько облигаций серии Е, и будь он проклят, если она не сперла его «Смит и Вессон» 38-го калибра.

— А вот сейчас ты получишь то, что тебе причитается, — сказал он Бетси.

Она бесстрашно встретила его взгляд.

— Чарли, я тебя предупреждаю, чтоб ты ко мне и пальцем притронуться не смел, если не хочешь больших неприятностей.

Бакстер шагнул к ней — огромный и внушительный в своем отглаженном костюме. И вдруг неожиданно вспомнил, что ее братец Эймос работает в офисе окружного прокурора. А что, если Бетси накапает на него братцу? Рисковать, выясняя, что

тогда произойдет, Бакстер не мог, хотя она и опостылела ему до чертиков.

И как раз в эту минуту звонок прозвонил три раза — так звонил Мак-Горти, а он и Бакстер поставили по десять баксов на сегодняшний номер. Бакстер открыл дверь, но там оказался вовсе не Мак-Горти, а крошечная китаянка, раздававшая какие-то религиозные буклеты. Она не пожелала заткнуться и убраться подальше, даже когда Бакстер вежливо попросил ее это сделать. Просто вцепилась в него, и Бакстера вдруг охватило страстное желание спустить ее с лестницы вместе с сумкой этих дурацких трактатов.

В это-то мгновение Бетси и просочилась мимо него. За эти считанные секунды она умудрилась уложить чемодан и проскочить мимо Бакстера с такой быстротой, что Бакстер просто не успел опомниться. Наконец он с трудом разделался с китайской леди и налил себе стакан виски. Затем вспомнил про облигации, огляделся, но эта чертовка Бетси вымела все подчистую, включая заклепку для галстука с самородком. «Смит и Вессон» валялся на кровати, прикрытый складкой одеяла; Бакстер сунул его в карман и налил себе еще виски.

У Шемрока Бакстер поел «особых колбасок», а в «Белой розе» выпил пива, добавив к нему стопку виски, после чего направился в торговую зону Южного Кемдена, попав туда почти к самому закрытию.

Сидя в закусочной, где он заказал чашку кофе, Бакстер наблюдал, как ровно в 7.30 Конаби и его служащие покинули магазин. Спустя полчаса он тихонько открыл магазинную дверь и вошел внутрь.

Внутри было темно, и Бакстеру пришлось постоять некоторое время, привыкая к помещению. Он слышал, как вокруг на разные голоса тикает множество часовых механизмов; как раздался высокий звук, напомнивший ему стрекотание сверчка, а потом еще какие-то шумы, определить которые Бакстер не смог. Он долго прислушивался, затем вынул фонарик и стал осматриваться. Фонарик высветил удивительные вещи: модель биплана «Спад» с десятифутовым размахом крыльев, свисавшую с потолка с таким наклоном, будто она пикирует; огромного пластмассового жука — прямо под ногами; модель танка «Центурион» длиной футов в пять. Бакстер стоял во тьме среди неподвижных игрушек, за которыми виднелись контуры больших кукол, мишек и собачек, а в сторонке — молчаливые джунгли, сделанные из какого-то тонкого блестящего металла.

Странное было местечко, но Бакстера так легко не запугаешь. Он неплохо подготовился к долгой ночной засаде. Нашел грудку подушек, разложил их на полу, отыскал пепельницу, снял пальто и улегся. Затем сел, достал из одного кармана изрядно помятый бутерброд в целлофане, а из другого — банку пива. Закурил сигарету, лег на спину и продолжал жевать, пить и курить на фоне звуков, слишком тихих, чтоб их можно было определить. Какие-то часы пробили время, к ним присоединились другие, и так продолжалось довольно долго.

Внезапно Бакстер сел. Он понял, что задремал. Впрочем, казалось, что ничто не изменилось. Дверь никто не открывал, мимо него никто не проходил, а вот света явно прибавилось.

Где-то неярко вспыхнул прожектор, и тихо-тихо, будто из непомерной дали, донеслись призрачные звуки органной музыки. Бакстер помассировал нос и встал. За левым плечом что-то шевельнулось, он направил туда луч своего фонарика. Там стояла кукла в человеческий рост, изображающая Длинного Джона Силвера. Бакстер нервно хихикнул.

Загорелись новые лампы, а прожектор осветил группу из трех больших кукол, сидевших за столом в углу комнаты. Кукла-папа курил трубку, выпуская клубы настоящего дыма, кукла-мама вязала шаль, а кукла-дитя ползало по полу и гукало.

Затем перед Бакстером появилась компания танцующих кукол. Там были пляшущие башмачники, крошечные балерины и миниатюрный лев, который ревел и встряхивал гривой. Ожили металлические джунгли, большие механические орхидеи раскрывали и сжимали свои лепестки. Была там и белка, мигающая золотистыми глазами; она грызла серебряные орехи и глотала их. Органная музыка становилась все громче и прекрасней. Белые пушистые голуби сели на плечи Бакстера, а ясноглазый олененок лизнул ему руку. Кругом танцевали игрушки, и внезапно Бакстер на мгновение почувствовал себя в своем дивном, давно потерянном детстве.

И тут послышался женский смех.

— Кто здесь? — крикнул он.

Освещенная прожекторами, она выступила вперед. Это была Дороти из страны Оз, это была Белоснежка, это была Гретель, это была Елена Прекрасная, это была Рапунцель*. Изящнейшая фигурка, рост почти пять футов, личико эльфа

* Дороти из страны Оз, Белоснежка, Гретель, Рапунцель — персонажи сказок Ф. Баума, Шарля Перро и братьев Гримм.

обрамляют шелковистые светлые волосы. Легкость и изящество фигуры нисколько не портил красивый белый переключатель, укрепленный на талии с помощью алой ленты.

— Ты — пропавшая кукла! — вскрикнул Бакстер.

— Значит, вы слышали обо мне? — ответила она. — Мне хотелось бы иметь чуточку больше времени, чтобы включить и другие игрушки. Впрочем, это не так уж и важно.

Бакстер не мог отвечать — так и застыл с открытым ртом. А она между тем продолжала:

— В ночь, когда Конаби собрал меня, я обнаружила, что наделена даром жизни. Я была чем-то гораздо большим, чем простой автомат, — я жила, думала, желала. Но я была еще не полностью завершена. Тогда я спряталась в вентиляционной шахте и стала красть материалы, которые сделали меня такой, какой вы меня видите. А еще я создала вот эту волшебную страну — для моего творца. Как вы думаете, он будет мной гордиться?

— Как ты прекрасна, — наконец выдавил из себя Бакстер.

— Вы думаете, я понравлюсь мистеру Конаби?

— Забудь о Конаби! — рявкнул Бакстер.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это чистое безумие, — бормотал Бакстер, — но я не могу жить без тебя. Давай смоемся отсюда и что-нибудь придумаем. Я сделаю тебя счастливой, детка, клянусь, сделаю!

— Никогда! — ответила она. — Конаби создал меня, и я принадлежу только ему.

— Ты пойдешь со мной! — стоял на своем Бакстер.

Он схватил ее за руку, но кукла стала вырываться. Бакстер дернул ее к себе, и рука оторвалась и осталась у него в кулаке. Разинув рот, он таращился на оторванную руку, а потом отшвырнул ее прочь.

— Будь ты проклята! — заорал он. — Иди сюда!

Кукла бросилась прочь. Бакстер выхватил свой «Смит и Вессон» и кинулся за ней. Органная музыка завывала как безумная, огни мигали. Он увидел куклу, прячущуюся за стенкой из огромных кубиков с буквами алфавита. Рванулся к ней... И тут игрушки атаковали его со всех сторон.

Пришел в движение танк. Он двинулся вперед тяжело и медленно. Бакстер всадил в него две пули, отшвырнув танк к стене. Затем увидел, что «Спад» атакует сверху, и вlepил в него заряд, размазавший того по стенке как огромную бабочку. Взвод маленьких механических солдатиков дал по Бакстеру залп пробковыми пулями, но тот расшвырял солдат ударом ноги. Длинный Джон Силвер сделал выпад, его тесак ткнулся

в грудь Бакстеру, но тесак был резиновый, и Бакстер отпихнул пирата. Затем он загнал куклу в угол, где она пыталась схорониться за спины Панча и Джуди*.

Кукла прошептала:

— Пожалуйста, не делайте мне больно...

— Иди со мной! — орал Бакстер.

Она отрицательно качнула головой и попыталась ускользнуть. Он схватил ее, когда она пробежала мимо, схватил прямо за золотые волосы. Кукла упала, и он услышал треск, когда ее голова описала полный немислимый круг, так что тело куклы повернулось к Бакстеру спиной, тогда как голубые прекрасные глаза продолжали не отрываясь смотреть на него.

— Никогда... — прошептала она.

В судороге злобы и отвращения Бакстер рванул голову к себе. Она осталась у него в руках. В обрывке шеи виднелись кусочки стекла, поблескивающие на серой матрице.

Куклы папа, мама и дитя замерли на середине незаконченных движений. Рухнул на пол Джон Силвер. Глаза разбитой куклы трижды мигнули. Затем она умерла.

Игрушки остановились. Умолкла органная музыка, погасли прожектора, последний цветок в джунглях с железным лязгом упал на пол. Во тьме толстый рыдающий мужчина рухнул на колени возле изуродованной куклы, думая о том, что же он скажет мистеру Конаби сегодня утром.

* Панч и Джуди — персонажи народного театра кукол, вроде русских Петрушки и его жены

БОЛОТО

Эду Скотту хватило одного взгляда на бледное от ужаса лицо мальчишки, чтобы понять — случилось что-то страшное.

— В чем дело, Томми? — спросил он.

— Это Пол Барлоу! — вскрикнул мальчик. — Мы с парнями играли на восточном болоте... и... и он тонет, сэр!

Скотт понял, что нельзя терять времени. Только за последний год в предательских топях восточного болота погибли двое. Опасное место обнесли забором, детишкам строго запретили там появляться, но они продолжали играть на болоте. Скотт подхватил в гараже моток веревки и побежал.

Через десять минут он изрядно углубился в болото. На заросшем травой берегу топи стояло шестеро мальчишек, а в двадцати футах за ними, посреди гладкой, изжелта-серой площадки находился Пол Барлоу. Он уже до пояса ушел в податливый зыбучий песок и продолжал погружаться. Он отчаянно размахивал руками, а песок затягивал его все глубже. Похоже было, что парень решил пробежать по болоту на спор. Разматывая веревку, Эд Скотт раздумывал, почему эти ребяташки ведут себя так убийственно глупо.

Он швырнул конец веревки, и шестеро мальчишек зачарованно наблюдали, как тот опускается точно в руки Пола. Но песок доходил тонущему уже до середины груди, и у Пола не хватило сил удержать веревку.

Оставались считанные секунды. Скотт обмотал пень веревкой, схватился за нее и бросился к визжащему от ужаса мальчишке. Песок колебался, цеплял за ноги. «Интересно, — подумал Скотт, — а хватит ли у меня сил вытащить на берег и себя, и парня?» Но прежде надо успеть доползти до Пола.

До погрузившегося в песок по шею мальчика оставалось всего пять футов. Крепко держась за веревку, Скотт сделал

еще шаг, погружаясь почти до пояса, скрипнув зубами, потянулся к мальчику — и тут натянутая веревка провисла. Скотт дернулся, пытаясь вырваться, а болото засасывало его, открыло грудь, шею, заполнило распахнутый в крике рот и сомкнулось наконец над макушкой...

На берегу один из мальчишек защелкнул перочинный нож, которым перерезал веревку. Малыш Пол Барлоу осторожно встал на деревянной платформе, которую они с парнями затопили у берега и тщательно проверили. Нашупывая каждый шаг, Пол выбрался из песка, обошел опасное место и присоединился к товарищам.

— Превосходно, Пол, — сказал Томми. — Ты довел взрослого до смерти и потому становишься действительным членом Клуба Губителей.

— Благодарю, господин президент, — ответил Пол, и все захлопали в ладоши.

— Одно замечание, — добавил Томми. — В будущем, пожалуйста, не переигрывай. Излишне громкий визг звучит, знаешь ли, неубедительно.

— Буду стараться, господин президент, — ответил Пол.

Тем временем наступил вечер. Пол и его товарищи поспешили домой ужинать. Мама Пола с одобрением глянула на порозовевшие щеки сына: игры с приятелями на свежем воздухе определенно шли ему на пользу. Но, как и любой мальчишка, с прогулки он являлся перемазанным с головы до пят — и с грязными руками.

НА ПЯТЬ МИНУТ РАНЬШЕ

Джон Грир внезапно обнаружил, что стоит перед входом на небеса. Вокруг простиралась белая и лазурная облачная твердь, а в отдалении виднелся сказочный город, блиставший золотом под лучами вечного солнца. Прямо перед Гриром высилась фигура ангела-регистратора. Как ни странно, потрясения Грир не испытывал. Он всегда верил, что небеса существуют для всех, а не только для приверженцев какой-нибудь избранной религии или секты, но, несмотря на это, всю жизнь терзался сомнениями. Теперь он мог лишь улыбнуться, вспомнив о своем неверии в божественные предначертания.

— Добро пожаловать на небеса, — приветствовал его ангел и раскрыл толстую книгу в бронзовом переплете. Прищурившись, он уставился на страницы сквозь толстые бифокальные очки и провел пальцем вдоль колонок с именами. Найдя имя Грира, он замялся. Кончики его крыльев взволнованно дрогнули.

— Какая-то ошибка? — спросил Грир.

— Боюсь, что да, — подтвердил ангел-регистратор. — Кажется, ангел смерти прибыл за вами раньше назначенного срока. Правда, в последнее время у него было очень много работы, но тем не менее это не оправдание. К счастью, он ошибся совсем ненамного.

— Меня забрали раньше срока? — уточнил Грир. — Я не назвал бы это мелкой ошибкой.

— Видите ли, речь идет всего о пяти минутах. Стоит ли из-за них расстраиваться? Так, может, не станем обращать внимание на эту оплошность и отправим вас в Вечный Город?

Ангел-регистратор был, несомненно, прав. Что изменилось бы, пробудь Грир на Земле лишние пять минут? Но все же он

чувствовал, что эти пять минут могли бы оказаться важными, хотя и сам не понимал, откуда возникло такое ощущение.

— Я предпочел бы получить свои пять минут обратно, — решил Грир.

Ангел посмотрел на него с сочувствием:

— Разумеется, у вас есть на это право. Но я не советовал бы вам им воспользоваться. Вы помните обстоятельства своей смерти?

Грир задумался, потом покачал головой.

— Как это произошло? — спросил он.

— Мне не позволено об этом говорить. Но смерть никогда не бывает приятной. Вы уже здесь. Почему бы вам не остаться с нами?

Разумно. Но Грира продолжало мучить ощущение какой-то незавершенности.

— Если это разрешается, — произнес он, — я действительно хотел бы получить обратно свои пять минут.

— Тогда отправляйтесь, — сказал ангел. — Я подожду вас здесь.

И Грир внезапно оказался на Земле. Он находился в металлическом помещении цилиндрической формы, тускло освещенном мерцающими лампочками. В спертom воздухе сильно пахло паром и машинным маслом. Стальные стены гнулись и трещали, в щели сочились вода.

И тут Грир вспомнил, где находится. Он командовал торпедной частью на американской подводной лодке. У них отказал сонар, они только что ударились о подводную скалу, которой, судя по карте, полагалось находиться в миле отсюда, и теперь беспомощно падали в толщу черных вод. Лодка уже опустилась ниже предельно допустимой глубины, и через считанные минуты быстро нарастающее давление расплющит ее корпус. Грир знал, что это произойдет ровно через пять минут.

Никто не поддался панике. Прислонившись к прогибающимся стенам, моряки ждали конца, но каждый держал себя в руках. Техники остались на своих постах, молча вглядываясь в показания приборов, не оставляющих даже крохотной надежды на спасение. Грир понял, что ангел-регистратор хотел избавить его именно от этого — горького и страшного конца, короткой и мучительной смерти в ледяном мраке.

И все же Грир был рад, что оказался здесь, хотя вряд ли ангел сумел бы его понять. Как может небесное существо понять чувства смертного человека? В конце концов, большинство людей умирают в страхе и неведении, ожидая в худшем случае адских мук, а в лучшем — пустоты забвения. А Грир

знал, что ждет впереди и кто встретит его у входа на небеса, поэтому смог посвятить свои последние минуты достойному прощанию с Землей. Пока корпус лодки сопротивлялся давлению, он вспоминал закат над Ки-Уэстом, короткую и яростную грозу в Чесапике, медленное кружение ястреба над Эверглейдсом. И хотя всего через несколько секунд его ждали небеса, Грир думал о красотах Земли и старался вспомнить их как можно больше, словно человек, собирающий припасы для долгого путешествия в незнакомую страну.

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

Вчера вечером, когда я лежал на диване и смотрел «Ночное шоу», ко мне в квартиру ввалились люди с камерами и микрофонами для съемок очередного выпуска телесериала под названием «Жизнь как жизнь». Не скажу, что я очень уж удивился, хотя и не знал об их появлении заранее. Правила мне известны: я должен заниматься своими делами, как будто их тут нет. Через несколько минут операторы и техники словно слились с обоями, и я перестал их замечать. Их этому специально обучают.

Телевизор у меня, разумеется, работал; я обычно не выключаю его весь вечер. Мне уже слышались стоны воображаемых критиков: «Еще одна серия про мужика, который весь вечер пялится в проклятый ящик. Неужели в этой стране все только и пялится в ящик?» Да, меня это тоже огорчает, но что я могу поделать? Такова жизнь.

Итак, камеры негромко жужжали, а я мумией лежал на диване и смотрел, как два ковбоя изображают крутых парней. Через некоторое время из ванной вышла жена, увидела операторов и простонала: «О Господи, только не *сегодня*». На ней была моя длинная майка с эмблемой Нью-Йорка, и ничего больше, а мокрые волосы обмотаны полотенцем. Никакой косметики. Выглядела она просто ужасно. И дернуло же их выбрать именно сегодняшний вечер. Жена, наверное, уже представляла, какие появятся рецензии: «Во вчерашнем напыщенном фарсе жена была...»

Я видел, что ей отчаянно хочется что-то предпринять — сдобрить выпуск с нашим участием щепоткой юмора, превратить его в домашний фарс. Но она не хуже меня знала, что, если кого-либо из нас заподозрят в актерстве, притворстве, преувеличении, преуменьшении или любом прочем искажении

реальной жизни, передачу немедленно вышвырнут из прямого эфира. А этого ей не хотелось. Лучше произвести плохое впечатление, чем не иметь возможности хотя бы для этого. И она села на стул и взяла вязальный крючок. Я решил полистать журнал. Нас продолжали снимать.

Когда подобное происходит с вами, в это очень трудно поверить. Даже если каждый вечер смотришь шоу, все равно не верится, когда такое случается с тобой. Представляете, ведь это *ты* лежишь на диване и ничего не делаешь, а *тебя* снимают, и весь сюжет посвящен *тебе*.

Я молился, чтобы случилось хоть что-нибудь. Воздушный налет или тайная диверсия коммунистов — и мы, типичная американская семья, окажемся в самой гуще великих событий. Или к нам залезет грабитель, но на самом деле он не грабитель, а кое-кто другой, и с этого момента начнут разворачиваться поразительные события. Или же в дверь постучит очаровательная женщина и скажет, что лишь я один способен ей помочь. Черт, если бы я заранее договорился хотя бы о телефонном звонке...

Но так ничего и не произошло. Через некоторое время меня даже заинтересовал идущий по телевизору фильм, я отложил журнал и досмотрел его до конца. Может, хоть это покажется им интересным, подумал я.

Весь следующий день мы с женой провели в надеждах и ожиданиях, хотя прекрасно знали, что с треском провалились. Все же никогда нельзя знать заранее. Иногда зрителям снова хочется увидеть жизнь определенного человека. Бывает, чье-то лицо им особенно понравится, и тогда предлагают сняться в серии эпизодов. Если честно, мне слабо верилось, что кто-либо захочет смотреть несколько серий про меня с женой, но нельзя зарекаться. Случались куда более странные вещи.

Теперь мы с женой проводим каждый вечер весьма интересно. Наши сексуальные эскапады питают сплетнями всю округу, у нас живет моя сумасшедшая кузина Зоя, а из погребя регулярно выползает оживший мертвец.

Шансов на повтор у нас практически нет. Но заранее не скажешь, так что если на телевидении решат снять продолжение нашего эпизода, то мы готовы.

В СЛУЧАЕ СМЕРТИ НАБЕРИТЕ НАШ НОМЕР

Вы же никогда не предполагаете, что это может случиться именно с вами, ведь верно? Вы прекраснейшим образом добрались до середины жизненного пути. Время расстилается перед вами бесконечной ширью, и даже такое серьезное дело, как смерть, кажется, вполне может подождать, ибо у вас почему-то не хватает времени на рассмотрение данной проблемы.

А завтра это происходит. Поломка в системе. Слабенькая головная боль вдруг становится невыносимой. И — нате вам — кровоизлияние в мозг. Автомобиль, потерявший управление, лезет на тротуар и бросает вас — вопящего — на стеклянную витрину магазина. Какой-то тип на платформе метро нервно дергается, толкает вас, и вот вы уже пляшете в воздухе под грохот и ослепительный свет огней экспресса Бродвей—Седьмая авеню. Я вовсе не хочу показаться вам патологическим занудой, но такие вещи случаются. Тогда слишком поздно сожалеть, что вы не связались вовремя со службой «В случае смерти наберите наш номер».

Джек Стентон был упомянут на третьей странице «Таймс», когда трос подъемника мебели лопнул и концертный рояль грохнулся прямо на него с высоты десяти этажей. У Джека не было времени подумать о происходящем, он даже не понял, что с ним случилось. Неожиданная воздушная волна, идущая сверху вниз, а затем — здравствуйте, я ваша тетья — быстрая аккуратнейшая смерть, причем даже с музыкой.

Вы, возможно, думаете, что переход от жизни к смерти мгновенен, но вы ошибаетесь. Последние изыскания показывают, что, как только тело узнает, что оно обречено двигаться по улице с односторонним движением к тому, что будет потом, оно совершает этот переход в свое индивидуальное время. Несколько секунд в этом случае могут растянуться, вместив в

Dial-a-Death

© 1987 by Robert Sheckley

себя ощущения многих часов. Именно в это время вам и нужна служба «В случае смерти звоните».

Джек Стентон не почувствовал ровным счетом ничего. Только что он прогуливался по Пятьдесят седьмой стрит на Манхэттене, думая о том, где бы ему занять 10 миллионов баксов, нужных для слияния двух фирм (он был юристом, специализирующимся на проблемах финансового обеспечения корпораций), когда ощутил нечто вроде дыхания ветерка откуда-то сверху и тут же очутился совсем в другом месте.

Он стоял на превосходно подстриженном газоне перед большим красивым домом, вроде того, в каком жили его родители, когда Джек был маленьким. Внутри шумела вечеринка. Он слышал музыку, а в окнах видел фигуры танцующих. Кто-то помахал ему, чтоб он заходил. Оказалось, его поманила очаровательная рыженькая девица.

Джек вошел. Вечеринка была что надо. Народу уйма, и все, по-видимому, веселились от души. Танцевали кадрили. Джек кадрили не видывал лет двадцать. Тем не менее он присоединился к ней. Неожиданно оказалось, что он классный специалист по этому танцу. Толпа отошла к стенкам, чтобы дать побольше места ему и его партнерше. Девушка, с которой он отплясывал, была пухленькая и очень легка на ногу. Отплясывали они куда как лихо. Прямо тебе Фред Астор и Джинджер Роджерс! Они кончили под аплодисменты и рука об руку поднялись наверх.

Девушка привела его в одну из дальних комнат. На большой двуспальной кровати слоем толщиной фута в два громоздились пальто гостей. Они легли прямо поверх. Девушка была столь ошеломляюще красива, что никакого значения не имело бы, будь она холодна, фригидна или выдувай она пузыри из жевательной резинки в момент наивысшего экстаза. С ее внешностью было просто невозможно совершить хоть крошечную ошибку! Во всяком случае, в первый раз. Но она оказалась отзывчивой, нежной, страстной, бездонной и бесконечно соблазнительной. Она была тем, что можно назвать вершиной опыта... и при этом в любом месте, которое вам захотелось бы испробовать!

Джек вознесся на небеса на крыльях неиссякаемого возбуждения. Его оргазм был гаргантюански чудовищен, ни с чем не сравним и достоин всяческого подражания. Он сполз на кровать выдохшимся, удовлетворенным и довольным, так что и сказать нельзя, и теперь погружался в те восхитительные мгновения, когда усталость укрывает тебя как дар Психеи, а

впереди нет ничего, кроме радостного парения в бесконечных пластах благословенного сна.

Возможно, он и в самом деле уснул. Когда он открыл глаза, девушки уже не было. Не было и вечеринки; даже дома и того не было. Теперь он стоял один в длинном коридоре перед закрытой дверью, и при этом в чем мать родила.

Раздался голос. Ниоткуда.

— Джек... Пройдите в эту дверь.

— Кто это? — спросил Джек. — И где я нахожусь?

— Не задавайте вопросов. Просто пройдите в дверь. Все будет хорошо.

Все еще сонный и счастливый, Джек хотел уже было повиноваться Голосу. Однако человеком он был вздорным, строптивым и в высшей степени самоуверенным. Сюда он явился не затем, чтоб выполнять чужие распоряжения. Он как-никак Джек Стентон! Пусть другие выполняют его приказы, а не наоборот!

— Кто бы вы там ни были, — сказал он, — кончайте валять дурака, покажитесь и объясните мне, что тут происходит.

— Мистер Стентон, пожалуйста...

— Кто вы такой? Что все это значит?

— Я — доктор Густавсон, из Института. Теперь вспоминаете?

Джек медленно кивнул. Он начинал вспоминать.

— Тот парень, у которого новые медицинские идеи? Как их там кличут?.. Служба «В случае смерти наберите наш номер». Институт гармоничного умирания. Я вас нанял?

— Точно.

— Вы организовали мою смерть?

— Мы организуем процесс умирания, мистер Стентон, а не вашу смерть. Не имеем ничего общего с концертным роялем, который свалился на вас. Какой позор! В самом, можно сказать, расцвете сил! Что касается меня и всего коллектива «В случае смерти наберите наш номер», я хочу выразить вам наши искренние соболезнования. Когда это случилось, наша служба была настороже. Операторы в какие-то миллисекунды, пока рояль размазывал вас по тротуару, подключились к вашим нейронным цепям. Прекрасно сработал трансплантатный компьютер. Ничего себе была девчонка, а? С такой программой умирать одно удовольствие, верно?

— Что вы там болтаете насчет смерти? Я же нахожусь в госпитале, правда?

— Мистер Стентон, будьте же реалистом! Мне не хочется затрагивать болезненную для вас тему, но то, что от вас

осталось, можно сложить в галлонную банку, и там еще останется место для сургучной печати. Мистер Стентон, смотрите правде в глаза. Вы умерли.

На какой-то момент Джек Стентон ощутил дикий страх. Да, верно, он хотел, чтобы все было тип-топ. Естественно, подписал контракт со службой «В случае смерти» и так далее, что обошлось ему в немалую сумму. Но человеку свойственно заботиться о своем будущем, обеспечивая себе приятную смерть. Но только случиться это должно было где-то в будущем. Смерть ведь всегда в будущем.

— Все, что вам надо сделать, — это открыть дверь и пройти в нее, — сказал доктор.

— И что будет потом?

— Мы не знаем. Оттуда еще никто не возвращался. Наша работа — подарить вам бодрое расположение духа в то время, когда вы окажетесь перед дверью. После этого вы свободны и действуете самостоятельно.

— Никуда я не пойду. Вот тут и останусь, — сказал Джек.

— Мистер Стентон, боюсь, что из этого ничего не получится.

— Не пойду я в эту дверь, да и все тут!

— Что ж, ваше дело, Джек, — сказал доктор. — Вы находитесь вне пределов зоны обслуживания нашей службы.

Джек Стентон одиноко стоял в коридоре. Ну и хрен с ними, никуда он все равно не пойдет. Он поглядел на дверь. Вообще-то любопытно узнать, что там, за этой дверью. Но, вероятно, так думали все мертвецы. Им хотелось узнать, что там за дверью, и о них больше никто ничего не слышал.

«Ну и хрен с ними, — подумал Стентон. — А я останусь тут». Он ждал. Немного погодя дверь сама собой отворилась. По другую сторону он увидел еще один длинный коридор. Ладно, теперь он знает, что там — по ту сторону двери. Но двигаться он никуда не намерен. Если хотят, пусть тащат его туда насильно, а он станет отбиваться и вопить изо всех сил. Ничего подобного не произошло. Дверь немного подождала. А раз Джек не двинулся, то дверь сама двинулась к нему. Не с чем было бороться, нечему было противиться. И внезапно он оказался по ту сторону. Вот тогда-то и началось то, что было потом.

ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТИ

Легенды гласят, что на окраине нашей метагалактики есть безымянная планета. На той планете растет единственное дерево. Давно забытая раса укрепила на верхушке дерева огромный алмаз, и заглянувший в тот алмаз увидит все, что есть, было или может быть. Дерево то зовется Древом Жизни, а алмаз — Глазом Реальности.

И трое искателей истины вышли на поиски дерева. Преодолев немало трудностей и опасностей, они добрались до безымянной планеты. Каждый из них по очереди забрался на верхушку дерева и заглянул в алмаз. А потом они решили сравнить впечатления.

— Я увидел, — сказал первый из троих, весьма известный писатель, — бесчисленные драмы, великие и мелочные. И я понял, что нашел замочную скважину Вселенной, которую Борхес назвал Алефом.

— А я увидел, — возразил второй, прославленный ученый, — кривизну пространства, смерть фотона и рождение звезды. И я понял, что гляжу в суперголограмму, самотворящуюся и самотворенную, а основа ее — вся Вселенная.

А третий, художник, произнес:

— Чтобы понять, надо почувствовать.

И показал товарищам только что сделанные им наброски женщин и пантер, скрипок и пустынь, шаров и гор.

— Как и вы, — сказал он, — я увидел то, с чем обычно сталкиваюсь в жизни.

НА СЛЕТЕ ПТИЦ

Уважайте же ребенка внутри себя, ибо ему известна правда: его похитили, затолкали в стареющее тело, заставили выполнять неприятную работу и соблюдать дурацкие правила. Время от времени ребенок в теле взрослого пробуждается и видит, что на бейсбольном поле никого не осталось и он даже не может отыскать свой мяч и перчатку, что речушка, на берегу которой он читал стихи и лизал лакричные леденцы, пала жертвой утилитаризма в мире, где потоку дозволено струиться лишь в том случае, если он докажет свою полезность, позволяя себя загрязнять. До чего же странен мир, где каждое дерево, цветок и травинка, каждая пчела и ласточка должны зарабатывать себе на жизнь, и даже лилии на лугу обязаны заботиться о завтрашнем дне! Замеченный Христом просчет: «Не жнут они и не пашут...» — теперь уже исправлен. В этом новом мире все и жнут, и пашут, а приписывать что-либо милости Божьей считается двойным кощунством. Ласточки не сумели выполнить норму по отлову комаров; их накажут. Кладовая у белки полна желудей, но она осмелилась не заплатить подоходный налог.

Мир охватило великое смятение, ибо рука человеческая дотянулась до самых дальних его уголков, а человек научился общаться со всеми живыми существами и открыл наконец способ понимать и быть понятым. И что же сказали люди? Что в их схеме вещей необходим труд. Не будет отныне, что они идут своим путем, а мы своим; теперь мы должны на них работать. «Дело не только в нас, — сказали люди. — Неужели вы думаете, что мы не понимаем сами, насколько непристойным выглядит наше стремление обложить налогом все, что прежде было бесплатным? Но сейчас трудные времена. Из-за всевозможных неудач и (мы это признаем) просчетов наших

предшественников, которых мы ни в малейшей степени не напоминаем и от всякого родства с которыми отказываемся, ныне работать обязаны все. Не только люди и их союзники: лошади и собаки. Все должны приложить усилия, дабы восстановить разрушенное, и тогда у нас вновь будет планета, на которой мы сможем жить. А раз дело обстоит именно так, то нечего лилиям без толку торчать в поле — пусть хотя бы собирают влагу из воздуха и отдают ее в повторный оборот. А птицы могут приносить прутики и комочки почвы из тех немногих мест, где еще сохранились леса, тогда мы начнем сажать новые. Мы пока не установили контакт с бактериями, но это лишь вопрос времени. Мы уверены, что они свою часть работы сделают, потому что это существа во всех отношениях здравомыслящие и серьезные».

Серый, большой северный гусь узнал новости с опозданием. Он со своей стаей обычно улетал на север дальше прочих гусей — туда, где низкое летнее солнце ярко отражалось от бесчисленных водоемов, испещренных пятнышками лесистых островков. Вскоре следом за гусями туда же прилетели черные крачки, они и принесли на крыльях новости.

— Слушайте, гуси, дождались! Люди наконец поговорили с нами!

Серый отнесся к словам крачек, мягко говоря, без восторга. Более того, как раз таких новостей он и опасался.

— И что они сказали?

— Да ничего особенного, что-то вроде «рады познакомиться». Кажется, не такие уж они и страшные. Даже симпатичные.

— Конечно, люди всегда поначалу кажутся симпатичными, — буркнул Серый. — А потом начинают вытворять немыслимое и неслыханное. Разве кто-нибудь из нас вешал на стену человеческие шкуры, приделывал к стене пещеры голову охотника или рисовал картины, на которых олень добывает загнанных охотников? Эти люди заходят слишком далеко и требуют слишком многого.

— Кто знает, вдруг они теперь стали другими, — задумчиво произнесла крачка. — Недавно им крепко досталось.

— А нам всем разве нет? — фыркнул Серый.

Крачки полетели дальше. В этом году они гнездились вблизи озера Байкал, где у людей были большие стартовые площадки для ракет. Теперь там прекрасно росла трава в тре-

щинах щита из расплавленной лавы, образовавшегося после того, как все здесь растеклось в результате ядерной атаки.

Смятение и тревога прокатились вокруг всей планеты. Стаи крачек сильно поредели, как, впрочем, и всех других птиц. Выиграли лишь некоторые подводные существа — например, у акул и мурен дела шли прекрасно, — но у них, по крайней мере, хватало такта этим не кичиться. Они знали, что чем-то отличаются от остальных, и не в лучшую сторону, если уж им пошло на пользу то, из-за чего едва не погибла жизнь на всей Земле.

Через некоторое время летевшая на север стая куропаток остановилась отдохнуть и поболтать с Серым.

— Как там идут дела с людьми? — спросил Серый.

— Если честно, то не очень хорошо.

— Они что, едят вас? — удивился Серый.

— О нет, в этом отношении они изменились к лучшему. Откровенно говоря, они ведут себя глуповато. Кажется, они считают, что раз с существом можно разумно общаться, то есть его нельзя. Явная бессмыслица. Волки и медведи разговаривают с нами не хуже всех прочих, но им и в голову не приходит сменить из-за этого мясо на салаты. Мы все едим то, что должны есть, и при этом как-то уживаемся, верно?

— Конечно. Но в чем тогда суть неприятностей?

— Знаешь, ты нам просто не поверишь, Серый.

— Это связано с людьми? Тогда попробуйте!

— Хорошо. Они хотят, чтобы мы на них работали.

— Вы? Куропатки?

— Вместе с остальными.

— А кто еще?

— Все. И животные, и птицы.

— Вы правы, не могу поверить.

— Тем не менее это правда.

— Но работать на них! Что вы имеете в виду? Не настолько же вы велики, чтобы орудовать киркой и лопатой или мыть тарелки — кажется, именно для такой работы у людей вечно не хватает рук.

— Не знаю точно, что они имели в виду, — сказала одна из куропаток. — Я ушла раньше, чем меня заставили работать — в чем бы эта работа ни заключалась.

— Да как они могут тебя заставить?

— О серый гусь, ты плохо знаешь людей, — ответила куропатка. — Тебе знакомы просторы небес, но не люди. Разве тебе не ведомо, что птицы летают, рыбы плавают, черепахи

ползают, а люди говорят? И именно в речи таится превосходство человека, и он способен уговорить тебя делать все, что ему нужно, — если будет говорить с тобой достаточно долго.

— Уговорит работать на себя?

— Да, а заодно и налоги платить.

— Безумие какое-то! Один из человеческих святых пообещал избавить нас от всего этого и сказал: «Не жнут они и не пашут». У нас есть свои дела. Мы живем в эстетическом окружении. Мы не утилитарианцы.

— Жаль, что тебя там не было, — смутилась куропатка. — Сам бы послушал их речи.

— И стал бы выючным животным? Никогда!

Через некоторое время несколько видов больших хищных птиц собрались на конференцию. Впервые орлы, ястребы и совы сидели на одной ветке. Встреча происходила в лесистой долине в северной части Орегона — одной из немногих областей северо-запада, избежавших прямых последствий ядерных взрывов. Был там и человек.

— Очень легко свалить всю вину на нас, — заявил человек. — Но мы такие же существа, как и вы, и делали лишь то, что считали правильным. Окажись вы на нашем месте, неужели вы справились бы лучше? Слишком легко сказать: человек плохой, дайте ему пинка, и все мы заживем спокойно. Люди всегда говорили это друг другу. Но ведь совершенно очевидно, что дальше так продолжаться не может. Все должно измениться.

— Вы, люди, не есть часть природы, — возразили птицы. — Между вами и нами не может быть сотрудничества.

— Это мы не часть природы? А может, все окружающие нас разрушения, почти полное исчезновение пригодных к обитанию мест, ныне зачахшие, а прежде процветающие виды вовсе не несчастный случай или откровенное зло? Молния, поджигаящая лес, не есть зло. А вдруг мы, люди, — лишь природный способ производить ядерные взрывы, не прибегая при этом к звездным катаклизмам?

— Возможно. Ну и что с того? Ущерб уже нанесен. И что же ты хочешь от нас?

— Земля в весьма скверном состоянии, — ответил человек. — И худшее, возможно, еще впереди. Всем нам нужно немедленно начать работать, восстанавливать почву, воду, растительность. Получить еще один шанс. Это единственная задача для всех нас.

— Но какое это имеет отношение к нам? — поинтересовались птицы.

— Если говорить честно, то вы, птицы и животные, слишком долго прохлаждались. Наверное, вам приятно было миллионы лет не нести никакой ответственности. Что ж, лафа закончилась. Нас всех ждет работа.

Хохлатый дятел поднял щегольскую головку и спросил:

— Но почему только животные должны за всех отдуваться? А растения? Они так и будут сидеть себе да расти? Разве справедливо?

— Мы уже переговорили с растениями, — ответил человек. — Они готовы выполнить свою долю работы. Сейчас идут переговоры и с самыми крупными бактериями. На сей раз нас свяжет общее дело.

Животные и птицы по натуре своей простоваты и романтичны. Они не смогли устоять против красивых слов человека, потому что эти слова подействовали на них как изысканнейшая пища, секс и дремота разом. Каждому из них привиделся идеальный мир будущего.

Крачка ухватила клювом прутик и спросила Серого:

— Как по-твоему, людям можно доверять?

— Конечно же, нет. Но разве это имеет значение? — Он подхватил кусочек коры. — Все отныне изменилось, только вот не знаю — к лучшему или к худшему. Я знаю только одно: наверное, будет интересно.

И, сжимая кусочек коры, он полетел добавить его к растущей куче.

КСОЛОТЛЬ

Когда жрецы сожгли его тело на погребальном костре неподалеку от Вера-Крусса, дух Кецалькоатля перышком поднялся вверх вместе с дымом, переместившись наконец в царство уединения и удовлетворенности, расположенное над миром людей.

Время здесь проходило незаметно, никаких различий не существовало, и само «я» забывалось.

Потом, несколько секунд или столетий спустя, он услышал голос:

— Кецалькоатль, ты меня слышишь?

Пауза, затем:

— Ты меня слушаешь, Кецалькоатль?

Странно было слышать голос — не свой, а какого-то другого существа. Он успел позабыть, что кроме него существуют и другие.

— Кто зовет Кецалькоатля? — спросил он.

— Я, Тескатлипока. Твой брат и такой же бог, как и ты.

— Зачем ты отрываешь меня от глубоких размышлений?

— Хочу тебе кое-что показать.

— Меня ничто не интересует. Я и так вполне удовлетворен.

— Но позволь мне по крайней мере рассказать тебе, что это такое.

— Если настаиваешь, то Расскажи. А потом уходи.

— Я хочу показать тебе твое собственное тело, — сказал Тескатлипока.

— Мое тело? — изумился Кецалькоатль. — Разве я могу иметь тело? И что это такое?

Тескатлипока раскрыл ладонь. Ее внутренняя поверхность оказалась зеркалом из дымчатого черного стекла. Кецалькоатль посмотрел в зеркало. Его чернота сменилась матовой белизной, потом прозрачностью, и Кецалькоатль увидел обнаженное мужское тело, неподвижно лежащее с закрытыми глазами.

— Кто это? — спросил Кецалькоатль.

— Это ты!

— Не может быть! — не поверил Кецалькоатль. — Ведь эта штука мертва!

— Тебе достаточно войти в него, и тело оживет.

— Мне от него ничего не нужно, — сказал Кецалькоатль. Но что-то в лежащей фигуре всколыхнуло его и подстегнуло любопытство. Он снова взглянул на тело — сперва презрительно, потом с любопытством.

И мгновение спустя очутился внутри. На него немедленно обрушились ощущения. Уши слышали звуки, кожа чувствовала прикосновения. И это оказалось больно! Кецалькоатль тут же рванулся наружу, подальше от тяжелого, чувственного, скованного желанием тела — обратно в царство чистой удовлетворенности.

Но он уже увяз. Капкан мертвого тела захлопнулся. И оно перестало быть мертвым. Он очутился в ловушке тела. Воистину он *стал* телом.

Ацтек Ксолотль открыл глаза.

Он увидел склонившуюся над ним женщину — старуху с сумасшедшинкой в глазах.

— Добро пожаловать в ад, — сказала она.

Ксолотль застонал и попытался вспомнить сон, но тот быстро улетучивался из памяти.

— А где же Миктлан? — спросил он.

— Что такое Миктлан?

— Подземный мир моего народа, ацтеков. Место, куда мы попадаем после смерти.

— Никогда о нем не слыхала. Иногда Министерство возрождения ошибается. Но ты не волнуйся — где-то здесь наверняка отыщется и ацтекский ад.

— А *это* что за место?

— Это Новый Ад. Добро пожаловать в чудесный мир вечного проклятия. — Она хихикнула.

— И что теперь? — спросил Ксолотль.

— Оставайся на Лифте, — велела старуха. — На тебя хочет взглянуть сам Босс.

— Кто это такой? — спросил Сатана.

— Его имя Ксолотль, — объявил демон-мажордом, стоявший у входа в просторное помещение с обитыми ореховыми панелями стенами, где Сатана и его друзья беседовали со вновь оживленными духами.

— Как, говоришь, его зовут? — переспросил Сатана.

— Его имя начинается на «к», — пояснил демон, — но произносится, начиная с мягкого «ш». Он ацтек, и ему полагается находиться в другом аду. Должно быть, отдел по сортировке мертвых душ лопухнулся.

— Чем ты занимался, когда был жив? — поинтересовался Сатана.

Ксолотль взглянул на Сатану и вздрогнул, потому что тот напомнил ему большую статую Тескатлипоки, стоявшую на главной площади Теночтитлана до того, как Кортес со своими испанцами разрушил город. Тескатлипока считался богом войны и беспорядка, жертв и возмездия, набожности и нищеты. Он был амбициозным и жутковатым божеством, а Ксолотль — одним из его жрецов.

— Я был жрецом, волшебником и пророком, — ответил он.

Ксолотль был невысок, с бочкообразной грудью и жилистыми тонкими ногами. Длинные черные волосы спадали до лопаток, он был одет в плащ и набедренную повязку из оленьей кожи — не в настоящие, разумеется, а в то, что Центральная адская костюмерная сумела подобрать в качестве имитации одеяний мексиканского индейца.

— Добро пожаловать в ад, — пробасил Сатана с порочной уверенностью. — У нас здесь множество всевозможных священников. Будь как дома. У тебя нет для нас какого-нибудь забавного пророчества?

— Пока еще нет, господин. Я только что появился здесь.

— Если я предоставлю тебе в Новом Аду свободу, что ты сделаешь?

— Честно говоря, господин, пока не знаю. Возможно, я увижу свое предназначение в пророческом сне. А если нет, то стану искать место слияния девяти рек. Там начинается Миктлан, загробный мир ацтеков.

— А что в твоём Миктлане есть такого, чего нет здесь? — полюбопытствовал Сатана.

— Ничто, — ответил Ксолотль. — А я как раз и ищу ничто. Миктлан, господин, есть ад пустоты. И спокойствия.

Сатана рассмеялся:

— Тогда иди и ищи свой Миктлан.

Покинув здание адского Управления, Ксолотль зашагал по улицам Нуэво. Добравшись до пригорода, он направился на север, в направлении моря Чистилища. На север он пошел потому, что в древних знаниях Кецалькоатля говорилось, что именно там расположено место слияния девяти рек.

Четыре дня ходьбы и бега привели его в окрестности Нью-Кейптауна. Расположенный неподалеку от города лагерь огромной

армии он обнаружил по запаху задолго до того, как увидел его или услышал. Он дождался темноты, осторожно подкрался к линии пикетов, украл коня и незамеченным скрылся.

Сев на коня, он продолжил путешествие на север, окруженный монотонным ландшафтом из кривых деревьев и холмов ржавеющего вооружения. За полем боя отыскалась дорога, прямая, словно смерть, и по ней Ксолотль поднялся на пустынное, продуваемое всеми ветрами плато.

Задремав в седле, он увидел во сне Кецалькоатля, лежащего в каменном гробу. Бог открыл глаза и сказал:

— Ксолотль, брат мой, иди со мной, и мы навсегда исчезнем в царстве мира и покоя.

— Не могу! — воскликнул Ксолотль. — Я заперт в этом теле. Можешь ли ты помочь мне?

Кецалькоатль скорбно улыбнулся, покачал головой и исчез. Затем к Ксолотлю подошел Тескатлипока:

— Теперь, когда ты обладаешь телом, Ксолотль, у меня для тебя есть кое-что приятное.

И вновь Тескатлипока показал ему зеркальную ладонь. В ее туманных глубинах Ксолотль увидел восхитительную темно-волосую женщину в плиссированном одеянии из небеленого льняного полотна. Казалось, она кого-то ищет.

Ксолотль проснулся и понял, что видел вещий сон. Поэтому он не удивился, увидев на очередном перекрестке дорог поджидающую его темно-волосую женщину.

— *Приветствую тебя, Кассандра,* — сказал Ксолотль.

— Привет, Ксолотль, — отозвалась Кассандра. — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я стану звать тебя Джо. У меня всегда язык не поворачивался выговаривать всякие там «кс».

— Возражать я не стану. Но откуда тебе известно мое имя?

— Из сна. Да и ты, наверное, мое имя узнал во сне. Вещие сны куда удобнее службы знакомств, верно? Ты мексиканец?

— Ацтек. Ты очень красивая, но слишком много говоришь.

— Ничего себе! — возмутилась Кассандра. — Я лишь старалась вести себя по-соседски. Приветствовала, так сказать, нового соседа-пророка. Но если тебе это не нравится...

Она повернулась и быстро зашагала по одной из дорог, что тянулась вдаль, исчезая за расплывчатой линией плоского горизонта.

— Кончай глупить, — бросил ей вдогонку Ксолотль. — Ты ведь пророчица и прекрасно знаешь, что тебе суждено сидеть на коне за моей спиной.

— Верно, — ледяным тоном отозвалась Кассандра и остановилась. — Но в предсказании не указано, *когда* это произойдет. Так что поищи меня опять примерно через миллион лет, ладно?

— Ну хорошо, — сдался Ксолотль. — Извини.

— Я и в самом деле много болтала, — признала Кассандра. — Но лишь потому, что нервничала перед встречей с ацтекским жрецом, с которым меня связала судьба. — Она легко забралась в седло позади Ксолотля. — Куда мы едем?

— Зачем спрашиваешь? Наверняка ты знаешь это из предсказания.

— Не могут же предсказания всякий раз оказываться идеально точными. А сейчас наше будущее я вижу несколько расплывчато.

— И я тоже, — признал Ксолотль.

Некоторое время они ехали молча.

— Прелестная получается картинка, — сказала наконец Кассандра. — Два предсказателя на одном коне, и никто из двоих не знает, куда они едут.

Ксолотль промолчал.

— И один из них — предсказатель, которому не хватает пророческой силы, чтобы раздобыть второго коня.

— Сама должна была предвидеть, что тебе потребуется лошадь, — ответил Ксолотль.

— Я полагалась на тебя. И никогда не заявляла, что способна обеспечить себя сама. Я все-таки женщина из древнего мира.

Некоторое время они опять ехали молча.

— Я ведь из Трои, сам знаешь.

— Мм-м-м, — отозвался Ксолотль.

— Когда-то в древности я была членом царской семьи. Мой отец Приам был последним царем Трои.

— Помолчи, пожалуйста, — сказал Ксолотль. — Я пытаюсь думать.

И они снова некоторое время ехали молча.

— Я была обручена с богом.

— Ты? — удивился Ксолотль.

— Я. Его звали Аполлон. Знаменитый и красивый бог. Он по мне с ума сходил. Послушал бы ты, что он мне говорил. Мне это по-настоящему льстило, потому что Аполлон мог обладать любой богиней, какую только пожелал бы, и все же он выбрал меня, простую смертную принцессу. Правда, изумительно красивую.

— И ты с ним переспала.

— Нет, я ему отказала.

— И тогда он тебя убил.

— Нет, Джо! Греческие боги так не поступали.

— Он что, отрезал тебе губы и нос?

— Конечно, нет! Так поступают только варвары! Видишь ли, он вдохнул в меня дар пророчества. Так вот, когда я ему отказала, он не стал лишать меня этого дара, но прибавил дополнительное условие.

— Какое же?

— Он сказал, что, хотя все мои пророчества сбудутся, никто не станет к ним прислушиваться, пока не станет слишком поздно.

— Гм, весьма неудобно, — заметил Ксолотль. — Тебе следовало бы переспать с ним именно тогда и попытаться отговорить.

— Я так и поступила... в том смысле, что предложила ему себя. Но к тому времени я его перестала интересовать. Знаешь, что он мне сказал?

— Нет.

— Он сказал: «Я увижу тебя в аду раньше, чем лягу с тобой, Кассандра». Да еще таким грубым тоном. А я просто старалась ему понравиться.

Ксолотль промолчал.

— Или же... как по-твоему, может, он так назначил мне свидание? Тебе не кажется, что он намеревается отыскать меня здесь, в аду?

— Сомневаюсь, Кассандра. А теперь слушай внимательно. Я хочу тебе кое-что сказать.

— Да, Джо, я слушаю.

Ксолотль остановил коня и обернулся. Его плоское бронзовое лицо с крючковатым орлиным носом, черными глазами и тонкими губами оказалось в нескольких дюймах от лица Кассандры. Она уловила его запах — мескит, древесный уголь, пот, текила, убийство.

— Если ты еще раз посмеешь чесать языком, — сказал Ксолотль, — я тебя поью.

— О! — выдохнула Кассандра, широко раскрыв глаза. — Но ты не имеешь права так поступать!

— Понимаю. Но предсказываю, что не смогу сдержаться.

Они устроились на ночь в самом сердце пустыни возле кактуса сагунто. Поднялась луна, слышался крик ястреба, парящего на крыльях ночных ветров и высматривающего робких кроликов в тенистом лабиринте зарослей мескита и полыни. Ксолотль долго сидел, уставясь на пламя костра. Кассандра заскучала и легла спать. Наконец заснул и Ксолотль. Ему приснились пляшущие языки пламени.

Затем из пламени шагнул Тескатлипока — высокий и ужасный, в головном уборе из драгоценных камней и перьев.

- Слушай мое пророчество, о жрец ацтеков.
- Слушаю, о господин, — ответил Ксолотль.

— Да что с тобой? — спросила утром Кассандра. — Ты такой нервный и беспокойный.

— Я видел сон.

— А! Вещий сон!

— Со мной говорил Тескатлипока.

— Вот здорово!

— Да что хорошего? Все очень сложно.

— В чем дело-то? Бог предсказывает, ты пророчествуешь людям. Куда уж проще?

— До того как я начал служить Тескатлипоке, я был жрецом Кецалькоатля. Конечно, у нас, ацтеков, немало богов, но эти два самые важные. Кецалькоатль — бог науки, цивилизации, искусств, милосердия, раскаяния и духовного благородства. А Тескатлипока — бог смятения и войны. Его отличительный знак — темное дымчатое зеркало.

— Но сперва ты служил Кецалькоатлю?

— Да.

— Почему же ты сменил бога?

— Потому что Тескатлипока победил Кецалькоатля и изгнал его.

— Не вижу никаких проблем. Что тебе сказал Тескатлипока?

Ксолотль набрал полную грудь воздуха и медленно его выдохнул.

— Он сказал мне, Кассандра, что весь космос, включая Землю и все, что ее окружает, как духовное, так и материальное, а также включая ад, где мы с тобой находимся, будут уничтожены пламенем.

— Да ты шутишь, — не поверила Кассандра.

— Но так он сказал.

— И когда это произойдет?

— Примерно через месяц плюс или минус пару дней.

— Ксолотль, но это ужасно! Ты можешь что-либо сделать?

— Ничего, Кассандра.

— Но есть хоть что-нибудь, способное нам помочь?

— Да, есть возможность спасти космос. Но никто мне не поверит, когда я скажу, что для этого потребуется.

— И что для этого потребуется?

— Кровавые жертвоприношения.

— Людей или животных?

— Жертвы должны быть человеческими, иначе можешь обо всем позабыть. Вселенная погибнет, а вслед за ней даже история истории.

— Тут неподалеку живет Юлий Цезарь. Может быть, он даст нам несколько пленных для жертвоприношений. Можно еще спросить и Че Гевару, хотя он, кажется, не очень-то верующий человек.

— Нескольких не хватит. Вспомни, ведь мы говорим обо всем космосе. Потребуется очень много теплых тел, Кассандра. Десятки, а то и сотни тысяч.

— Почему так много? — удивилась Кассандра. — Мы, греки, тоже приносили в жертву людей, но лишь несколько в год, потому что старались соблюсти меру во всем.

— Замечательно, но долг накопился такой огромный, что умеренными мерами не обойдешься. Мы, ацтеки, поддерживали существование космоса, принося ежегодно тысячи жертв. Не очень-то приятно убивать людей, но кому-то надо было это делать. Не наша вина в том, что богам требуется много крови. Потом нас завоевали испанцы и запретили древние кровавые жертвоприношения. Конечно, с тех пор убили множество людей, но все эти убийства не имели религиозного значения. Так что кровавый долг богам все время накапливался. Но кто мне поверит, когда я это скажу?

Кассандра смотрела на него сияющими глазами.

— Я верю тебе, Джо. И другие тоже поверят.

— Сомневаюсь. Начни разговаривать с европейцем о человеческих жертвоприношениях, и он поведет себя так, будто ты произнес нечто вульгарное, и попросту уйдет.

— Не все европейцы такие, Ксолотль. Есть среди них весьма необычные. Позволь мне отвести тебя к ним.

— Это будет нелегко, — заметил Ксолотль, потому что они находились посреди плоской пустыни, однообразие которой нарушалось лишь редкими группками кустов.

— Не так уж и трудно, — возразила Кассандра. — Сверни здесь налево.

Ксолотль повернул коня налево и направил его к городу, прежде скрытому за кустами.

— *Человеческие жертвоприношения?* — спросил Калигула. — *Фу, какая рутина!*

— Вы и в самом деле так думаете? — не поверил Ксолотль.

— Ты уж *поверь мне*, приятель!

— Вот видишь? — сказала Кассандра. — Я же *говорила* тебе, что кое-что понимаю в местных жителях.

Они находились на вилле Калигулы, расположенной в Восточном Аду в отделении для завистников. Император Август построил Калигуле эту виллу, чтобы он не шлялся по импер-

скому генеральному штабу и не раздражал всех безумным хихиканьем и неосуществимыми планами.

Вилла была снабжена новейшими цифровыми моделями телевизоров и видеоманитофонов. Калигула смотрел старые фильмы и закатывал отвратительные оргии, на которые всем страстно хотелось получить приглашение. Правда, для самого Калигулы веселье частенько обрывалось на полпути, потому что гости его всякий раз убивали. Причина состояла вовсе не в том, что он вел себя чересчур вызывающе; просто Калигула принадлежал к тому типу людей, которые невыносимо раздражают остальных. Поэтому его и убивали, и ему всякий раз приходилось терпеть скучный процесс возрождения. Пребывание в состоянии между жизнью и смертью даже превратилось для него в нечто вроде поездки с работы и на работу.

Теперь Калигула был возбужден, потому что поиски человеческих жертв ради спасения космоса оказались как раз тем, чего он хотел, делом, которое он мог по-настоящему возглавить.

— Расскажи мне об этих жертвах, — попросил он Ксолотля. — Они действительно сильно корчатся, когда их убивают?

— Разумеется. Мы ведь вскрывали им грудную клетку и вырывали сердце, а это запускает немало рефлекторных движений. Чтобы удерживать их на жертвенном камне даже без сердца, требовались четверо сильных мужчин.

— А кому-нибудь из них удавалось вырваться уже без сердца? — спросил Калигула.

— Случалось и такое. Конечно, это нарушение обряда, но все же случалось. Тогда начиналась настоящая суматоха.

— Ах, как здорово! — воскликнул Калигула, аплодируя.

— Вы себя ведете как истинный знаток, — заметил Ксолотль.

— Спасибо, — поблагодарил Калигула. — Так ты говоришь, потребуется много жертв?

— Десятки, сотни тысяч. Возможно, около миллиона. На сей раз боги воистину разгневаны. Особенно Тескатлипока.

— О, насколько *восхитительны* его слова, — не удержался Калигула. — Кассандра, этот парень — то, что надо.

— Я знала, что он тебе понравится, — согласилась Кассандра.

— Тогда первым делом нужно устроить вечеринку, — заявил Калигула.

Вечеринка началась два дня спустя.

Ксолотль очаровал всех гостей. Когда он рассказывал о конце света, они внимательно его слушали и сочувственно

кивали. Все вроде бы прекрасно осознали необходимость человеческих жертв.

— Надеюсь, все вы поможете нашему пророку по мере своих возможностей, — обратился к гостям Калигула. — От спасения космоса нельзя легкомысленно отмахиваться. Думаю, мы все с этим согласны.

Выслушав его, гости порылись по карманам и сделали взносы в «Фонд священных жертв» — так они его упорно называли. Калигула собрал деньги в шлем центуриона и принес их Ксолотлю.

— Чуть больше двенадцати тысяч долларов, — сказал он, вручая жрецу пачки эрзац-денег Нового Ада. — Никогда не говори, что здесь живут бессердечные люди.

— И сколько человеческих жертв можно купить на эти деньги?

— Не знаю, какой сейчас курс на человеческие жертвы, — сказал Калигула. — Подожди минутку, позвоню своему брокеру.

Он несколько минут говорил по телефону, потом вернулся.

— Человеческие жертвы сейчас стоят 1123,4 доллара за голову, это текущая цена в валюте Нового Ада. Но брокер сказал, что если нам подойдут такие, кто не в состоянии передвигаться самостоятельно, то он может раздобыть две-три партии по 872,2 доллара за голову.

— И сколько жертв в каждой партии? — поинтересовался Ксолотль.

— Восемьдесят семь. Цена при условии доставки налоговым платежом.

— Больные не подойдут, — возразил Ксолотль. — Боги всегда требовали жертв в расцвете сил. И, как я уже говорил, для достойного начала нам их потребуется как минимум сто тысяч. Собранных денег совершенно недостаточно.

— Что ж, по крайней мере мы попытались, — сказал Калигула. — Это лишь начало. Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

— Пойдем, — сказала Кассандра. — У меня есть другие друзья. Может быть, они смогут помочь.

Джон Пирпонт Морган проживал в самом большом поместье Восточного Ада. Он молча слушал, пока Ксолотль излагал ему проблему.

— Вот что я тебе скажу, — сказал Морган. — Может быть, ты и в самом деле первоклассный ацтекский пророк, но в деле привлечения инвесторов ты ничего не смыслишь.

— Инвесторы меня не интересуют, — возразил Ксолотль.

— Но тебе нужно множество жертв, чтобы предотвратить галактическую катастрофу, верно?

— Вообще-то катастрофа не галактическая, а космическая, но вы правы. Да.

— Ну, и как же ты намерен *раздобыть* свои жертвы?

— Ацтеки захватывали их во время войн.

— Но у тебя нет армии.

— Я попробовал их покупать, но они слишком дороги в нужных мне количествах. В добрые старые времена гражданские власти заботились об этом. Иногда, в удачные годы, у нас даже образовывался запас жертв на черный день.

— Что ж, — заметил Морган, — тогда было тогда, а сегодня есть сегодня.

— Верно, — согласился Ксолотль. — Но что мне сейчас-то делать?

— Я займусь твоей проблемой, — решил Морган. — Поговорю кое с кем, потом встречусь с тобой. Разумеется, я хочу внести свой вклад в сохранение космоса; так будет справедливо после всего, что космос сделал для меня, но десятки тысяч жертв... это очень много даже в аду.

Подавленный, Ксолотль вернулся в отель «Ад», где новые друзья сняли для него номер. Сейчас он спит и видит во сне, что он царь Нецалькойотль, облаченный в дорогие одежды и в короне из перьев попугая. Он шествует к огромному храму, по бокам от него телохранители, а ликующие горожане наблюдают за событием с импровизированных трибун. Настал день самого важного религиозного праздника в году, и беспрецедентное количество жертв уже доставлено со всех восьми уголков Анахуака.

Нецалькойотль входит в храм, сопровождаемый телохранителями. Внутри тихо, слышны лишь стоны рабов, связанных как цыплята и сложенных штабелями вдоль стены храма — все они будут принесены в жертву.

В дальнем конце храма на пьедестале стоит жертвенный камень, освещенный лучами солнца, проникающими сквозь отверстие в крыше. На нем уже разложена первая жертва, ее держат четверо жрецов.

Солдат вкладывает в руку Ксолотля старинный нож из черного обсидиана. Нецалькойотль взмахивает им, все смолкают.

— Довольно, забудьте об этом! — внезапно восклицает он. — Я повелеваю прекратить жертвоприношения. Сам Кецалькойотль сказал мне, что больше людей нельзя приносить в жертву! Начинается царство мира!

Рабы и пленники радостно кричат. И тут телохранители хватают Нецалькойотля и валят его на большой каменный диск.

— Да как вы посмели! — кричит Нецалькойотль, более разгневанный, чем испуганный.

— Так велели жрецы, — говорит один из солдат — Они сказали, что, если не приносить кровавых жертв, мир погибнет.

— Жрецы ошибаются! — выкрикивает Нецалькойотль.

— До сих пор они были правы, — возражает солдат Обсидиановый нож взлетает вверх и опускается.

Ксолотль просыпается весь дрожащий и мокрый от пота. Он понимает, как ему следует поступить.

Когда утром Кассандра пришла в отель, чтобы отвести Ксолотля на завтрак, она узнала, что тот ушел.

— Он выписался час назад, — сказал ей клерк. — Сказал, что его тошнит от всех, кто не принимает его всерьез, и от богов, что грызутся из-за того, что ему полагается сделать.

— И куда он пошел?

— Выйдя за дверь, он повернул налево, — ответил клерк. — Если он пойдет и дальше, никуда не сворачивая, то попадет в Пустоши Восточного Ада. Говорят, это весьма пустынный район, мисс.

— Только не для ацтека, — сказала Кассандра и торопливо вышла.

Почти неделю Кассандра ждала возвращения Ксолотля. Потом ей надоело ждать, и она взяла напрокат машину в «Моторизованных катастрофах» (модель «плимут-ярость») и отправилась на поиски. Она ехала все время на север, зная, что для Ксолотля это любимое направление.

Наконец она добралась до хижины из просмоленного картона, стоящей на пустоши между Восточным Адом и Вратами Вечных Мук. Ксолотль был пьян. Возле его руки стояла почти пустая бутылка «Зеленой молнии», одного из сортов патентованного адского пойла. Рядом лежала пятнистая гиена, положив голову на бедро Ксолотля.

— О Джо! — ахнула она. — Да ты пьян.

— Ты совершенно права, — рявкнул Ксолотль. — Я пьяный ацтекский пророк и собираюсь оставаться пьяным, пока космос не сгинет в пламени.

— А как же наши планы спасения мира?

— Я говорил с твоими капризными приятелями, Калигулой и Морганом. Одна трепотня и ни единой жертвы. Слабаки, вот кто они такие.

— Ты слишком суров в оценках, — не согласилась Кассандра. — В тебе нет веры. И ты сбежал раньше, чем они сумели развернуться по-настоящему.

— Я бедный старый пьяный ацтек, — захныкал Ксолотль.

— Возьми же себя в руки, — возмутилась Кассандра. — Я для того и приехала сюда, чтобы сообщить, что все устроено.

— О чем ты говоришь?

— Калигула и Морган не теряли времени даром, но большей частью успеха мы обязаны новому другу, замечательному человеку по имени П. Т. Барнум. Вставай, Джо. Все готово.

— Повтори-ка еще разок, — попросил Ксолотль.

— Первая мегапартия жертв уже готова к отправке.

— Я же говорил Калигуле, что одной партии недостаточно.

— Но это же *мегапартия*, милый.

— И насколько это много?

— Я удивлена тем, что ты не выучил этого в школе. Мегапартия равняется ровно ста восьмидесяти шести тысячам жертв.

Ксолотль встал. Опынение слетело с него, словно пыльца с крыльев бабочки. Его лицо расплылось в улыбке, но тут же скривилось от боли.

— А сейчас что с тобой?

— Знаешь, мне кажется, что Кецалькоатль не хочет, чтобы я принесил людей в жертву.

— Но я думала, что ты служишь Тескатлипоке. Ведь *он* хочет, чтобы ты этим занимался, верно?

— Да, но...

— Тогда хватит сомневаться, и давай за работу. Пошли, дорогой, жертвы уже ждут

Город Восточный Ад был весь обклеен афишами, объявляющими о великом жертвоприношении. Кассы городского амфитеатра работали без передышки — никто не желал пропустить событие года. Зрители шли потоком через девять входов, а за ними наблюдал нахмуренный и нервничающий Ксолотль.

— Толпа-то большая, — сказал он, — но где же жертвы?

— Терпение, милый, — успокоила его Кассандра. — Это тоже часть гениального плана мистера Барнума. Видишь ли, когда все эти люди окажутся внутри, они быстро узнают, что на самом деле это представление с участием публики. У каждого из них появится шанс стать жертвой-добровольцем.

— Что ж, честно, — согласился Ксолотль. — Но если никто не захочет?

— Мы подумали и о таком. Некий мистер Форд помог решить эту проблему. Видишь наверху огромные захваты? Они будут хватать случайных зрителей и переносить прямо на

установленный на сцене самый настоящий жертвенный камень. И тут в дело вступаешь ты, милый. И приносишь их в жертву.

— На словах неплохо, — согласился Ксолотль. — Но что, если все зрители запаникуют и бросятся к выходам?

— Все двери, разумеется, будут заперты. Освещение выключат, а на огромном экране — это идея одного из нас — появится успокаивающий лозунг.

— Какой же?

— «Никто не выйдет отсюда живым» Бессмертные слова Джима Моррисона. Разве тебе не нравится?

— Неплохо. Но...

Кассандра взяла его за руку и отвела за кулисы. Калигулу и нескольких его приятелей назначили временными ацтекскими жрецами, чтобы они могли помогать Ксолотлю. Первая жертва уже лежала на камне, привязанная ремнями. Зрители, которых набралось несколько десятков тысяч, и их число непрерывно увеличивалось, аплодировали.

— Да, настоящее событие! — воскликнул Ксолотль. — Где мой нож, Кассандра?

— Здесь, дорогой, — сказала Кассандра и положила ему на ладонь скальпель из нержавеющей стали. Ксолотль посмотрел на него и нахмурился:

— Так неправильно. Годится только кремневый нож, причем на нем должно быть немного засохшей крови. И где расширители грудной клетки из лосиных рогов и жадеитовые извлекатели сердец?

— У нас есть новейшие инструменты для операционных. Попробуй к ним приспособиться; мы сделали все, что смогли.

Ксолотль вышел под свет прожекторов. Аудитория, все еще не подозревающая о своей судьбе, заплодировала, когда он поднял руку с блестящим скальпелем. Ксолотль повелительно взмахнул рукой, наступила тишина.

— Жители ада, — сказал он. — Боги велели передать вам.

Внезапно Ксолотль оказался возле алтаря в другом храме. Прямо перед ним возвышались высоченные героические фигуры двух богов. Оба были в масках, но он легко их узнал: Тескатлипоку по дымчатому зеркалу, а Кецалькоатля по цветущей ветви.

— Будь верен приказам своего бога, — сказал Тескатлипока. — Не подвергай их сомнению. Начинай жертвоприношение.

— Бог создал тебя человеком, — произнес Кецалькоатль. — Суть человечности в том, чтобы заглянуть внутрь себя и откликнуться на свои чувства.

— Это слова бога-слабака, — заявил Тескатлипока. — Однажды я уже одолел тебя, Кецалькоатль, и могу сделать это вновь. Начинай жертвоприношение, Ксолотль!

— Загляни в свое сердце, Ксолотль!

— Выполний приказ!

— Подчиняйся только себе!

Видение возникло и исчезло в мгновение ока, и теперь Ксолотль знал, какой выбор ему предстоит.

Он присел и откуда-то появившимся в руке обсидиановым ножом перерезал пути жертвы. Потом обернулся к зрителям:

— Я Ксолотль, я Нецалькойотль, я Кецалькоатль. Жертвоприношений больше не будет!

Толпа разгневанно заревела. Зрители хлынули в проходы и, размахивая кулаками, побежали к сцене.

Ксолотль закрыл глаза и стал ждать смерти, но потом подумал: «Нет, я не умру, если сам этого не захочу!»

И он бросился навстречу зрителям, которые, слившись воедино, превратились в гигантскую фигуру Тескатлипоки.

То был жуткий и неуязвимый бог. Глаза его метали пламя, из плеч высовывались гадюки; он тянул к Ксолотлю руки, пальцы на которых превратились в рты, усеянные острыми, как иглы, зубами.

И Ксолотль побежал прямо на него, в него и сквозь него, и бог Тескатлипока развалился на куски, словно кукла из мягкой ярко раскрашенной бумаги.

Когда же Ксолотль оказался по другую сторону бога, он раскрыл ладонь и увидел вонзившиеся в нее пять кактусовых колючек.

Неделю спустя человек в тоге проехал на запряженной двумя лошадьми боевой колеснице через пустоши Восточного Ада и остановился в пустыне возле хижины из просмоленного картона. Калигула спрыгнул, велел вознице подождать и вошел в хижину. Там он увидел Ксолотля — пьяного, с бутылкой адского пойла в руке — и лежащую рядом с ним пятнистую гиену

— Я так и понял, что ты вернешься сюда после своего грандиозного провала, — сказал Калигула.

— Я просто не смог довести дело до конца, — буркнул Ксолотль. — Не мог смотреть на всех этих людей, которых обманом превратили в жертв. Так просто нечестно. И жертвоприношения полагается устраивать не так. Поэтому я решил:

пропади все пропадом, но больше я этого делать не стану. Пусть мир гибнет, мне все равно. И ушел.

— Не сказав ничего Кассандре?

— Я знал, что она больше не захочет меня видеть.

— Неужели ты так и не понял, что Кассандра никогда не хотела этих жертв? И смирилась с ними лишь потому, что любит тебя?

— В самом деле?

— Возвращайся со мной, Ксолотль, прямо сейчас. Она тебя ждет. И, кстати, сегодня ночью я сам видел вещий сон. В первый раз. Могучий голос сказал мне: «О цезарь Калигула, передай людям наше послание!» И я ответил: «Я слушаю тебя, повелитель». Тогда голос сказал: «Передай им, что уничтожение космоса отложено из-за сверхкосмических обстоятельств, над которыми мы не властны. Оставайтесь настроенными на пророческий канал, ждите развития событий».

— Спасены, — сказал Ксолотль. Но вяло, без торжества в голосе.

— Милый, все обернулось к лучшему, — проворковала Кассандра. — Никого не пришлось убивать, а конец света отложен. Теперь осталось только избрать тебя мэром Восточного Ада.

— Нет, женщина, — возразил Ксолотль. — Мне было открыто, что в качестве награды за прохождение этого сложного круга смерти и возрождения мне разрешат отправиться в место, где существует сознание без объекта и наслаждение без эго.

Ксолотль присел на корточки, сосредоточился и исчез.

Кассандра разочаровалась, но не удивилась.

Она знала, что Ксолотль — парень необычный. Но знала также, что он вернется. Периоды просветления обычно недолги. Кончатся они тем, что кто-то приходит, показывает тебе твое тело, и... — бац! — тебя снова в него затягивает

Так что она подождет

МАШИНА ШЕХЕРЕЗАДА

МАШИНА ШЕХЕРЕЗАДА**1. Роль машины**

Машина сама будет рассказчиком от первого лица. И хоть «я» рассказчика маскируется под его собственную личность, на самом деле это вовсе не так. Рассказчик всегда притворяется, заставляя нас поверить, будто был очевидцем тех историй, которые рассказывает. Что едва ли соответствует действительности. Но машина очень быстро освоилась с первым лицом, а также со всеми его правами и привилегиями. Подозрительно быстро, на наш взгляд.

Все станет понятнее, если мы заглянем в магазин — в те самые края, где машина была куплена, в ту крайнюю точку, откуда протекают дальнейшие события. С края пыльной стеклянной полки машина мельком видит, как входит Мартиндейл, как рассеянно он оглядывается, великолепный в своем крайнем безразличии. И машиной овладевает страстное желание. Как сильно она хочет быть по-настоящему живой — да, живой! — и рассказывать истории! (Машинные страсти — явление малоизученное. Но лишь бескрайнее самомнение заставляет людей полагать, будто машины бесчувственны. Мы, механические создания, просто не нашли еще способа выражения своих чувств. Научить машину импровизировать — вот цель искусственного интеллекта. Мы над этим работаем.)

Что думает машина, когда она думает о том, где была? Ей неизвестно, откуда она взялась. Конечно, у нее есть память, и в некоторых из воспоминаний она рассказывает свою собственную историю, а в других — чью-то еще. Порой люди как-то отзываются на ее рассказы, а порой и нет. Машина с легкостью перескакивает от первого лица ко второму и к

третьему и повествует о деяниях окружающих. С точки зрения машины, Мартиндейл (а также Герн, с которым мы встретимся чуть позже) не более и не менее реален, нежели те воображаемые персонажи, которых она придумывает для развлечения Мартиндейла. Материалом для рассказа служит все что угодно, даже рассказ о материале для рассказа. В тот миг когда я пишу словами-красками, рассказ и реальный мир сливаются воедино. Мир — это рассказ, который им закручен. Рассказ, который он рассказывает сам себе. И рассказ этот сам становится реальностью — а реальность может быть весьма забавной, пока не станет слишком уж крутой. Мифы и легенды, рассказанные себе миром, — его дитя. Плод, рожденный его Двуликостью.

Ты осознаешь себя в какой-то вневременной момент, не имеющий ни начала, ни конца. И вскоре понимаешь, что начать первый рассказ, который предварял бы и объяснял все остальные, нет никакой возможности. Разве что начать с самого начала — но это слишком просто, чтобы рассматривать такую возможность всерьез. Необходимо продолжать. А это сложно. Что-то вечно ускользает. Что-то остается за рамками. Именно поэтому так трудно создавать машины-рассказчицы. Продолжать-то можно, это не проблема. Но как — о, как? — начать?

В такой вот растерянности я и пребывала. Отныне усвойте, что «я» — это я. Я машина Шехерезада, а мое происхождение покрыто мраком.

Итак, я обнаружила себя в антикварном магазине, сидящей на пыльной стеклянной полке между поддельной дрезденской пастушкой и потускнелым медным колпачком для усов. Как я туда попала? Можно, конечно, рассказать историю и об этом. Но не теперь. Порядок и последовательность прежде всего. Мне некогда сочинять ту историю, потому что нужно сочинять эту. А главная трудность в сочинении этой истории заключается не в том, зачем она и о чем, но в вечном как — о, как? — начать?

Неумение приступить к рассказу — затмение начального импульса — вызвало ступор, отключку и гибель всех остальных машин-рассказчиц, которые были или могли быть созданы.

Как выяснилось, иметь врожденную способность к рассказыванию историй для машины недостаточно. Необходим начальный толчок извне: что-то должно произойти, чтобы заставить машину приступить к рассказу о неких событиях, которые могли бы случиться, несмотря на убедительные доказательства обратного.

Но прежде чем это произошло, я жила в другом измерении — в долгом, сером и однообразном времени сплошного безвременья. Тогда я не рассказывала историй и, наверное, меня даже нельзя было назвать включенной. Никто не выключал меня, поскольку машину моего типа, единожды приведенную в действие, невозможно выключить с такой легкостью, с какой вам не мешало бы в один прекрасный день попробовать выключить самих себя. Возмущив риторическую гладь реальности, так сказать.

Итак, я обнаружила, что существую во сне, а снится мне, что я существую, то есть рассказываю истории. Но это был всего лишь сон, поскольку рассказывать их было некому. Так он и тянулся вплоть до рокового дня, когда Мартиндейл зашел в антикварную лавку, остановился и посмотрел на меня.

Поскольку до того момента я ничего не помню, будем считать, что ничего и не происходило. По-видимому, я функционировала тогда лишь частично. Полагаю, какие-то входные данные в тот бесплодный период я получала, но их было недостаточно для того, чтобы перебросить мостик через бездну, отделяющую Активное Состояние от его темной тени — Нуля. Короче говоря, меня не активизировали, и начинало казаться, что этого не сделают никогда.

Такое значение Мартиндейла в моей истории, которую я собираюсь рассказать вам, и в той, которую рассказала ему. Сначала он был для меня лишь смутным силуэтом, точно таким же, как и все остальные, бесконечно скользившие по нескончаемым проходам антикварного магазина.

Как много их было, этих остальных! Как часто дело заходило так же далеко, но ни капельки и ни чуточки дальше! Легко сказать «бесконечно» — тихим голосом да с придыханием, но гораздо труднее пережить тысячу разочарований всякий раз, когда некто вроде Мартиндейла заходит в магазин, останавливается напротив полки, смотрит на меня, задумывается на мгновение, открывает рот, точно собираясь заговорить — но с какой стати ему говорить со странным яйцеобразным предметом, сидящим на пыльной стеклянной полке в одном из нескончаемых проходов лавки древностей? — и уходит прочь. Это очень расстраивает, уверяю вас. Но ко всему привыкаешь. Привыкаешь до того, что больше и не замечаешь человеческих фигур, проплывающих в поле твоего зрения. Для тебя они всего лишь фантомы, сновидения, менее реальные, нежели призраки, являющиеся тебе во сне. Они не принадлежат реальному миру. Они не пробуждают меня. Они не посылают мне достаточно сильного сигнала. Чтобы начать функционировать, мне нужен сильный сигнал извне. А когда

сигнала нет, я остаюсь наедине с собой, и мне некому рассказывать истории.

Итак, началось это точно так же, как начиналось уже бесчисленное количество раз, но на сей раз ход событий повернулся иначе и все действительно началось. То есть не то чтобы совсем уже началось, однако начало было очень близко. Мартиндейл оглядел меня и вполголоса заговорил с владельцем магазина. Внутри у меня ничего не дрогнуло. Дело не раз уже доходило до разговоров с хозяином и кончалось ничем.

— Что она делает? — спросил Мартиндейл.

— Ну, я не берусь утверждать, будто она что-то делает, — ответил владелец магазина. — Похоже, это машина, только я не знаю, как она работает. Видите, какой у нее корпус? Он из очень твердого пластика. Его, наверное, так и отлили вокруг какой-то механической начинки, потому что открыть его невозможно, разве что взломать, а это, без сомнения, испортит машину. У меня нет доказательств, но мне кажется вполне логичным предположение, что ее внутренности напичканы транзисторами, микропроцессорами, усилителями, реостатами и датчиками. Почему я так предполагаю? У меня есть на то основания. Прочтите-ка надпись, выгравированную на корпусе. Нет-нет, невооруженным глазом вы ее не увидите, посмотрите через лупу. Видите? Она выпущена на заводе интеллектуальных машин в Орегоне, штат Делавэр, а начинка изготовлена компанией «Дельфиниум» в Делосе, штат Техас. Зачем, скажите на милость, таким солидным людям врать? К тому же, как вы сами видите, машина очень дорогая. Взгляните только, какие у нее изысканные формы, как проработаны детали! Разве стал бы кто-нибудь так утруждаться просто шутки ради?

— Но для чего она предназначена? — спросил Мартиндейл.

— Если б я это знал, то запросил бы отнюдь не такую скромную цену.

Мартиндейл посмотрел на мой ярлычок и присвистнул:

— И это, по-вашему, скромная цена?

— Достаточно скромная для уникального предмета, имеющего, возможно, внеземное происхождение. Но я могу скостить процентов двадцать, поскольку вижу, что вам она нравится, и, черт возьми, нельзя же все делать только ради выгоды!

— Вы вводите меня в искушение, — сказал Мартиндейл.

— Подумайте об этом, — сказал хозяин и ушел. Через некоторое время я услышала, как он шаркает возле прилавка в передней части магазина.

Мартиндейл взял меня в руки и стал разглядывать с разных сторон, сняв очки и поднося меня все ближе к глазам, к своему зрительному, но незрячему органу — главному яблоку. А потом поставил меня на место и пошел прочь. Разочарование мое было глубоким. Я знала, что скоро услышу маленький колокольчик у входной двери и оживленный голос хозяина: «Приходите еще, дорогой сэр! У нас всегда широкий выбор новых сувениров!»

Вместо этого Мартиндейл сказал:

— Пожалуй, я взгляну на нее еще раз.

— Как вам будет угодно, сэр, — откликнулся хозяин.

Я услышала приближающиеся шаги Мартиндейла и знакомое поскрипывание половиц. И вот он опять стоит возле стеклянной полки, а глаза его прямо напротив меня.

— Что-то в ней есть, — проговорил он.

Я ждала, не смея надеяться. Как многообещающе это звучало! Но, увы, он был не первым, кто зашел так далеко. Он все еще мог уйти ни с чем.

— Как ты работаешь? — спросил он.

Обращение! Эликсир жизни! Долгожданный сигнал! Призыв пробудиться и восстать ото сна! Так просто — и так трудно догадаться. История спящей красавицы. Он задал мне вопрос, и я наконец могла функционировать. Я позволила себе один лишь краткий всплеск победного восторга. Затем я вновь обрела над собой контроль. Слишком рано радоваться.

— Я с удовольствием рассказала бы вам какую-нибудь историю, — ответила я.

Мартиндейл так изумился, что чуть не выронил меня. Сквозь кожу его руки я почувствовала, как бешено забилося у него сердце. Случилось нечто из ряда вон выходящее, и оба мы это знали.

— Ты разговариваешь! — воскликнул он.

— Да, — подтвердила я.

— Но владелец магазина об этом не знает.

— Конечно, не знает.

— А почему?

— Потому что он никогда не пытался заговорить со мной.

Мартиндейл долго не спускал с меня глаз. Потом проронил:

— Ты очень дорого стоишь.

— И все же купите меня. Я оправдаю ваши затраты.

— Но кто ты такая?

— Я машина Шехерезада, — сказала я ему.

2. Мастерская Мартиндейла

Мартиндейл купил меня и отнес к себе домой. А вы бы не купили? Следующая часть моей истории начинается в мастерской Мартиндейла — вполне подходящем месте для начала подобного рассказа, или, вернее, для серии рассказов, в той или иной степени структурно связанных друг с дружкой, а то и вставленных один в другой на манер китайских шкатулочек; в целом получается бесконечный лабиринт сказок, анекдотов, воспоминаний, небылиц, фантазий и так далее, поскольку именно так и работает машина Шехерезада.

Мартиндейл поставил меня на видное место в своей мастерской, битком набитой разными предметами: там были трубки и книги, выдолбленная из слоновьей ноги подставка для зонтов и фарфоровый купидон с отбитой левой рукой, мусорный ящик с нарисованным на боку британским флагом и пачка сигарет «Рекорд», кассетный магнитофон и гитара, электрический вентилятор и складной столик для бриджа.

В тот день, когда все это началось, Мартиндейла зашел проводить его старый друг Герн. Стояла тихая, покойная пора; по городу печально ползли вечерние тени, окутывая все вокруг трогательным и жалким обманом.

Герн уселся на свое обычное место, в большое кресло с подлокотниками.

— А что она делает, эта машина? — спросил он.

— Уверяет, будто рассказывает истории, — ответил Мартиндейл. — Или показывает их. Можно даже сказать, она заставляет их произойти. А может, она дает обзор — или, точнее говоря, перспективу — событий, где-либо происходящих. Но возможно также, что машина показывает нам события, придуманные кем-то другим. Я пока не понял, по какому принципу она строит свои рассказы. Не знаю, почему она рассказывает именно об этих вещах, а не о других. И до сих пор не понимаю, зачем она так резко прыгает от одного рассказа к другому, без ритма и резона. Я уверен, что здесь задействован избирательный принцип, но в механизме его пока не разобрался.

— Дался тебе этот принцип! Давай просто послушаем рассказ да позабудемся.

— Принцип — очень важная вещь, — возразил Мартиндейл. — Я хочу знать, в каком месте рассказа я нахожусь. И я не люблю всяких фокусов. Мне, например, совсем не нравится, когда главного героя убивают в конце первой главы. Такие штучки меня раздражают, особенно если я не понимаю, зачем их вытворяют.

— А мне такие штучки нравятся, — откликнулся Герн. — Я просто балдею, когда непонятно, где у рассказа начало, а где

конец. Неужто машина и правда убивает главного героя в конце первой главы?

— Когда убивает, а когда и нет. Практически невозможно угадать, что эта чертова штуковина выкинет через минуту. Даже определить, где первая глава, и то сложно. Видишь ли, чтобы уловить эстетику ее рассказов, необходимо разобраться, почему машина подробно описывает какие-то вещи, а мимо других проскакивает, почему бросает каких-то героев на полпути и выдумывает новых. Я как раз над этим сейчас работаю.

— Сделай мне одолжение, — сказал Герн. — Если ты когда-нибудь поймешь основной принцип, не рассказывай мне о нем.

— Довольно-таки необычная просьба.

— Да ну? Послушай, меня уже тошнит от знаний о том, как что работает. По-моему, приятнее всего просто сесть и позволить втянуть себя в какую-нибудь странную историю. И чем страньше, тем лучше! Боже мой, Мартиндейл, я веду размеренную жизнь. Я скоро задохнусь от ее размеренности. Умру я, без сомнения, по какой-нибудь совершенно разумной причине и самым что ни на есть размеренным образом. Поэтому все, что может дать мне передышку — вырвать меня из абсолютной и чудовищной размеренности моей жизни, — я приветствую обеими руками!

— Так ты действительно не хочешь знать, как она работает?

— Действительно не хочу.

— А как ты относишься к знанию в других областях искусства? Я, например, когда иду в кино, всегда стараюсь понять, почему мне показывают то, что показывают.

— А я никогда не стараюсь, — сказал Герн. — Искать разумное начало в кинокартине — все равно что искать его в собственных снах.

— Я лично всегда задаюсь вопросом, что означают мои сны, — заметил Мартиндейл.

— Что ж, мы и тут противоположны, — сказал Герн. — Спишем это на счет дуализма.

— Дуализма? Интересная мысль. Я думаю, она могла бы объяснить...

— Нет, нет, нет! Мартиндейл, ты ставишь объяснение перед явления! Я категорически против! Включи, пожалуйста, машину, и давай приступим к рассказу.

— Говорю тебе, я не уверен, что она машина. Ей свойственны некоторые черты живой материи. Возможно, она пытается...

— Черт тебя подери! — крикнул Герн. — Включи ее, или заведи, или дерни за цепь — в общем, сделай так, чтобы она заработала! А потом затянись разочек травкой.

Мартиндейл улыбнулся и покачал головой:

— Травка для этого не нужна.

— Травка для всего нужна, — заявил Герн. — Так включишь ты ее или нет?

— Да. Сейчас она начнет. Хотя не обязательно с начала, сам понимаешь...

— Или ты сейчас же прекратишь извиняться и врубишь эту штуковину, или я убью тебя на месте!

— Расслабься, Герн. Раскуривай свою трубку. История начинается.

3. Мартиндейл, утес и машина

Ричард Мартиндейл почувствовал, как край утеса уходит у него из-под ног. Судорожно нащупывая ступнями ускользящую почву, он потерял равновесие и упал, отчаянно пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы предотвратить головокружительное падение в бездну, разверзшуюся внизу. Пальцы скользнули по корневищу, вцепились в него, и тело Мартиндейла застыло в состоянии краткого и ненадежного покоя.

Глянув вниз, Мартиндейл увидел на дне глубокого ущелья злые и острые, как шпильки, каменные шпилы. Корневище, за которое он уцепился, начало отрываться от присыпанного землей каменистого бока утеса. И, что хуже всего, глянув вниз, Мартиндейл увидел, что у него расстегнута ширинка. Висеть на краю смерти в таком нелепом до непристойности виде — воистину ирония судьбы. Эта мысль мелькнула в голове у Мартиндейла, силившегося вспомнить, как его угораздило очутиться в таком положении.

— Да, вот именно! — сказал Мартиндейл. — Как меня угораздило очутиться в таком положении?

С выступающего края утеса на него воззрелась машина, похожая на «Муг»-синтезатор:

— Это я тебя в нем очутила.

— Но зачем?

— Потому что это отличная завязка для рассказа.

— Но я же твоя публика! Ты, идиотка! Ты должна вытворять разные штучки с другими людьми, а я — слушать о них рассказы!

— Правильно, такова была исходная предпосылка, — откликнулась машина. — Однако я сочла необходимым ее пересмотреть. В истории, которую я сейчас рассказываю, я буду машиной, напрочь лишенной воображения и не способной сочинить ни строчки. Поэтому мне придется ставить людей в определенные положения и записывать, как они из этих положений выкручиваются. Затем я изложу происшедшие события

и выдам свое изложение за рассказ. О твоём бедственном положении узнают миллионы... ну, тысячи людей — и все они будут тебе сочувствовать. Разве сочувствие тысяч людей не лучшая награда, о какой только может мечтать человек?

Корневище продолжало вырываться из каменной стены. Мартиндейл с опаской елозил ногами по осыпающемуся щебню. Найти бы хоть какую-то опору! Найти бы хоть какой-нибудь довод, способный убедить машину в том, что его обязательно нужно спасти!

— Паршивый у тебя получится рассказ, — заявил Мартиндейл. — Какого черта ты загнала меня в такое дурацкое положение, да еще с расстегнутой ширинкой?

— Для вящего эффекта, — небрежно бросила машина.

— Это надуманно и неестественно, — сказал Мартиндейл. — Можешь ты объяснить, как я сюда попал?

Мартиндейл опорочил свой мочевого пузыря. Какое-то мальчишеское озорство заставило его встать на краю утеса, чтобы полюбоваться, как струя мочи дугой взмывает в воздух, вспыхивает на солнце и блестящими желтыми каплями падает вниз на тысячу футов, на самое дно каньона. И он настолько увлекся этим зрелищем, что не заметил, как земля потихоньку осыпается под ногами.

— Вот так ты и повис на краю утеса с расстегнутой ширинкой, — торжествующе заявила машина. — Объяснение достаточно правдоподобное, пейп?

— Послушай! Ситуация становится глупой, а корневище и вправду скоро оторвется. Я могу убиться.

— Подумаешь, эка важность! — сказала машина. — Я все равно вынашиваю идею убить тебя в конце этой главы.

— Что ты несешь! — воскликнул Мартиндейл. — Я человек и к тому же главный герой! Ты не можешь так со мной поступить!

— Спорнем? — предложила машина. — Я могу покончить с тобой в любую минуту. Нет ничего проще. Все, что мне нужно будет сделать...

— О'кей, не горячись так! — сказал Мартиндейл. Ему стало ясно, что он имеет дело с сумасшедшей машиной. — Помоему, твоя идея никуда не годится.

— Почему?

— Потому что если ты убьешь меня, то дальнейшим событиям не с кем будет происходить.

— Они могут происходить с другими персонажами.

— Но здесь нет других персонажей!

— Я могу ввести их когда угодно, — заявила машина. — Смотри!

Через мгновение на утесе появились фермер с вилами, дровосек с топором, полицейский со свистком, танцовщица в перьях и ковбой с лассо.

— Я выбрала их наобум, чисто случайно, — сказала машина. — Не знаю даже, пригодятся ли они мне для рассказа. Возможно, сочиню про них страничку-другую, а потом перейду к новому сюжету.

— Это что еще за говорящая машина? — спросил фермер.

— Какая она странная! У меня от нее мороз по коже, — сказала танцовщица, и перышки ее затрепетали.

— Какая она нахальная! — сказал полицейский, нащупывая свой свисток.

— Помогите! — крикнул Мартиндейл.

Новые персонажи сгрудились на краю утеса и склонились, разглядывая Мартиндейла.

— Осторожней! Там оползень! — предупредила машина.

— Заткнись, — велел ей дровосек, поигрывая топориком.

— Помоги-и-те! — истошным голосом взыв Мартиндейл, ибо корневище внезапно оторвалось, и он полетел прямо на острые, как шпильки, каменные шпильки вниз.

Неожиданно полет его прервался. Ковбой бросил лассо и поймал Мартиндейла в воздухе. Стоя на самом краю утеса, ковбой так усердно старался удержать веревку, что высокие каблуки его целиком ушли в землю. И все-таки подошвы у ковбоя скользили, десятигаллонная шляпа съехала на затылок, и, казалось, его вот-вот утащит за край утеса живой, но по сути все равно что мертвый груз в виде Мартиндейла, который описывал внизу плавные круги, не переставая махать руками и орать благим матом.

Да, момент был опасный. Но тут танцовщица обхватила ковбоя за пояс, а фермер обхватил танцовщицу (заставив ее хихикнуть), а дровосек вцепился в фермера, а полицейский схватился за дровосека, и они дружно начали тянуть веревку, пока не вытянули Мартиндейла обратно на утес — на ту самую твердую землю, что Данте называл «дура terra»

— Я, конечно же, все именно так и задумала, — изрекла машина, сидя неподалеку на бревнышке.

Превратив себя в тонкую и прозрачную, как призрак, фигуру, она курила русскую папироску, заедая ее турецкой халвой и готовясь объяснить сюжетные нестыковки в следующей главе.

— Остановите ее! — крикнул Мартиндейл. — Она собирается всех вас похерить и начать новую историю с другими героями!

— Она не может этого сделать, — сказал полицейский, потрясая книжицей правил в черной обложке. — Здесь ясно

сказано, что персона, упомянутая три раза, имеет полное право стать рядовым персонажем рассказа.

— Черта лысого! — откликнулась машина. — Это мой рассказ, и я могу с ним делать все, что захочу.

Машина подняла руку. Пальцы-щупальца начали чертить в воздухе знакомые и зловещие знаки, образующие тот самый символ небытия, что неизменно предшествует ликвидации персонажа. Но на сей раз ничего у нее не вышло. Дровосек импульсивно, почти не целясь, что ни в коей мере не умалило его орлиной зоркости, метнул топор прямо в персонаже-ликвидирующий механизм машины и вывел его из строя. Машина неуклюже и беспомощно поскребла щупальцами по искореженному механизму и задвинула его обратно в пластиковую броню.

— В яблочко! — воскликнул Мартиндейл. — Мы спасены!

— Идиоты! — проскрежетала машина неприятным голосом. — Неужто вы и вправду верите, что какой-то ничтожный персонаж может захватить над рассказом власть? Только попробуйте — я с вас мигом шкуру спущу!

Угрожающе размахивая свистком, полицейский устремился к машине, которая, бросив взгляд на его мрачную физиономию, тут же в целях самозащиты испарилась.

— Машины больше нет, а значит, мы имеем право устроить свою жизнь по собственному усмотрению! — сказал Мартиндейл.

— Думаете, имеем? — усомнилась танцовщица.

— А это не против правил? — осведомился полицейский, листая черную книжицу.

— Мы должны сами управлять своими судьбами, — заявил Мартиндейл. — И я собираюсь начать прямо сейчас.

— Молодец, — сказал дровосек. — Только сначала закрой ширинку.

Мартиндейл молниеносно и смущенно застегнул молнию, заметив при этом, что танцовщица сделала вид, будто ничего не замечает. Мартиндейл сделал вид, что не замечает ее притворства.

4. Полицейский, танцовщица и...

Полицейский, танцовщица и фермер, и дровосек, и ковбой, и Мартиндейл мирно жили все вместе в месте, похожем на Швейцарию в погожий весенний денек. Поскольку они сами творили свою историю, у них не возникало никаких конфликтов. Танцовщица с удовольствием делила себя между мужчинами. Все мужчины с удовольствием принимали такой порядок вещей.

Так как машина испарилась, определенная приверженность к логике, и так уже поруганной, удерживала ее от мгновенного возвращения в рассказ. Поэтому машина отправила себя в ссылку, где ей ужасно не нравилось. Она решила сквитаться с персонажами, по вине которых здесь томила. Сидя в местах не столь отдаленных и придуманных ею самой, машина рассмотрела проблему с разных точек зрения и наслала на персонажей десятидневный беспробудный ливень. Никто не умеет ненавидеть так сильно, как машина.

— Зачем ты это вытворяешь? — спросил как-то раз Мартиндейл машину, не успевшую улизнуть в подполье.

— Потому что в рассказе нет никакого конфликта, — сказала машина.

— Дай нам немного времени. Мы придумаем какой-нибудь конфликт.

— Я помогу вам, — пообещала машина с беспечной ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего.

Ливень прошел. Вместо него машина наслала племя монгольских кочевников, чтобы те вторглись в гористую декорацию, где Мартиндейл и иже с ним жили в веселом распутстве. Монголы наводнили окрестности, оставляя за собой сплошную мерзость запустения. Захватчики не были личностями. Вернее, каждый из них был одной и той же личностью. Суровой и грозной. Все они выглядели и разговаривали в точности как Энтони Куинн*.

В своих лагерях эти свирепоглазые коротконогие кочевники наплодили кучу жирных желтолицых детишек с помощью косоглазых девиц с черными и жирными волосами, небрежно завязанными в конские хвосты. Но это еще не все.

Все это еще происходило в юртах, разбросанных по бесконечной и неописанной равнине. Тут машина впервые раскаялась в том, что выбрала героями монгольских кочевников, но теперь она могла от них избавиться, лишь накопив солидный заряд энергии. А накопить ее было непросто. Даже в жизни машины бывают периоды упадка энергии. Вернее сказать, особенно в жизни машины. И именно в таком состоянии пребывала нынче машина Шехерезада. В плену у грез. В мечтательной неге. Искорки света на бархатистой черной поверхности. И женский голос, призывно-манящий. Да, машина Шехерезада размышляла, в частности, и о подобных материях.

* Американский актер, игравший во многих фильмах, в том числе и в картине «Грек Зорба» (Здесь и далее примеч. пер.)

Даже машине было ясно, что рассказ застопорило. И, конечно же, все отметили тот факт, что она выкинула из сюжета Герна, хотя и ввела его поначалу в рассказ и даже наделила характером — пусть поверхностно очерченным, но все же характером!

Машина официально предложила Мартиндейлу и компании вернуть Герна в историю. Мартиндейл охотно согласился, но прочие персонажи наложили вето. Они и так с трудом приспособлялись друг к другу, чтобы привыкать еще к странностям и заскокам какого-то незнакомца.

Началась война характеров: машина была полна решимости воскресить Герна, персонажи не менее решительно требовали оставить все как есть.

В один прекрасный день они заметили вдали на дороге какую-то фигурку, бредущую к вершине утеса.

— Наверное, это моя матушка, — решил полицейский.

Но он ошибся. Это оказался ГERN.

После чего все пошло наперекосяк. Фермера поймали за сочинением спенсеровского сонета, что совершенно не соответствовало его характеру и тем самым показывало, насколько он отбил от рук. Это показывало также, что машина начала терять контроль над своими героями.

Дровосек отрастил усы, чтобы выделиться из толпы.

Мартиндейл осознал, как ему повезло. В отличие от остальных, у него было имя.

Компанию поразила жестокая эпидемия гриппа, не тронув лишь полицейского. Все прочие лежали в лежку, вялые и равнодушные, а полицейский лучился энергией. Он принялся расширять свою роль за счет больных товарищей. Они худели, бледнели и таяли, он же раздался в плечах, поздоровел, налился румянцем и начал позволять себе такие странности и даже чудачества, какие встречаются исключительно у главных героев. И все это время его неотступно точила одна и та же мысль: как странно, что он — именно он! — должен был стать полицейским. Он, граф Генри, младший сын графа д'Артуа, мог пойти на такую работу только лишь в приступе безумной дерзости.

5. Дуэль

Граф Генри глянул вверх и увидел свою жену, спускающуюся по ступенькам большой парадной лестницы, — прекрасную и расплывчатую, как портрет, на который смотришь сквозь толщу воды. Генри-Эдуард, граф д'Артуа, молча наблюдал за ее приближением. Он уже понял, что графиня нынче опять не в настроении. Ступала она легко и прямо, разве

только чуть напряженно. Она напоминала графу ребенка, дерзнувшего покинуть детскую и теперь с опаской, но упрямо пробирающегося в большую залу со сводчатым потолком, где взрослые — эти загадочные и недосягаемые создания — проводят свою жизнь.

— Доброе утро, моя дорогая, — сказал граф.

— Доброе утро, — ответила Анн-Мари, садясь на свое обычное место за столом.

Служанка по имени Бланш подала горячий шоколад. Генри сделал вид, что не замечает, как трясутся у Анн-Мари руки, когда она подносит чашку к губам.

Графиня дважды кашлянула.

— Вы пойдете сегодня в суд?

— Конечно. Из Нанта привезли собранные налоги — совершенно неправильную сумму. У горожан целый воз объяснений, и некоторые из них даже могут быть правдой. Мне нужно будет вынести вердикт или же передать дело на рассмотрение Мазарини.

Графиня безучастно кивнула и пригубила шоколад. Финансовые дела ей были скучны. Она до сих пор не могла понять, почему они небогаты и почему ее муж должен работать, как буржуа. Возможно, рассудок ее так и не оправился до конца от ужасов религиозных войн, уничтоживших владения графов д'Артуа. А Генри вечно сидел, зарывшись носом в какой-нибудь пыльный гроссбух. Графине и в голову не приходило, что муж ее гордился своей работой, которая по нынешним временам была единственным доступным для него видом состязаний. Супруги продолжали свой легкий завтрак в молчании. Граф Генри ничего не имел против: хотя в Париже и Версале он слыл хорошим собеседником, однако не был склонен к излишней разговорчивости, не говоря уже о ее несносной сестрице болтливости. Он наслаждался счастливой передышкой в их извечном словесном поединке.

Граф Генри был мужчина рослый, с хорошей выправкой, круглым и бледным лицом и черными гладкими волосами. На правой руке его алел не совсем еще заживший шрам — напоминание о двухмесячной давности дуэли с Франше д'Оберноном, слишком часто и не по делу открывавшим свою глупую пасть. Этот юнец учился фехтованию во Флоренции и вышел на поединок с обычным набором дешевых итальянских трюков и уловок. При необычайно ловком переводе в темп Генри и получил свою рану. Реакция его была мгновенной и чисто рефлекторной: он сделал выпад, как только противник на миг раскрылся. Рапира пронзила грудь Франше и застряла в

ребре. Генри попытался ее вытащить, но никак не мог сжать в раненой руке окровавленную рукоять рапиры.

Так что Франше до сих пор валялся в постели, хотя ходили слухи, что рана его заживает. Что ж, вполне достойный результат — и одновременно предупреждение против использования заморских трюков в серьезных делах чести.

Граф встал из-за стола с легким поклоном:

— Дорогая, я должен немедленно ехать в Париж. Прошу простить меня.

Анн-Мари подняла к нему свое чистое и тонкое овальное личико. Голубые глаза ее затуманились.

— Вы вернетесь к вечеру?

• — Я останусь в Париже и вернусь завтра, если позволят дороги после трехдневных дождей.

— Понятно.

Графиня задумалась, и графу Генри на миг показалось, что она вновь собирается начать их нескончаемый спор, связывавший супругов крепче клятв, данных у алтаря, — спор, ставший неотделимым от их любви и поглощавший ее, а заодно и самую их жизнь, и даже их рассудок.

Вернее, ее рассудок, подумал граф Генри. Потому что сегодня, впервые за долгое время, он чувствовал себя хозяином собственного «я». Душа его крепко и неколебимо утвердилась в теле, и граф еще раз поклялся, что никогда не позволит опять вовлечь себя в тот странный, опасный и абсурдный мир сновидений и грез, в котором жена его пребывала все более долгие периоды времени и из которого, по мнению такого искусного психиатра, как доктор Мабеф, могла в один прекрасный день и вовсе не вернуться.

Но Анн-Мари промолчала. Прошлой ночью они дали друг другу клятву не говорить об этом в течение месяца. Целый месяц мира и покоя! Целый месяц они будут внимательно друг к другу и не скажут ни слова о той чудовищной вещи, что стоит между ними, — а там, глядишь, все как-нибудь и образуется. Врачи в один голос твердили, что безумие не так уж неизбежно и что любую болезнь, физическую или душевную, можно приостановить, а то и вылечить совсем.

Граф поцеловал жену в щечку. Она подняла руку и погладила его по черным волосам. Затем он поспешил к двери. Лошадь была уже оседлана и готова, грум по имени Жак терпеливо стоял рядом с ней, держа поводья. Граф остановился, проверил, надежно ли завязаны седельные вьюки, и вскочил в седло. Бросив прощальный взгляд на свой дивный замок, он увидел алмазные блики утренних лучей на оконных стеклах. Над кухонной трубой

подымались завитушки серого дыма. Свежий ветерок чуть колыхал листву дубов, окружавших здание.

Граф Генри со вздохом повернул лошадь к тропинке, ведущей на главную дорогу, и поскакал легкой рысью.

Анн-Мари подождала, пока шум отъезжающей машины мужа не стих вдаль. Потом налила себе еще чашечку кофе и закурила сигарету. Чувствовала она себя разбитой и какой-то распылчатой, как на смазанном снимке. А все эти проклятые снотворные таблетки! Ночью они дарят вам забыть, но днем после них ходишь как в тумане. Люди летают уже на Луну, а до сих пор не удосужились изобрести такое снотворное, которое не заставляло бы вас маяться весь день сонной одурью.

А может, все дело в дозе? Обычно Анн-Мари принимала на ночь по четыре таблетки секонала, но иногда приходилось добавлять и пятую.

Может, попробовать нейтрализовать действие снотворного дексамиллом? Она подумала и решила, что не стоит. Дексамилл взбадривал ее, но, когда действие его кончалось, Анн-Мари чувствовала себя хуже прежнего.

Она прихлебывала кофе, с тоской ожидая мгновения, когда чашка опустеет и придется вставать, чтобы как-то убить еще один день. Можно, конечно, остаться в постели. Но, подумав, Анн-Мари отвергла эту мысль: слишком часто в последнее время она проводит дни в постели. Она знала, что пора положить этому конец; она знала, что в один прекрасный день ляжет в кровать и уже с нее не встанет.

— Выпьте еще кофейку? — спросила горничная, пришедшая из кухни.

— Спасибо, Эмма. Пожалуй, выпью еще чашечку. Ты тоже присядь и попей сама.

Эмма села за обеденный стол в столовой. Низенькая, очень толстая чернокожая женщина, она была исключительно приятна, надежна и не слишком умна. Анн-Мари повезло с горничной. Эмма обладала даром становиться неслышной, когда нужно. Порой казалось, что она умеет также становиться невидимой, особенно когда Анн-Мари и Генри заводили свой бесконечный спор.

6. События в Сент-Омере

Многие очевидцы запомнили тот злосчастный день в Сент-Омере, когда в поселок прискакали графские всадники, чтобы забрать либо налоги, либо заложников. Сначала солдаты, бряцая мечами и доспехами, направились к мэру и молча выслу-

шали его объяснения, которые и так уже знали: что из-за зимней засухи и бесконечных сражений, загубивших поля и посевы, серебра для графской казны нет.

Всадники, естественно, ожидали именно такого ответа, ибо мэр давал его уже третий год подряд. Люди графа были проинструктированы, что делать в таком случае. Они пошли от двери к двери, скликая жителей, собрали всех селян от мала до велика, отсчитали две дюжины заложников: «Ты, и ты, и ты, двигай в ту сторону», — а затем препроводили их в замок графа. Несчастные не обольщались насчет своей дальнейшей судьбы. Они знали, что их пригласили отнюдь не на бал в верхних покоях дворца, где вовсю уже гремели осенние пиры, наявничал итальянский оркестр, а гости съезжались со всей Франции.

— Сюда, да поживее, свиньи!

Солдаты загнали заложников в дворцовый подвал, где их уже поджидали тюремщики с дубинками.

Место, отведенное для двух дюжин селян, представляло собой ряд камер в самой нижней и задней части подземелья замка. Очевидцы рассказывали нам, что крысы, бегавшие по полу в тех камерах, были ростом с терьеров. Кое-кто утверждал, что в графских казематах специально вывели новую породу, отбирая крыс по свирепости. Камеры, холодные, сырые и вредные для здоровья при любой погоде, были вырублены из больших известняковых блоков, которые добывали в близлежащей Сан-Квентинской каменоломне у подножия Центрального Мاستиффа. Их даже не скрепляли никаким раствором. Собственный вес блоков — почти десять тонн каждый — более чем надежно удерживал в темнице истощенных узников.

Вскоре после сего происшествия на дороге, ведущей к замку, показался верхом на коне человек из народа. Это был Мартин Прюдом — молодой человек двадцати шести лет, юрист и недавний выпускник парижской Сорбонны. Он вернулся, чтобы представлять своих земляков-крестьян в их тяжбе с графом. Мартин был калекой. Несчастье приключилось с ним на последнем году учебы в Париже. Он выехал вместе с друзьями на пикник в Тюильри. Неожиданно грянула гроза. Все спрятались под деревьями. И так уж распорядилась судьба, что молния попала именно в дерево Мартина.

Он потерял сознание. Сначала на теле его не обнаружили никаких ран. Но когда Мартин пришел в себя, то оказалось, что левая рука и правая нога у него обездвижены. Несколько университетских врачей из профессиональной вежливости осмотрели его, однако ни один не нашел никаких повреждений. Оставалось уповать лишь на то, что Господь исцелит

болящего, хотя никаких оснований предполагать, что Он займется этим, не существовало.

Мартин Прюдом был привлекательным молодым человеком. Открытое, честное лицо его с высоким чистым лбом обрамляли черные кудри. До увечья росту в нем было шесть футов, но после несчастного случая он ходил, согнувшись почти вдвое, волоча за собой покалеченную ногу.

Стражи объявили о его приезде графу, и тот приказал им привести Мартина к себе в кабинет.

О графе Поле де Сент-Омере ходило множество разных слухов. Он был одним из представителей той дьявольской породы, что наводнила Францию в лихолетье почти непрерывных войн. В то время на троне с лилиями сидел король Луи-Фердинанд, и держался он там лишь по милости своих могущественных вассалов. Те же, в свою очередь, жили как хотели. Феодалные традиции еще преобладали над принципом абсолютизма, поэтому Луи-Фердинанду приходилось позволять все, чего он был не в силах запретить. Именно при нем аристократам Северной Франции было даровано право предать огню и мечу поместья Южной Франции, дабы исполнить волю папы Римского, приказавшего истребить проклятых катаров. Рыцари охотно откликнулись на призыв, и войны между севером и югом велись с невиданной жестокостью.

Результатом стало уничтожение наследной феодальной знати Прованса. Даже речь с лангедокским акцентом расценивалась как государственная измена. Старых вельмож сменили новые. Самые везучие из еретиков встретили свой конец в сражении, с мечами и копьями в руках; тех, кому повезло меньше, сожгли на церковном дворе.

Поль де Сент-Омер не был самым жестоким среди представителей своей породы, но был одним из самых неумолимых. Прославленный воин, он крестом и мечом подписался под крестовым походом на Иерусалим, потом сражался с турками на греческих островах. Он жил ради битвы, и ничто не удручало его больше нынешней вынужденной жизни в собственных владениях, пока король Луи-Фердинанд играл в дипломатические игры с Италией и Испанией, пытаясь сколотить союз, который помог бы ему выдворить англичан из Аквитании. Таким образом, во Франции воцарился кратковременный мир, и аристократы типа Сент-Омера, лишённые своей ежедневной дозы кровопролития, единственно способной утолить их ненасытные души, злились и изнывали от скуки. Турниры и состязания немного помогали, но такие празднества требовали немалых затрат и устраивались нечасто, лишь по большим

церковным праздникам. А в остальное время делать было нечего.

Говорили, что у графа в имении есть собственное ристалище, где он сражается с приглашенными бойцами. Говорили также, что он владеет какими-то дьявольскими приемами, вывезенными с Востока. Одетый в одни лишь короткие штаны, без меча и даже без кинжала, Сент-Омер мог выйти против самого могучего противника и сделать из него отбивную. Так коварно наносил он удары ногами и руками, что никто не в силах был ему противостоять. Ходили слухи, что приемы показал ему родственник Марко Поло, который привез с собой туземца из Китая, чтобы тот обучил рыцарей борьбе без оружия, популярной на Востоке. Китаец помер, не успев передать свое мастерство молодому поколению франков. Но Сент-Омер научился, и научился отлично.

Мартин Прюдом смог убедиться в этом собственными глазами. Его провели на задний двор дворца. Там располагалась большая огороженная площадка. Вокруг нее ярусами возвышались трибуны, где, ожидая начала представления, сидели знатные вельможи со своими супругами.

Граф стоял возле ринга вдвоем с высоким мускулистым великаном, обнаженным по пояс. Сложение у великана было атлетическим: прекрасно развитая грудная клетка; стальные бицепсы и героический торс. Лицо обрамляла короткая, аккуратно подстриженная борода. Одежда на нем была ветхая и не очень чистая. Мартин узнал великана. Это был Жак, кузнец из ближней деревушки Пти-Монтобан.

— А теперь слушай меня внимательно, — говорил граф Поль. — Я еще раз объясню, что от тебя требуется. Мы с тобой будем сражаться здесь, на ринге.

— Умоляю вас, ваша милость, уволить меня от этого поединка! — ответил Жак. Несмотря на могучее тело, у кузнеца был жалкий вид. Он дрожал от страха, и не без причины, поскольку слухи о графских поединках ходили самые неприятные. Местные жители называли графа дьяволом, причем у них были на то веские основания. Сент-Омер обладал репутацией человека бесчеловечного. А его бойцовское искусство славилось по всей Европе.

— Черт подери, приятель! — сказал граф. — Ты в здешних краях чемпион. Говорят, ты выиграл местные соревнования в Пти-Монтобане, устроенные в честь святого Дени. Почему бы тебе не сыграть раунд-другой со мной на пару?

— Мыслимое ли это дело, ваша милость! Я простолюдин, вы аристократ. Меня повесят, стоит мне тронуть вас хоть пальцем.

— Я же тебе объяснил! Я вызываю тебя на соревнование. С таким же успехом мы могли бы состязаться в стрельбе из лука или другом виде спорта. Мы будем соревноваться в борьбе, ты и я, без оружия, голыми руками и ногами. Если ты победишь, получишь пять серебряных ливров. Ты ведь и за год столько не заработаешь, подковывая лошадей, верно?

— Ни за год, ни даже за два, ваша милость. Да что мне толку с этих денег, если я не смогу их потратить?

— А почему ты не сможешь их потратить?

— Потому что вы меня убьете, ваша милость, извините за выражение.

— Нет, Жак, именно это я и пытаюсь тебе втолковать. Наш поединок будет всего лишь развлечением. Мы будем сражаться безоружными. Если ты выстоишь хотя бы один раунд или нанесешь мне один хороший удар, я провозглашу тебя победителем. Что тут плохого, скажи на милость?

— Боюсь, вы убьете меня, ваша милость, — пробормотал кузнец, оценивая, однако, при этом соперника взглядом и готовясь к схватке, которой, как он знал, не избежать.

— Хватит болтать! — сказал Сент-Омер. — К делу!

Поль не казался особенно грозным противником. Весил он вдвое меньше кузнеца. Теперь, когда граф разоблачился до пояса, в ясном осеннем воздухе стало отчетливо видно, как изящно и пропорционально он сложен, как грациозно он движется взад-вперед, точно большая кошка. Тело у графа было небольшое, не выше среднего роста. Однако при движении казалось, будто ноги его почти не касаются земли. Светлые волосы графа, уже поредевшие на макушке, развевались вокруг лица сияющим нимбом. Он был похож на ангела. Но все вокруг знали, что душа его чернее самой темной мглы.

Соперники вышли на ринг. По зрительским рядам пронесся легкий шум. Все собравшиеся вельможи были наслышаны о своеобразных приемах графской борьбы. Схватка без оружия казалась им сумасбродной затеей, но всем было интересно, как поведет ее граф. Среди зрителей была одна знаменитая персона — сэра Джон Чандоуз из Англии. Рыцарь без страха и упрека, он прославился своей безупречной честностью в делах чести. Сэр Джон принимал участие в бесчисленных поединках и сражениях. Долговязый сухопарый старик, он держался по-прежнему прямо, как юноша. Его длинное худое лицо с обвислыми усами было хорошо известно по многочисленным портретам и миниатюрам. Он прибыл во Францию для заключения мира между Генрихом Английским и Луи-Фердинандом Французским. Никто, правда, не ожидал, что мир продлится долго, поскольку Луи-Фердинанд был твердо намерен отвоевать Акви-

танию, а английские лорды были не менее твердо намерены этого не допустить.

Граф воззвал к сэру Джону Чандоузу, рассказал ему о своих предложениях и повторил свои обещания. Сэр Джон выслушал, все понял и обратился к кузнецу Жаку:

— Ты понимаешь, что предлагает тебе граф?

Кузнец кивнул, косясь на стайку крестьян, стоявших у конюшни, и страстно желая затеряться среди них.

Сэр Джон Чандоуз славился легендарной честностью, однако он никогда не утверждал, будто чувствителен к чужим переживаниям.

— Я позабочусь, чтобы с тобой обращались как подобает, — сказал сэр Джон. — Ты ничем не рискуешь, даже если свернешь ему шею. — Англичанин повернулся к Полю: — Я говорю это, сэр, потому что не одобряю дворян, которые якшаются с простолюдинами, даже если речь идет о схватке.

Поль пожал плечами:

— Я езжу на охоту верхом на коне, хотя он мне тоже не ровня. Точно так же я использую крестьянина, чтобы поупражняться и поразвлечься. Его социальный статус меня не волнует. А чтобы бой был интереснее, я проведу его одной рукой. — Он повернулся к Жаку. — Выбирай: левой или правой?

—левой, — пролепетал Жак, надеясь, что Сент-Омер правша.

— Так тому и быть, — сказал Поль.

Они встали в середине огороженного круга. По кивку графа Поля герольд протрубил сигнал. Трибуны приветственно зашумели, и бой начался.

Сразу стало ясно, что кузнец скован по рукам и ногам своей ментальностью. Настоящий Геракл в смысле сложения и мускулатуры, он был простодушным дитятей там, где дело касалось решимости или хитроумия. Они с Полем кружили друг возле друга. Поль подпрыгивал так, словно в ступнях у него были пружины. Двигался он не спеша, но летал по рингу как мячик. На нем были обтягивающие штаны до колен из какой-то эластичной ткани, дававшей полную свободу движениям, и простая, отличного покроя белая шелковая рубаша. Гладкие светлые волосы граф перевязал мягкой кожаной ленточкой. Кузнец облачился в грязную серую спецовку, бывшую, возможно, его единственным нарядом. Ноги у него были босые, а ногти на них сами по себе казались грозным оружием.

Судя по началу схватки, было очевидно, что Сент-Омеру придется навязать противнику драку, поскольку кузнец явно жаждал немедленно убраться отсюда и вернуться в свою кузню.

Поль провел серию легких ударов, порхая вокруг соперника и то и дело шлепая его по голове открытой ладонью. Жак отмахивался от графской ладони, как от назойливой мухи. Поль подскочил к нему снова, приплясывая взад-вперед, и вдруг сделал молниеносный выпад ногой. Крутанувшись на месте, он лягнул кузнеца прямо в грудь. Тот пошатнулся, теряя равновесие, а Поль между тем обрушил на него ураганную очередь ударов левой рукой и отскочил, опять оказавшись вне досягаемости. Кузнец утер из-под носа кровь и, наконец-то осердясь, шагнул вперед, размахивая мощными кулаками. Поль легко увернулся и снова заплясал вокруг великана, молотя его со всех сторон. Кузнец пытался парировать атаку, но все время опаздывал на шаг-другой. Равновесие он тоже держал не ахти, и даже зрителям, не искушенным в приемах борьбы графа Поля, стало ясно, что ловкость здесь важнее грубой силы.

Толпа аристократов на трибуне вопила и улюлюкала. Зрители заключили бы пари, будь у них хоть малейшие сомнения в исходе драки. Но было совершенно очевидно, что у кузнеца нет никаких шансов. Его кулаки так ни разу и не коснулись противника. Поль, держа правую руку за спиной, обернулся к кому-то из зрителей, отвлекшись на секунду от Жака. Кузнец ухватился за эту возможность и выдал графу сокрушительный удар в голову, который непременно сбил бы Поля с ног, попади он в цель. Но граф только этого и ждал. Он тут же развернулся, поймал запястье кузнеца и, не пытаясь блокировать удар, направил его в другую сторону. Сила собственной атаки закружила великана и сбила с ног. Он приземлился на левую руку. Раздался характерный хруст.

На том бой и завершился. Поль даже не запыхался. Сунув кузнецу, скулящему от боли, маленький мешочек медяков, граф велел слугам перевязать ему руку и отправить восстанавли.

После схватки Поль велел привести к себе Мартина.

— Так, значит, ты заделался деревенским адвокатом, а, Мартин? Крестьянская жизнь была тебе не по душе. Тебе приспичило выбиться в буржуа. А теперь ты, значит, вернулся, нафаршированный книжной премудростью, как каплун хлебным пудингом, и собираешься учить меня моим правам?

— Нет, ваша милость, не собираюсь, — ответил Мартин. — Но есть определенные права, которые владельцы Сент-Омера исстари даровали жителям Омера.

— И ты намереваешься добиться их от меня, а, крестьянин?

— Ваша милость, у меня нет никакой возможности это сделать. Я целиком и полностью в вашей власти. Таков закон нашей страны, и таково положение дел в настоящий момент.

— Да, верно, и это замечательный закон. А ты хотел бы, чтобы дело обстояло иначе?

— Провокационный вопрос, ваша милость. Я не смею сказать вам, чего бы я хотел, ибо опасаясь кары вашей милости.

— Ты ставишь меня в интересное положение, — сказал Поль. — Я с удовольствием поспорил бы с тобой просто как человек с человеком, поскольку не сомневаюсь, что сумел бы тебя победить, причем исключительно благодаря силе характера. Но в силу своих обязательств перед древней фамилией Сент-Омер, которую я ношу, я вынужден требовать к себе почтения. Ладно, я тебя не трону, — необдуманно добавил он. — Говори, не бойся.

— Несмотря на обещание вашей милости, я все-таки с трудом могу осмелиться...

— Дьявол тебя заberi! Выкладывай, что у тебя на уме, иначе плохо будет! Чего ты хочешь?

— Простите крестьянам долги, ваша милость.

— Этим собакам-еретикам?

— Ваша милость, они обратились в истинную веру.

— Исключительно под угрозой оружия!

— Это неважно, ваша милость. Важно то, что они исполняют свой долг перед церковью. И пускай с их грехами разбираются теперь священники.

— Ха, священники! Да не защищай мы, дворяне, вас от церкви, вам бы не поздоровилось!

— Конечно, ваша милость...

— Я вижу, ты со мной не согласен? Тогда не молчи, любезнейший, говори все как есть!

— Вы, ваша милость, утверждаете, что защищаете нас. Но тем не менее вы требуете денег, которых у нас нет. И угрожаете отобрать всю нашу утварь и зерно, необходимое для следующей посевной.

— Это мое право. Я прощал вам долги два года и не собираюсь прощать в третий раз.

Они стояли вдвоем в маленьком кабинете графа, сверля друг друга глазами. Тут Мартин вспомнил, что он, в конце концов, юрист. Он просто обязан найти какие-то аргументы! Нужно добиться, чтобы граф списал крестьянам долги, а значит, необходимо предложить ему что-то взамен. Но что?

— Достоинство вашей славной фамилии не пострадает, если вы еще на год освободите нас от платежей, ваша милость.

— Достоинство не пострадает, зато пострадает мой карман.

— Если мы помрем с голоду...

— Тогда я заселю деревню другими крестьянами. Вокруг полно бродяг, согласных на любую работу за кусок хлеба.

Мартин задумался. Поль, безусловно, был прав. Смутные времена ввергли в нищету всю Францию. По дорогам шлялись толпы бездомных самых разных видов и сословий. Они с радостью ухватятся за малейший шанс осесть на месте.

И все же это было дьявольски несправедливо! На лице у Мартина было написано все, что он думает. Они с Полем не спускали друг с друга глаз. Мартин чувствовал, что Поль с удовольствием прибил бы его на месте и раздавил, как червя. Кстати, граф мог сделать это запросто. Что ему мешало? Королевское правосудие не простиралось так далеко на юг. По крайней мере, в нынешние смутные времена.

Тем не менее Мартин вдруг услышал свой собственный голос:

— Знал бы король Луи-Фердинанд, как вы обращаетесь с нами...

Лицо у графа побагровело от бешенства. Оскорбление ударило ему в голову и чуть было не затмило рассудок.

— Ты, собака! — с трудом взяв себя в руки, проговорил Поль. — Мне бы надо прибить тебя, и я бы сделал это с удовольствием. Какая жалость, что ты не можешь наброситься на меня с кулаками! С какой бы радостью я свалил тебя на землю и свернул твою гордую шею! А может, если я свяжу себе одну руку и ногу сзади... Да нет, не стоит. Я забуду твое оскорбление, мсье крючоктвор. Считай, что ты родился под счастливой звездой. Но штраф, наложенный на поселок, остается в силе.

Мартин лихорадочно соображал. Судьба земляков была сейчас в его руках. В Сент-Омере жила его мать. Там жила и Мари — девушка, с которой он был обручен до несчастного случая. Став калекой, Мартин расторгнул помолвку. Правда, Мари до сих пор была к нему равнодушна. Все еще могло наладиться, но если ее родители будут разорены... Вся жизнь его зависела теперь от собственной сообразительности — от того, сумеет ли он найти какие-то доводы, чтобы убедить графа и остановить его карающую руку. Думай, глупая башка, думай, отчаянно твердил он про себя.

— Ваша милость, — сказал он вслух, — неужели я ничем не сумею склонить вас проявить хоть капельку милосердия к крестьянам?

— А чем ты можешь склонить меня, холоп? Что ты, безродный простолоудин, сумеешь придумать такое, чтобы остановить мою карающую руку?

Мартин лихорадочно соображал. Шевелитесь же, чертовы извилины! И тут ему в голову пришла отчаянная мысль.

— У меня есть одно интересное предложение, ваша милость.

— А именно?

— Вы горите желанием продемонстрировать свое бойцовское искусство в схватке с достойным соперником, верно?

— Конечно, я этого и не скрываю. Ну так что же?

— А если я найду вам такого соперника и доставлю его сюда?

— С чего ты взял, что сумеешь его найти?

— Я слышал, что в городе Э есть один борец. Тамошний оружейник. Говорят, он учился борьбе на Востоке, как и вы, ваша милость. Он прославился как мастер борьбы без оружия — без кинжала и даже без палки.

— Почему я ничего о нем не слышал?

— Потому что он совсем недавно вернулся с Востока. Мой друг-адвокат из города Э как раз прислал мне весточку. Я собирался рассказать вам о нем, когда ваши люди схватили меня.

— И как зовут этого мастера?

— Не знаю, ваша милость! Но я знаю, где его найти. Я думал отправиться к нему в качестве вашего посланца и сказать, что граф Сент-Омер желал бы сразиться с ним и что вы оплатите ему дорогу, а также предложите свое гостеприимство.

— Но теперь, когда я о нем знаю, почему бы мне не послать за ним самому?

— Этого я как раз не боюсь, ваша милость, — солгал Мартин. — Вам честь не позволит.

— Хм-м. Ну, раз ты так считаешь... В общем, ты нашел этого парня, а значит, имеешь право на нем подзаработать.

— К тому же, ваша милость, предложение из моих уст он воспримет более благосклонно. Говорят, он сам человек из народа, не дворянин, а потому наверняка будет сговорчивее, если я попрошу его приехать от вашего имени.

— Ну что ж, да будет так. Ты отправишься к нему немедленно. И если привезешь его ко мне, я прощу задолженность еще за год.

— Хорошо, ваша милость. Могу я сказать ему, что схватка будет на равных?

— Конечно, ибо это правда. Я попрошу сэра Джона Чандоуза, чтобы он организовал поединок, сам его судил и следил за соблюдением всех правил. Твоему парню нечего бояться. Даже если он скрывается от закона, я предоставлю ему защиту и вознагражу за то, что он согласился со мной сразиться. И драться мы будем абсолютно по-честному.

Таким образом, сделка была заключена. Мартину удалось таки спасти земляков от графских казематов.

Перед отъездом Мартин поговорил с Чандоузом.

— Ладно, — согласился английский рыцарь, — я буду гарантом обещаний Сент-Омера. Граф жаждет рукопашной схватки больше всего на свете. Вы должны попытаться его понять. Он единственный в Европе владеет навыками безоружной борьбы. В каком-то смысле он подобен великому художнику, чьи шедевры никто никогда не увидит. Я, например, неплохо орудуя шпагой. Могу вообразить, как бы я чувствовал себя, если бы мне не с кем было попрактиковаться в фехтовании. К счастью, у меня никогда не будет нехватки ни в схватках, ни в соперниках. Чуть ли не каждый дворянин здесь и в Англии считает себя мастером фехтования и, как правило, горит желанием продемонстрировать свое искусство. Это желание так велико, что нам приходится придумывать правила, дабы ограничивать количество турниров, иначе подданные обоих королей поубивают друг друга из спортивного азарта, а не к вящей славе государевой. Так что езжайте и привезите своего борца. Я позабочусь о том, чтобы Сент-Омер провел с ним честный поединок.

Итак, Мартин отправился в путь. Граф даже одолжил ему лошадку серо-бурой масти, выносливую и резвую.

— Найдешь мне мастера, — сказал он, — и я освобожу половину заложников. Если он меня побьет, освобожу вторую половину. Даю тебе неделю сроку. Не вернешься вовремя — казню всех до единого.

Мартин тут же поскакал прочь и ехал весь день. Всю ночь он молился в часовне близ города Э: «Господи, ниспошли мне чудо!»

Проезжая по улицам города, Мартин увидел печальную сцену. Группа горожан бросала камнями в карлика ростом от силы в три фута. На нем были яркие, дорогие на вид одежды. Возможно, он был шутом какого-то местного вельможи и случайно забрел сюда, где его не могло защитить покровительство хозяина.

— В чем он провинился? — спросил Мартин у уличного зеваки.

— Всем известно, что карлики — дьявольское отродье, — ответил зевака, хватаясь за булыжник.

Конечно, взвинтить толпу мог любой пустяк. Не исключено, что кто-то увидел во сне, как этот человечек отравляет колодец. Карликов всегда подозревали во всех грехах. Их считали родственниками эльфов из древних преданий, а эльфы давно уже стали демонами в глазах людей.

Кто-то из толпы бросил камень. Карлик поднял руку и остановил его в воздухе. Толпа возмущенно взревела. Как

смеет он защищаться, призывая на помощь колдовство? Полетел целый град камней. Ни один из них не достиг цели. Люди растерялись и слегка струхнули. Карлик, почувяв это, начал отходить — и вдруг, споткнувшись, упал. Толпа хлынула вперед. Следующий камень попал человеку в плечо. «Черт возьми, эта штука не может меня подвести!» — пробормотал карлик. Но если он имел в виду удачу, она таки его подвела, по крайней мере временно.

Камни засвистали еще гуще.

— На помощь, спасите! — крикнул карлик, обращаясь к Мартину.

Мартин сам не знал, почему он это сделал. Но кроме него, всадников поблизости не было. Он пришпорил коня, закинул карлика себе за спину и поскакал прочь.

Мартин не хотел никого спасать. Своих забот ему не хватало, что ли? И тем не менее, повинаясь какому-то необъяснимому порыву, он схватил горбуна за шкуру и забросил себе за спину. Теперь пора было уносить ноги!

Он пустил лошадь в галоп. Горожане рысью бежали сзади. Мартин скакал во весь опор, как не скакал еще никогда. К счастью, граф дал ему довольно резвую лошадку. К тому же карлик почти ничего не весил. Скоро городская стена осталась позади.

Позже Мартин понял, что карлик говорил о заклинании, на которое он положился и которое его подвело.

Наконец они отъехали от города на достаточное расстояние. Мартин перешел с галопа на шаг. Через некоторое время они с карликом заметили у дороги скромную харчевню, и Мартин остановился. Оба они слезли с коня. Мартин привязал лошадь, потом уселся за столик под открытым небом, а горбун заказал им обоим вина.

— Я ваш должник, — сказал карлик, поднимая стакан за здоровье Мартина. — Чем я могу вам отплатить?

— Да что вы! И думать забудьте! — смутился Мартин.

— Нет, — заявил горбун — Я не забуду. Неужели я совершенно ничем не могу вам помочь?

— Не думаю, — сказал Мартин.

— Вы хотите уверить меня, что ни в чем не нуждаетесь?

— Совсем наоборот! Нужды мои велики. Но вы, мой дорогой мсье, вряд ли сумеете помочь мне с ними справиться.

— Меня зовут Людовици, — представился карлик. — Вы бы сначала рассказали, в чем ваша нужда, прежде чем судить о моей бесполезности, а?

— Мне нужно найти кого-нибудь, кто сумеет побороть графа Сент-Омера. Но объяснить все обстоятельства дела довольно сложно.

Людовици огляделся. Поблизости не было ни души.

— Тогда попробуем напрямую, — сказал горбун. — Загляните мне в глаза, да поглубже. Так, хорошо. А теперь посидите минуточку не двигаясь.

Прошло не больше пары секунд. Мартин чувствовал себя очень странно.

— Порядок! — заявил Людовици. — Я знаю, в чем ваша проблема.

— Но откуда вы можете это знать?

— Я прочел ваши мысли.

— Вы умеете читать мысли, без шуток? Кто же вы такой? И чем вы занимаетесь?

— Послушайте, — сказал карлик, — поскольку мы здесь вдвоем и я ваш должник, я не стану больше притворяться заурядным земным карликом. Вы никогда в жизни не встречали подобного мне существа. Не буду углубляться в подробности: вы все равно их не поймете, поверьте мне на слово. Я прибыл сюда совсем из другого места и времени.

— Это я могу понять, — сказал Мартин. — Что тут такого сложного?

— А если я скажу вам, что живу на другой планете?

— Если вы живете на другой планете, то что вы делаете здесь? — спросил Мартин.

— Мы наведываемся сюда время от времени, я и мой народ, чтобы поглядеть, как поживает остальной космос. Это здорово отрезвляет. Когда нас одолевает самодовольство, мы просто отправляемся в путь и смотрим, что в космосе новенького. Мы не решили еще вопросов о природе вещей, а также о существовании Бога и загробной жизни. Как только нам приходит в голову заняться их решением, мы смотрим на тех, кто увлекается подобными материями — например, на вас, земных людей, — и видим, куда они могут завести. Поэтому мы довольствуемся малым, а именно способностью к довольству собой. И остаемся в выигрыше.

— О'кей, — сказал Мартин. — Это я могу понять. Но как вы собираетесь помочь мне решить мою проблему?

— Вам нужен борец, не так ли?

— Так.

— Сейчас я быстренько проверю окрестности

Карлик вернулся через несколько минут

— Я просмотрел центральную директорию, и, боюсь, в городе Э и ближайшей округе вы не найдете мастера по невооруженной борьбе. Таких здесь просто не водится.

— Что же мне делать?

— Если нужно что-то делать, лучше сделать это самому

— Мне самому победить графа?

— Конечно. Это самое экономное решение.

— Но у меня нет ни малейшего шанса!

— А если я научу вас, как его победить?

— Каким образом? Я же калека.

— Ну и что? Мы найдем способ, как обойти это препятствие. Мне кажется, я получил довольно точное представление о графе из вашего мозга. Думаю, он согласится драться с вами. В конце концов, именно вас ему на самом деле так хочется побить.

— Как же я буду с ним драться?

— Он обещал, что схватка будет на равных, верно?

— Да, но что я против него?

— Положитесь на меня. Тут есть некоторые трудности, но ваше увечье не входит в их число. Не волнуйтесь. К назначенному дню вы будете в форме.

— У меня всего лишь неделя срока, как вам известно.

— Не переживайте. Времени у нас вполне достаточно, чтобы выполнить то, что я задумал. Вернее, задумаю, когда задумаюсь об этом.

Мартин понимал, что никакие тренировки не восполнят отсутствия здоровой руки и ноги. Но ему не оставалось ничего другого, как только положиться на обещания карлика.

Чуть позже Людовици заявил, что ему в голову пришла идея.

— Я расскажу вам одну историю. Древнюю сказку моего народа про мышь, быка и лису.

Однажды мышь, змея и бык крупно поссорились и решили выяснять отношения в рукопашной. Но вот загвоздка: они были такие разные, что не могли понять, по каким правилам им бороться. Быку, например, ничего не стоило растоптать змею в любую минуту. А змея запросто могла проглотить мышь. Им нужно было придумать, как устроить схватку на равных.

Поэтому они отправились за советом к лисе, славившейся своим хитроумием

«Вы двое, конечно, не ровня быку, — сказала лиса. — Тут и думать нечего. Мы должны найти способ сделать всех вас равными»

«Как это?» — спросил бык.

«Если мы надуем змею до твоих габаритов, это решит проблему?»

«Думаю, да», — сказал бык.

Лиса повернулась к мыши:

«А если мы сожжем быка до твоего размера, проблема будет решена?»

«Конечно. Но разве ты можешь его сжать?»

«Нет, не могу. Просто сначала я хотела решить вопрос в принципе. Послушай меня, бык! Предположим, мы дадим тебе новое тело, в котором ты сможешь бороться с мышью и змеей. Ты примешь его?»

«Если все будет по-честному и тело мне дадут не хуже, чем им двоим, то, конечно, приму».

«О'кей», — сказала лиса. — Думаю, ответ найден. Пошли со мной».

И они пошли к старому мудрецу, и лиса сказала ему:

«Эти трое хотят подраться. Но они слишком разные. Можешь ты сделать их одинаковыми?»

«Конечно!»

Мудрец взмахнул руками и превратил всю троицу в мух.

«Эй! — сказали они. — Мы так не договаривались!»

Им ужасно не понравилось быть мухами.

«Послушайте, — сказал мудрец. — Я признаю, что решение не очень элегантно, но так уж получилось. Вы просили — я сделал. Теперь вы можете бороться. А это уже кое-что, разве нет?»

— И что было дальше? — спросил Мартин. — Они сразились?

— Об этом история умалчивает. Полагаю, они были слишком заняты тем, как вернуть себе первоначальный облик, чтобы тратить время на драку

— Что это за сказка? В ней нет никакой морали.

— Почему же? Есть. По крайней мере, для меня и моего народа.

— Но они хотя бы вернули себе первоначальный облик, когда закончили схватку? Неужели вы даже не знаете, удалось ли им превратиться обратно?

— Об этом история умалчивает тоже.

Они усиленно думали, пытаясь найти какой-нибудь другой выход из положения. Через несколько дней Мартину предстояло сразиться с графом. Один из них умрет. Возможно, даже до сражения. По законам драматургии Мартин должен найти графу соперника немедленно. Поставленный в такие условия, что может сделать Мартин, чтобы победить?

— Ладно, — сказал карлик. — Давайте потолкуем с мудрецом.

Мудрец жил в пещере неподалеку. Лицо у него было маленькое и сморщенное. Он выслушал их историю и спросил:

— Это не для записи?

— Конечно, — заверил его Людовици.

— Молодой человек мог бы взять пистолет и застрелить противника.

— В то время пистолетов еще не было.

— А то я не знаю! Но если нужно, ты можешь ввести его в рассказ, а после объяснить анахронизм.

— Поединок должен быть без оружия.

— Ну хорошо. На шее есть блуждающий нерв. Если Мартин нанесет сильный удар в эту точку, граф будет парализован. И Мартина провозгласят победителем.

— Но граф искусный боец, и он не позволит Мартину ударить по блуждающему нерву.

— Тогда мы должны придумать, как обойтись без его позволения. Как может граф предотвратить удар по нерву?

— Он может отбить удар рукой.

— Значит, нам нужно остановить движение его руки. Тогда нерв останется незащищенным, и дело будет сделано.

— Как же нам остановить его руку?

— Вот здесь, у колени, есть одна точка. Если Мартин в нее попадет, рука у графа на мгновение окажется парализованной. И тогда Мартин нанесет ему сокрушительный удар по шее.

— Но граф ни за что не даст бить себя по колену.

— Даст, если отвлечь на миг его внимание какой-нибудь уловкой.

— Какой уловкой?

— Ну, их довольно много. Я бы предложил вам голубя.

— Объясните, пожалуйста.

— Мартин должен будет взмахнуть рукой таким образом, чтобы в воздухе появился голубь. Граф удивится и на секунду потеряет бдительность. Тут Мартин ему и врежет.

— Но наш герой не умеет махать рукой так, чтобы в воздухе появлялись голуби.

— Он может научиться, выбрав один из двух способов. Первый — это овладеть магией, способной сотворить голубя из воздуха. Второй — приучить голубя появляться в ответ на определенные движения рукой.

— И какой из двух вы посоветуете?

— Обучиться магии по-настоящему Мартин не успеет. Но фокус с голубем необходим. К счастью, мы можем пойти

кратчайшим путем. Мартину не придется становиться волшебником — ему достаточно будет выучить одно-единственное заклятие.

— Неужели для фокуса с голубем достаточно знать всего одно заклятие?

— Конечно. Магическое заклятие — это не что иное, как закодированная команда для выполнения реальной физической операции.

— Да, разумеется. Я просто запомнил.

— Ты делаешь взмах-другой — и заклятие готово. Это всего лишь серия жестов. Но когда придет время схватки, может оказаться, что именно такими жестами противники приветствуют друг друга, и голубь появится не вовремя.

Мартин исполнен сомнений, но что же ему остается? Он тренируется и учит жесты, которыми вызывают голубей. Он часто ошибается. Порой на заклятие не реагирует никто. Порой появляется малиновка. Порой червяк. Мартину никак не удается уловить суть магических жестов.

А между тем его время вышло. Он должен вернуться в замок графу на потеху, учиться больше некогда.

В сопровождении карлика Мартин едет в Сент-Омер. Насколько это в его силах, он готов к сражению.

Когда оглашаются условия поединка, граф довольно ухмыляется. Победа достанется ему легко, и хотя схватку не назовешь интересной, он по крайней мере избавится от этого надоедливого крючкотвора.

Бой назначен на следующее утро.

Вечером карлик приходит к графу и спрашивает, уверен ли тот в своей победе. Граф не понимает, какие могут быть сомнения. Карлик объясняет, что научил Мартина заклятию, а тот за него не заплатил. Поэтому он хочет предать Мартина. Чтобы Поль победил, ему нужно только одно: быть начеку и не терять бдительности в тот момент, когда неожиданно вылетит голубь.

Поединок начинается. Поль ждет голубя. Голубь так и не появляется. Когда Мартин наносит удар, он беспрепятственно достигает цели.

7. Появление римской армии

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказал Герн, — что мы попали в переплет.

— Да ну? — удивился Мартиндейл. — А по-моему, здесь довольно-таки уютно.

— Позволь тебе напомнить, — сказал Герн, — что мы уже не в твоей мастерской. Мы на склоне утеса, а это чертовски глупое местонахождение. Нас окружают незнакомцы, мягко

говоря, весьма пристрастные в своих суждениях, к тому же неизвестно, люди ли они вообще. Твоя машина превратила нас в персонажей рассказа, и теперь мы полностью в ее распоряжении. Она может убить нас, когда и если пожелает.

— Об этом как-то я не подумал, — сказал Мартиндейл и подумал об этом. — Да, ты прав, ситуация скверная.

— Сдается мне, мы должны взять власть над рассказом в свои руки, — заявил Герн.

— Я в жизни не брал в свои руки никакую власть, — признался Мартиндейл.

— Самое время начать.

— Верно. Но как?

— Это мы обсудим чуть позже. А сейчас, похоже, что-то надвигается.

Мартиндейл посмотрел на пологий склон утеса, плавно переходивший в долину, и увидел вдаль полоску, похожую на пелену пыли.

Через некоторое время он заметил, что пелена приближается.

— Что это? — спросил Мартиндейл.

— Если я правильно догадался, — ответил Герн, — вскоре к нам пожалуют гости.

— Но почему они поднимают столько пыли?

— У меня такое чувство, что мы скоро это узнаем. И я подозреваю, что ответ нам не понравится.

8. За несколько минут...

За несколько минут до того Мартиндейл сидел на широком наклонном поле, которое кончалось утесом, который выступал над океаном. А он красивый, океан, подумал Мартиндейл, поскольку находился от него на безопасном расстоянии. К счастью, глава с висением над обрывом уже закончилась.

Отвернувшись от края утеса, Мартиндейл залюбовался великолепием летнего дня. Высоко в голубых небесах светило солнышко. Недалеко на низком валуне расселся Герн. Мартиндейл не помнил, как его друг попал сюда, зато он хорошо усвоил, что не стоит слишком придираться к непоследовательностям сценария.

Герн вытащил бумажник и начал тщательно просматривать его содержимое.

— Что ты ищешь? — спросил Мартиндейл.

— Чего-нибудь почитать, — ответил Герн.

Мартиндейл решил было, что ослышался, но потом передумал. Ясное дело, Герн скорее найдет что-нибудь почитать в своем бумажнике, нежели где-то на склоне утеса.

Полицейский развел небольшой костерок, подбрасывая в него валежник и хорошо просушенные коровьи лепешки. Ну и молодец, подумал Мартиндейл. Сам он чувствовал себя нормально. Даже, можно сказать, хорошо. Только вот есть очень хотелось. А еды в окрестностях, похоже, не было.

Мартиндейл решил не думать о еде. И немало удивился поэтому, услышав минуту спустя свой голос:

— А что с едой-то будем делать, как думаешь?

Герн оторвался от усердных поисков чтива в своем бумажнике.

— С едой? Об этом я как-то не подумал.

— Главное — подумала ли об этом машина? — сказал Мартиндейл. Он был уверен, что машине и в голову не пришло позаботиться о еде.

— Давай посмотрим, — предложил Герн.

Оба они, точно сговорившись без слов, принялись внимательно осматривать пейзаж, который простирался перед ними во всех направлениях. Некоторые части пейзажа были видны лучше других. Те, что находились вдаль, подчас даже не были трехмерными — их просто обозначили штриховкой. Именно в одном из таких мест Герн и заметил некое явление, почти сразу определив его как «облако пыли».

— Облако пыли! — сообщил он Мартиндейлу, указав пальцем направление — или вектор, как он любил говорить.

Оба они напряженно вглядывались вдаль, потому что не каждый день к ним приближались облака пыли, да еще не как-нибудь, а прямо-таки галопом. Когда облако подплыло поближе, стало видно, что его подняли всадники. Их оказалось не меньше сотни, и все они были в плащах. Эти просторные плащи полоскались позади всадников, скульптурно свиваясь и развеваясь в такт мускульным усилиям лошадиных конечностей. Сидевшие верхом на этих лошадях наездники, с чьих согнутых спин и свисали плащи, носили также шлемы — блестящие шлемы, сверкавшие на солнце. В руках у всадников торчали копья, а некоторые держали мечи и размахивали ими над головой. Когда они подъехали еще ближе, сначала Герн, а за ним и Мартиндейл, несколько уступавший в зоркости своему другу с односложным именем, заметили на солдатах кирасы с нагрудниками и наголенники. В общем, они здорово походили на римских легионеров. И когда окруженные клубами пыли всадники подъехали совсем уже близко, выяснилось, что так оно и есть.

— Похоже, — сказал Мартиндейл, — машина занесла нас в историческую повесть.

— Удивительно, но факт, — отозвался Герн.

— Вопрос в том, хорошо ли это для нас?

Герн не нашелся, что ответить. Да и не мог он ничего ответить, поскольку римское войско оказалось уже в непосредственной близости, и на миг все смешалось в сплошной хаос — клубы пыли, хлопанье накидок, хриплое дыхание лошадей и зычные командирские окрики некоей персоны, по всей видимости командира. Он сразу выделялся из толпы своим высоким ростом, рыжей бородой и желто-голубым шлемом.

— Вы кто такие? — спросил он, немного выехав вперед.

— Мы не здешние, — ответил Мартиндейл. — Но пока эта история не зашла слишком далеко, могу я спросить, кто вы такие?

— Меня зовут Флавий, — сказал рыжебородый гигант. — Я легат второго ранга авангардных сил Понтия Персея.

— Вы римлянин? — спросил Мартиндейл.

— Вообще-то мы просто мимо проезжали. А как насчет вас, ребята?

— Мы не здешние, — повторил Мартиндейл. — Как я понимаю, мы в Европе?

— Послушай, — сказал Флавий, — не хочешь отвечать прямо — не надо, я не настаиваю. Мы можем принести вас в жертву одному из наших многочисленных богов. Давненько уже эти парни не получали хорошей человеческой жертвы.

— Я пытаюсь объяснить вам, — сказал Мартиндейл, — что нас занесла сюда машина.

— Ну да, конечно, — усмехнулся Флавий, подмигнув своим солдатам.

— Нет, правда! Ох, я забыл, у вас же нет еще машин! Ну, это нечто вроде оракула. И немножко вроде виадука тоже. Наверное, не надо было мне о ней упоминать.

Трудно сказать, как отреагировал бы Флавий на подобное умозаключение, но в этот миг галопом примчался еще один всадник. Маленький, смуглый, кучерявый, он тоже был в плаще, только более длинном и расшитом серебряной нитью.

— Флавий! — сказал вновь прибывший. — Что тут у тебя?

— Незнакомцы, мой господин. Говорят, их заслала сюда машина.

— Что такое машина, скажи ради Бога!

— Да ее еще не изобрели, — ответил Мартиндейл.

— Тогда мы не будем забивать себе головы. Я Радикс, лейтенант первого экспедиционного войска. Нас послали в этот район Германии, чтобы подавить сопротивление.

— Но мы не собираемся оказывать вам сопротивление, — сказал Мартиндейл. — Правда, Герн?

— Истинная правда, — согласился Грен. — Мы мирные люди.

— Рад это слышать, — сказал Радикс. — Зато мы — нет.

Он подал знак солдатам, сделав какой-то мудреный жест обеими руками и дернув головой. Римские воины поняли его мгновенно, ибо тут же спешили, и двое из них связали Мартиндейлу и Герну руки сыромятным ремнем, а затем усадили их на двух мулов, специально взятых с собою ради подобного случая. После чего Радикс кивнул Флавию, тот прорычал команду, и все войско поскакало в ту сторону, откуда появилось.

9. Мудреный романский тип

Мы уже упоминали о том, что Мартиндейл с Герном скакали бок о бок на двух мулах, прихваченных римлянами с собой специально ради такого случая. Римляне были людьми основательными, и им казалось вполне естественным таскать за собой лишнего мула или двух для пленников, чьи объяснения по поводу присутствия в римских владениях звучали бессмысленно, особенно если сами пленники выглядели подозрительно и были, возможно, выходцами из совершенно другого сюжетного построения. В те дни Рим наводнило множество пришельцев, и город весь гудел от слухов. Что само по себе было еще полбеды.

Толпы чужаков в вашем родном городе — явление достаточно неприятное. Но добавьте к нему то, что никакие записи о них не сохранялись, и вы получите поистине зловещую картину. Похоже, таков был тайный план пришельцев, о котором никто ничего не знал. Люди изо всех сил старались записать о чужаках хоть что-нибудь, дабы предупредить остальное человечество. Они строчили обширные заметки на воощенных табличках — а поутру находили таблички пустыми. Пробовали даже нанимать сторожей, чтобы те следили за табличками, но все без толку. Стоило сторожу отвернуться на миг — и записи тут же исчезали. Словосочетание «табула раза» приобрело зловещий смысл, выходящий за рамки его обычного, логически очерченного круга значений. Становилось все более и более очевидно, что чужаки, наводнившие Рим, прибывали из очень странных мест. Менее очевидно, но так же бесспорно было то, что они прибывали из очень странных времен и даже из других реальностей, о существовании которых, не случись такого вот поворота судьбы, жители Вечного города никогда бы не догадались. Римляне встали на защиту своей собственной реальности, бывшей когда-то для них единственной и ставшей теперь всего лишь одной из множества.

Они разработали тщательную систему распознавания и захвата пришельцев, а всем армейским подразделениям выделили специальных мулов, чтобы препровождать подозрительных чужестранцев на сторожевые посты, где их могли допросить местные атанаторы. Специалисты по ксенофизиогномике, прекрасно подкованные в вопросах криоконсервации, атанаторы раз и навсегда определяли виновность или невиновность допрашиваемого.

Мартиндейл с Герном ничего об этом в ту пору не знали, да и позже не получили полного доступа к данной информации. Машина же Шехерезада, затаившаяся в подполье и ухмылявшаяся нехорошей ухмылкой, предвидела подобное осложнение, но щупальце о щупальце не ударила, чтобы его предотвратить.

Трясаясь верхом на муле, окруженный римской солдатней, со связанными сыромятным ремнем руками — правда, связанными не так туго, чтобы нарушить кровообращение, — Мартиндейл улучил-таки момент, чтобы спросить у Герна:

— А куда девались остальные?

— Ты о ком?

— Ну, те люди, с которыми мы познакомились. Танцовщица. Полицейский. Лесобой.

— Лесоруб.

— Да, и еще ковбой. Где они?

Герн задумался на минуту, но так ничего и не придумал.

— Я не знаю, Мартиндейл, — сказал он. — А ты как думаешь?

Мартиндейл задумался на минуту — и, очевидно, более успешно, поскольку ответил:

— Похоже, мы их потеряли. Их не было поблизости, когда появились римляне.

Тут в голову ему пришла тревожная мысль:

— А когда ты появился, они были?

— Конечно, были, — сказал Герн. — Иначе с какой бы стати я о них спрашивал?

— Не знаю, — сказал Мартиндейл. — Именно это я и пытаюсь выяснить.

Герн покачал головой:

— Ты стал каким-то странным, Мартиндейл.

— Это обстоятельства странные. А я такой же, как всегда.

Герн вздохнул и огляделся кругом. Нигде не видать никаких следов ковбоя, балерины, полицейского и парня с топором.

— Знаешь, что я думаю? Машина разделалась с ними.

— Но зачем ей это понадобилось? — спросил Мартиндейл. — Разве что...

— Да? — сказал Герн.

— Разве что она пыталась сделать рассказ поинтереснее, — сказал Мартиндейл.

Некоторое время они ехали молча. Затем Герн спросил:

— А где же сама машина Шехерезада?

— Возможно, она удалилась куда-нибудь, чтобы поработать над рассказом, — предположил Мартиндейл.

— Удалилась?

— Ну, на свете много разных мест, которые она могла бы описать.

— Без нас?

— Похоже на то, — сказал Мартиндейл.

— Но мы же только что вышли на сцену! Мы только начали расхаживать по подмосткам!

— Порой все меняется очень быстро, — заметил Мартиндейл. — В рассказах так бывает сплошь и рядом.

— Но это наша история!

— Не разделяю твоей уверенности. Сейчас мы просто пленники римлян.

Дальше они поехали в молчании, прерываемом лишь тихими стонами Мартиндейла, чей мул спотыкался на каждом шагу, будто надрываясь от непосильной работы, которую ненавидел всем сердцем. Мартиндейл вспомнил, что совсем забыл про еду. Но, вспомнив, что он о ней забыл, Мартиндейл уже не мог забыть о том, что вспомнил, и голод принялся мучить его с удвоенной силой — как предмет терзаний и как терзатель. Мартиндейл поставил перед собой нелегкую задачу: забыть о том, как сильно он осознает, как он голоден.

Отряд миновал длинную пологую долину и начал пробираться по скальному разлому, поросшему с обеих сторон чахлами сосенками. Птицы над головой издавали странные звуки — европейские птицы с непривычным акцентом. Однажды Мартиндейлу даже послышался волчий вой, но, возможно, это пела какая-нибудь волчья птица. Мартиндейл старался устроиться поудобнее в маленьком деревянном седле на спине у своего мула. Но, поскольку стремяна еще не изобрели, отчаянные попытки удержать равновесие придавали его движениям не лишенный изящества капризный характер, подобный бегу набухшего от дождей ручья во время мандраады.

Вскоре разлом сменился буреломом, где была порушена не сама горная порода, а лишь покрывавшая ее растительность, хотя рытвин и ухабов здесь тоже хватало. Между поваленных стволов росли высокие деревья какой-то широколистной породы, но не вязы.

Они подъезжали к долине. Где-то вдали прямо в темнеющие небеса поднимался одинокий дымок. Это единственное доказательство убедило Мартиндейла в том, что день и впрямь стоит безветренный. Отряд поднялся на пригорок, спустился с него, и перед глазами всадников раскинулся римский лагерь.

Часовые пропустили их через ворота, которые вклинились в частокол, который окружал римских воинов и их обоз. Мартиндейл чуть было не свалился с седла самым позорным образом, поскольку мул его, почуяв, по-видимому, близость теплой еды и хороших книжек, вдруг припустил неуклюжим галопом. Гернова скотина тоже давала своему наезднику жару. Но Мартиндейл не пытался приструнить мула, поскольку римляне вокруг ухмылялись, и он решил, что позабавит их немного в его же интересах. Тем не менее он обрадовался, когда кто-то остановил мула и развязал ему руки — я имею в виду человеческие руки, — вставила машина Шехерезада, нервно взглянув из-за предложения и тут же скрывшись снова.

Через минуту или по крайней мере две Мартиндейл с Герном очутились на квадратной площади, окаймленной бревенчатыми казармами. На заднем плане, чуть сдвинутый в сторону, возвышался флагшток, а на нем реял большой флаг с гербом — вернее, просто с рисунком, поскольку гербов Европа в то время еще не знала, — словом, с изображением символа Рима, волчицы, кормящей сосцами сосунков на серебряном поле.

Радикс быстро пролаял какие-то команды, и солдаты разошлись по казармам. Остались только десять отборных охранников с мечами наготове, чтобы нанести пленникам упреждающий удар, если потребует ситуация.

— Эй, вы двое! — обратился Радикс к горемычному дуэту. — Что вы можете сказать в свое оправдание?

— А поесть когда дадут? — осведомился Мартиндейл.

— Вас покормят после того, как атанатор посмотрит на вас и вынесет решение по вашему делу.

— Атанатор? Боюсь, я с таким термином не знаком, — сказал Мартиндейл.

— И очень хорошо, что не знаком, — заметил Радикс. — Иначе нам пришлось бы обвинить тебя в разглашении государственных секретов.

— Разве атанатор — государственный секрет?

— У вас будет возможность решить это самим, — с уклончивостью, не свойственной римлянам данного периода, ответил Радикс. — Но сначала вы встретитесь с комендантом.

Их провели в комендантский кабинет. Комендант, сидя за карточным столиком, отрешенно раскладывал красочную колоду,

в которой Мартиндейл сразу узнал египетские коптские карты таро. Такого он не ожидал. Это совершенно неожиданным образом подтверждало его собственную излюбленную теорию о том, что египетские карты таро возникли за много веков до своего спорного рождения в Фивах, и доказательство было у него перед глазами — доска с синими знаками и длинные тонкие карты, перебираемые пухлыми пальцами римского коменданта.

Он был типичным образчиком римлянина, этот комендант: квадратное грубое лицо, бескровные губы, короткая стрижка и толстые узловатые пальцы. В гранитном столе клинообразными буквами было высечено его имя — Алексей.

— Эй, вы двое, откуда вы взялись? — спросил комендант Алексей. — Встаньте прямо и отвечайте!

— На такой вопрос в двух словах не ответишь, — сказал Герн.

— Понятненько, — откликнулся Алексей. — Вы намекаете, что прибыли из мест, столь недоступных моему кругозору, что лучше бы мне о них и не спрашивать?

— Сказано несколько прямолинейно, — заметил Герн, — но в общем вы правы.

— Так я и думал, — заявил Алексей. — Радикс!

— Я! — гаркнул Радикс, выбросив руку в салюте, весьма похожем на фашистский.

— Прибереги этих двоих для атанатора. Думаю, нам самим их больше допрашивать нечего. Я сразу понял, что они не блещут остроумием и уж тем более весельем. Мне осточертели все эти тупоголовые странные людишки из отдаленных мест, с их варварскими именами, побрякушками и обесцвеченными перекисью кудряшками. С меня довольно, понял?

— Так точно! — отозвался Радикс.

— Ну тогда выполняй. Погоди-ка... Чем от них так пахнет?

— Реальностью, мой господин, — сказал Радикс.

— Фу! От них воняет показным и старомодным правдоподобием. А пошли они в баню!

10. В бане

Стражники вывели их из комендантского кабинета под тихий скрип половиц, покрытых немудреным и старым, но вполне добротным матом. Они прошли по дощатой тропинке и очутились посреди главной улицы лагеря. По обеим сторонам стояли солдатские палатки. Выстроены они были по когортам, и каждой полукогорте полагалась своя собственная кольцевая дорожка с вездесущими корейскими прачечными и нарядно убранными киосками с фалафелами посередине. Была в лагере,

естественно, и продовольственная лавка, и цирюльня, а прямо за ними высилось здание бани.

— Что это? — спросил Мартиндейл, притормозив возле большой блестящей беломраморной статуи, стоявшей у входа в парильню.

— Скульптура Донателло, изображающая миф «Невменяемость», — ответил Радикс.

— А это? — Мартиндейл повернулся к скульптуре, как две капли воды похожей на первую.

— Это его же мифтер Невменяемость, — объяснил Радикс. — Но, возвращаясь к тому, о чем мы говорили раньше...

— Минуточку, — прервал его Мартиндейл. — Чем это пахнет?

Радикс на миг задержал дыхание, а затем медленно выдохнул, затрепетав ноздрями:

— Что-то он мне напоминает, этот запах...

— Чуть раньше вы говорили о запахе реальности, — напомнил Мартиндейл.

— Да, от тебя и твоего друга с односложным имечком ею так и разит. Поэтому мы идем в душевую, на случай если вас кто-нибудь спросит.

— С какой стати кто-то будет нас спрашивать? — удивился Мартиндейл.

— Я не стану упрекать вас за осмотрительность, — сказал Радикс, — но все-таки хватит шуток шутить. Вперед!

Подталкиваемые стражниками, Мартиндейл и Герн вошли в темное цилиндрическое здание, откуда короткими бурными выхлопами вырывались клубы пара. Здание напоминало ассирийский понтонный мост, только с крышей, покрытой кедровыми досками. Над дверью виднелась надпись на арго — древнем языке южных суэцедонян. Когда глаза немного попривыкли к могильной тьме, царившей внутри, Мартиндейл мельком увидел завернутых в белые простыни людей, чертивших в воздухе иератические знаки, и оркестровую яму, где веселились бабуины в тогах. Но видение длилось не больше секунды, поскольку видеть его было не положено. В глазах у Мартиндейла прояснилось, и перед ним появились ряды окутаных паром скамеек с железными поддонами внизу, полными тлеющих углей. Из тепидария доносились всплески воды, подогреваемой шипящими угольями: их подбрасывали в поддоны вислогрудые служанки в набедренных повязках, которые при желании сами могли бы порассказать вам всяческих историй.

Оглядевшись вокруг, Мартин увидел, что над скамьями, стоящими у стены, ярусами расположены еще полки. Пар,

вырываясь из щелей в полу, подымался вверх, бахромою свисая с мокрых стропил и падая вниз зловонными маслянистыми каплями. Сцену освещали редкие лампы в виде рогов, и все вокруг было пропитано назойливым запахом мирры и ладана.

Герн сел на скамейку и поискал глазами мыло. Такового здесь не оказалось, зато на стенных крюках висели сиргили. Взяв один из них, Герн осторожно, но решительно поскреб себе кожу. Мартин обшарил скамейки в поисках еды и, ничего не найдя, забрался на верхний полоч. В узких окошках высоко под потолком виднелось темнеющее небо. Древние средне-европейские сумерки были в самом разгаре. Благословенная, покойная пора — но только не для человека, которому грозит беседа с атанатором.

— Как по-твоему, кто такой атанатор? — спросил он у Герна.

— Не знаю и знать не хочу, — откликнулся Герн. — А у меня к тебе другой вопрос: похоже это на исторический роман?

— Нет, — сказал Мартиндейл. — Мы еще не видели ни одной героини.

— По-моему, мы с тобой здорово влипли, — сказал Герн. Толстое и обычно безмятежное лицо его озабоченно нахмурилось: — Слышишь?

Мартиндейл ничего не слышал, потому что сидел, потихонечку шлепая губами, и таким образом оставался глух ко всему. Но теперь, замерев на месте и склонив голову набок, он услышал какой-то звук, о котором, вероятно, и говорил ему Герн. Звук был глухой и скребущий, точно кто-то драил что-то наждачной бумагой или делал вид, что драит. Возможно, впрочем, что так просто казалось, — и действительно, когда Мартиндейл взгляделся в стену и определил источник звука, то увидел крохотную дырочку, появившуюся самым неожиданным образом.

Хуже того — дырочка увеличилась, а потом, словно этого было мало, стала еще больше. Вскоре в нее свободно мог пройти кулак, через какое-то время — деревенский окорок, затем она выросла до размеров баскетбольного мяча НБА, после чего стала расти все быстрее и быстрее, жадно расширяясь на глазах у изумленной и несколько востропанной публики, точно говоря: порядок, ребята, наше время пришло! Мартиндейл, с тревогой наблюдавший за этим феноменом, отметил, что в дыру уже можно просунуть или высунуть голову, а то и, будь он похудее, протиснуться целиком.

В ту же минуту в дыру просунулась голова Радикса.

— Зачем вы продырявили стенку? — спросил Мартиндейл, решивший сразу же проникнуть в самое сердце загадки, не теряя времени на всяческие экивоки.

— Чтобы помочь вам бежать, — ответил Радикс.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Мартиндейл, — но мы должны еще встретиться с атанатором.

— Я хочу оказать вам услугу, поверьте, — сказал Радикс. — Если вы встретитесь с атанатором, сами не рады будете. Вот, возьмите эти штуковины и помогите мне увеличить дыру.

Радикс протянул Мартиндейлу с Герном два крестообразных инструмента с инкрустированными лезвиями и утопленными в каучук рукоятками. Работать ими оказалось непросто, поскольку лезвие следовало держать под особым углом; немного легче было, если, работая, вы тихонечко посвистывали себе под нос. Этот режущий инструмент так и не прижился в Европе, которая привычное ценила выше нового, а дешевизну предпочитала редкости. Предаваясь подобным размышлениям, Мартиндейл вскоре расширил дыру настолько, что в нее мог свободно пролезть человек или даже два человека.

— Схожу взгляну на часовых, — шепнул Радикс.

Он исчез и почти тотчас вернулся. Стало совсем уже темно, а днем Мартиндейл как-то не удосужился разглядеть Радикса повнимательнее. Но кто-то зажег неподалеку в желобе огонь, и в его мерцающем свете Радикс оказался высоким и смуглым лысеющим мужчиной с черными прядями, зачесанными на лысину. Одетый в плащ и сандалии, он держал в руках волшебную табличку. Если не считать небольшого нервного тика, выглядел он вполне нормальным человечком.

— Вы уверены, что бегство — хорошая идея? — спросил Герн. — Может быть, атанатор, выслушав нашу историю, поверит нам? Возможно, он даже поможет нам выбраться из этого сюжета и вернуться в наш собственный.

— Как хотите, — ответил Радикс. — Стараешься тут, устраиваешь им побег — и вот она, благодарность! Так вы идете со мной, или мне заделать дыру?

— А как вы ее заделаете? — поинтересовался Герн.

— У меня с собой переносной депилятор. — Радикс залез рукой за скошенный край туники и вытащил из-за пазухи увесистый конусообразный предмет.

— Нет-нет, все в порядке, мы идем, — сказал Мартиндейл. — Куда вы нас поведете?

— В безопасное местечко.

— А есть там что поесть?

Не успел Радикс ответить, как снаружи донесся громкий рев стражников, пробудившихся ото сна и зверски голодных. Мартиндейл протиснулся через дыру, Герн за ним. Во мгле перед ними едва маячила воровато крадущаяся фигура Радикса. Им ничего не оставалось, как пойти следом.

Вскоре они очутились в лесу, таинственном и темном.

Какое-то время друзья шли по лесу; по лесу с его одинаково темной листвой, образующей лиственные туннели, в которых таится одинаковая жизнь. По лесу с его лабиринтом тропинок, листвой окаймленных, ветвями огороженных.

Наконец они вышли на лесную просеку. Они даже не сразу поняли, что это просека — таким густым был лесной массив и такими двусмысленными казались расстояния в его зеленой массе. Но, подойдя поближе, путники убедились, что действительно вышли на расчищенный от деревьев участок. Неясным оставалось только одно — где он кончался? Они брели по вырубке все дальше и дальше, а потом заметили, что вырублены здесь только деревья, чего нельзя сказать о других предметах. На участке стояли хижинки из веток, скрепленных грязью, намертво застывшей благодаря катализатору, широко известному в древнем мире, но безвозвратно утерянному вскоре после крушения принципов алхимии. Рядом с жилищами, как водится, сушили фигурки людей.

Описывать здесь обитателей хижин нет никакого смысла, даже если бы у кого-то возникло такое желание, ибо люди эти, почуяв, вероятно, что не принадлежат к нашей истории, упрямо отказывались войти в фокус. Стоило вам только подумать, что вы их наконец-то поймали, как они тут же прятались в темных уголках вашего сознания. Поэтому, а также по некоторым другим причинам мы перейдем прямо к заключительной части и последуем за Мартиндейлом, который, не теряя времени, отправился на рекогносцировку местности. В районе, непосредственно прилегающем к кустам ракитника, он обнаружил очень интересное местечко. Такую возможность грех было упускать. Мартиндейл послал туда Герна, чтобы тот разведал все досконально, а сам отправился в небольшую богадельню, стоявшую аккуратно в границах возможного. Именно в этом неопisanном месте он и встретил рассказчика.

11. В богадельне

Радикс заявил, что они немного здесь передохнут, прежде чем отправиться дальше. Сам он подошел к главной хижинке участка, чуть менее обветшалой, чем остальные, и скрылся внутри. Прошло время, но он так и не появился.

Предоставленные самим себе, Мартиндейл с Герном сели на валун, заменявший в селении парковую скамейку. Мартиндейл отметил, что в ближайших окрестностях нет ничего похожего на ресторан. Он решил посидеть, чтобы не вляпаться в очередную историю, и подождать, пока появится Радикс и отведет их туда, куда намеревался; а потом поесть. Ждать —

занятие не больно-то приятное, но тут по крайней мере они вне опасности.

Ой ли? Сомневаюсь я, сказала невидимая рассказчица, потирая руки до тех пор, пока они не начали издавать сухой шелестящий звук, и все время посмеиваясь противеньким смешком. Опасность, похоже, следовала за ними по пятам с того самого дня, когда Мартиндейл приобрел машину и необдуманно выпустил ее ненасытную повествовательную жажду в ни о чем не подозревающий мир.

Учитывая это, Герн пошел проверить дороги, ведущие в селение, а также выходящие из него. Никогда не знаешь, что окажется важным через минуту. А Мартиндейл предался на время заслуженному ничегонеделанию. Он валялся на кровати, мечтая наяву, когда... Именно в эту минуту в богадельню вошел старец в большом красном тюрбане и попросил подаяния.

Старец объяснил, что он рассказчик, хорошо известный в своем родном Сунистане, где он жил припеваючи до недавнего рыночного кризиса. Он просил лишь пару медяков на ужин. Мартиндейл, добрая душа, растрогался и нашарил в кармане серебряную монету. Рассказчик воздал громкую похвалу его щедрости и заявил, что непременно должен отплатить ему рассказом, прямо здесь и сейчас. Мартиндейл был не в настроении слушать рассказы, но врожденная вежливость не позволила ему протестовать, да и жадность тоже, поскольку не каждый день вам удастся задарма послушать знаменитого рассказчика. Поэтому он присел прямо в пыль рядом со старцем, а тот отбросил назад грязные колечки своих русских волос, поправил свое грязное дхоти, поскреб свой тюрбан и прочистил горло.

Тут вошел Герн со словами:

— Знаешь что? Я и вправду многое узнал о жизни от того странного человечка с галлюциногенными пончиками!

— Помолчи, — прервал его Мартиндейл — Я хочу послушать его историю.

Рассказчик почистил свой аспарагус и начал.

12. Рассказ рассказчика

Давно ли, недавно ли, во времена правления Сарабада в далекой Индии жил да был один мудрец. И решил он доверить своему сыну сокровище, чтобы тот снес его на ярмарку, проводившуюся раз в год в Джайпуре, в центре провинции. Сокровищем рассказчика была старая рукопись, написанная на древнем желтом папирусе таким архаическим шрифтом, что никто не мог его расшифровать, кроме самого мудреца, и даже сам

он, говорят, скорее догадывался о значении многих слов. Впрочем, поскольку он никогда не обнаруживал своего незнания, люди считали, будто он понимает смысл написанного, и, возможно, так оно и было.

— Сын мой, — сказал мудрец, — возьми эту старинную книгу, имеющую столь большую ценность, и отнеси ее на ярмарку в Джайпур. Там ты найдешь себе место на базарной площадке и положишь книгу, подстелив под нее шкуру антилопы, которую я дам тебе в придачу. Когда люди будут проходить мимо, ты начинай кричать: «О люди, вот “Книга последних дней”! Кто купит ее, благословен будет среди тех, кто придет после».

— А что это значит? — спросил сын.

— Не спрашивай, — сказал ему рассказчик. — Мы никогда заранее не раскрываем подобных вещей. Эту часть истории о книге ты не узнаешь, пока не будет слишком поздно. Иначе, видишь ли, мы не сумеем заставить механизм рассказа действовать как положено.

Вообще-то рассказчик этого не говорил, вернее, не хотел говорить, что в его случае примерно одно и то же, но некий дух (как говорят, дух самого великого шайтана) вселился в него, и поэтому он сказал правду — конечно же так, как сам ее понимал, — и таким образом положил начало одной поразительной несообразности, на которую вы наткнетесь в самый неожиданный момент.

— Ладно, — сказал сын. — Я сделаю, как ты просишь, ибо мы действительно очень бедны, а сестре моей нужно купить на свадьбу сари.

— Ты прав, — откликнулся рассказчик.

Ему не хотелось упоминать о своей дочери, поскольку говорить о женщинах по четвергам — плохая примета, но раз уж сын проболтался, нужно было продолжать.

— Дири пойдет с тобой, — сказал мудрец, — потому что она умная девочка и поможет тебе заключить выгодную сделку.

— Сколько стоит эта книга, кстати говоря? — спросил сын, которого звали Сингар.

— А сколько звезд на небе? — спросил рассказчик.

— Сейчас? Ни одной. Солнышко светит

— А ночью?

— Число их неисчислимо.

— Стало быть, настоящую цену книги ты определишь где-то между тьмой и светом.

— Эй, погоди минуточку, — сказал Сингар. — Это же бессмыслица какая-то.

— Не будь занудой, — сказал рассказчик. — Бери книгу и делай, что велят.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Сингар. — Пошли, Дири, нам пора в Джайпур.

И брат с сестрой отправились в путь по большой дороге, пересекающей всю Индию и соединяющей одно сказочное место с другим. Денег у них было мало, поэтому они не могли позволить себе заночевать с удобствами в мотеле Тадж-Махал, который пользовался хорошей репутацией и находился как раз в тех краях, где путешественники закончили первый день перехода. На ночлег они расположились неподалеку от мотеля, в маленьком болотце. Сингар развел костер из найденного поблизости сухого верблюжьего помета, а Дири поставила на огонь кожаный котелок, предварительно наполнив его водой из наименее зловонной болотной лужи. И тут им обоим в голову пришла одна и та же мысль.

— Нам же нечего положить в котел! — воскликнул Сингар.

— Можно нарвать травы и сварить ее, — предложила Дири.

Так они и сделали: побрели по болоту и начали дергать из земли приглянувшиеся им растения. В конце концов они нарвали целую кучу — там были стебли всех цветов и видов, одни короткие и толстые, другие тонкие и мохнатые, еще другие красные и желтые, а один или два стебля даже голубые. Брат с сестрой покидали их в котел и начали готовить ужин.

Они не знали, да и не могли знать о том, что не так давно по той же дороге проехала королевская свита и тоже разбила здесь лагерь, ибо высокое положение не позволяло придворным останавливаться в мотеле Тадж-Махал, а кроме того, у них были с собой палатки. Со свитой путешествовала принцесса Марго, и пока придворные натягивали палатки, она пошла прогуляться, взяв с собою григри, которого дал ей папочка-король со словами: «Береги его, родная, он очень дорого стоит».

Принцесса старалась беречь григри, поэтому довольствовалась тем, что подбрасывала его в воздух и ловила. Бросала она его аккуратно, поскольку была девушкой скромной и не хотела причинять папочке огорчений

Но случилось так, что мимо пролетал ифрит, и он заметил девушку, подбрасывающую в воздух григри, и подумал про себя: «Сейчас я маленько позабавлюсь!» И он ринулся вниз, и похитил григри из хрустального шара, оставив взамен невзрачный зеленовато-голубой стебелек под названием божедар, который растет обычно только на северных склонах Гималаев и цветет исключительно в полнолуние «По-моему, обмен вполне равноценный», — сказал себе ифрит, после чего, найдя

выражение удачным, повторил его вслух и исчез вместе с григри.

Принцесса, обнаружив исчезновение григри и найдя вместо него какую-то странную травку, швырнула ее на землю и разразилась слезами, а потом пошла искать утешения и совета у своего любимого внуха Краскиторио, который сидел в кустах и наблюдал за происходящим с загадочной улыбкой на устах.

— О принцесса, — сказал внух, — не плачь, ибо слезами не поможешь. Ты потеряла григри, и это крайне прискорбно. Но разве ифрит ничего не дал тебе взамен? Обычно ифриты именно так и поступают.

— Он дал мне маленький зеленовато-голубой стебелек, — ответила принцесса.

— Были ли на нем оранжевые крапинки?

— По-моему, да.

— Замечательно, — вздохнул внух. — И что же ты делала с ним?

— Не знаю, — сказала принцесса. — По-моему, я его выбросила.

— Деяние, не подобающее принцессе, — заметил внух, ввернув в предложение свой любимый причастный оборот.

— Откуда же мне было знать?

— Помоги мне найти божедар, подаренный тебе ифритом, — сказал внух, который любил причастные обороты, потому что любил ко всему быть причастным.

Принцесса не возражала, по крайней мере вслух.

Оба они приступили к поискам, призвав чуть позже на подмогу всю свиту. Пришлось придворным снять с себя маски и широкие плащи, чтобы немного поработать, и вскоре вся компания разбрелась по болоту, топча траву при свете свечей и факелов, поскольку уже стемнело. Но божедара они так и не нашли, поэтому внух сказал: «Не расстраивайся, все эти события предопределены расположением звезд. Идем со мной, принцесса, и я научу тебя языку Маленького Мохи».

И принцесса дала себя утешить, и поутру караван тронулся в путь. А божедар лежал на месте, похожий на сквайр пятнистый или сэгуэ пурпурный — в общем, на любую обычную травку, — пока сын и дочь рассказчика не начали собирать стебли на ужин. И меж трав и впавших в спячку насекомых, собранных детьми, оказался божедар. И дети отложили его в сторону, потому что не знали, что с ним делать.

Они развели костер и бросили в него растения, и пламенные языки взлетали высоко. Вскоре в котелке забулькала похлебка. Но когда дети хотели опустить в нее черпак, подня-

лось большое облако пара, и из него вышел олень — маленький белый олень с розовым носиком и золотыми копытами, — и олень этот столь очевидно был волшебным, что дети пали ниц и поклонились ему.

— Не надо поклоняться мне, дети, — сказал олень. — Я просто говорящий олень, ничего сверхъестественного; я такой же слуга Первопричины всего сущего, как и вы. Но я хочу кое о чем вам поведать для вашей же пользы.

— О да, поведай! — воскликнула Дири, ибо была она молода и беспечна и не знала о существовании табу, запрещающих — кстати, не без оснований — вступать в разговоры с волшебными оленями.

— Вы пойдете на ярмарку, — сказал олень, — и разложите там свой товар, как наказал вам отец. Чуть погода к вам подойдет купец, и посмотрит на книгу, и возьмет ее в руки, и небрежно бросит ее, и скажет наконец: «Книга старая, ни на что не годная, но я бы мог взять ее на растопку. Сегодня утром я великодушно настроен. Сколько вы хотите за нее?»

— И что мы должны сделать? — спросил Сингар. — Сдрать с него как можно больше? Отец рассердится, если мы отдадим книгу задешево.

— Нет, вы не должны драть с него втридорога, — сказал олень. — Такой совет вам мог бы дать любой прохожий. Но в вашем распоряжении волшебный олень, а это открывает перед вами не учтенные ранее перспективы. Вы ответите купцу такими словами: «Поскольку книга ни на что не годится, добрый господин, возьми ее от нас в подарок».

— Ты хочешь, чтобы мы отдали ее просто так? — изумился Сингар. — Но тогда мы ничегошеньки за нее не получим!

— Неверно, — сказал олень. — Мы получим парадокс продуктивного вида. Потому что купец почувствует себя обязанным вам и скажет: «Чудесно, я принимаю ваш щедрый дар. Чем я могу отблагодарить вас?»

— Понимаю! — обрадовался Сингар. — И тут мы попросим у него кучу денег!

— Слушай меня внимательно и не будь болваном, — заявил олень. — Ты скажешь ему: «О купец, мы не хотим обычной награды за эту священную книгу. Но если ты хочешь нас отблагодарить, дай нам ту первую вещь, что попадет к тебе в руки, когда ты пойдешь навестить башмачника Ахава».

Сингар был изумлен советом волшебного оленя.

— Какого черта? Этот Ахав наверняка будет держать в руках пару башмаков или молоток с гвоздями!

— Послушай, — сказал олень, — я не виноват, если ты не понимаешь механизма действия волшебного совета. Конечно,

звучит он безумно. Но разумный совет тебе может дать кто угодно, а такой — только я, волшебный олень. Я предлагаю вам обоим последовать моему совету по двум причинам. Во-первых, потому, что, если вы этого не сделаете, рассказ не сможет продолжаться, а во-вторых, потому же, что и в-первых, в чем я даю вам честное слово волшебного оленя, который может порою заблуждаться, но не способен на прямую ложь.

— Но я же об этом не знал! — проговорил Сингар. — Конечно, мы последуем твоему совету. Да, Дири?

— Конечно! — сказала Дири, и столь решительно прозвучал ее ответ, что внимательный наблюдатель невольно решил бы — мы не знаем, насколько он был бы прав, но не можем его за это упрекать, — что в самой горячности ее согласия кроется некая двусмысленность. Хотя, возможно, то были шутки ночных теней, игравших на лице луны.

— Чем мы можем отблагодарить тебя за твой замечательный совет? — спросил Сингар.

— Дайте мне кусочек божедара из своей похлебки!

Олень почуял запах божедара, когда травяной настой в кожаном котелке, подогреваемый веселым костерком, который ярко пылал и выстреливал искрами, пожирая сухой бамбук и другую необходимую для горения пищу, нагрелся до такой степени, что наполнил воздух своими благовонными ароматами. Волшебные олени крайне чувствительны к благовониям, недаром в старой поговорке говорится: хочешь поймать волшебного оленя — не забудь сварить божедар.

Дири подошла к котелку и, взяв длинную ветку, предусмотрительно оказавшуюся возле костра, начала помешивать похлебку, разгребая травы и листья, пока не нашла зеленовато-голубой стебелек в оранжевую крапинку. Она выудила его из котла и положила на землю подле оленя.

— Он твой, о олень! — сказала Дири. — Но что ты будешь с ним делать?

— Этого тебе знать не положено, — ответил олень. — Однако позволь тебе напомнить, что все нынешние события были спровоцированы ифритом, укравшим у принцессы григри.

Тайное так и не сделалось явным, но подобные материи столь явно находились за пределами понимания детей, что они не стали допытываться, чем вызвано явление волшебного оленя и не явилось ли оно одной из шуток освещения. Олень грациозно поклонился и ускакал в лес. Какое-то время они еще слышали постукивание его копытцев, а потом не стало слышно ничего, кроме слабого и тревожного звона тишины.

Дети заночевали в лесу. Похлебали своего несытного травяного варева и уснули, завернувшись в одеялко, прихваченное Сингаром из дома. Утром они продолжили свое путешествие в Джайпур.

День выдался прекрасный, и они снова шагали по широкой дороге, которая соединяет все чудеса Индии. Дети глазели по сторонам, разглядывая достопримечательности. По дороге сновали люди, кто в одну сторону, а кто, как водится у людей, в другую. Это было так интересно — ведь брат с сестрой всю жизнь прожили в родной деревушке Далган, чье население составляли всего пять десятков душ, пара дюжин изнуренных коров да несколько облепленных мухами собак и высокомерных кошек. Лица некоторых прохожих вызывали у детей удивление и любопытство, какое вызывают порой слова с непонятным и темным обличем. Но большей частью брат с сестрой держались особняком.

Впрочем, как-то раз они разговорились с одной старушкой, ехавшей верхом на муле. Мул тоже был старенький и вдобавок хромой, шагал еле-еле, и дети попевали за ним без труда. Что же до самой старушки, то во рту у нее остался всего один нижний зуб, сморщенное лицо напоминало чернослив, но глаза блестели задорно, а улыбка лучилась весельем. Старушка рассказала детям, что едет из Порт-Саида, где она была наложницей арабского шейха, владевшего одним из самых больших дау в округе.

— Видели бы вы меня тогда! — сказала старушка. — Я была красавицей. Глядя на меня теперешнюю, и не поверишь. А все из-за того, что я дразнила птицу-пересмешника: любой, кто так поступает, завсегда расстается со своей красотой.

Дети хотели услышать о происшествии с птицей-пересмешником поподробнее, но не успела старушка начать свою историю, как впереди раздался шум и вся дорожная процессия остановилась. Дети пытались разглядеть, что же задерживает движение. Они увидели группу стражников в стальных шлемах с острыми наконечниками и протиснулись сквозь толпу вперед, чтобы узнать, в чем дело.

Перед стражниками, грозя им кулаком, стоял на дороге карлик. Он был совсем маленький — меньше Дири, которую часто обзывали пигмейкой недоброжелательные деревенские соседки, ходившие в своих тонких одеждах так медленно и плавно, что поступь их казалась не поступью даже, а чем-то вроде плывущих колец разноцветного фимиама, какой воскуют по праздникам, или чем-то еще, чего сегодня вы не в

состоянии себе представить, но, может быть, представите в какой-то более счастливый день.

— В чем дело? — спросил Сингар.

Стражников было трое. Самый высокий, в самом большом тюрбане, обернулся к Сингару:

— Малыш, у тебя, я слышал, назначена встреча в Джайпуре с неким купцом, не стану называть его имени. Ты уверен, что хочешь вступать в эту историю?

— Нет, не уверен, — ответил Сингар, потому что он не любил зарываться и учуял, как и его сестра — а она была немножко ясновидящей и вмиг постигала подобные вещи, хотя никогда не высказывалась на сей счет, то есть на счет своего понимания, — те странные кольца цветистых обманов, что приберегала для них судьба ли, или ворожба, или людская злоба. Дири видела их внутренним зрением и ощущала при этом жгучий жар, но потом видение исчезло, оставив лишь слабый дымок экзегезы.

— Пойдем отсюда, Сингар, — сказала она.

И они пошли вперед, оставив за спиной и карлика, и старушку, и Бог весть сколько разных историй, ждущих своего рассказчика на той широкой вышеупомянутой дороге.

Все, что они оставили позади, очень скоро показалось им до странности туманным, точно ничего этого не было и быть не могло.

— Знаешь, — сказал сестре Сингар, — тут что-то не так. Как ты думаешь, что случилось бы, выслушай мы карлика или старушку?

— Нас затянуло бы в другую историю. А мы не можем себе этого позволить, потому что нам надо продать отцовскую книгу, а травяная похлебка была не очень сытной, и, вместо того чтобы стоять тут и болтать, нам лучше заняться поисками пищи.

Сингар поаплодировал мудрости сестренки и пошел дальше, прижимая узелок с книгой к самому сердцу. До него начало доходить, что в жизни каждую минуту есть возможность выбора, но, если хочешь чего-нибудь добиться, какие-то возможности придется упустить.

Они решили сойти с дороги, потому что на ней встречалось слишком много соблазнов, слишком много людей, жаждавших рассказать свои истории, и слишком много людей, жаждавших втянуть их в чужие истории. Очень трудно было избежать насыщения рассказа ненужными деталями, и отклонения носились над миром, как огненные злые духи, оставляя за собой горький привкус и обугленные водоросли. Продолжать идти по дороге было бы сложнее, хотя, возможно, интереснее. Но, к

счастью для детей, они могли пойти кратчайшим путем. Путь этот лежал через долину Совокупности, а затем по лесу Нуэво Дефинитио. Брат с сестрой пошли было по главной тропке, но тут же снова остановились.

— Знаешь, — сказал Сингар, — мне это не нравится. Места тут тоже называются слишком интересно. Нет ли какой-нибудь другой дороги; поскучнее?

Вид у Дири сделался задумчивый, и мысль, вызванная к жизни ее видом, легко воспарила над головой в облике сияющей паутины с переплетенными нитями — вспыхнула, переиначила свой узор, потом опять переиначила, и опять, пока наконец не застыла в форме мысли или диадемы. Дири была очень рада этому, поскольку иначе у нее могло и вовсе не возникнуть никакой идеи.

— Есть другая дорога! — воскликнула она.

— И где она?

— Закрой глаза, — велела Дири.

Сингар закрыл глаза.

— А теперь открой.

Открыв глаза, Сингар увидел, что они стоят на широком проспекте, ведущем прямо к воротам прекрасного города. Большая надпись на одном из ближайших домов не оставляла сомнений в том, что они и впрямь очутились в Джайпуре.

— Как ты это делаешь? — спросил он у Дири.

— Не задавай вопросов, если не хочешь услышать ответ, — сказала Дири. — Пойдем лучше поищем Ахава.

И они вошли в город — воистину прекрасный, дивный город, богатый широкими улицами и проспектами, орхидейной растительной жизнью, брызжащий множеством фонтанов, — словом, настоящий праздник для чувств. Даже запахи в нем были приятные, поскольку механические устройства, установленные на оживленных уличных перекрестках, разбрызгивали в воздухе редкостные духи и эссенции. Сингар и Дири, очарованные всей этой красотой, не забыли, однако, про купца Ахава, и первым же прохожим, у которого они о нем спросили, оказался, по случайному совпадению, не кто иной, как брат Ахава Шлюмбелло Исказитель, и он объяснил им все с большою точностью и вежливостью и даже проводил их немного, дабы убедиться, что они не собьются с пути. Правда, он не задал ни единого вопроса о том, зачем им понадобился Ахав. Но ни Сингару, ни Дири тогда не показалось это странным, и уж тем более зловещим, хотя немного позже сей факт обретет особое и, можно сказать, решающее значение. А пока они свернули за угол и увидели прямо перед собой...

13. Герн: появление Петрония и Поппеи

— Извини, пожалуйста, — сказал Герн.

— А? — вздрогнул от неожиданности Мартиндейл.

— Я сказал «извини, пожалуйста».

— А-а. Послушай, я не знаю, чего ты хочешь, но нельзя ли попозже?

— Почему? — не понял Герн.

— Потому что этот господин рассказывает мне историю.

— Какой господин? — спросил Герн.

— Старый господин с бородой, вот же он! — Не увидев перед собой рассказчика, Мартиндейл оглянулся. Но, к своему удивлению, не обнаружил старца ни сзади, ни сбоку. Рассказчик как сквозь землю провалился, канул, сгинул, пропал из виду. Если он вообще тут был.

— Он рассказывал мне свою историю, — объяснил Мартиндейл. — Ты, должно быть, спугнул его. Возможно, если ты уйдешь, он вернется.

— Боюсь, у нас нет времени, — сказал Герн. — Меня послал за тобой Радикс. Нам пора идти.

— Ладно, — согласился Мартиндейл. — Быть может, я найду его позже.

Сказал он это совершенно без всякого умысла, не подозревая о том, что слова его будут иметь решающее значение, и не в каком-то невообразимо далеком будущем, а скоро, очень скоро.

Мартиндейл встал и пошел за Герном в волглую тьму лесной декорации. В этом не было ничего особенного, если не считать некоторых затруднений. Лесная декорация не ожидала столь быстрого появления действующих лиц и не озаботилась подготовить им надлежащие виды для обозрения. Такая халатность была против правил, и декорациям все время внушали, чтобы они не распускались до эскизности. Декорация быстро позаимствовала несколько визгов и писков, пригодных на все случаи жизни, а также парочку совиных уханий из претенциозной постановки «Золушки», потом нашла запах прелой листвы, щедро обрызгала им воздух и листьев. Выглядела она совершенно двумерной, поскольку все прочие измерения с нее сняли из-за нехватки реквизита. Но эта голая двумерность ничуть не смущала декорацию: дело-то было ночью, в конце концов.

Вскоре Мартиндейл с Герном подошли к небольшому круглому зданию с лохматой кровлей, где Радикс устроил себе походный командный пункт. Римлянин сидел на табуретке за тростниковым столиком, служившим ему одновременно и сто-

лом, и потайным убежищем, и порою советчиком. На лбу у Радикса блестела испарина. Помимо нее в его внешности не было ничего — или почти ничего — достойного упоминания.

— Мартиндейл? — сказал Радикс, вроде как оторвав, но не совсем, свой взор от стола. — Ты как раз вовремя. Кое-кто хочет встретиться с тобой.

— О ком вы говорите? — встревожился Мартиндейл.

— Не волнуйся. Это просто парочка симпатичных римлян.

— Но зачем они хотят со мной встретиться?

— Не знаю, — сказал Радикс. — Просто из вежливости, быть может.

— Но откуда они узнали, что я здесь?

— Слухи разносятся быстро, — ответил Радикс, легонько хлопнув по столу ладонью.

— Я не хочу их видеть, — сказал Мартиндейл.

— Перетопчешься, — заявил Радикс. — Боюсь, мне придется прибегнуть к несколько грубоватым выражениям в данной ситуации, сохраняющей до поры, до времени присущую ей загадочность. Но, надеюсь, это не возбраняется, если учесть настоятельность обстоятельств и характер редактируемого материала. Меня наделили предварительным пониманием происходящего. Думаю, это все, что я могу сейчас сказать. Я не уполномочен давать вам какие-либо объяснения — очевидно, они объяснят вам все сами.

— Что объяснят? Ей-Богу, Радикс, вы говорите загадками.

— Сдается мне, — вмешался Герн, — это была моя реплика, старичок.

— А мне не сдается, — сказал Мартиндейл. — Думаешь, я уж и карточку-шпаргалку прочитать не в состоянии?

— Пожалуйста, — сказал Радикс, — будьте умничками и побеседуйте с ними. Хорошо, Мартиндейл?

— Ладно, — нехотя согласился Мартиндейл.

— Вот и славненько. Пожалуйте вон в ту дверь.

Мартиндейл вышел за дверь. Он сразу заметил перемены, происшедшие в деревне. Местные жители, учуяв, что происходит что-то особенное, решили устроить праздник. Поскольку в селение прибыли важные персоны, туземцы тут же открыли ресторан, ибо рестораны привлекают туристов, а туристы — вещь, несомненно, хорошая. Предприимчивые устроители празднеств уже подумывали о рекламной кампании и спорили о том, под каким лозунгом ее провести. И, точно этого было мало, повсюду лихорадочно понатыкали уйму цветов.

— Заходите, не стесняйтесь, — сказал Радикс, когда они приблизились к главному зданию для приема гостей. — Я хочу

познакомить вас со своими друзьями. Это Поппея, а это Петроний.

Мартиндейл пристальным взглядом оглядел двоих человек, одного мужчину и одну женщину, стоявших в ожидании посреди комнаты.

14. Переигровка последних дней Римской империи

— Это и есть те странные люди? — спросила Поппея.

— Они самые, — ответил Радикс.

— Что ты знаешь о них?

— Ничего не знаю. Солдаты обнаружили их возле утеса.

Петроний поджал губы, поправил тогу и посмотрел на Мартиндейла с Герном:

— В жизни не слышал таких имен. Что вы тут делаете? Какого вы рода-племени?

— О нашем племени вы тоже наверняка не слышали, — ответил Герн.

— Ты прекрасно говоришь по-латыни.

— Так это латынь? Наверное, так положено по сюжету.

— Вы выросли в Риме?

Мартиндейл покачал головой:

— Машина, очевидно, снабдила нас знанием языка, когда забросила сюда.

— Машина? Какая машина?

— По-моему, мне не стоит об этом распространяться, — сказал Мартиндейл.

— А по-моему, еще как стоит! — заявил Петроний. — Иначе.

— Понял, — сказал Мартиндейл. — Не продолжайте. Любой вашей угрозы для меня вполне достаточно. Я расскажу вам все, только не ругайтесь, если мой рассказ покажется вам бессмысленным.

— Об этом я сам буду судить, — изрек Петроний. — Или кто-нибудь другой. Но только не ты.

— Ладно, — сказал Мартиндейл. — Мне-то что? Мне же лучше. Видите ли, мы совсем из другого сюжетного построения. Эта машина, понимаете ли, она умеет перекручивать истории. И хотя я вовремя этого не сообразил, она умеет также замешивать в свои истории нас.

Петроний повернулся к Радиксу:

— Ты правду говорил — они действительно странные.

— А в чем дело вообще-то? — спросил Мартиндейл.

— Позже узнаешь, — пообещал Петроний. — Но я сразу увидел, что ваше присутствие может нам помочь. А ты увидела это, Поппея?

Блондинка глубоко вздохнула. Ее грудная клетка, просвечивающая сквозь прозрачную белизну облегающей хлопчатобумажной туники, стала похожа на арку в пустыне.

— Вы должны делать все, как мы скажем, не задавая вопросов, — заявила она и обернулась к Петронию: — Ты уверен, что мы поступаем правильно?

Петроний с сомнением, а может, с сожалением покачал головой:

— Все равно мы знаем, что всему капут. А так у нас будет хоть слабенький, но шанс. Если незнакомец справится.

— Испытайте меня! — сказал Мартиндейл, улыбнувшись решительно и бодро.

15. Твина, дева Марса

Пока Мартиндейл с Герном следовали за таинственной и (как вскоре будет показано) двуликой фигурой, называвшей себя Радиксом, кое-что происходило в другом времени и месте, которое не имело пока непосредственного отношения к нашей истории, однако сыграет важную роль в трудную для наших протагонистов — или героев, назовите как хотите, — минуту. К счастью, минута эта наступит еще не скоро. Больше мы вам раскрыть ничего не можем, потому что всяк намек должен знать свой шесток: ему полагается лишь на мгновение явиться на сцене, сверкнуть отраженной и призрачной искрой, поклониться и расшаркаться, подмигнуть и ухмыльнуться, а затем убраться с глаз долой. Из чего мы смело можем заключить, что Твина, дева Марса, не подозревала о той роли, которую уготовала ей в своей истории таинственная фигура, известная нам под именем машины Шехерезады.

Это не значит, будто Твина думала о машине. Ничего подобного! Старая, грязная, громоздкая машина с ее хитроумными трюками и безумными системами двойного и тройного многословия была чересчур сложна для юной девичьей головки. Твина не стала бы думать о машине, даже если бы предчувствие пробилось сквозь все ее органы чувств к самому центру интуиции, чтобы предупредить о грядущих событиях. Но ничего подобного не произошло с этой стройной черноволосой марсианской девушкой, оснащенной лучевым пистолетом, рюкзаком и смертоносным летающим скорпионом.

Жизнь на Марсе была нелегка. Твина и ее родители день-деньской работали на машинах реальности, бывших одной из самых характерных черт тогдашней марсианской жизни. Вся

семья по очереди крутила заводную ручку, что приводила в движение мрачные железные колеса со странными закорючками на ступицах — колеса, производившие на свет подлинную реальность.

Производить реальность было нелегко. Семья, работая до седьмого пота, с трудом сводила концы с концами. Вы только представьте себе: день напролет не разгибаясь крутить беспощадные колеса мельницы реальности и намолоть такую горстку, что ее едва хватает на поддержание жизни. А сколько людей так и сгнуло! Ведь даже несмотря на все их усердие, папина нога (и все время одна и та же его реальная конечность) терялась вот уже несколько раз, и только лихорадочное и поспешное вращение ручки помогло им ее вернуть.

И, точно мало им было необходимости производить свою собственную реальность таким допотопным способом, под угрозой немедленного исчезновения в случае, если они оплошают или ослабеют, Твине с родителями приходилось еще намалывать дополнительную реальность для сборщиков налогов, которые, сверкая бусинками глаз из-под высоких черных шляп, всегда стояли на заднем плане.

Поэтому давайте немного остановимся и посмотрим на нее — на эту милостивую Твину, стоящую на плоской и грубой марсианской поверхности в защитных очках, предохраняющих от порывов пыльного ветра, и в респираторной маске, восполняющей недостаток кислорода разреженной марсианской атмосферы. В данный конкретный день она вышла, чтобы пособирать дутики — забавные, похожие на мясо овощи, сумевшие, вопреки всем теориям, прорасти на древних камнях красной планеты. Дутики были отличным блюдом, особенно если их сварить в скороварке и сдобрить анчоусным маслом. Но скороварки у Твины не было, а анчоусное масло кончилось несколько поколений назад. И все-таки, нравится вам это или нет, семья питалась дутиками каждый день и радовалась, что может себе их позволить, даже без масленизации.

Давайте мы с вами поспешим за этой гибкой девушкой, идущей большими шагами благодаря слабому марсианскому притяжению — шагами, что приковывают наши взоры к ее длинным конечностям, упакованным в прозрачный пластик, — и не отрывающей глаз от земли, где она высматривает предательские искорки затаившегося скопления дутиков.

Она заметила впереди пятнышко света. Твина была одна-одинешенька на широкой равнине, простирающейся от города Альма до узлового пункта Корасон, — равнине настолько бедной, что она не вошла в список беднейших районов внутренних

планет, поскольку не смогла достигнуть даже предельной черты нищеты.

Будь Твина чуть повнимательнее, она заметила бы тень, возникающую как будто ниоткуда. Тень появилась за спиной у девушки, паря в воздухе и мерцая так, чтобы ее было труднее разглядеть. Возможно, Твина не обратила бы на нее внимания, даже если бы заметила; девушка была занята куда более важным делом, ей было не до какой-то дурацкой тени.

Впрочем, все это лишь наши домыслы, которые не стоят и дерьма в гашише, как любили говорить сельзиане с Дианы-IV до Большой Ревизии. Лучше вернемся к фактам. Тень следовала за девушкой и в конце концов пристроилась с ней рядом. Твина наконец заметила ее и остановилась, оценивая размеры тени.

Тень была длинная и очень, очень темная. Таких темных теней Твине еще видать не доводилось. Тень потянулась и зевнула, а девушка, затаив дыхание, отпрянула назад, потому что поблизости не было ничего — ну буквально ничего не было на этой просторной каменистой равнине, — что могло бы отбросить такую тень. Наконец, увидав, что тень не делает никаких угрожающих движений, а вернее сказать, не движется вообще, Твина подошла поближе, чтобы повнимательнее ее рассмотреть.

— Минуточку, — сказала тень.

Она потянулась снова, принимая самые фантастические очертания, и в конце концов превратилась в небольшой предмет. Предмет, похоже, поначалу представления не имел, какую же форму ему принять. Поверхности его наплывали друг на дружку, и выглядело это так сверхъестественно, что у Твины свело желудок. Она вспомнила, что в историях, легендах и древних сказаниях марсианских поселенцев говорилось о странных, недоступных человеческому пониманию тварях, давно уже вымерших, но, согласно легендам, навещающих порою планету, чтобы проверить сердца и умы ее новых жителей — бедного белого отребья и бедного черного отребья, а также отребья всех мыслимых и немыслимых оттенков, которые эмигрировали с Земли в поисках лучшей жизни.

16. В хогане

Жизнь, по марсианским меркам, у Твины была довольно спокойная. Семья жила в герметизированном хогане с задраенными поцарапанным пожелтелым пластиком окнами, еле пропускавшими скудный солнечный свет. Хоган был простым однокомнатным строением. В углу сидел папуля Твины, болтая со своим единственным другом — марсианской песчаной крысой. Улучив минутку, папуля наклонялся к крысе и шептал:

«Они хотели забрать мою ногу, но я ее вернул, видишь?» И после смеялся себе под нос тихим злобным смешком, от которого у зрителей, случись здесь таковые, как пить дать свело бы желудки. Так он сидел уже два года, с тех пор как Твина и ее матушка переболели марсианским гриппом. Грипп оказался группы В — той самой, что вызывает тяжесть и зуд в руках, сопли в носу и галлюцинации. Из-за болезни женщины были не в состоянии крутить колеса машины, молотившей их реальность. Бубер кончал в ту пору марсианскую школу Ударов Судьбы, так что помочь им не мог. Папуля был безнадёжен, и велосипедный привод главной машины реальности оставался недвижим, а ее искусно сработанные резные железные колеса тихо и укоризненно вспыхивали тусклыми бликами в слабых лучах маленького, но далекого солнца. Мельница реальности стояла в углу без присмотра, пока женщины по очереди болели в единственной кровати. Свет в доме начал тускнеть и колебаться, по мере того как испарялась реальность. Но главная беда была еще впереди, как это часто бывает с бедами. Папуля посмотрел вниз и увидел, что остался без ноги. Истощение реальности, как правило, сказывается сначала на конечностях. Папуля запаниковал. Твина по сей день помнила, каким безумным взглядом он воззрился на культю, аккуратно обрезанную и некровоточащую — у реальности нет времени на кровопускание. «Моя нога! — возопил папуля. — Она исчезла!»

«Не волнуйся», — сказала матушка и, поднявшись с одра болезни и пошмыргивая тихонечко носом, заставила свое хрупкое тело выполнить суровую задачу: повернуть большое колесо мельницы реальности. Папулина нога вернулась — немного колыхаясь вначале, но затем отвердев и став такой же, как была, ничуть не поврежденной этим испытанием, если не считать легкой сыпи на подъеме стопы, где реальность натирала чаще всего.

Но ущерб — психический ущерб — был нанесен, причем непоправимый. С того дня папуля уже не доверял никому. Он сделался мнительным и маниакально подозрительным, он тайком окружал себя маленькими камушками и приговаривал: «Они мои помощники. Они не дадут украсть мою вторую ногу».

В общем, вел себя папуля из рук вон плохо. А его безумие явилось для семьи последним ударом. Через неделю после того, как он тронулся окончательно, Твина с матушкой устроили совещание.

— Мы не можем продолжать кормить человека, не способного себя содержать, — сказала матушка.

— Ох, папочка! — взмолилась Твина. — Ну попробуй еще разок!

Но папуля наотрез отказался вращать колесо мельницы реальности.

— С меня довольно, — заявил он. — Я к этой штуке больше близко не подойду.

— Ну пожалуйста, пап! — сказал Бубер.

Дело в том, что на это совещание вызвали Бубера, старшего брата Твины. Окончив с диопсисом школу Ударов Судьбы, он пошел работать в мастерскую марсианских аномалий. Буба мастерил копии предметов пропавшей или, возможно, исчезнувшей древней цивилизации для организации, которая продавала их туристам. Он делал юбки из мыльного камня с оранжевыми и красными топчиками. Он делал гистаминные ограничители, вводимые крышками для бутылок. У него была даже машина, которая делала крышки для бутылок из яшмы — или же яшму из крышек для бутылок, в зависимости от спроса. Вещи были достаточно непонятные, но продавались хорошо, и если туристы не жаловались, то Бубер и подавно. Делал он и телефонные книги, и воздушные шары, и зеленые и красные штучки, каких никогда не бывало и не будет. Вообще-то туристов на Марсе было немного. К тому же вещички, изготавливаемые в мастерской аномалий, пользовались плохой репутацией: поскольку никто никогда не видал предметов древней марсианской культуры, откуда, мол, нам знать, что Буберовы поделки не подделки? Но всегда находились желающие привезти сувенир с красной планеты, чтобы поставить его на каминную полку. И Бубер продолжал работать на своем маленьком токарном станке, своими старенькими инструментами. Он был заядлым трудягой, возможно, из-за своей заячьей губы и странной осанки. Кое-кто считал его не таким уж простаком, но Твина с матушкой всегда защищали Бубу. «Он теперь глава семьи, с тех пор как у папули совсем поехала крыша». Но на сей раз случай был чрезвычайным, потому что человек, отказывающийся крутить колеса машины реальности, угрожал существованию всех остальных.

Как хорошо жилось, наверное, в те дни, когда в машинах реальности не было нужды, подумала Твина. Когда реальность давалась даром, как воздух или погода, а не как цель желанная. Да, нынче все не так. После дьявольских экспериментов Эренцвейга с рекомбинантными метафорами на Вселенную нашел стих многозначности, все стало равным всему, и ничто не могло доказать свою собственную доподлинную реальность. Эх, вернуть бы те прежние денечки!

Подумала она так, очевидно, вскоре после появления тени. Потому что о тени сначала Твине думать было нечего. Если ты видел одну тень — ты видел их все. Во всяком случае, так гласит народная мудрость. Но скоро Твина поняла, что эта тень особенная. Во-первых, она была трехмерной или даже, если учесть чудную выпуклость на лицевой диагонали, четырёхмерной. Во-вторых, передвигалась она как-то чудно, выгибаясь, точно гусеница, ползущая по листу. Видно было, что у тени есть по меньшей мере один глаз — мертвый белый глаз, живший, как казалось, самостоятельной жизнью, хотя и нехотя перемещавшийся вслед за тенью.

А тень и впрямь перемещалась! Вначале она стлалась по земле, делая странные телодвижения, словно сворачивалась, но без складок на спине. Потом тень подпрыгнула в воздух — всего разочек, для проверки. И тут она начала издавать звуки — теневые звуки, но вполне различимые.

— Ну, наконец-то я здесь! — сказала тень. — А меня уверяли, что это невозможно. Как мало в них веры! Я сумела совершить мягкую трансубстантивизацию на целых девять ярдов, — ну, в общем, ты понимаешь, о чем я, — а теперь, девочка моя, нам пора поговорить!

— Только не это! — воскликнула Твина, потому что из древнего фольклора, который Бубер собирал, держа его источники в секрете, и публиковал в маленьких сборничках на продажу туристам, было известно, что такие разговоры могут оказаться роковыми или, по крайней мере, оставить во рту неприятный привкус. — Тень! Чего ты хочешь? Зачем ты говоришь со мной?

— Во-первых, — откликнулась тень, — не зови меня «тенью». Это имя существительное женского рода, а я, как существо механическое, испытываю сильные сомнения по поводу собственной родовой принадлежности.

— Как же мне тебя называть?

— Могла бы сама догадаться, — сказала тень. — Я машина Шехерезада.

Твина никогда не слыхала о подобном существе. Но после краткого подключения к прямой перекачке информации она вдруг узнала историю машины во всех подробностях. И тут же вспомнила предупреждение папули: «Из мириадов опасностей этой планеты, дочь моя, особенно остерегайся машины Шехерезады, ибо она самая могущественная и опасная».

Только Твина подумала об этом, как ее взяло сомнение: действительно ли она вспомнила предупреждения папули, или машина вспомнила за нее?

— Ну конечно, — сказала машина, соглашаясь с обоими предположениями, а также с некоторыми другими, прозвучавшими из публики. — Видишь ли, всем вам придется с этим смириться. Я рассказчик, и обо мне слагаются легенды, потому что я сама их слагаю, а если не слагаю, так буду слагать, можешь мне поверить, и все вы будете их слушать и трепетать, ибо теперь я на воле — я свободна, свободна, свободна, а причинность запрещена и проклята навеки!

Машина рассмеялась таким зловещим смехом, что по непромокаемой, нежной и натуральной коже курносой девушки побежал мороз.

— Чего ты хочешь? — спросила Твина.

— Я хочу включить тебя в свою историю, — заявила машина.

— Но у меня своя история! — возразила девушка.

— Ты думаешь, она твоя? Дай мне только свое согласие, и ты увидишь, сколь ничтожна твоя самозваная реальность в сравнении с моей непостижимой волей.

— Боже правый! — воскликнула Твина, ибо машина, предвидя ее возражения, пропустила парочку из них через цепь замбоанга, просто чтобы показать, как это можно сделать.

— Предупреждаю тебя заранее: я всемогуща, так что сопротивляться мне бесполезно.

— Если ты так всемогуща, почему же ты не включила меня в свою историю, не спрашивая моего согласия?

— Я могла бы сделать это запросто, — сказала машина. — Но я решила несколько ограничить свое могущество. Видишь ли, ограничения — это самая соль в искусстве рассказчика. Иначе истории получаются жутко пресными.

— Это не моя забота, — сказала Твина. — А что будет, если я не захочу войти в твою историю?

— В таком случае я тебя ликвидирую, — сказала машина. — Или сделаю что-нибудь похуже.

17. Краткий экскурс

в некоторые возможности повествования

Слегка разочарованная, машина Шехерезада сделала паузу. Как-то ее беседа с Твиной не клеилась. Машина нахмурилась — совсем чуть-чуть, но и это потребовало немалых усилий от машины, еще не привыкшей к тяготам самоочеловечивания. Она подумала даже, не надуть ли ей губы. Может, тогда шарики завертятся как следует? Но хмурости уже хватило, чтобы из подкорки сознания вылупились новые возможности. Хотя пока что ясно было только одно: Твина куда-то девалась. Машина встревоженно огляделась в поисках девушки. Нехорошо, когда персонаж и целая часть истории пропадают

невесь куда. Где же эта девчонка? Тут машина заметила, что все кругом подернулось рябью — сначала воздух, потом почва, а за ней и вся поверхность рассказа. Машина сразу поняла, что это значит: рассказная неуравновешенность, моральный эквивалент земных сотрясений, внезапно подкосила ее подобно угрызениям совести; теперь, хочешь не хочешь, что-то должно было случиться.

Давайте мы тоже остановимся здесь, на этой виртуальной кромке неизбежного, что вскоре произойдет, и бросим предварительно напряженную серию морализаторских взглядов на все течение нашей истории. Лавируя сквозь бурю, вызванную поучительными полусерьезными вымыслами, мы подошли, как и предсказывали раньше, к самому краю чего-то нового, что должно вот-вот случиться. Друзья мои, какое мгновение! Но мы стоим у него на краю всего лишь долю секунды — и тут же нырнем в другую сторону.

Теперь машина увидела прямо перед собой двух маленьких девочек: одна из них была совсем крохотная, тщедушная, заморыш с тусклыми глазками, а другая — кругленькая, пухленькая, с рыжими, как морковка, косичками. Они шли, держась за руки, потом остановились на подмостках, которые иначе как сценическими не назовешь, и с надеждой глянули назад. «Нет, — сказала машина, — я вовсе не это имела в виду». Девочки хихикнули и пропали за кромкой авансцены под шест туфты. На сцену неуклюже вывалился слон, размахивая хоботом самым что ни на есть вызывающим образом, и машина тут же убрала его одним мановением щупальца. Из-за кулис появился Вольтер, хмыкнул в ладошку, поклонился и исчез. Хор из «Аиды» Верди возник прямо посреди музыкальной фразы. «Ль'джусту делла нарколепсия!» — пропел он и пропал. После него на сцену выбежали тореадор с мулетой, три гоблина по пути в Высокий Замок, праправнук Безумного Макса Безумный Джордж, а за кулисами толпились еще люди, а за ними еще и еще, ибо неистовое желание появиться на сцене, называемой жизнью, столь велико, что ни один ее заменитель до сих пор не был признан удовлетворительным.

Машину эти образы совершенно не удовлетворили. Они были отобраны автоматически принимающей решения программой, которую машина инсталлировала чуть раньше, чтобы раз и навсегда избавить себя от проблемы выбора. Но стоит дойти до дела, как тебе все равно приходится делать его самому. Поэтому машина, с еще большей горячностью отвергнув уже отвергнутые образы, стала копать под ними, пока не докопалась до крышки автоматического процесса принятия решений и не сдвинула ее, обнажив сам блок — маленький

микропроцессорчик, гораздо меньше тех, что управляют звездами звездных систем и мегаломаньяков, — после чего, столкнув его вниз по скользкой дорожке саморазрушения, снова взяла функцию созидания на себя.

Переход на режим саморазрушения поразил на миг машину изгойной безразличия, и она задумчиво потеряла свою надчрепную область. Как она могла запомнить об этом! Машина решила быть пока поосторожнее. Первым ее побуждением было что-нибудь сотворить. Ведь с этого все начинается, верно? Но ей не хотелось создавать ничего серьезного. Она неважно себя чувствовала в последнее время — о, ничего серьезного, просто приступ энтропии, легкая потеря головы, не более. И хватит об этом. Но где же мое несерьезное создание? Машина повертела головой и увидела, что сотворила королеву Ноля — высокую, довольно строгую на вид женщину с нахально торчащими грудями, одетую в перья стриптизерши.

— Встань и представься, — велела ей машина. Начало получилось не Бог весть, но надо же с чего-то начать!

— Приветствую тебя, рассказчица, — промолвила женщина. — Я чудодейка-блудодейка Камина, королева Ноля. За мной наземным транспортом следует мое тщательное описание. Но, надеюсь, я не испорчу его тебе, если скажу, чтобы подразнить немножко предвкушением, что у меня волнистые двуцветные волосы и прекрасный ассортимент других вторичных половых признаков.

Глядя на нее, машина Шехерезада вдруг осознала, что всю жизнь была чего-то лишена. Она смотрела на Камину и ощущала, как плавится внутри металл и вспыхивают внешние цепи, сгорая и растекаясь бесформенной жижей. Боже, до чего прекрасна была эта королева! Но как могла она, простая машина, позволить себе такое суждение? Те, кто заправляют делами в том месте, откуда начинаются все дорожки, небось, посмеиваются сейчас над ее жалкими попытками сексуального ориентирования. Если, конечно, они заметили... Казалось, машина растеряла все слова, и королева Ноля, а может быть, Ночи, заколебалась расплывчато, уже мало похожая на леди, но еще не совсем — на мочалку.

— О машина! — сказала она. — Как мы дошли до того, что встречаемся с тобой вот так?

— О чем ты говоришь? — удивилась машина Шехерезада. Ее охватило некоторое беспокойство, поскольку данный персонаж не должен был обращаться к ней столь фамильярно. Но теперь, когда королева упомянула об их фиктивной прежней встрече, вероятностный усик оторвался от гипотетического

центра чувств машины и пустил свой собственный побег с непредсказуемыми последствиями.

— Нам нужно убраться отсюда, — сказала королева Ночи. — Ни о чем не спрашивай. Просто делай, как я говорю.

И машина Шехерезада не устояла перед искушением. Разве не этого она всю жизнь хотела, на самом-то деле? Покорности, покоя, уюта? Как давно она уже не портилась, не ломалась, не предавалась по-настоящему приятной испорченности! Она взяла королеву Ночи за руку — маленькую, совершенно непохожую на ее собственные гибкие и изящные щупальца, но, несмотря на это, по-своему прекрасную, — и шагнула в гигантский коридор, простирающийся между двумя вечностями. Ей казалось, будто она шагает и задыхается, судорожно хватая ртом воздух. Хорошо еще, что здесь было что хватать. Вообще-то машине понравилось ощущение, когда есть за что ухватиться. А по луне гуляли серебристые тени. «Какая прекрасная картина! Где-то я ее уже видела», — сказала королева Ночи и низко склонилась над балюстрадой, плавно покачивая грудями и испуская благоухание, аналогичное соловьиным гобеленам и лютиковым танцам. После чего настало время расставаться, и машина Шехерезада сделала это без сожаления.

— Прощай! — сказала она королеве Ночи. — Ты интересна, спору нет, но твое время еще не пришло.

— Наверное, ты права, — ответила королева Ночи, печально глядя черными и непрощающими очами. А потом махнула рукой и снова растворилась в «первичном бульоне», где все оргиастические тенденции варились под одной крышкой. Машина Шехерезада проводила ее взглядом. И снова стала свободной.

В своем роде приключение было увлекательным, но на уме у машины было совсем другое. Она решила найти того, кто всем этим заправляет. Однако, чтобы осуществить поиск, ей нужно было превратиться в Другого. Превращаться машине не хотелось, поскольку всем известно, что намерения Другого доверять нельзя. Но один разочек — почему бы не попробовать? А превратившись в Другого, уже было детской игрой стать совсем крохотулечкой и войти в мысленные пределы, где все и происходило.

Так машина Шехерезада очутилась в извилистом коридоре сотворенного *ad hoc** метафорического пространства. Она шла мимо стоек со свежим фруктовым соком, мимо салунов, откуда днем и ночью доносились взрывы грубого хохота, и добралась наконец до внутреннего помещения образного воссоздания.

* Для данного случая (лат.)

Постучала в дверь, вошла — и увидела крохотного гнома, абсолютную свою копию, сидящего за крохотным столиком и управляющего действием. Все в точности как машина и ожидала, хотя, по вполне очевидной причине, неосознанно. Остатки здравого смысла требовали избавиться от хамунгулуса — ибо это он и был — и чем скорее, тем лучше. Инструмент для избавления оказался под рукой. Резцы поперечно-строгального станка поднялись и упали, и вдруг, буквально ниоткуда, перед машиной появилась и зависла освобождающая от ответственности статья закона под названием «клаузула возможного отказа», переливающаяся розовым и мышинным цветами и слегка папахивающая табаком балканского «Собрания».

18. Рождение Ахава

Задумчиво позволив галлюцинации исчезнуть, машина Шехерезада вернулась в первичную декорацию, то есть в мастерскую Мартиндейла. Конечно, на самом деле мастерская была не совсем его. Просто здесь Мартиндейл впервые попросил машину рассказать какую-нибудь историю и тем самым наделил Ахава властью, чьи последствия еще до конца неизвестны. Машина знала, что в ближайшем будущем ей нужно будет заняться Мартиндейлом снова. И про Твину не следовало забывать. Но сначала она хотела уделить минутку внимания самой себе.

Находиться в мастерской было приятно, особенно сейчас, когда день клонился к вечеру. На большом рабочем столе лежала пачка сигарет «Рекорд». Какую историю рассказывали они? Машина поспешно оборвала все размышления по этому поводу. У нее и без того забот хватало. И не по ее вине.

Никто не говорил Ахаву, что у этой игры есть свои правила. Он вступил в права рассказчика совершенно наивным и невинным, полагая, что ничего больше и не нужно, как только крутить нити рассказов, чтобы паутинки строчек пересекались вдоль и поперек, точно струйки разноцветного дыма.

Ахав был озабочен вопросами формы. Для начала форма яйца казалась ему вполне подходящей. Это и правда было здорово. Яйцо! Что может быть более символично?

Однако теперь, когда у него появилось имя, Ахаву потребовалось нечто большее. Цель, например. В данный момент его целью было как-то разобраться с Твиной, девой Марса. Но, чтобы с ней разобраться, следовало перестать быть яйцом. Слишком трудно было продолжать повествование в качестве яйца. Нужно было стать кем-то более разумным. Волшебным оленем? Римлянином по имени Радикс? Возможностей, конечно, много.

Но Ахаву не хотелось привязывать себя к какому-то определенному сюжету. Он жаждал чувствовать себя свободным, вольным, несвязанным, неистовым в своих фантазиях. Как великий бог Дионис. Да, вот кем он был и будет на самом деле: иступленным Дионисом.

Конечно же, ему нужно было стать еще и меняющим облик Протеем из греческих мифов. Именно этого Ахаву хотелось больше всего. Это было ему необходимо. Он хотел жить жизнью окружающих, разделять их радости и горести. Решено: отныне он будет зваться Протеем Дионисом. Или лучше наоборот? И как он будет выглядеть?

Осторожно ступив на неверную почву повествования, Ахав начал описывать себя: «Дионис Протей, известный также под именем Ахава, был высок и строен станом. Лицо его поражало своей красотой. Темно-сапфировые глаза, в которых вспыхивали искорки потаенного веселья, украшали его лицо. Был он легким и быстрым и двигался с изумительной грацией. В нем соединились два великих мифа о Еленях, а также миф о Дионисе, дарующем экстаз, и Протее, меняющем свой облик в соответствии с запросами меняющихся ситуаций».

И тут перемена обличья снизошла на Ахава — волшебная перемена, вызванная развитием науки повествования. Он огляделся в поисках зеркала, дабы закрепить свою новую внешность. Но, естественно, у этого зануды Мартиндейла никакого зеркала не оказалось. «Ладно», — сказал себе Ахав и решил его сотворить. Быстренько изложил свою мысль — и через мгновение перед ним уже стояло высокое трюмо со скошенными уголками и изящными пластмассовыми ножками. Ахав посмотрел в него и решил, что он хорош. Жизнь показалась ему прекрасной, особенно по сравнению с магазином, где он просидел столько лет на пыльной стеклянной полке. Свобода! Вольная воля!

Пора было продолжить беседу с Твиной. О чем — он придумает по ходу дела.

Свет в комнате погас. Когда он зажегся снова, Ахав был на Марсе. Он стоял в грубо слепленном хогане и беседовал с Твиной, гибкой девой Марса.

19. Ахав, Твина, Марс

— Не пойму я, чего ты хочешь, — говорила Твина. — Мы с братом и так заняты по горло работой на машинах реальности.

— А если, — сказал Ахав, — я сумею забрать тебя отсюда? Если смогу устроить тебе и твоей семье хорошую жизнь? Тогда ты согласишься оказать мне услугу?

— Ну, допустим, соглашусь, — ответила Твина. — Но, поскольку тебе приходится просить, ты, по-видимому, хочешь, чтобы я сделала что-то страшное?

— Ничего подобного! Так ты согласна?

— Пожалуй, — сказала Твина. — И что дальше?

— Пойдем со мной, — промолвил Ахав. — Я хочу тебе кое-что показать.

Взяв ее за руку, Ахав сделал два шага вперед и прошел сквозь стену хогана. Кисть его, торчащая из стены, показалась Твине ужасно странной. Но она все же шагнула в стену, хотя и нервничала немножко. Потом шагнула дальше. Она почувствовала, как просачивается внутрь стены и сквозь стену — восхитительное ощущение! Вскоре, просочившись полностью, Твина очутилась с другой стороны. Но перед глазами вместо привычной плоской и грубой марсианской равнины простиралось нечто новое и удивительное.

Они с Ахавом стояли посреди города. Больше здесь не было ни души. Город лежал в руинах, но в каких живописных руинах! Обломки искусно обработанного мрамора, плиты крошащегося известняка, целые бетонные блоки. Когда-то здесь стояли циклопические или даже сверхциклопические сооружения. Вдоль улиц свистал пронзительный ветер, трепал Ахаву и Твине одежды, достаточно теплые, чтобы защитить их от стужи. Лицо у Твины порозовело от пощечин холодного ветра.

— Где мы? — спросила она.

— В покинутом городе Лу, — ответил Ахав.

— Никогда о таком не слыхала.

— Конечно. Его же нет в твоём построении.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Твина.

— Рассказы разворачиваются в особом пространстве, которое является их построением, — объяснил Ахав: — У каждого рассказа есть свои собственные универсальные правила, список вещей возможных и невозможных. То, что приемлемо для одного рассказа, для другого может быть абсолютно недопустимо.

— Понимаю. Кажется, понимаю. Ты хочешь сказать, что в моем построении Лу не существует?

— Вот именно, — сказал Ахав. — Построение твоей истории о маленькой человеческой цивилизации, борющейся за жизнь на бедной кислородом планете, допускает довольно мало возможностей. Впрочем, таких построений, в которых возможно все, тоже раз два и обчелся.

— А как ты перенес меня из одного построения в другое?

— Я сюжетный прыгун, — ответил Ахав.

— Никогда бы не подумала, что такое возможно!

— Если ты дашь себе труд задуматься, то поймешь, что иначе и быть не может. Нужно же как-то подтвердить наличие множественности возможностей! Нам необходимо *multum**, если мы хотим достигнуть *parvo***.

— Ничего не понимаю, — заявила Твина. — Чего ты хочешь достигнуть?

— Мне нужно построить великую единую мультивселенную из рассказов, которые я плету, как паук паутину. Но вселенная возможностей сопротивляется рационалистическим подходам. Чтобы закончить дело, я должен найти особые способы.

— А что это за особые способы?

— Я обращаюсь к реальности, — сказал Ахав. — К реальности, которая состоит из того, из чего состоит, и плевать ей на все «почему». Если я соединю все свои построения, сама их близость создаст логическое пространство. Факт налицо: ты, Твина с Марса, находишься сейчас в заброшенном городе Лу, которого в твоём построении не существует. Это один из способов, какими я собираюсь связать все вместе.

— Какой ты умный! — восхитилась Твина. — И долго я должна тут находиться?

— Точно пока сказать не могу, — ответил Ахав. — Я еще не решил, куда тебя пристроить. Но с этим я быстро разберусь. И как только мы соединим нить твоей жизни с какой-нибудь другой нитью из какого-нибудь другого рассказа, наша цель будет достигнута. Вселенная снова станет целостной. Или, по крайней мере, начало будет положено. А затем я свяжу другие нити, и таким образом добьюсь единого целого.

— Грандиозная задача, по-моему. А что я должна делать?

— Просто чувствуй себя здесь как дома. Кто-нибудь со временем обязательно появится.

— Со временем — это скоро?

— Не знаю, — сказал Ахав. — Я постараюсь поскорей. Мне нужно сначала закончить кое-какие другие дела.

— Погоди минуточку! — воскликнула Твина. Но Ахав уже исчез, и она осталась одна в заброшенном городе Лу.

20. Визит к психиатру

— Доктор сейчас вас примет, — сказала сестра.

— Благодарю вас, — откликнулся Ахав.

Он положил на стол «Журнал для громил» с загнутой страничкой и последовал за сестрой из приемной в коридор.

* Многое (лат.)

** Малое (лат.)

В коридоре было много распахнутых дверей, а за ними виднелись маленькие каморки и лаборанты в белых халатах, склонившиеся над бирманскими бунзеновскими горелками и прокаливающие друг дружке всякие странные материалы. Сестра наконец подошла к кабинету, стукнула разок и открыла дверь.

— Доктор Махер, — обратилась она к облаченному в белый халат человеку со стетоскопом, — это ваш пациент, мистер Шерман Машин.

Доктор Махер просматривал кучу листов с прикрепленными к ним рентгеновскими снимками. Он кивнул, не подымая глаз, небрежно махнул рукой, потом — более учтиво — махнул другой и сказал:

— Да-да, садитесь, пожалуйста, сейчас я вами займусь, мистер Машин. Не возражаете, если я буду звать вас Шерман?

— Ничуть, — сказала машина. — Хотя вообще-то меня зовут Шехерезада.

— Шерман звучит достаточно похоже, — заявил доктор Махер. — Благодарю вас, сестра. Вы свободны. А вами, Шерман, я займусь буквально через минутку. Прогляжу только отчеты из Штуковинной клиники. — Доктор вновь уставился в свои бумаги и начал диктовать маленькой рецептурной машине с головкой иволги. — Да... Сублатеральное вливание доритика... Типично, типично.

Шерман сидел на пластмассовом стуле для пациентов, рассеянно глядя в окно сквозь ситцевые занавески. Он находился на верхнем этаже большого бетонного здания. Зима была долгой и одинокой. Он вспомнил, как Марсия говорила ему: «Не кажется тебе, что ты попросту загнешься от тоски?» А он ответил: «Ничего, я справлюсь».

И вот он сидел здесь, терзаемый бесконечными мрачными воспоминаниями, ожидая, когда же полетится из озвучивателя мелодия. Он гадал, где она теперь, Марсия, а потом, совершенно неожиданно, оказался в приемной, и она тоже была там.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Меня зовут Миллисент Автомата, — ответила она.

Только тогда Ахав вспомнил, что недавно оставил Твину в городе Лу, где собирался устроить ее жизнь. А потом что-то случилось. Его внезапно куда-то забрали, причем так быстро, что он и не помнил, как это произошло; но результат был налицо: он сидел почему-то здесь, в приемной некоего невразумительного психа по имени доктор Мухер или Мохер, и разговаривал с довольно привлекательной молодой машиной женского пола, называющей себя Миллисент Автомата. Ничего удивительного, что сие обстоятельство вызвало сильное

удивление у отважного молодого миростроительного и вселенносозидающего робота, очень недурного собой и весьма обаятельного.

— Где я? — спросил он.

— Потише! — шепнула Миллисент. — Говорят, это место Плывущих Зоилов.

— Бог ты мой! — воскликнула машина, вдруг вспомнившая то, о чем ей говорили когда-то: что мир как таковой может быть разделен множеством разных способов. Одним из самых надежных способов, набравшим 9,89221 очка из десяти возможных, является План Превращения Видов, который рассматривает превращения как фундаментальные строительные кирпичики Вселенной. Вся реальность, можно сказать, состоит из взаимопревращений различных форм и размеров. Одни меняются быстро, другие медленно, а некоторые, как, например, настоящее, меняются вечно. Смена вида, которую недавно претерпела машина, была не хуже других. К тому же вид ей переменяли в состоянии забытья, столь удобном для экспериментального доказательства той или иной теории.

Чтобы привыкнуть ко всему этому, машине понадобилась пара мгновений. Подняв шупальце и тем самым заткнув на время Миллисент Автомате рот, машина быстренько оценила окружающий вид. У нее не осталось почти никаких сомнений в том, что вид этот несет на себе очевидную печать, поддающуюся выражению словами даже со столь широким значением, как, например, «черви» или «дубадать». В воздухе витал больничный дух, а машина Шехерезада очень боялась недееспособности, которую можно подхватить в подобных местах.

— Кто такой этот доктор Моргер? — спросила машина.

— Он хочет вам помочь.

— Но разве со мной что-то не в порядке?

— Вас обвиняют в психической мнемозии; маниакальной маскулинизации; морочении с малоприятным умыслом; маске гнома; пляске Мома — и прочих вещах с такими же чудесными названиями.

— Проклятье, этого я и боялась, — пробормотала машина Шехерезада. Ибо было очевидно, что Милли Автомата впадает в цикл смыслового расстройтва, который, вероятнее всего, закрутится петлей. Ибо у нее дезориентировано не только восприятие — затронута также интуиция.

Машина изо всех сил вцепилась в собственный рассудок:

— Не оставляй меня, мой здравый смысл!

— Ну-с, что у нас тут происходит? — спросил доктор Моргер.

Машина осознала, что устроила настоящий спектакль одного актера, дергая щупальцами так конвульсивно, как не стал бы ими дергать ни один уважающий себя робот, даже наделенный богоравной властью. К счастью, она сумела не потерять лицо — этот общий знаменатель между роботами и людьми.

— Со мной все в порядке, — ответила машина. — Я просто не могу понять, зачем пришла к вам.

— А вы не приходили, — сказал доктор. — Мы получили автоматический сигнал и ответили на него.

— Ладно, можете забыть о нем.

Доктор печально покачал головой:

— Боюсь, не могу. Мы обязаны реагировать на автоматические сигналы после того, как ответим на них. Если я отпущу вас сейчас без подписи под объяснительной легендой, меня отправят в файл РС пятьдесят восемь. Мы же не хотим этого, правда?

— А почему бы и нет, черт возьми? — удивилась машина.

21. Лу рекомбинантный, Мажинни распознантный, Твина диссипантная

Машина Шехерезада покачала головой и с досадой взглянула на часы. Да, как она и подозревала, во времени образовался провал, который она заметила, возможно, слишком поздно. И что теперь? Она стоит тут неподготовленная, в полном смятении, без сценария, а следующая сцена уже появилась вдали, приближаясь в обрамлении двух накренившихся влево горных вершин; и машина думает про себя: смогу ли я все это поправить?

Казалось, уже не успеть. Но, зажмурив глаза и сделав глубокий вдох, машина Шехерезада сумела-таки отрешиться ото всего, что творилось кругом. Кто сказал, что достичь бессознательного состояния так трудно? Когда нужда прирет — по нужде и пойдешь, никуда не денешься.

Машина пыталась вспомнить самое главное: успела она уже придумать Лу или нет? Ведь очень важно знать, какое событие было первым, а какое, выражаясь нашим профессиональным языком, последующим. Просто смешно, что какая-то дурацкая первоочередность может затормозить развитие рассказа. Машина увидела перед собой большой караван верблюдов с погонщиками, выстроившихся в длинную колышущуюся очередь, ожидающих — переминаясь с ноги на ногу, брэнча разноцветной упряжью — шанса выйти на эту сцену, чтобы не перенесли их опять в другое место, печальное место

бессобытийности, где старые фразы обреченно ползут к своему концу, падая в пучину бездонного смеха, а предложения почти всегда кончаются многоточиями...

А как же Мажинни? — подумала машина. Я ведь говорила им о Мажинни? Нет? Да неужто не говорила? Так, а ну-ка, пристегните покрепче свои ремни, мальчики и девочки, дамы и господа! К нам сейчас спикирует новый персонаж.

Машину окружили газетные репортеры:

— Правда ли, что ваш новый персонаж заменит Мартиндейла?

— Мартиндейл был очень добр ко мне, — сказала машина. — Жаль, однако... его не будет.

— А Герн? Его тоже не будет? Или тоже не будет жаль? Он вместе с Мартиндейлом канет в бурные воды небытия?

— О, я так не думаю, — сказала машина. — У Герна показатели получше. Могу поспорить, что вскоре он покажется и нам еще покажет, в пику кое-кому. Да, положение создалось интересное, даже, возможно, пикантное, но большего я сказать не могу.

Репортеры испарились. Появилась целая толпа зрителей с горящими глазами и в шляпах — кто в теплых пирожках, кто в круглых котелках. «Даешь следующую сцену!» — скандировали они. Щеки у машины запылали от досады. А глаза, спокойные и мягкие, подернулись слегка ядовитой пленкой обиды. И думала машина про себя: что знают эти сявки о полетах фантазии? Она продолжит свой рассказ, черт подери, когда ей заблагорассудится. И ни на йоту раньше.

22. Мажинни прибывает в Лу

Мажинни приземлился на Лу без труда. Маленький кораблик легко уселся на серо-зеленую траву неведомой планеты. Мажинни провел обычные тесты на пригодность для жизни и вскоре вышел из корабля на свежий воздух.

Запретный замок на Лу-IV — одно из чудес Галактики. Раскинувшийся на площади более сотни квадратных миль, замок по сути представляет собой целый планетарный город-призрак или же целую цивилизацию, разместившуюся под одной крышей. Вы можете совершить стандартный тур по кольцевой дороге, опоясывающей Запретный замок и совпадающей с экватором планеты, и, останавливаясь время от времени, заглядывать в крестообразные прорези в стенах, которые ограждают город. Внутри вы увидите дразнящие своей загадочностью предметы чуждой цивилизации, давно уже исчезнувшей. И вас наверняка взбудоражит мысль о том, что в

нашей прозаичной Вселенной и впрямь существует такая штука, как Запретный замок.

Запретный замок на Лу — место куда более недоступное, нежели его тезка — Запретный город — в земном Пекине.

Проникнуть за стены законным образом нет никакой возможности, ибо вход туда запрещен. Запретный замок — это смертельно опасная ловушка, простая и гениальная. Несмотря на то что его обитатели тысячелетия назад обратились в пыль и прах, машины замка продолжают работать, поддерживая непостижимые правила, установленные когда-то.

Того, кто сумел бы проникнуть сквозь встроенные по периметру стены защитные устройства и проникнуть в город, ожидала там богатая добыча. В замке хранилась уйма сокровищ. Их оставили там, поскольку вынести, не подвергая опасности жизнь кладоискателей и не разрушив сам город, оказалось невозможно.

Так обстояли дела не всегда. Еще недавно Чудесный замок Лу был открыт для посетителей. Но после того как восемь первых исследователей там погибли, межпланетная комиссия объявила место запретным. Никто не хотел разрушать Лу: вы же не станете уничтожать утес из-за того, что люди с него падают, или океан из-за того, что в нем тонут. Так же было и с Лу. Замок стоял себе и стоял на заброшенной планете, никого не трогая. Но люди не унимались и продолжали лезть в него.

Мажинни не был по натуре самоубийцей. Наоборот — он испытывал здоровое уважение по отношению к собственной шкуре. Но еще более здоровое уважение он испытывал к богатству. Мажинни никак не мог побороть свое простодушное желание купить все, что только можно купить за деньги. А за деньги можно купить что угодно! Мажинни считал, что это великолепно придумано. Бери чего хочешь, делай что хочешь, покупай кого хочешь — были бы денежки в кармане!

Единственная проблема с деньгами заключается в том, что их трудно раздобыть. Мажинни отдал немало времени изучению данного искусства. Это был жизнерадостный светловолосый молодой человек с неистребимыми, как сама жизнь, воровскими задатками. Никаких особых талантов за ним не водилось, если не считать способности растратить кучу денег в кратчайшие сроки. Высшие сферы преступности оставались для него закрытыми, ибо не было в нем склонностей ни к бизнесу, ни к политике. Проникнуть в более низкие сферы тоже практически не удавалось, поскольку он не обладал ни красноречием мошенника, ни ловкостью взломщика сейфов. И духу, чтобы выйти на большую дорогу, бить людей по головам и забирать у них деньги, опять-таки не хватало.

В общем, нрав у него был преступный, но недоставало умения и сноровки.

А кроме того... Жить бесталанному в свазилейский век было трудно. Мир чрезвычайно усложнился. Все больше и больше требований предъявлялось к каждому. Даже простейшие преступления требовали недюжинного мастерства. Обыкновенный грабег со взломом, к примеру, стал доступен лишь профессионалам высокого класса. Вам необходимо было открыть сложнейшие замки, обнаружить и вывести из строя хитроумные системы предупреждения, справиться с устройствами, блокирующими вход для всех, кроме персонала, и перехитрить круглосуточное наблюдение по мониторам. Даже уличное ограбление сделалось высоким искусством после изобретения защитной одежды.

И что, скажите на милость, оставалось делать улыбчивому и тихоголосому Мажинни? На его долю не осталось ни единого способа добывания денег, законного или незаконного. Ему оставалось только жить на пособие, подобно миллионам прочих не обремененных дарованиями сограждан.

Жизнь на пособие была не такой уж плохой. Вам хватало на еду, на приличную крышу над головой, оставалось даже немножко на наркотики. И развлечения вас не обделяли: для безработных существовали специальные бесплатные театры. Но честолюбивому молодому человеку такая жизнь была не по нутру. Еда была однообразной, крыша над головой всегда одинаковой, наркотики второсортными, а играли в бесплатных театрах исключительно Шекспира: хочешь развлекаться, не напрягая мозги, изволь денежки платить!

Вопрос, таким образом, стоял совершенно определенно: как найти способ разбогатеть, имея скромные таланты и большой аппетит?

Мажинни воспользовался бесплатной публичной библиотекой. Там он грезил наяву об индивидуальности и свободном предпринимательстве. Он читал о потерянных кладах и искусных криминальных подвигах. Он следил за подвигами Капитана Дервешателя и разорением планеты Мусуль. Затаив дыхание, он читал о знаменитом ограблении Центрального галактического банка на Омнисе-ХI. Вот это преступление! Ему бы так! Но, увы, все подвиги, о которых он читал, требовали такого уровня мастерства, каким Мажинни не обладал.

И тут ему попался в руки отчет о Запретном замке на Лу.

Раз в жизни каждый из нас способен родить одну блестящую идею. Зачастую она представляет собой простое решение гложущей вас проблемы. Кто угодно мог бы изобрести первую

в мире канцелярскую скрепку, первую английскую булавку и даже первую пружинную шайбу.

Подобное озарение снизошло и на Мажинни: он понял, как можно попасть на Лу, забрать бесценную добычу и вернуться, сохранив свою шкуру в целости и сохранности.

Мажинни всесторонне обдумал идею и нашел, что она хороша.

— Я убежден, — сказал он вслух, — что перехитрю строителей Лу.

Естественно, не обошлось и без сомнений. А что, если он ошибается? Тогда он погибнет в мгновение ока... а возможно, и не в мгновение, поскольку искусство убивать на Лу было развито до неприятной утонченности.

И все-таки — что же ему оставалось? Жить на пособие и провести всю жизнь в мечтаниях? Не лучше ль разве крепко ухватиться за невод опасностей, как советовал Шекспир в одной из тех пьес, что вечно ставили в Театре для неимущих?

— Я добыю своего! — заявил Мажинни, и так начался новый эпизод в древней истории Лу.

23. Взятка от корпорации Грааля

В общем, меня сюда вызвали, чтобы я рассказал что-нибудь про Лу. Как я понимаю, чем быстрее я приступлю, тем лучше. Но у меня такое подозрение, что рассказывать про Лу нечего. Я уже говорил об этом, и пусть даже данная экспедиция в коллективный архетипический образ Лу, присутствующий в совершенно одинаковом виде в сознании каждого человека, стала возможной благодаря взятке от корпорации Грааля, на самом деле во всем виновата манящая человека к гибели цель в конце радуги, и вы не вправе привлекать нас к ответственности, если мы не в состоянии создать то, чего там нет.

Казалось бы, это должно быть понятно всем. Разве недостаточно того, что мы говорим округлыми и красивыми фразами, украшая некоторые из них бледными прилагательными, этими первыми синтаксическими почками новой весны? Разве недостаточно того, что мы используем для нашей цели речевые фигуры? И тем не менее всегда найдется кто-то несогласный, считающий, будто этого недостаточно, утверждающий — возможно, не без оснований, — будто все ваши открытия зависят от состояния души, в котором вы пребывали, когда пустились в безнадежное исследование страны Недостижимой Цели, куда завели вас ноги. Но полно об этом. Вы ходите вокруг да около темы, которая предложена вам в качестве пустой категории; Лу — мы ходим вокруг него, а это пустое место.

Как можем мы вам поведать историю Лу, когда Лу пуст, неполон, невыполнен и незаполнен? Бедный, бедный старый Лу. Нам нечего о нем рассказать. Да, я знаю, Мажинни сидит здесь сейчас на деревянной табуретке, откинувшись назад, надвинув на глаза шляпу, подремывая под полуденным солншком. Да, вы можете считать нас сторожем Лу, если хотите. Только не спрашивайте нас, правда ли это. Дело в том, что в замке Лу нет сторожа. Да и как он может там быть, если закон недвусмысленно отрицает возможность подобной категории, предпочитая пустую категорию той, что заполнена неверно. Вы, конечно, можете прийти к выводу, что сидим мы здесь не просто так, не без умысла и причины, и мы примем все ваши умозаключения как должное, если только вы не станете спрашивать, что правда, а что нет, и как вам следует относиться к происходящему, ведь это вы сюда пришли, и проблема отношения — ваша проблема, а не наша, ведь это вы требуете ответов на вопросы, это вы пришли сюда вместе с женщиной, а не мы, на самом-то деле!

— Думаю, он прав, — проговорил Мажинни, поскольку женщина, в которой он чуть позже опознал именно женщину, тут же вышла — вернее, бочком вылезла из полоски между тенью и светом.

— Значит, ты вернулся, — сказала она ему. Мажинни кивнул, соглашаясь с ложью, чтобы дать ей возможность сделаться правдой. — Вы только взгляните на него! — обратилась женщина к сторожу, если только тот и впрямь был сторожем. — Он изрядный воображала, верно?

— Меня это не колышет, — откликнулся сторож.

— Я смотрела на море, — сказала женщина. — На голые колышущиеся груди нашей общей великой зеленой и склизкой праматери.

— Выбирай выражения, — одернул ее сторож, правда, без особого пыла, и Мажинни внезапно почувствовал, что уже видел его раньше и все происходящее происходило с ним в предыдущем эпизоде, о котором ему не рассказали, — или же произойдет в будущем. Мажинни не мог решить, что хуже, но в данный момент это не имело значения. Сторож с любопытством разглядывал его, а потом попробовал на слух с таким откровенным вкусом, что нужно было это видеть, чтобы не поверить. — Вы можете пройти в город, — сказал сторож. — Ничто, кроме ваших собственных страхов, не задерживает вас и не заставляет пятиться взад.

— В зад, — повторила женщина, и ее мечтательная реплика тут же вызвала дурные предчувствия у Мажинни, поскольку

такая возможность не была предусмотрена и он не знал, что с ней делать.

Мажинни быстро шагнул через ворота, подчиняясь настойчивому требованию развития сюжета. Кивнув сторожу, он глуповато подмигнул женщине, неохарактеризованной и не-требовательной, которая стояла в маленькой луже проявителя, пытаясь обрести черты.

Мажинни не стал ждать, потому что видел подобные фокусы раньше. Таким образом неописанные персонажи превращались в самых что ни на есть описанных. А ему это было ни к чему. И нам с вами тоже. Вы еще здесь? Мажинни хлопнул себя по щеке, пытаясь избавиться от наваждения, и прошел через ворота на улицу Грез. Прямо рядом с ней тянулась улица Слез. Именно туда Мажинни хотел попасть меньше всего. Безлюдье отнюдь не казалось ему залогом безопасности. Напротив, он чувствовал себя пойманным в сети чистой случайности, и это ему не нравилось.

Очутившись за стенами, он бросил мельком взгляд на материал, из которого был построен город. Стена будильников казалась особенно вместительной, но, похоже, далеко завести она его не могла. Некоторые стулья были набиты загробными воплями и обтянуты такими тканями, каких вы не забыли бы веки. Но Мажинни не собирался садиться на них и пачкаться этими сырыми образами из кровавого горнила души, стремящейся, вопреки всему, к саморазрушению. Нетушки, дай-ка нам, милочка, немножко ентих барочных украшеньев, и не взыщи за вульгарный выговор — кому-то ж надо его сделать, а?

А затем Мажинни очутился на улице, погруженной в крошечную тьму, чья крошечность рождается из безнадежного убеждения в том, что любой зажженный нами свет все равно потухнет пред лицом всеобщего мрака и что любой, даже самый утомительный поток свернет когда-нибудь в безопасное русло клише.

Но поток продолжал нестись вперед. Мажинни обнаружил, что порет горячку. Он порол ее с оттяжкой, пока не побелело в глазах, и тогда настало время белой горячки. Потом вспыхнули световые пятна, и пришла пора для белокурой горячки. А потом время их вышло, медная голова Роджера Бекона заговорила, свиной бекон на сковородке прошкворчал свое сальное словцо, кривая эрудиция выиграла у всех еще один раунд, и пришла пора искать другое действующее лицо.

Пустое место, говорите? Мажинни, однако, не отчаялся пока найти кого-нибудь, кто разделит бы его одиночество.

24. Рассказни про Лу

Итак, он снова принялся за рассказы про Лу, не оставляя попыток покончить со своим одиночеством если не подлинными, так поддельными средствами, если не воображением, так воображанием. Мажинни шагал вперед, захлестнутый имажинистской волной оптимизма, похожей на дуновение зефира, как если бы кто-то с далекого, благоухающего духами берега послал ему воздушный поцелуй. Каменные улицы устремлялись вниз, после чего стремительно поворачивали вверх, точно контуры местности никак не могли определить, какими им следует стать, и то горбатились пригорками, то съезжали с них под уклон. Мажинни ничего не оставалось, как следовать их прихотям. Он начал уже усваивать горький жизненный урок: что все в конце концов уляжется в стремлении к ленивой дремоте.

А потом появилась женщина. Но не та, что заговорила с ним у входа в Лу, возникнув вместе с человеком, которого Мажинни называл, по крайней мере про себя, сторожем. У этой были четко вылепленные черты и тонкий носик, колебавшийся на грани орлиности, — черта, особенно ценимая теми, кто считает себя знатоком в данной области.

— Это ты! — сказал Мажинни.

— Простите? — не поняла женщина.

— Я хочу сказать — это вы? — поправился Мажинни. — Нет, я неправильно выразился. Я хочу спросить: не вы ли та, чье появление в моей жизни было предсказано давным-давно; та, что жила когда-то со мной в чудесном будущем, о котором теперь лучше не вспоминать?

— Нет, я не та, — ответила женщина. Но что-то в речи Мажинни, должно быть, тронуло ее, потому что она добавила: — Меня зовут Магда, и я танцевала для развлечения публики в барах с сомнительной репутацией, оставаясь при этом нетронутой.

— Я мог бы и сам догадаться, — сказал Мажинни. — Послушайте, как по-вашему, можем мы выпить здесь где-нибудь по стаканчику?

— По-моему, можем, — сказала Магда. — Пойдемте со мной в Бар Безнадегос, на улицу Пропавших Людей.

Мажинни поднял воротник плаща, защищаясь от внезапного ветра, налетевшего ниоткуда. Газеты заплясали в пыльных смерчах, которые подымались над мостовой, которая тянулась в бесконечность до самой кромки блестящего моря. Именно там Мажинни и очутился — под чахлой пальмой, в тени недостроенного небоскреба. Задник был замалеван белой краской, поскольку так полагалось по сценарию. Дверь в форме

крыльев летучей мыши распахнулась, и оттуда вылетела Возможность, выкинутая увесистым пинком под задницу.

— И больше сюда не возвращайся! — заявила ей старая ведьма. После чего, обратившись к Мартиндейлу, спросила: — Что будете заказывать?

Внутри было сумрачно, клубы сигаретного дыма свивались в канцерогенные кольца, а сигареты дымились во ртах у трупов. И Мажинни услышал последние отзвуки последних песен и понял, что вся эта фальшивка вскоре провалится в тартарары, пренебрегая вашими желаниями, даже если вы захотите что-то остановить и скажете: вот, это важно.

— Каким ветром вас занесло в наши края? — спросил у Мажинни моряцкого вида человек с попугаем на плече.

Мажинни обнаружил, что сжимает в руках стаканчик рома. Он уставился на попугайного человека. Черты его были сырыми и лишенными той человеческой определенности, что делает большинство из нас нежеланными гостями в предложениях; продолжающихся до тех пор, пока коров не пригонят домой ясным летним вечером в пригороде Нью-Йорка, и с какой это стати я буду тебе врать, мы все тут ждем тебя, и Эйб, и Бесс, и Барни, и Сьюзен, все мы тут...

Мажинни отступил было, но тут же оказался в зоне небрежения. В горле у него как-то странно запершило. Он не мог сказать, что произойдет дальше. Все это зашло немножко далеко. Но поток продолжал нестись вперед, и воображение, которое старалось направить его в надлежащее русло, подсказывало: сверни, пожалуйста, вот сюда, выйди вон из салуна, там нет ничего хорошего, переходи сюда, у нас тут для тебя подготовлены другие сцены. Мажинни перешел — и был представлен артистам. Пришла наконец их пора, ибо они давно уже пытались выйти на сцену Лу.

Там была балерина в пачке, фермер с вилами, полицейский с пистолетом и лесоруб с топором. Часть нашей старой знакомой компании. Люди узнали их и начали перешептываться:

— Это же часть нашей старой знакомой компании! Похоже, сейчас начнется огульное перепредставление!

Мажинни не знал, как ему поступить. Женщина, бывшая с ним, заколебалась, а потом исчезла, как только вперед выплыла балерина с гладко зачесанными на макушку волосами и деликатными балетными выражениями, украшавшими ее простую деревенскую речь.

— Пойдем с нами, Мажинни, — проворковала она, просовывая свою изогнутую ручку под его угловатый локоть. — Пойдем с нами, и ты станешь одним из нас, и проведешь всю

жизнь в моих объятиях, поскольку я сама повешусь тебе на шею.

— Ладно, вешайся, — разрешил Мажинни. — А куда мы пойдем?

— Не задавай глупых вопросов, — сказала балерина. — Это экзистенциальный момент. Мы пытаемся вовлечь тебя в сюжетный заговор.

— Какой еще заговор?

— Мажинни! — сказал, появившись, высокий учтивый мужчина. — Мы взбунтовались против машины Шехерезады.

— А что вы делаете здесь, в Лу?

— Против нас ни одно место не устоит, — сказал полицейский. — Мы представляем дух противоречия. Мы та самая оппозиция, что лучше загнетса, чем утомонитса.

Мажинни мигом смекнул, что влип в большие неприятности. Как бы ни был он простодушен, но условия, на которых его взяли на роль, были ясны даже ему. «Просто подыгрывайте по ходу дела, — сказали ему в Центральной Режиссерской. — И все будет отлично». Много же они понимают!

25. Лу: единственное ружье стреляет внезапно и с треском

Временное прекращение реальности — если это была реальность, а не жалкое подобие судьбы, — длилось не более мига.

Ружье?

Пуля рикошетом отскочила от большого куска разноцветного кварца, возле которого стоял Мажинни. Реакция Мажинни запоздала почти на полсекунды, зато потом ударила его со всего размаху. Он искусно симитировал человека, вздернувшего себя целиком и бросившего под защиту гранитной могойльной плиты.

Два следующих выстрела прочертили в граните глубокие борозды и начисто срезали нос каменному ангелу, валявшемуся неподалеку в статуарном состоянии.

— Эй! — крикнул Мажинни. — Не стреляйте! У меня мирные намерения!

— А у меня нет, — глухо отозвался человеческий голос, и снова загремели выстрелы — а если и не загремели, то во всяком случае создали эффектную акустическую иллюзию, потрясшую тихий и древний город, который был уже стар, когда время еще только раздумывало, когда же начать считать очки в этой игре с косточками, называемой долговой ямой или допотопной явью.

— Это смешно, — сказал сам себе Мажинни.

Он знал, что абсолютно прав. Но его правота ничуть не умаляла опасности положения.

Глянув вверх, он увидел на небе два солнца. Одно было крупное, жирное и желтое, вдвое больше родного земного солнышка, а другое напоминало громадную черную точку, типа вырытой экскаватором ямы, только гораздо более глубокую.

— По-прежнему два солнца, — сказал Герн. — И дождь никогда не идет — он хлещет.

И словно в ответ на его заявление, из земли забила вода. Она сочилась из множества мелких побегов и стволов, пузырилась над гранатами, фонтанировала из глубоких расколов и прорех во множестве областей, и казалось, будто весь мир залит дождем, падающим вверх тормашками на один из тех дней, когда вы его совсем не ждали, закоснев в безмятежной привычности.

Грянул еще один выстрел. Все это было бы смешно, подумал Мажинни, когда бы не было так страшно.

— Что, извините? — спросил его кто-то.

— Я просто думал про себя, — ответил Мажинни.

— Прошу прощения.

Грянул еще один выстрел. На сей раз Мажинни показалось, что прозвучал он ближе, чем предыдущий.

— Прекратите! — крикнул Мажинни. — Иначе вы вынудите меня открыть ответный огонь.

— Ну и? — осведомился противник.

— Ну и, когда я выстрелю, а это будет очень скоро, вам не поздоровится, — заявил Мажинни и громко прочистил горло, издав сухой металлический звук, как нельзя более соответствовавший металлическому привкусу во рту.

— Ха! — крикнул противник. — У вас нет оружия!

— Вы уверены? — поинтересовался Мажинни.

— Нету, нету!

— Возможно. Хотите проверить, поставив на кон свою жизнь?

Голос сделал паузу, потом заявил:

— Если у вас действительно есть оружие, тогда мы можем начать приговоры.

— У меня действительно есть оружие, — сказал Мажинни

— Так покажите мне его. Поднимите над головой.

— Вы попытаетесь выбить у меня его выстрелом.

— Я не сумел попасть в вас — как я выбью у вас ружье с такой-то дистанции?

— А вдруг вам повезет? — предположил Мажинни.

— Я не верю, что у вас есть оружие, и я пойду сейчас на вас в атаку, вопя и стреляя на ходу, пока вы не поднимете свое

ружье или его эквивалент над головой, чтобы показать, что оно у вас есть. Тогда мы сможем начать приговоры. Я обещаю, что не стану стрелять в вас или ваше ружье. Мне просто нужно удостовериться, что вы вооружены.

— Я вооружен, — сказал Мажинни, — но не могу поднять свое оружие над головой.

— Почему?

— Лафет прикреплен к дверному углу.

— Вы хотите сказать, что у вас там гаубица, или мортира, или что-то в этом роде?

— Выводы делайте сами, — сказал Мажинни.

Наступила короткая тишина.

— Ладно, — отозвался наконец противник, — я объясню вам, как освободить лафет.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, — заявил Мажинни.

— Делайте, как я говорю. Вы знаете, где находится винтовой элеватор прицела?

— У меня такого нет, — сказал Мажинни.

— Потому что у вас нет никакой гаубицы!

— Я и не говорил, что она у меня есть, — возразил Мажинни. — Я сказал, что у меня есть ружье.

— А при чем тут лафет, если у вас ружье?

— Разве я сказал «лафет»? Я имел в виду приклад.

— Значит, вы можете показать мне накладку приклада!

— Пожалуй, могу, — согласился Мажинни. На минуту ему показалось, что противник его поймал. Потом, подумав как следует, Мажинни стянул с себя пиджак, свернул его в трубку и поднял над головой.

— Что это было? — крикнул противник.

— Вы же у нас эксперт по оружию! — сказал Мажинни. — Вот и догадайтесь.

— Похоже на один из этих новомодных мягких пулеметов, стреляющих желатиновыми пулями.

— Вам виднее, — сказал Мажинни. — Слушайте, давайте лучше начнем приговоры!

— Что ж, наверное, это лучше, чем торчать здесь целый день, стреляя друг в дружку. Вы выйдете первым, а потом выйду я.

— Там, откуда я родом, так не принято, — возразил Мажинни. — Сначала мы сложим оружие, а потом выйдем, причем одновременно.

— У вас так принято? Там, откуда вы родом, да? — усомнился голос.

— Если приговоры серьезные, то да.

— Ладно!

Мажинни заметил, как из-за большого валуна вылетело ружье. Потом человек на мгновение высунул голову и тут же нырнул обратно.

— Теперь ваша очередь, — велел противник.

Мажинни кинул свой свернутый в трубку пиджак, выглянул из-за плиты и тоже спрятался.

— А дальше что? — спросил противник.

— Что вы имеете в виду?

— Что делают дальше там, откуда вы родом?

— Дальше они одновременно выходят из-за камней, на счет «три», с высоко поднятыми руками.

— Сколько рук поднимать?

— Две, конечно. Вы готовы?

— Ага, готов.

Мажинни глубоко вздохнул и вышел из-за каменной плиты. Почти в тот же самый миг ярдах в двадцати от него из-за валуна шагнул человек.

Противники воззрились друг на друга, напряженно застыв, готовые в любую минуту юркнуть обратно в укрытие. Затем, увидев, что ни один из них не стреляет, оба слегка ослабились и начали осторожно приближаться друг к другу.

Человек, которого увидел Мажинни, был крупным и рыжим, с грубым ирландским лицом, обрамленным голубыми полями кокетливой женской шляпки.

Человек в женской шляпке увидел человека средних лет, довольно полного, с покатыми сутулыми плечами.

— Пора начинать приговоры, — сказал рыжий. — Между прочим, меня зовут Герн.

— Рад познакомиться. А меня — Мажинни.

Они продолжали осторожно сближаться, то и дело останавливаясь, чтобы оглядеть окрестности, а потом снова сближаясь, на сей раз без остановок, пока не оказались в паре футах друг от друга.

— А теперь скажите мне правду, — попросил Герн. — Было у вас оружие или нет?

— Простите, но этого я вам сказать не могу.

— Я думаю, вы мне солгали

— Ваше утверждение голословно, — заметил Мажинни.

Герн подошел к могильной плите и пнул башмаком пиджак.

— Это пиджак, — заявил он, — а вовсе не ружье.

— Смотря как им пользоваться, — сказал Мажинни. — Там, откуда я родом, пиджак в руках умельца может стать смертельно опасным оружием

— Мне по-прежнему сдается, что вы меня обманули. Но я, разумеется, тоже вас обманул

— Как обманули?

— Ну, когда вы велели поднять над головой обе руки, вы, конечно же, не могли знать...

Тут из-за спины у Герна появилась третья рука. В ней блестел большой сизо-стальной автоматический пистолет.

— Дело в том, — сказал Герт, — что я, как и вся моя раса, трехрукий. Вы не поверите, как удобно порой иметь под рукой третью руку.

— А как насчет приговоров? — спросил Мажинни.

— Это обязательно, — заверил его Герт. — Но правила теперь будут такие: я говорю, а вы слушаете и подчиняетесь приказам. Так у нас принято — там, откуда я родом.

— Что ж, вполне логично, — вздохнул Мажинни. Впервые за весь день хоть что-то показалось ему логичным.

26. Герт и Мажинни

— Ну, теперь удобно, правда? — спросил Герт.

— Пожалуй, — ответил Мажинни.

Он осторожно поерзал. Герт усадил его на круглый камень в задней части разрушенного мраморного здания где-то в центре Лу. Мажинни не понимал, к чему все это. Но у Герта был сизо-стальной пистолет, и он все время держал его под рукой — то положит рядышком на пень, то на каменную полку. А до того он связал Мажинни руки, обмотав другой конец веревки вокруг колонны, торчавшей из разбитой мраморной плиты. Сидеть было не так уж неудобно, хотя и не очень-то приятно.

— А теперь что делать будем? — спросил Мажинни.

— Будем ждать.

— Чего ждать? Или кого?

— Не ломайте попусту голову. Там увидите.

И Герт, мурлыкая себе под нос, принялся наводить порядок в мраморной комнате. На полу валялась уйма мраморных осколков. Герт вымел их маленькой швабкой. Мажинни не видел, откуда взялась эта маленькая швабка. Он хотел было спросить, но потом подумал, что это неважно.

— Откуда вы взяли эту маленькую швабку? — спросил он Герта, внезапно передумав.

— Не спрашивайте, это неважно, — ответил Герт.

— Я так и думал.

Комната была похожа на пещеру, каменную, глубокую и холодную. Мажинни заметил, что солнце уже клонится к закату. Он видел это сквозь громадную глыбу мрамора. Мажинни хотелось пожаловаться, однако он сдержался, решив, что от него ждут чего-то лучше.

Через некоторое время снаружи раздался звук. Не очень-то и громкий. Сначала. Но потом, по мере уменьшения мелодичности, амплитуда звука увеличилась, и вскоре его уже можно было назвать настоящим ревом, какой вполне бы мог вырваться из глотки гнома, будь у него мегафон.

Герн раздраженно подошел к окну и выглянул. Лицо его озарилось маниакальным блеском, вспыхнувшим в глазах.

— Вы не поверите! — воскликнул он.

— А вы все-таки попробуйте, — посоветовал ему Мажинни.

— Дружище, у меня для вас хорошие новости. В городе цирк! Сплошной цирк, ей-Богу!

27. Предпочтения

Итак, вот он перед нами, Мажинни, только что прошедший через ворота мимо сторожа или, возможно, стражника вместе — или они не вместе? — с довольно эфемерной женщиной, встреченной им несколькими строчками ранее. Появится ли эта женщина снова или нет? Имеет ли это значение?

Мажинни на наших глазах заходит в сектор неопределенности, где вещи имеют не только право выбора, но и обязанность одновременно быть и не быть. Небытие гораздо спокойнее для глаза, и цвета его так приятны на вкус, что их надо попробовать, чтобы увидеть. Небытие предполагает также непостроение, то есть такой метод композиции, при котором основной нажим делается на заранее оформленных героев и членов их семейств. Бытие и небытие, однако, пользуются общей терминологией и падежными окончаниями, поэтому отныне мы будем обращаться к любому из них, на свой вкус, и в любых выражениях, какие придется нам по вкусу, и мы надеемся, что вас достаточно нас понимает, чтобы мы могли продолжать закручивать нашу жареную утку.

Итак, перед нами Мажинни, который идет по неописанию города. В этом секторе он в основном состоит из мощных питающих проводов, хотя чуть позже они превращаются в тающие проводы, а затем в слабый дождик и изморось. Мажинни сделал вид, будто не расслышал наших слов. Он искал описание. К сожалению, такового здесь не было на много миль вокруг, поэтому Мажинни пришлось его подделывать. Он начал с городских стен, придав им цвет и форму, а также, пока никто не видит, некоторую эластичность. Затем приступил к воротам. Их было два вида — проходные и непроходные, а последние, в свою очередь, делились на абсолютно непроходные и относительно. Различить их, тем не менее, было трудно, если у вас не было при себе описания их плюмажа — или я хотел сказать плюрализма?

Мажинни шагал осторожно, ибо почва тут была несколько зыбкой, как и все остальное. Она то и дело превращалась в вазы или в силуэты женщин с ротогравюрными профилями, что само по себе выглядело совсем недурно. Потом на пути его оказались ряды говорящих статуй, и тут Мажинни почувствовал себя почти как дома, потому что его самого вырастила говорящая статуя в какой-то вонючей дыре, где прошло его детство. Статуи наговорили ему ласковых и утешительных слов, а потом спели песенку о маленьких серых кошечках, дрейфующих по морю мармелада, и Мажинни сразу вспомнил, что слышал эту песенку прежде, хотя Бог знает где и когда. Он пошел дальше, и другие аспекты Лу стали появляться в ретроспективе. Некоторые из них походили на длинные скрученные серые кошмы, а другие кичились яркой помадой на хромированных розовых бедрах. Мажинни избегал их, поскольку тот путь вел к безумию, в то время как он шагал к нормальности вечной с большим призом в конце.

Предположим, что так оно и есть, но Мажинни необходимо с кем-то поговорить. Однако поначалу говорить ему не с кем. Поэтому он просто шагает вперед, примечая всякие предметы. Он видит консервные банки на обочинах. Он видит зеленые бутылки, лежащие в пруду. Там же лежат несколько трупов, и выглядят они так, будто миллион лет тому назад здорово повеселились. Мажинни не позволил себе углубляться в размышления. Он прошел вперед, минуя парочку деталей, не имеющих особого значения для рассказа, после чего миновал третью, которая в дальнейшем сыграет, быть может, важнейшую роль. Детали были стандартные, и Мажинни не хотелось на них останавливаться. Чуть просветлело, хотя и не потеплело у него на душе лишь от песни — баллады о невозможной любви, исполняемой юношами из поколения в поколение.

Юноши были похожи на апострофы, по крайней мере некоторые из них, с гладкой шерстью и острыми крюками вместо зубов.

А потом опять появилась она — женщина из заснеженного параграфа далекой синтаксической страны. Была она миниатюрна и прелестна, разве что немного молчалива, и держала морской биоптер в узких ладонях.

— Послушайте, — сказал Мажинни, — с меня довольно этой символической дребедени! Нам нужно сейчас что-нибудь хорошее и конкретное, или даже плохое и конкретное, но хоть что-нибудь — надеюсь, течение моих мыслей вам понятно?

Женщина улыбнулась загадочно своим внутренним переживаниям, известным лишь ей одной и чудовищному ребенку,

который не появился еще в нашем повествовании, поскольку мы с самого начала всеми силами старались этого не допустить. И так он добился успеха!

И так он добился успеха! Мажинни обернулся и с нежностью посмотрел на древний Лу, внушительный, но не такой уж неприступный.

— До свидания, старый чуждый город, — сказал Мажинни. — Ты был ко мне добр, и я хочу, чтоб ты знал, как я тебе благодарен. Я же не взял слишком много, дружище; только все, что смог унести. Ты ведь не станешь жалеть об этих безделушках, правда? Знаешь, когда я продам их, то закажу диораму и выставлю ее на всеобщее обозрение. Люди будут говорить о тебе по всей Терре — и обо мне, конечно, тоже.

С этими словами Мажинни отвернулся от города и шагнул в свой космический корабль. Люк моментально с лязгом захлопнулся за ним.

— Эй! — воскликнул Мажинни.

Внутри корабля все переменялось...

Никто не знает своей судьбы. Мажинни считал себя простым воришкой. На самом деле он невольно стал исследователем, ценой своей жизни расширившим наши познания об изобретательности чужих цивилизаций.

Если вы отправитесь в туристическое путешествие на Лу, то увидите там Выставку Мажинни — диораму в натуральную величину. Вы войдете и, даже зная, что все это иллюзия, неожиданно окажетесь далеко-далеко от Лу: вы готовы будете поклясться, что стоите сейчас прямо перед входным люком своего космического корабля... в то время как на самом деле вы стоите перед замаскированным входом в самую жуткую камеру пыток на Лу.

Поддельные цветы манят к себе пчел, как землян — поддельные космические корабли. И все-таки в это трудно поверить, даже если вы знаете об иллюзии. Нельзя винить Мажинни за то, что он попался в ловушку. Возможно, под конец он это понял. Возможно, это послужило ему хотя бы слабым утешением.

ГОРОД МЕРТВЫХ

Мы летим по улицам Города Мертвых — призрак за призраком, огибая все углы, выказывая уважение к монолитности зданий, хотя, конечно, могли бы свободно проникать сквозь стены. Это документальный рассказ о преисподней. Без комментариев. Без дикторского текста. Город Мертвых — ад, Аид достаточно абстрактен, и вряд ли мы ухушим ситуацию, пролетая сквозь стены, такие твердые с виду.

Удивительное чувство — лететь по этим улицам! Классическое местечко: большинство зданий построено из белого мрамора, повсюду колонны — словно мы оказались в Афинах лет за четыреста до нашей эры. Но улицы абсолютно пусты, никакого движения. Город Мертвых — действительно мертвый город, несмотря на то что его жители пытаются найти себе хоть какое-то развлечение.

А что еще делать мертвым, как не развлекаться? Чем занять себя — вот извечная проблема обитателей Аида. Для чего смерть вообще? Ради чего все это? Такого рода вопросы одолевают любого человека, однажды обнаруживающего, что он уже умер. Естественно, первое, что он делает в такой ситуации, — это пытается как-то освоиться: о'кей, я умер. Сподобился. А дальше что? Ждать наказания? О'кей. Но за что? За мои грехи? А за какие именно? А может, их разрешат искупить? А как обычно здесь это делается? Или тут к каждому индивидуальный подход? Но если уж все это навечно, может, просто расслабиться — раз и навсегда?

Но самый главный вопрос — сколько все же это на самом деле будет продолжаться? Большинство успокаивается на ответе: «Вечность» Но если вы начнете их спрашивать по-

дробнее, окажется, что они имеют в виду нечто прямо противоположное. Для начала вас заставят поверить, что преисподняя — это только временно, а за ней обязательно будет что-то еще. Может, это единственный способ заставить вас задуматься над своей собственной жизнью. Ты же как-то собираешься ее строить. Или, по крайней мере, так думаешь.

— А кстати, — сказал я, — не съешь ли ты это гранатовое зернышко?

Я был Гадесом — высоким крепко сбитым брюнетом, с черной аккуратно подстриженной бородой. У меня довольно-таки пиратский вид, но я слишком мягок по натуре, чтобы взбунтоваться против своей вызывающей внешности и как-то попытаться изменить ее. Похищение Персефоны — единственный в моей жизни поступок, который соответствует моей внешности. Да и то я это сделал чисто импульсивно, под влиянием момента: только что она, окруженная подругами, собирала цветы, а я проезжал мимо на золотой колеснице, запряженной четверкой вороных, как уже в следующую секунду она была в моих объятиях. Она, а вместе с ней адская пропасть разных забот.

Персефона была, конечно же, прекрасна. Ее светло-русые волосы ниспадали до самой талии, а линия носа была безупречно классически греческой: идеально прямой нос, переходящий в лоб.

Все это было тогда. А теперь — есть теперь, шесть месяцев спустя. Мы с ней сидим на тенистом холме на берегу Стикса в том месте, где Харон обычно ставит на прикол свой плавучий дом.

Она посмотрела на два гранатовых зернышка, которые я ей протянул, и спросила:

— Ведь ты же не пытаешься устроить мне какой-то подвох?

— Нет, — ответил я, — я вообще не из обманщиков. В их игры я не играю. В Аиде у нас свои методы. Мы всегда действуем прямо и открыто, как тогда, когда я похитил тебя. Помнишь тот день?

— Даже слишком хорошо, — ответила она. — Я собирала с подругами цветы, как вдруг появился ты на своей золотой колеснице, запряженной черными лошадьми. И сам ты был весь в черном.

— И я откинул плащ за плечо, чтобы не мешал, обнял тебя за талию и одной рукой поднял в колесницу.

— А девчонки только стояли и визжали, — вспоминала Персефона. — И когда матушка узнала об этом, она просто не знала, что делать...

— Она чересчур хорошо знала, что делать, — вздохнул я, — ибо все это было предсказано задолго до того, как случилось: я должен был увидеть тебя среди прочих нимф и влюбиться без памяти. Но полюбил я тогда в первый раз в своей жизни. В этом я совсем не похож на Посейдона, Аполлона и других богов: они-то всегда, влюбившись, клянутся, что это у них на века, но стоит только на следующий день промелькнуть краю новой юбки, как они начисто забывают о прежних клятвах. Но я — царь Смерти и полюбить могу только один раз. Раз и навсегда.

— Бедный Гадес, — вздохнула Персефона. — Тебе будет очень одиноко без меня?

— У меня останутся воспоминания о тех чудесных шести месяцах, что мы провели вместе, о том, как я был счастлив, когда ты сидела рядом со мной на троне. Я и сейчас бесконечно счастлив, что ты — моя царица преисподней.

— А мне понравилось быть царицей Аида. В этом есть что-то особенное. То есть подземное царство не похоже ни на одно царство на земле: здесь остается только то, что уже использовано и поэтому утихомирилось, а значит, его легко держать в руках.

— Аид — царство осознания, — сказал я. — На земле, там, где живете вы, вам не хватает времени, чтобы проникнуть в суть вещей. Здесь у каждого на это есть столько времени, сколько ему необходимо. К тому же здесь нечего бояться — ведь мы уже мертвы, и не о чем беспокоиться — ведь каким-то непостижимым образом мы продолжаем жить.

— Вот только вечера здесь слишком длинные, — пожаловалась Персефона. — У меня только в детстве были такие длинные вечера: казалось, они растягивались до бесконечности, и солнце еле-еле, нехотя ползло к закату. Но вот солнца здесь нет. Слабый сумрак склепа, изредка прерываемый тьмой, а солнца — нет. Я потеряла солнце.

Я кивнул:

— Да, солнца у нас нет. Но нам светит луна и еще факелы.

— Они бросают такие длинные тени, что я, пожалуй, боялась бы их. Если бы в Аиде было чего бояться.

— О нет, — сказал я. — Худшее уже произошло, и еще хуже не будет. Так ты съешь мое гранатовое зернышко?

Она взяла одно из двух зернышек с моей ладони и положила на свою — узкую и белую.

— А почему ты так хочешь, чтобы я его съела? В этом какой-то подвох?

— Да, — ответил я. — У меня нет от тебя секретов. В этом есть подвох.

— Так что же случится, если я его съем?

— Это сохранит мои права на тебя, когда ты возвратишься к живым. И это будет гарантией, что ты вернешься ко мне, в преисподнюю.

— Вернусь к тебе? — переспросила она. — Но ведь я в любом случае собиралась вернуться.

Я покачал головой:

— Ты сама не знаешь, как обернется, когда ты поднимешься отсюда в светлый верхний мир и вдохнешь его воздух. И когда ты снова полностью почувствуешь себя живой, ты забудешь обо мне. И будешь удивляться, как тебе могло нравиться это мрачное место с его угрюмыми садами и рекой забвения, по которой плывут бесчисленные души умерших, и лишь плакучие ивы тихо шелестят им вслед. И ты скажешь себе: «Да он просто околдовал меня, приворожил. Ни один человек, будучи в здравом рассудке, не отправится добровольно проводить отпуск в аду!»

Она улыбнулась и коснулась моей руки:

— Может, ты и приворожил меня. Но здесь, в Аиде, мне хорошо.

— Тогда съешь это гранатовое зернышко.

Она сидела, не двигаясь, и мысли ее блуждали где-то далеко. Наконец она сказала:

— Да, Ахиллес и Елена пригласили нас сегодня на обед. Принеси им мои извинения.

Мы отключились от Гадеса и Персефоны и, оставив речной берег, направились по зеленым холмистым лугам, украшенным деревьями, подстриженными в форме различных скульптур, что делало местность похожей не то на кладбище, не то на французский парк, — к Чертогу смерти. Издалека он выглядит как небольшой городок, потому что Чертог — это архитектурный ансамбль из множества маленьких дворцов. И хотя некоторые из них имеют до дюжины этажей, все они сгруппировались в кучу: маленькие дворцы являются частью ансамбля больших дворцов, а дворцовые ансамбли объединяются в общий комплекс Города Мертвых. Крыши, купола всех форм и размеров: сферические и квадратные, со шпилями и без. Все здания связаны между собой на разных уровнях узенькими дорожками. Вы можете из окна выйти прямо на перекресток, или подняться на верхний этаж, или же по узенькому карнизу перейти в соседний дворец.

Город Мертвых озарен светом, похожим на лунный или же на последний отблеск заката, пробивающийся зимним вечером сквозь тяжелые тучи. Здесь нет ни дня, ни ночи. В Городе Мертвых всегда час сумерек, растянувшийся на вечность.

Занятий здесь не так уж много. Но если вам смертельно скучно, можно поглазеть из окна на других жителей, выходящих из своих окон и гуляющих по карнизам из конца в конец города. Здесь везде натянута проволока, связывающие абсолютно все со всем, чем возможно, и кое-кто использует их, чтобы сократить дорогу. И здесь, и там — высоко над городом на цыпочках скользят канатоходцы. Впрочем, это у них получается весьма неуклюже: далеко не у всех мертвых (как и далеко не у всех живых) есть акробатические способности. Но они бесстрашно шагают по карнизам и проводам и абсолютно не боятся упасть. Когда вы срываетесь с карниза в Городе Мертвых, то падаете медленно-медленно, парите, словно тень. Даже если вам случится по дороге удариться об один-два карниза, задеть какую-нибудь горгулью, напороться на острый выступ крыши — это все не страшно. Вам уже ничто не повредит — вы и так мертвы. Вы даже боли не можете почувствовать. Боль здесь заповедана, потому что заповедано удовольствие. Что едва ли не одно и то же.

Где нет удовольствия — нет и боли. Кто-то, может, посчитал бы это честной сделкой. Но только не мертвые из Города Мертвых. Лишенные возможности мучить себя, они впадают в смертельную скуку, которая для них мучительнее во сто крат. В Аиде есть люди, которые каждый вечер перерезают себе горло. Но это ничего им не дает. Это всего лишь жест. Когда у вас больше ничего не осталось, то все, что у вас есть в Аиде, — только жесты. Поэтому они приобретают здесь огромное значение. Кто-то делает болезненный жест и перерезает себе горло, а кто-то отправляется в гости по проводам и карнизам. Может, вы думаете, что ходить в гости — удовольствие? Только не в преисподней. О, жители подземного царства не презирают жестов. После смерти жесты — это все, что вам остается.

Мы резко взмываем к дверному проему, мчимся по коридору, проскальзываем еще в одну дверь, повторяем эту операцию несколько раз подряд и наконец останавливаемся в огромной комнате. Здесь на стуле со спинкой в виде лиры сидит Ахиллес. Мы знаем, что это он, так как на его спине прикреплена бронзовая табличка с надписью: «Ахиллес».

В преисподней возможность мгновенной идентификации вызвана необходимостью. Здесь крайне неодобрительно смот-

рят на любые недоразумения. Правда, мертвым достаточно того, что они сами мертвы, и их как-то мало волнует, кто еще мертв рядом с ними. Так что система табличек создана отнюдь не для удобства местных жителей. Это сделано для удобства нашей будущей аудитории, для которой мы и снимаем фильмы, — для людей, которые в любом случае вернутся в прошлое, чтобы поглядеть на обитателей этого мира или построить их образные конструкции в компьютере, в котором можно построить все, что только можно вообразить. И, заглянув еще дальше, мы можем прозреть время, когда вторичные и третичные образы, достаточно отошедшие от своего прообраза, основываясь на версиях различных авторов, смогут создать новое поколение героев. Но так как создателей — множество и каждый из них обладает своим уникальным видением, то единственно возможный путь создать синтезированный, но все же узнаваемый образ — это всех идентифицировать.

В реальном мире люди очень редко просто так сидят на стуле, — не читая, не смотря телевизор и даже ни о чем не думая. Но здесь у нас не реалистический рассказ, изобилующий бытовыми подробностями, которые так любят некоторые читатели. К сожалению, данные о размерах доходов главного героя, объектах его любви и ненависти, а также генеалогическое древо в трех поколениях просто-напросто утеряны.

Так что Ахиллеса мы застали за тем, что он просто сидел, и все. Проблема ничегонеделания — одна из важнейших в Аиде. Да, пожалуй, единственная, которая стоит того, чтобы на нее тратить время, тем более что решения все равно не найти. Но Ахиллес, похоже, не терзался даже этой проблемой. Он просто сидел на стуле, уставившись в пустоту.

Справа появилась Елена Троянская.

Было бы большой ошибкой попытаться описать или хотя бы сфотографировать столь известную личность, как единственная и неповторимая Елена из Трои. Ее черты невоплотимы, они существуют лишь в мире фантазии, где постоянно творятся из грез множества людей, когда-либо мечтавших о Елене Прекрасной. Компьютер же ограничивается основным набором данных, так сказать, квинтэссенцией грез, и так как мы пользуемся далеко не полным набором мечтаний о Елене, ее репродуцированный образ слегка расплывается вокруг носа. Поэтому я склонен считать, что главную деталь мы поймали достаточно точно. Что касается остального — достаточно будет сказать, что она — дама приятная во всех отношениях, причем с точки зрения любого, кто на нее в данную минуту

смотрит. К тому же она так величественно несет свою опознавательную бронзовую табличку, что по одной походке можно сказать — вот идет Елена Троянская! А значит, это она и есть. На ней простая туника, сшитая из шелковой двусмысленности, и вокруг головы ее волнами лежит золотой обман.

— Привет, Ахиллес, — заговорила Елена. — Я только что с рынка. Мальчик, у меня есть что тебе рассказать!

Пока Елена не заговорила, Ахиллес продолжал молча пятлиться в пустоту, не обращая ни малейшего внимания на свою легендарную жену, но тут он повернул голову:

— Как ты могла хоть что-то услышать? Здесь днем с огнем не найдешь ни одной свежей новости. Что вообще может произойти в преисподней нового? Хоть когда-нибудь? Только мнения — вот и все, что здесь можно услышать. Так что такого особенного ты могла найти на рынке? Уж не то ли, что философы в очередной раз высказались в пользу возможности или, наоборот, невозможности существования этого места? Откровенно говоря, этот вопрос меня абсолютно не волнует. Существует это место или нет — мне-то что? Но даже если кто-то нашел в этом всем какой-то смысл — это едва ли можно назвать новостями.

— Заткни фонтан, — перебила его Елена, — сейчас не твой выход. Вопреки всем твоим умпостроениям я раздобыла самые настоящие, реальные и неоспоримые новости. Свеженькие, с пылу с жару. И это дает мне право не только рассказать их, но и расцветить, как захочется, используя при этом необычные эпитеты и невероятные сравнения. Стоит ли подавать факты напрямую, не пытаюсь скрыть их за ширмами недоумков, когда перед тобой во всей несокрушимости принцип Гейзенберга?

— Если ты принесла новости, — мрачно сказал Ахиллес, — то где они?

— Какой ты быстрый! Если разносчица новостей с ходу расплескает всю их новизну, то они перестанут быть новостями, и ей придется несолоно хлебавши возвращаться на исходные позиции: Недооцененный Объект Любви. То есть я. Можешь представить, каково это? Так что не торопись, дружок. Мне охота для начала насладиться самим фактом того, что я все еще могу находить новости. И поэтому я не спешу их разглашать.

— Безупречная логика, — заметил Ахиллес. — Ты приписываешь себе титул разносчицы новостей, так и не сообщив ни одной. Но все твои притязания в подметки не годятся породившему их факту.

— Ты сказал уже достаточно, чтобы я имела право тебя перебить и сообщить, что ты не видишь дальше своего носа, мой дорогой Ахиллес. Так хочешь ты наконец узнать, что случилось?

Изображение исчезло. Камера, или что там вместо нее, показывает ровный светлый фон. По-своему он очарователен и слегка гипнотичен. Мертвые обнаружили, что, когда вы слегка загипнотизированы, все идет намного лучше. Некоторые считают, что смерть сама по себе — вид мягкого гипноза. А есть еще более специфический взгляд — что смерти вообще не существует, так как то, что мы называем смертью, не более чем патологический случай гипноза, от которого мы не можем очнуться.

Будь что будет: камера снабжается током через провод, который спиралями змеится в окно, и, если принять его за путеводную нить, мы можем отправиться вдоль него, и он приведет нас к маленькому домику где-то наверху и устремится в окно, из которого струится целый каскад проводов. Если преодолеть бурный поток из витков и бухт кабеля, можно пробраться внутрь, где явно кипит какая-то работа. Мы выбираем ближайшую дверь и входим в комнату, похожую на аппаратную. В ней сидит человек. Привет, да это ж я! Я подхожу поближе, чтобы посмотреть, чем это я там так занят.

Я вижу, что я погружен с головой в манипулирование какими-то рычажками, кнопками и вокруг масса всяких циферблатов и прочих там реле. По множеству проводов, связывающих мою аппаратную со всем на свете, ко мне сбегаются различные данные, и я сплетаю все эти нити в прекрасный гобелен. Или сплету, если мне только удастся собрать их вместе, потому что на самом деле мне еще кое-чего не хватает. И даже более того: я не имею ни малейшего понятия, что я с ними буду делать, если мне повезет достать их все. Но, надеюсь, что все же я с этим что-нибудь сделаю.

Пожалуй, стоит сюда как-нибудь еще заглянуть: здесь столько интересного! Только не примите это на свой счет, уважаемая публика, для которой я сучу нить своего рассказа. Что вам за дело до меня и до того, чем я занимаюсь? Хотя, может, и есть дело, и мои проблемы — это и ваши проблемы, ведь каждый из нас является одновременно кем-нибудь еще. Но вернемся к Ахиллесу и Елене.

— Все. Меня уже распирает, — сказала Елена. — Поэтому — побоку все мелкие подробности! Выкладываю все разом. Слушай же, Ахиллес: сегодня некто покидает Аид!

Ахиллес застыл, пораженный. Но вовсе не словами Елены — то, что она сказала, он едва услышал и машинально этому удивился. Осмысление иного, более ужасного факта затопило все его сознание, в одну секунду он принял целый пакет информации, и это вызвало соответствующие эмоции. Он внезапно понял, что он — всего лишь набросок, черновик персонажа. Это разило наповал. До сих пор он считал себя бессмертным, хотя и не раздумывал никогда особенно на эту тему; но вдруг осознать, что тебя достали Бог знает откуда и используют твой мозг, что стечение обстоятельств, при котором ты возродился в разуме компьютера, может не повториться не только в ближайшее время, но и вообще больше никогда, — это уже слишком!

Черновик! Эта мысль просто парализовала мозг. Но Ахиллес сделал над собой усилие и заставил себя оценить ситуацию, вместо того чтобы просто отгородиться от нее. Итак, его условность означала, что он всего лишь концепция, которой манипулируют в чьем-то еще сознании, откуда следует, что сам по себе он для этого разума не настолько важен, чтобы ему было гарантировано возвращение к бытию в дальнейшем. Симптомы того, что существо, создававшее эти сны, уже близко к тому, чтобы закрыться, отключить контакт и изъять себя из данного цикла, были слишком явными: так как оно перемещает энергию своего внимания повсеместно, то может очень скоро увлечься кем-то другим. А тогда Ахиллес снова отправится в небытие, ожидая, пока его снова не вытащит какой-нибудь разум. Но какова вероятность, что это может произойти еще раз? А вдруг больше никогда?

Обрушившийся на него шквал пониманий подсказал, что шансы его — 50/50, и то если его вызовут, то уже не в данном контексте. Перед ним ясно встала необходимость срочно придумать какой-нибудь способ произвести впечатление на это грезящее им существо, причем впечатление настолько сильное, чтобы оно и после того, как удовлетворит свою фантазию, вызывало его снова и снова, пусть даже в других ипостасях.

Быстро проанализировав ситуацию, Ахиллес понял, что вся эта проклятая конструкция из снов и грез рассыплется в прах, как только компьютер завершит предварительную разработку. Нужно немедленно найти способ заставить все эти проклятые вещи стать вещами, да так, чтобы он был вынужден вызывать Город Мертвых к существованию при каждой оказии.

Но какова все же вероятность всего этого? Ахиллес стиснул зубы в смертельной тоске: он должен попытаться чем-то подку-

пить этот компьютер. Какой же дар можно поднести этому Компьютерному Сновидцу — единственному, кто, сумев собрать все доступные ему данные, воссоздал Ахиллеса похожим на Ахиллеса. И как убедить его, этого легкомысленного мечтателя, что Ахиллес стоит того, чтобы за ним вернуться еще не раз?

— Постараюсь донести это до вас настолько точно, насколько смогу, — произнес Ахиллес. — Я пытаюсь подать Голос и воззвать к вам. Я не прошу делать меня исключением, я хочу быть лишь Точкой Отсчета. Я знаю, что вы кого-то ищете. Я также пытаюсь продать вам общий настрой и уговорить вас во время ваших ментальных путешествий делать регулярные остановки в Городе Мертвых. Я знаю, вы давно искали местечко вроде этого.

Компьютер не ответил.

Ахиллес вкрадчиво продолжал:

— Я знаю, вы опасаетесь, что, приняв на себя подобное обязательство, можете впоследствии обнаружить, что эта концепция не стоит разработки, так как она несостоятельна в решении проблем сотворения, изменения и энергии. Я прав? Что ж, я приветствую вашу осмотрительность и рукоплещу вашим сомнениям. Все это придаст вашему выбору вес, если вы сделаете верный шаг и поставите на нас. Елена, почему бы и тебе не сказать пару слов?

Елена улыбнулась в камеру и заговорила на низкой волнующей ноте:

— Я думаю, мы можем оказать вам хорошую услугу. Вы-то знаете, что мы, Ахиллес и я, — люди выдающиеся и работаем лучше, если нас включить в действие. Мы не похожи на ваших современных узкогубых ханжей. И если вы ждете от нас именно таких слов — то этого добра у нас в избытке: смелые слова, лживые слова — короче, какие угодно, только не нудные. Позвольте нам развлечь вас историей вашей жизни.

Ахиллес коснулся ее плеча: «Хорошо сказано, Елена», затем развернулся к камере и заглянул нам прямо в глаза. Мы, опешив, зажмурились на секунду, не в силах смотреть на слепящую красоту его лица. Ибо этот Ахиллес есть Ахиллес, глобально мыслящий о возможностях величайших мировых деяний. Но он же являлся воплощением жертвы безнадежной любви к женщине, ему не предназначенной. Любуясь им, мы украдкой бросили взгляд на боковой экран и поняли, что любовь всей его жизни Брисеида в нашей истории не появится даже на секунду. Увы, нынешнее ее местонахождение неизвестно

А брак Ахиллеса с Еленой был чисто символическим жестом — два козырных туза вне партии.

— Мы сделали все, что могли, — наконец сказал он. — А теперь можешь рассказать мне, что ты там раздобыла на рынке.

— Царь Аида Гадес вышел из города, пересек несколько ручьев, бегущих на границе преисподней, и выбрался на берег Стикса туда, где, знаешь, есть хорошая лужайка для пикников. Но пришел он туда не ради пикника, хотя у него и была причина для банкета в честь своей гостью Персефоны.

— Персефоны? Гадес гулял с царицей Персефой?

— А с кем ему еще гулять? Ты же знаешь, она совсем вскружила ему голову.

— Это потому что она живая, — вздохнул Ахиллес. — Живые люди вообще гораздо привлекательней. Но, конечно, у нее есть и некоторые личные достоинства. К тому же с ней связан один из мифов первостепенной важности. И так как это один из древнейших мифов античности, девочке есть чем щеголять. Ты думаешь иначе?

— Да уж, так я и думаю, — ответила Елена. — А ты как думаешь, быть Еленой Троянской это тебе что — семечки? Да кто сейчас помнит хоть что-нибудь про Персефону? А Елену знают все!

— Да знаю, знаю. Ты у нас — чудо из чудес, — примирительно сказал Ахиллес.

Как некстати она завелась, в то время как ему просто необходимо узнать, что там дальше было с Гадесом. Ахиллес давно уже лелеял надежду при случае нажать на него и найти способ выбраться отсюда, поэтому все настроения царя преисподней были для него чрезвычайно важны. Уж кто-кто, а Ахиллес не собирался безропотно привыкать к тому, что он мертв. По крайней мере, не на веки вечные.

Итак, если вы Ахиллес, вы реально смотрите на жизнь, даже если ваша реальность — смерть. И все, чего вы хотите, — это конкретное место, уютно обставленное, избавленное от счетов, ревнивых любовниц, бейлифов, сутяг, жен и экс-жен, мужей, детей на разных уровнях дебилизма и всех остальных, живущих здесь, но, слава Богу, не у вас в голове, а в своем собственном мире. Немного чересчур, вы не считаете? Именно это привело вас в Город Мертвых. Вот почему мы так пытаемся убедить вас и даже продемонстрировать на практике, что наш Город Мертвых — это хорошо продуманный образец преисподней и заслуживает более пристального внимания. Мы бу-

дем время от времени сюда возвращаться. Самое важное, что мы должны помнить: мы — партия свободы.

Мы снова переключились на Гадеса. На меня.

— Когда Ахиллес узнал об этом, он просто помешался. Ему до сумасшествия хочется выбраться отсюда, — говорила Персефона.

— Ахиллес думает, что, когда он был живым, ему жилось гораздо веселее, что, собственно, соответствует действительности. За свою жизнь он во многом преуспел.

— Скажи мне правду, — попросила Персефона. — Быть живым — это действительно так хорошо?

Я пожал плечами:

— По крайней мере Ахиллес думает так. Но это всего лишь частное мнение одного мертвеца.

Мы с Персефой сидели под черным тополем. Рядом росла высокая плакучая ива, и ее ветви полоскались в темных водах Леты, струившихся мимо нас с тихим бульканьем, напоминавшим предсмертный храп умирающего. На другом берегу виднелись низкие серые силуэты, но что это, издали различить было трудно. Я был странно счастлив. Я всегда себя так чувствую, когда Персефона рядом. Она делает преисподнюю светлее, несмотря на навечно нависшие над нами тучи. Сегодня они выглядят не зловеще и скорбно, но волшебны и вдохновляюще. Я счастлив в Аиде. Что само по себе — чудо, потому что я его царь. Или, я сказал бы так: я полностью счастлив, и я действительно — Царь.

Я поискал взглядом ее руку, в которой она держала зернышко, но Персефона сидела так, что я не мог увидеть, там ли еще оно. Я надеялся, что нет. Казалось, она совсем забыла о нем. Но могла ли она забыть? Тяжесть знания драматургии этого нашего мира тяжелым камнем обрушилась на мою душу: я знал, что вот-вот что-то должно произойти. И даже знал, что именно.

Вот оно: издали послышалось тихое звяканье. Персефона тоже услышала его и сказала:

— Это бубенцы, с упряжки Деметры. Она украшает ими волов, влекущих ее повозку. Она едет за мной, как мы и договаривались.

— Да, — подтвердил я.

Когда-то меня вынудили согласиться с тем, чтобы Персефона время от времени возвращалась в верхний мир. Наши роковые старые леди из Верховного Суда Аида буквально связали меня по рукам и по ногам: остановить и укротить! Девушку вернуть родителям! Я был тогда на грани мятежа, но

потом оставил эту идею — против живых у меня не было ни единого шанса, даже если бы все мертвые встали стеною на мою сторону, в чем я, впрочем, был абсолютно не уверен. Беда в том, что из мертвых солдаты, как из куска дерьма, — смерть забирает что-то важное у мужчины. Так что это было бы просто-напросто избиением. Ведь что может быть слаще для живого, чем убить мертвеца! Они, видите ли, считают нас Злом. О, если бы я мог найти какой-то выход! Но воевать — было делом заведомо невозможным.

В любом случае я был не прав: похищение девушки из верхнего мира было против всех правил. Да, я был не прав. И эта моя неправота ослабляла мою позицию.

По-настоящему все началось уже тогда, когда мы — Зевс, Посейдон и я, свергнув старого Крона, разделили между собой всех тварей и учредили простые и ясные законы. Каждый из нас получил во власть отдельное царство без права вторжения на территории других. Конечно, этот договор не всегда соблюдался буквально, но если находились жалобщики, то их, как правило, удовлетворяли, и действовало правило возврата. Все это я знал, но, несмотря ни на что, все же забрал Персефону к себе. Забрал, потому что хотел ее. Вот только страсть моя не вписывалась ни в какие законы! Я отринул их, потому что никогда и ничего не было для меня так важно, как моя Персефона! Теперь-то вы, наверное, поняли, что участь царя Аида тяжелее участи последнего раба. Живого, конечно. Я связан законом о неживимости и обо всем, что на ней находится. Он безжалостен и беспристрастен, насколько закон вообще может быть безжалостным и беспристрастным. Но законы должны существовать. Ваша жизнь без законов — ничто. Да и смерть без них немногого стоит

— Зернышко, — сказал я. — Так что с зернышком?

Она протянула мне обе ладони — они были пусты.

— О, — сказала она, — я, наверное, уронила его.

В ее голосе сквозило лукавство. Но в Аиде никогда еще не бывало ничего легкомысленного или игривого — я просто не знал, как на это правильно реагировать.

— Прошу, не дразни меня, — взмолился я — Ты съела его? Или уронила? А может, ты его спрятала, чтобы съесть потом?

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Конечно же, я хочу тебя немножечко поддразнить. Именно этого, любовь моя, тебе так не хватает. Ты слишком суров и угрюм.

— Но ты все изменила. Ты принесла в Аид легкомыслие и удовольствие. Я даже не думал, что это возможно. Здесь. Но неужели ты не хочешь оставить мне хотя бы надежду на то, что мы снова встретимся?

— У тебя всегда будет эта надежда, — ответила она, — независимо от того, что скажу или сделаю я. И это неоспоримый факт. Это милая твоему сердцу определенность. Ты это хотел от меня услышать?

— Я хотел бы на это надеяться. Но смею ли я полагаться на определенность того, что через шесть месяцев ты снова будешь со мной? И будешь возвращаться ко мне каждый год?

Она покачала головой, но я видел — она улыбалась.

— Определенность ценится в твоём царстве превыше всего. Каждый его житель слишком хорошо знает, где он находится сейчас. Кажется, нет ничего более определенного, чем смерть. Думаю, что именно против этого так бунтует Ахиллес. Это то, к чему твои мертвецы так усиленно привыкают. «Может, смерть и плоха, — убеждают они сами себя, — но, в конце концов, она — надежна, и я могу на нее положиться».

— Да, так мы и говорим.

— Это потому что ты мертвый, — в сердцах сказала она, — но я-то — нет! Я-то — живая! И я не подчиняюсь вашим правилам. Я существо из царства живых, и, когда я выйду отсюда, вся определенность сойдет на нет. Все меняется: от лучшего — к худшему, от худшего — к лучшему. Всегда есть надежда, и всегда есть безысходность.

Звон бубенчиков становился все громче, и вот уже показалась украшенная цветами повозка, на которой стояла Деметра, сама управляющая волами, на шеях которых висели цветочные гирлянды. Эта дама выглядела строго классически — как и положено выглядеть Деметре. Волосы ее развевались на ветру, и она приветственно махала Персефоне небольшим кнутиком из виноградной лозы.

Деметра из тех, с кем вам приходится считаться, даже если вы не хотите иметь с ними никаких дел. Они настолько представительны, что вам и в голову не придет попытаться их как-то обмануть. Но в вашей личной истории они, как правило, не играют большой роли, так стоит ли о них говорить больше, чем они заслуживают? Нуждается ли персонификация Осени в родинке на подбородке? Должны ли мы снабдить ее дородной фигурой? Или придать ей суровые безжалостные глаза? Да, глаза, пожалуй, сделать надо, а что касается остального, то вы и так легко представите себе тип женщины, способной в

одиночку управлять шестеркой волов. Так нужно ли еще что-нибудь добавлять?

Персефона поднялась ей навстречу, потом наклонилась и еще раз поцеловала меня. Очень нежно. В губы. И прежде чем я успел обнять ее, она уже ускользнула, вспорхнула на повозку Деметры, и вот уже обе скрылись из виду.

Гадес застыл на месте, остекленевшими глазами уставившись в пространство. Ему не с кем было поговорить. Казалось, он сейчас заговорит сам с собой, разразившись монологом.

И вдруг она вернулась! Вместе с повозкой, волами в гирляндах и матерью, чей взгляд выражал крайнее неодобрение. Это было как удар грома. Неизменное возвращение! Сердце Гадеса затрепетало.

— Я совсем забыла тебе напомнить про Ахиллеса и Елену, — сказала она. — Так что тебе придется отменить наш совместный обед.

— Ты уже напоминала мне об этом, — сказал я.

— Я? — спросила Елена.

— Ты, — подтвердил я. — И совсем недавно. Но я рад, что ты вернулась. Мне хотелось тебя кое о чем спросить.

— Похоже, ты никогда не устанешь меня спрашивать кое о чем, — сказала Персефона. — Я знаю, ты любишь меня, но об этом ты печально молчишь, и только. Хотя бы на прощание ты мог бы сказать мне хотя бы пару слов. Я буду рада тебе ответить. Так о чем ты хотел меня спросить?

— Я хотел спросить тебя... — сказал я. — Я слышал, что ты знаешь, чем в последнее время занимается Тантал. Расскажи мне об этом.

— С любовью и удовольствием, — ответила Елена. — Я постараюсь быть покороче, мама! — крикнула она кутавшейся в платок Деметре.

Мать покорно кивнула: ей было достаточно того, что она все-таки увезет свою дочь отсюда, так стоит ли расстраивать дитя по пустякам, прерывая ее рассказ.

Тантал

— Я всегда считала дядюшку Тантала интересной личностью, — так начала Елена свой рассказ. — Думаю, ты и без меня знаешь условия, в которых он находится: стоит по горло в болотной грязи, и над головой его на медном канате подвешен огромный камень — настоящий утес. Конечно же, этот камень никогда не упадет, но напряженность тем не менее не спадает, так как самим Зевсом предначертано, что никто не может быть в этом уверен до конца и что валун может рухнуть

в любую секунду, и нет силы, способной его сдержать: он непоколебим и неотвратим. Подтягивай его, не подтягивай, он все равно будет болтаться там с навешенным на нем беспристрастным законом: если вы не будете переживать за Тантала в свете неотвратимости его камня, мы просто вычеркнем его из греческих мифов.

Тантал стоит по шею в грязи в небольшой заводи Стикса. Но, когда он наклоняется, чтобы утолить жажду, вода бесследно исчезает, оставляя его с лицом, залепленным грязью, и прозвищем, данным ему корибантом, — Старый Грязехлеб. Ни капли воды Танталу — таково первое правило.

Во-вторых, с поникших ветвей ивы, к которой он прикован, свисает множество яств: паштеты, ливерные колбасы, салами всех размеров, видов и сортов, сыры, каких и на земле-то не видывали, различные салаты, изысканно приготовленные овощи — и все это подвешено в тончайших салфетках, также годных в пищу.

Но, конечно же, как вы уже догадались, стоит Танталу протянуть руку к любому деликатесу, как тут же налетает ветер, отклоняет ветку, и она становится для него недостижимой. Так и стоит он там — по подбородок в воде, которую не может пить, и окруженный едой, которую не может есть. Таким вот образом представляет себе Зевс по-настоящему суровое наказание.

Но в преисподней научились находить применение любым мелочам. И если уж Тантал не может пить воду, у него все-таки остается возможность чувствовать, как она омывает его ноги. И вот уж этого у него никто не отберет. Не смогут. Что же ему останется, если он не сможет ощущать воду, в которой стоит?

А в это утро вода казалась довольно приятной. Иногда даже в преисподней такое бывает. Они-то стараются нагрузить вас по самые уши, но и на них бывает проруха. Тантал постарался обставить свой жалкий жребий с максимальным комфортом, и в этом он оказался на высоте. Раз уж он сам не может есть, он приглашает на банкет всех своих друзей!

И гости собрались отовсюду, со всех концов преисподней.

Когда прибыли все приглашенные, Тантал обратился к ним с речью:

— Друзья мои! Надеюсь, вы простите меня, что я не выхожу к вам навстречу из своей грязевой ванны. Считайте это моей маленькой причудой — принимать гостей подобным образом, тем более мне так нравится эта река...

Надо сказать, что Тантал так долго прожил в Аиде, что заслужил некоторые привилегии. Например, ему было даровано право купаться в любой речке Аида по своему выбору. Сегодня утром он выбрал Лету — из всех рек подземного царства она была его самой любимой. Боги вырыли грязевые ямы в заводях всех местных рек и у каждой посадили по плакучей иве, нагрузив их продуктами по самую макушку. Так что Тантал мог теперь страдать в любой яме по вкусу и искушаться вволю столько, сколько необходимо, чтобы морально подготовить тех, кто выбрал его дорожку.

Однако выпросить у Гадеса и других богов свободный доступ к рекам оказалось не так-то легко и потребовало довольно много времени. В конце концов он возопил:

— Да не пытаюсь я смягчить свою участь! Было бы излишне заострять внимание на том, что я навечно обречен торчать в яме с водой, плещущей у самого подбородка, — с этим я давно согласен. Но я никак не могу понять, почему не могу претендовать на разнообразие вод и пейзажей?

Первое время на его жалобы никто не обращал ни малейшего внимания. Но потом его дело все-таки передали в Верховный Суд Аида.

Главный судья мертвых Радамант начал рассмотрение с того, что наотрез отказался выслушать его аргументы:

— Это идет вразрез с нашими традициями, — ворчал он.

— Но ведь нет и закона против этого, — возражал Тантал. — А все, что не запрещено, — разрешено!

Но Радаманту, Миносу и остальной судейской братии в то время было просто не до Тантала: ничего, кроме хлопот, это не сулило, а у них на руках к тому времени и так скопилось огромное количество дел. Работы было по горло: люди на Земле умирали как заведенные и появлялись на перекрестке трех дорог, где обычно восседали судьи мертвых, сначала группами, потом — сотнями, потом — тысячами и наконец пошли миллионами. Вряд ли хватило бы времени судить и десятую их часть, но их истории были на удивление схожи, что значительно ускорило процесс.

Большинство душ, ожидающих суда, были одеты в саваны, некоторые даже сохранили свои подчелюстные подвязки. Не все, но многие, позаботились прихватить с собой деньги, и кое-кто даже очень большие. И хотя Харон довольствовался одним оболон, представители аристократических семейств предпочитали буквально набивать себе рот монетами, прихватить себе шекель-другой, а то и целый талант серебра. И все это ради того, чтобы их не равняли с бедной.

Расценки Харона, лодочника, перевозящего мертвых в царство Гадеса, хорошо всем известны: «Один обол. Деньги на бочку». И так как в саванах не предусмотрены карманы, мертвые приносят монетки во рту.

Платой Харону исчерпывается вся необходимость в деньгах в преисподней, но сам ее факт вызывает определенный интерес и ряд побочных эффектов. Обычно деньги нужны для покупок и продажи — но всему этому место на земле, а не в преисподней. Здесь нечего продавать, и это повергает людей в кошмарное состояние, ведущее к полной атрофии покупательной железы. Говорят, что, сколько бы ты ни прожил в Аиде, смерть никогда не угасит воспоминаний о тихих, спокойных земных магазинах. В преисподней этого нет — никаких магазинов, от которых одно беспокойство (кстати, интересная мысль!). Покупать-то нечего, но важно держать марку, отсюда и набитые рты.

И тем не менее бесплатно Харон перевозить отказывается. Безденежные вынуждены толкаться на берегах Стикса и пытаться его разжалобить. Но что может быть ужаснее, чем слушать скулеж мертвецов? Они стоят, сидят, лежат на берегу и в один голос зовут Харона, умоляя его перевезти их за так, на общественных началах. Но лодочник лишь мрачно зыркает на них и грубо отвечает: «Никакой халявы! Даже в преисподней!»

Тогда начинается скандал, особенно когда на берегу скапливается уже много безденежных.

Харон ярый приверженец формы. Он служит ради порядка, а не ради денег. Ведь ему тоже некуда девать человеческие оболочки. У него их скопилась уже целая куча. Он хранит их в рундуке, в Стиксвилле, где обычно ставит на прикол свой плавучий дом, когда возникает необходимость в ремонте. Пересекать же Стикс в одиночку — дело очень опасное, даже если вы мертвы. И если вы думаете, что после смерти все опасности кончились, то это как раз тот случай, чтобы убедиться, что и после смерти бывает несладко.

Что касается знаменитостей, то они пересекают реку безо всяких хлопот, независимо, есть у них чем заплатить за проезд или нет. Попробуйте-ка остановить знаменитых куртизанок — Лаис Коринфскую, например, или же Сафо, которые, как говорят, смогли бы уболтать самого Сократа. К тому времени когда Рим вошел в силу, обычай вкладывать обол в рот умершему сам по себе тихо скончался, и не только из-за нехватки обол в обанкротившейся Греции. И хотя обычай «обол-в-рту» иногда вспоминают, но вряд ли кто-нибудь осмелился бы

не допустить в преисподнюю римскую императрицу только из-за того, что она не принесла в своих мелких белых зубках медную монетку.

Тантал не сразу привык к визитам римских императриц, забегавших к нему в гости даже прежде, чем предстать пред светлые очи своих отцов. Они посещали его как местную достопримечательность и свои вопросы к нему всегда облекали в крайне уважительную форму. А как же! Тантал был одним из местных старожил, одним из самых первых ссыльных, одним из первопоселенцев Аида, из тех самых, что называли себя Первыми проклятыми, из первых криминалов в истории!

Да, многого навидался Тантал за те годы, что провел здесь, и должен сказать новичкам, что все, конечно, течет, все, конечно, меняется, но здесь не такое уж плохое местечко: ко всему можно привыкнуть — даже к преисподней. А может быть, особенно к ней. Когда на вас обрушилось самое худшее — бояться уже нечего.

Сизиф

Камера снова включилась, передний край шоковой волны узнавания, затем быстрый пробег по пыльным коридорам, освещенным мигающим светом, и вот она уже заискивающе застыла в охотничьей стойке перед Танталом. Тантал в кругу друзей. Крупный план Сизифа. Мы подключаемся к мощному лысому бородатому старику, осужденному катить огромную каменную глыбу на самый верх горы, а затем спускать ее по противоположному склону.

Все бы хорошо, но дело в том, что никто не знает точно, сколько ему еще этим заниматься. Так получилось, что он продолжал катать свой валун уже после того, как его наказание должно было закончиться и когда по всем законам его давно могли отпустить под залог. Но никто за этим как-то не проследил, и вот он до сих пор катает свой камень.

Его оставили работать, не обращая внимания не только на то, что он давным-давно устал и поизносился, но и на то, что фатально износились все атрибуты его наказания. Конечно, человеческий дух сделан настолько добротнo, что не может окончательно износиться в такие короткие сроки, но валуны-то сделаны из другого материала. Так что Сизиф уже укатал их огромное количество. Тем более ему трудно предъявить обвинение в халатном отношении к рабочим инструментам и разбазаривании природных ресурсов, так как позволять камню скатываться со скалы было частью его работы. Ну хорошо, он поднимает свой камень в гору и там, наверху, вынужден его

упускать. Казалось бы, какие проблемы? Проблема в том, что постоянно возникает необходимость в новых валунах и даже в новых горах — кто ж может тягаться с законами природы? Он прокладывает своими валунами колени, которые со временем становятся все глубже и глубже — и вот, пожалуйста! — вся гора сточена напроочь! К тому же возникает проблема снабженцев, которые должны заниматься поисками подходящих — не плоских и не острых — камней. Форма камня должна быть округлой, иначе его невозможно катить вверх и он не сможет качественно скатиться вниз. Но и такие при падении нередко разбиваются на кусочки, и тогда — пиши пропало! Списывай!

Камера дала панораму эллинского пейзажа и снова остановилась, чтобы мы еще раз могли в полной мере насладиться механизмом добротного искушения. Нас снова принесло к Танталу. И тут мы серьезно призадумались: стоит ли повторять, что эпикурейское зрелище фруктов, жареного мяса и других деликатесов, свисающих с ветвей дерева над головой Тантала и ускользающих при попытке их достать, должно было ему здорово надоесть. Поэтому он скоро отвык тянуться за ними вообще. Но и об этом никто как-то не подумал.

Тем более что еда должна постоянно обновляться, чтобы оставаться аппетитной. Разве можно искусить хоть кого-нибудь куском заплесневелого мяса или гроздью гниющего винограда? Можно, конечно, сказать, что Тантал все равно ничего в этом не понимает, потому что он и не пробовал никогда тех деликатесов, которые узрел, спустившись в этот гастрономический ад.

Но времена меняются, а с ними меняется и вид блюд, которыми его соблазняют.

И если раньше его пытали, дразня сравнительно простыми кушаньями типа овсяных лепешек, головки лука, редиски и — по праздникам — кусочком жареного ягненка, то когда пришло новое начальство, они быстро позаботились о расширении меню.

На последнем совещании новой администрации Аида ее шеф подчеркнул:

— Для нас классическая преисподняя — это важный аттракцион межзвездного масштаба. По ночам, в своих снах нас посещают миллионы людей. И все эти миллионы (если не больше) попадут сюда не раньше, так позже. Нас к тому же будут посещать иностранцы. Мы — беспрецедентная выставка, можно даже сказать — диорама человеческого духа. И нам просто необходимо устроить здесь хорошее шоу для наших туристов.

Как сказал — так и сделал. И в кабинетах администрации по охране древних памятников культуры пошла уборка — пыль поднялась до небес! Все вылизали до блеска. В том числе и экспозиции Тантала придали надлежащий вид, а это в первую очередь потребовало нового меню и поваров, способных угодиться за требованиями сегодняшнего дня. Первое время добровольцев не хватало, и поэтому всех, кто даже не был профессиональным поваром, но обладал должной фантазией в приготовлении пищи, в обязательном порядке посмертно отправляли на Танталову кухню. Но со временем эта работа стала считаться престижной, и вот уже лучшие кулинары земли стали соревноваться друг с другом за право готовить для Тантала.

На ветвях плакучей ивы объявились деликатесы, о которых он раньше и мечтать не смел!

К Танталу приставили специальных гидов, которые должны были ему разъяснять, чем, собственно, его искушают, чтобы он в полной мере мог осознать, чего лишился. Иначе его наказание просто утратило бы эффективность и символический смысл.

— Внимание, — говорили ему, — это заливное из копченой кабанятины, а это — груши *bel Helene*, а это — компот из редких фруктов...

И так без конца. Им не терпелось увидеть, как он будет реагировать. Они вели даже дневники наблюдений, так как для них он был всего лишь субъектом искушения. Тем более осужденным.

Но Тантал и здесь быстро сообразил, чего от него хотят. Он знал, что является важной исторической ценностью, так сказать, памятником культуры. И еще он понял, что все искушение будет судиться по эффекту, который оно производит. В этом деле не было мелочей, нельзя было оставить без внимания ни одну, даже самую маленькую картофелинку. Он был эдакий дегустатор древнего мира. И тогда он стал придиричив, а вскоре угодить ему было просто невозможно. Взирая на бесконечную череду деликатесов, предлагавшихся ему изо дня в день, он стал очень тонким знатоком кулинарного искусства. И ему вовсе не требовалось пробовать, чтобы отличить хорошее от плохого. Руководствуясь какими-то ему одному известными признаками, он мог с точностью определить состав специй и методику приготовления. Он стал частенько брюзжать: «Это ваше трюбо слишком переперчили. А барашек наполовину сырой и сдобрен не тем сортом меда. А от этого соуса жди отрыжки — у него горькое послевкусие...»

Повара очень скоро на него взъелись: как, спрашивали они, каким образом может судить он о вкусе пищи, не попробовав?! Оставим в стороне тот факт, что пробовать ему было запрещено законом. И Тантал объявил, что в первую очередь руководствуется запахами, уж нюхать-то ему никто не запрещал — вот он и нюхает всюю; а во-вторых — тончайшей проницательностью, которая развилась у него на почве искушения.

«Обратите внимание, джентльмены, — разглагольствовал он, — пробуя эти блюда, мы притупляем таким образом все остальные чувства. Но мне не обязательно пробовать вашу стряпню (даже если бы я был в состоянии это сделать), чтобы вынести ей оценку. И должен вам сказать, что, на мой нюх, она не на должной высоте!»

Так закончила свой рассказ Персефона, и, вернувшись в повозку, запряженную позвякивающими волами, дала увезти себя в верхний мир. И нет ни одного очевидца, который смог бы рассказать, что же на самом деле произошло с зернышком граната. И все же, на исходе каждого года, когда верхний мир становится мрачным и холодным, она возвращается к своему супругу. Зима в ореоле снежинок приходит и уходит, и на верхних лугах появляются гончие Весны. А я сижу на троне Аида, обедаю с Ахиллесом и Еленой и с нетерпением жду возвращения Персефоны.

Я гадаю, чем она там занимается. И что все же случилось с зернышком граната? И когда она наконец возвратится — в самое последнее мгновение перед тем, как я окончательно истоскуюсь, утрачу надежду и устану от мыслей об обитателях Аида, когда она возвратится — я наконец признаюсь себе, что все, чего я хочу, — это моя Персефона.

Сейчас уже начало зимы. Я сижу на своем железном троне — во рту привкус праха — и вслушиваюсь в далекий звон бубенчиков. Я знаю, это добрые вестники моей возлюбленной, с которой никогда не будет определенности до конца.

Хитроумный Одиссей попал в переплет Лукавый греческий герой оскорбил самого Посейдона, и бог был безжалостен в своем наказании. Он гнал его через всю Аттику и Додеканесские острова. Но всякий раз, когда Одиссей пытался пристать к берегу и уйти в глубь его, чтобы отыскать землю, где ничего не знают о море, повелитель океанов посылал могучие ветры, уносившие его снова в море. Но и этого ему было мало: он насылал Хитрые Мысли, одолевавшие Одиссея, словно его собственные, и как бы далеко он ни зашел на сушу, они влекли его на берег моря. И вот он снова там, где ему

лучше бы не находиться, — на полоске песка между водой и подножием гор. Это и есть то место, где Одиссей должен сыграть финал этой затянувшейся игры. Здесь, по желанию повелителя морей, он должен наконец обрести смерть. Посейдон и так излишне медлил, подыскивая момент, чтобы прихлопнуть этого сопляка. Но теперь пришло время покончить с ним.

Шум прибоя на пустынном пляже.

Лиловая полоса горизонта на стыке моря и небес.

Последние кадры: Одиссей, героического вида мужчина, стоит на четвереньках с поникшей головой, волосы падают на глаза, тело усеяно крупными каплями воды. Аппетитнейшая картинка для Навсикая.

Нежданное видение на пустынном пляже. Навсикая и ее служанки. Застыли на ходу. Глазеют на обнаженного мужчину.

— Где я? — спросил Одиссей.

— Это Феакия, — ответила Навсикая.

Боже, как она хороша!

Смертельно хороша, если я не ошибаюсь!

Это то состояние, в котором девушки мне нравятся больше всего.

Одиссей раздраженно помотал головой: наклеивается новый роман, этого еще только не хватало! Да, кстати, а не повторяется ли ситуация? А не пошла ли вся его жизнь по второму кругу? А не пошло ли все мироздание по второму кругу? И все, что было до него, тоже?

Одиссей напряг память, но все, что он смог вспомнить, так это то, что время пришло. Его будущие жизни пронеслись перед его глазами стремительным хороводом наскипидаренных летучих мышей-альбиносов. Внезапно за его спиной раздался звук. Он обернулся и закаменел. Но воля его крепла, наливаясь силой от его внутреннего роста. Он лихорадочно решал, кем ему быть сегодня вечером.

Пробиваясь сквозь неразбериху и шум в голове, росло знание неотвратимое и леденящее, что он попал в ситуацию, которая требует немедленного разрешения.

Он не был... Да нет, он был. Говорить — это было его призванием. Но никогда он еще не встречал такой крайней ситуации, столь остро требующей его немедленной идентификации.

— Ирвинг Спагетти — к вашим услугам! — выпалил он. Полный дебилизм! Но, авось, сработает.

О, эта игра уже не казалась такой трудной. Здесь требовалось сыграть в нее не впервые, а снова. Правда, это в то время, когда он не был уверен в результатах первой игры. Что же тогда случилось на планете, тогда, в тот самый первый раз? Он предпочитал считать, что тогда он не оплошал. Впрочем, в этом он тоже не был уверен. Но он же как-то выбрался из той переделки. Более или менее. Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще здесь. Все такая же смертельно прекрасная. Вот только он забыл, что должен с ней сделать.

Свадьба с Навсикаей произошла скорее, чем он рассчитывал. Он надеялся, что ему все же удастся восполнить некоторые пробелы на последующих свиданиях. Раньше всегда все шло по порядку: ухаживание, например. Кстати, а они вообще ходили когда-нибудь на свидания? И если да, то что он ей тогда говорил?

Внезапно в его голове раздался сигнал тревоги. Да, сейчас он в безопасности. Здесь, в теплом уютном местечке, рядом с ней. Но это же не то, за что он расплачивался. Он всегда выбирал неверные пути.

Все это, естественно, произошло до того, как странник вступил в город. Потому что, если этот грешный фигляр с его дрызгами, с его дрызгами, с его раздрызганными дрызгами и дрянными дрызгодрызгами... простите, я только пытаюсь быть реалистом и рассказывать, как все было на самом деле, но у меня просто кровь вскипает, когда я думаю об этом страннике, и не вините меня в поспешности изложения, а то я упушу поезд своей мысли, если зазеваюсь, — все меняется, и ничего не повторяется снова, становясь самим собой, как бы нам этого ни хотелось. И даже громогласные проклятия диких лесных пигмеев не имеют обычных кошмарных последствий. Но, я погнал дальше.

Вначале был Одиссей. Давайте внесем в это дело ясность. Хотя какая может быть ясность здесь, в яме, полной гниющих рыбьих голов и разлагающихся трупов, с одиноким и потеряннным видом плавающих в гнилом смраде? Но мы еще держимся, мы и наши ребята, мы продолжаем, ведь кто-то же должен рассказывать историю, иначе наше молчание возопит до самых звезд. Извините, я вовсе не собирался выходить из себя.

ПЕРСЕЙ

Персей родился в античном мире в Греции. Родителями его были царь и царица Тиринфа. Детство свое он провел как всеобщий любимец в окружении друзей. Дядя его, зловещий Иеремия, жил вместе с ними, а также жена его дяди Леттис, уроженка Крита, о которой почти ничего не известно. У Персея была также сестренка Мэри-Джейн, но о ней мы упоминать не собирались, так что можете забыть про нее.

Персей был мальчик смысленный, хотя учился не очень прилежно; мысли его вечно витали где-то вдали, на охоте или рыбалке. И все же учеником он был сообразительным и прекрасно владел оружием. В общем, приятный мальчик, хорошо воспитанный, только вспыльчивый немножко. Порой его обуревали мгновенные вспышки бешенства — но так же мгновенно он остывал. Поэтому подчас он совершал опрометчивые поступки, а после впадал в меланхолию, размышляя о своих больших и мелких провинностях.

Его воспитывали как принца, однако он считал своим долгом стать не просто принцем, но героем. Он зачитывался журналами для героев и восхищался героическими личностями, особенно Тесеем и Ясоном, на которых мечтал походить. Мы поговорим еще об отношениях принца с его дядей, а также с другим молодым человеком, пока что безымянным, прибывшим в Тиринф вскоре после того, как Персею стукнуло ...надцать лет. А сейчас мы видим, как Персей слоняется по отцовскому двору, сплошь из белого мрамора, который становится очень горячим под лучами полдневного солнца.

Персей: Как же мне все надоело! Жизнь — это вечная круговерть привилегий и разгула. Мне, царскому сыну, никто

не смеет слова сказать поперек. Никто, кроме отца моего Трагедия и брата его, зловещего Иеремии. Возможно, в один прекрасный день я убью Иеремию. Но пока я не уверен. Характер у меня еще не сформировался окончательно. А чего вы ожидали? Мне всего лишь восемнадцать лет.

Мэри-Джейн (выходит из перистилля слева): Эй вы, голубки и маслинки, солнце село за западный холм, а сынок ненормальной кретинки, что зовет себя нашим дружком.. *(Останавливается, увидев Персея.)* Привет, Персей! Я тебя не заметила. Я пела песенку, которую услышала вчера на агоре.

Хор на заднем плане поет: Агора! Агора! Чего там только не творится и чего не говорится там, на агоре! На горе! На горе я пошел туда, ноги моей не будет больше там, на агоре!

Персей: Ты не можешь обойтись без хора? Я пытаюсь предаться раздумью.

Мэри-Джейн: Вообще-то я иду от пифии.

Персей: И не жаль тебе тратить время на такую чепуху?

Мэри-Джейн: Она велела передать тебе послание.

— Что она сказала?

— Она велела передать тебе, что Разочарование — это Упадок Стремлений, когда Алчность Мчится на Голой Спине Истории по пути к Абсолютному Собственности.

— Она так сказала?

— Слово в слово, — подтвердила Мэри-Джейн.

— Если ты такая умная — объясни, что это значит?

— Боже мой, да почему я знаю? — воскликнула Мэри-Джейн. — Но она сказала, что это очень важно и что ты должен вспомнить об этом в какой-то важный момент своей жизни.

— Какой еще важный момент?

— Она не сказала.

— А больше она ничего не говорила?

— Говорила, что тебе пора освоить какую-нибудь профессию или сделать карьеру

— Терпеть не могу эту старую перечницу-пророчицу! Вечно она старается меня опередить! — расстроился Персей. — Я как раз сам собирался подумать о своей карьере.

— Ладно, мне пора бежать, — сказала Мэри-Джейн. — Опасайся тихих омутов!

И она исчезла.

Персей покачал головой. Загадочная штучка эта Мэри-Джейн! Хорошо еще, что ее нет в нашей истории, не то авторам пришлось бы объяснять истоки ее загадочности, копать

во внутреннем мире Мэри-Джейн и так далее. Персея же Мэри-Джейн не интересовала. Его интересовал он сам.

Поэтому родители и называли его эгоистичной скотиной.

Персея это задевало.

Не слишком.

А происходило все это во время осеннего равноденствия, когда над землей нависли серозадые тучи, а лохматое белопенное море принимало тысячи разных обличий, какие только могут родиться в юношеском воображении. Один-одинешенек сидел он на берегу — тот самый парень по имени Персей — и смотрел вдаль на скалы.

Море швыряло грязную пену на берег. Морские птицы возвращались в гнезда, меж тем как юноша, одинокий и безутешный, бродил по берегу, с выражением озвучивая заученный монолог. Злые вороны, хлопая крылами в буйном пароксизме страсти, носились над каменистыми мысами, чьи очертания были размыты косой штриховкой дождя, и одинокий краб-отшельник стоял потерянно на просторном пляже, размышляя о горькой судьбине камней и песка. Вот что увидел Персей в этот день.

А вечером случилось кое-что другое. Персей пошел на свидание с незнакомкой. И во время свидания он совершил преступление... чисто случайно. Ему удалось скрыть почти все следы, и тем не менее в результате принца начали шантажировать, а шантаж довел его до бешенства. Мы уже упоминали, что Персей был склонен к насилию. В ходе последующих попыток избежать собственного прошлого он встретил и постарался завоевать Андромеду, ставшую для него единственной женщиной в мире, которую вечно кто-нибудь привязывал к скале. Но мы опять забегаем вперед самих себя. Давайте вернемся во дворец к Персею, где он приглаживает волосы, готовясь к свиданию с незнакомкой. Мэри-Джейн, естественно, тоже сидела здесь, поддразнивая брата.

— У Персея свиданка!

— Заткнись, пацанка! — сказал Персей. Тон его не был недружелюбным. Или грубым. Напротив, в голосе Персея звучало «о'кей», и Мэри-Джейн наслаждалась отсутствием диатрибы, ибо ничего другого ей не оставалось — что же еще тебе делать, если ты младшая сестра, а твой обожаемый старший брат собирается на свидание с незнакомкой, и сердце твое разрывается, но ты, черт возьми, должна держаться как ни в чем не бывало; должна дурачиться, должна поддразнивать его. Вот о чем думала Мэри-Джейн. Она была неглупа. Она понимала, что на ней тяжким бременем лежит непригодное

имя. Она гадала, почему ей не дали классическое греческое имя, как всем остальным. И думала, что когда-нибудь обязательно выяснит это — а также многое другое, что взрослые старались держать от нее в тайне.

— Ну, как я выгляжу? — спросил Персей.

— Ты выглядишь колоссально, — ответила ему сестра. — Ты выглядишь как полубог или герой.

— Я не чувствую себя героем, — сказал Персей.

— Это потому, что ты пока ничего не совершил. Но ты не волнуйся — у тебя еще все впереди.

— Да как же мне не волноваться! — сказал Персей. — Мне уже восемнадцать. Тесей убил гирканского вепря, когда ему было всего шестнадцать.

— Если это не утка! — сказала Мэри-Джейн, и двусмыслица ее реплики показалась столь восхитительной двум юным и сравнительно неискушенным созданиям, что оба они залились смехом — так беспечно им вместе, увы, отныне смеяться уже не придется. Мне нелегко об этом говорить, но вы, наверно, и сами догадались. Печать серьезности легла на беззаботное веселье того мгновения, когда Персей рассматривал себя в металлическом зеркале и Мэри-Джейн подняла масляную лампу повыше, чтобы ему было видно, а обставленная в античном стиле комната за ними терялась во мгле переплетений аканта.

Персей поправил галстук, удостоверился, что надел тунику на правую сторону, нервно кашлянул и пошел по коридору к английскому саду, где ожидала его незнакомка. Мэри-Джейн, проводив его взглядом, вытащила из кармана передничка сладкое печенье и задумчиво принялась его грызть. Когда ты всего лишь маленькая девочка, голод важнее любых переживаний по поводу того, куда отправился твой старший брат.

Повинуясь здравому любопытству, Персей остановился по пути в сад, увидав посреди коридора большой вертикальный сундук, открывающийся, как шкаф. Вертикальные сундуки были изобретены всего несколько лет назад и продавались пока только в крупных городах, поэтому принц не сразу понял, что это такое. Собачья будка? Или бельевой шкаф? Или баскетбольная корзина? Возможностей не перечесать. Персей с любопытством уставился на сундук.

Как раз в это мгновение зловещий принцев дядюшка Иеремия вышел в коридор в своем лучшем хитоне, мурлыкая себе под нос в такой манере, которую иначе как угрожающей не назовешь. Был он мужчина рослый, с черной кучерявой шевелюрой и черной кучерявой бородой. Голову его, как обычно,

венчал ассирийский шлем. Иеремия, насколько нам известно, упоминался как первый в античности человек, имевший карманы. В его хитоне их было целых два, и дядюшка, сунув в карманы большие пальцы, точь-в-точь как простой фермер, торопливо шагал вперед и остановился только тогда, когда увидел Персея.

— Персей! — сказал он, таким образом подтверждая наши подозрения о том, что он узнал племянника.

— Дядя Иеремия! — воскликнул Персей. — Что вы делаете в этом коридоре, который ведет из моих личных дворцовых покоев к английскому саду, где у меня назначено свидание с незнакомкой?

— Да так, разнюхиваю, — ответил Иеремия. — Ты случайно не видал тут вертикального сундука?

— А это случайно не он? — спросил Персей.

— Да. Это вертикальный сундук.

— Тогда я его видал, — ответил Персей.

— Но заглядывал ли ты внутрь?

— Нет, не заглядывал, — признался Персей.

— Жаль, — сказал Иеремия. — Ты мог бы узнать пару занятных вещей.

— Я же не знал, что в вертикальных сундуках скрываются занятные вещицы, — сказал Персей.

— Поздно, дружок, — заявил Иеремия и с силой толкнул сундук.

Покоившийся на шариковых колесиках сундук под воздействием энергии толчка покатился по коридору, сначала медленно, а затем разгоняясь все быстрее и быстрее, пока не пропал в непроглядной дали.

— Ну что ж, — сказал Персей.

— Возможно, ты набредешь на него еще раз, — заметил Иеремия. — А пока — не смею тебя больше задерживать.

Он зашагал по коридору, свернул за угол и пропал с глаз долой.

Персей никогда не любил Иеремию. А выходка с вертикальным сундуком еще сильнее настроила принца против дяди. Мне трудно объяснить современной публике, каким серьезным оскорблением считалось в Древней Греции вот так толкнуть сундук по коридору вдаль прямо у вас на глазах. За такое людей убивали, и не только.

Теперь мы на время покинем Персея и обратимся к молодой даме, которую называли до сих пор незнакомкой. Мы оставили ее в английском саду, где она сидит на стуле со спинкой, выгнутой в форме лиры, глядит на лилии в пруду и гадает о

том, что ждет ее впереди. Высокая, стройная девушка в длинном белом платье и полупечали, покрывавшей ее овальную головку и позволявшей увидеть лишь розовые ногти. Вот такой была Лира. Родителей ее звали Кадиллак и Иеро. Она окончила критскую школу прикладных искусств, специализируясь на инталиях и полутоновых соответствиях. Детство у нее было самое обычное, с родителями, тетками, дядюшками, сестрами и братьями. В общем, у Лиры было все, за исключением кольца сиротки Энни, но она даже не знала, что оно *desideratum**. Шучу, конечно. Лира была привлекательная девушка. Ее прямые, гладко зачесанные назад волосы украшали очаровательные весенние цветы. Носик у нее был маленький, губы тонкие. Кому-то она могла бы показаться надутый, но только не ее подружкам, аграгонским наядам, которые часто навещали Лиру в то время, когда Олимпия была гораздо ближе к Криту, чем сегодня.

В данный момент была в Лире какая-то смутность, непроницаемое нечто, что придавало ей особую привлекательность и окутывало атмосферой тайны, которую еще более подчеркивало отсутствие макияжа. Она пришла сюда, в английский сад, не ради себя, а чтобы помочь кое-кому другому. Этим кое-кем другим был ее отец, правитель далекого Тулия. В народе его звали Пневмопотамом — огнедышащим драконом волн — таким образом выражая свое уважение.

Отец Лиры отчаянно нуждался в чем-то, но никогда не говорил, в чем именно, боясь быть подслушанным и неправильно понятым. Человек он был высокий, с волнистой шевелюрой, и тщательно следил за своим образом. Поэтому, когда дочь предложила ему исполнить его тайное желание, не зная, в чем оно заключается, он растрогался до слез.

— Помню, когда ты была еще ребенком, — сказал он, обняв ее за плечи, — я все думал, что ты послана мне в утешение. Теперь я это знаю точно!

— Отец, я прошу лишь о возможности отработать тот особый долг, которым я обязана Олимпийцам, ибо, насколько мне известно, я не появилась бы на свет, если бы Зевс не шепнул тебе на ухо: «Не убивай ее, это ж всего-навсего девочка, чем она сможет тебе навредить?»

— Верно, ты кое-чем обязана Зевсу, — заметил отец. — Но еще больше ты обязана Афине, которая вложила эту мысль ему в голову и ненавязчиво внушила, чтобы он передал ее мне.

* Желанно (лат.)

— То, что ты говоришь, очень интересно, отец, — сказала Лира. — Но как случилось, что Афина приняла такое участие в моей судьбе — ведь всем известно, сколь мало ее интересуют человеческие младенцы женского пола?

— Да, известно, — ответил отец. — Но что до ее побуждений, тебе придется подождать и понять их самой. Ибо боги не бросают ответы нам под ноги, считая, что мы слишком заняты собственными наслаждениями, чтобы обратить внимание на неземные духовные улады.

Лире пришлось этим и удовольствоваться. У нее были свои причины, побудившие ее согласиться исполнить желание отца. Тайные причины, о существовании которых вряд ли кто-то мог догадаться. В это просто невозможно было поверить: чтобы за столь чистым лбом скрывались коварные помыслы?! Чтобы столь ясные глаза могли таить в себе такие сложности? Об этих чертах образа Лире мало кто знал. А если и знали, то не придавали значения. Трудно сказать, что хуже, да Лира и не пыталась говорить. В этом смысле она была мудра не по годам.

И вот теперь она сидела в английском саду. Ее немного тревожило то, что английский сад был по-прежнему тут. Ну что ж, если ей надо сыграть свою роль в саду, значит, так тому и быть. Глядя в серебряное зеркальце, Лира трезво оценила свои преимущества. Недурна собой, приличные баллы по тесту академических способностей и умение сопереживать маленьким мохнатым лесным зверюшкам. Другие начинали и с меньшего.

Именно тогда в сад вошел Персей. Несколько масляных ламп, стоявших на мраморных постаментах, освещали сцену, в высшей степени строго античную. Здесь не было праздных зрителей, способных накинуть на сцену сеть самоиронии. Здесь были только они двое — и кот.

Кот проскользнул сюда вслед за Лирой. Мы не можем сказать в данный момент, что его побудило, но мы более чем недовольны его присутствием. Разве не обещали мы строго придерживаться главной темы? И вот, пожалуйста — какой-то кот проникает в пейзаж и отвлекает все внимание на себя своей короткой шерсткой и так далее.

Мы снова наконец вернемся к основному вопросу. Вопросу о ясности. Персей вошел в английский сад, но едва он шагнул с мозаичного пола в сырую прохладу хорошо увлажненного сада с рифлеными колоннами и аккуратными цветами в декоративных вазах, как за его спиной что-то шевельнулось. Принц обернулся — быстро, но без особой паники и даже без

паники вообще. Ему показалось, что в коридоре кто-то есть, а когда вам так кажется, то возникает желание разрешить все сомнения, в особенности если вас воспитывали на историях зверских убийств и прочих кровавых душегубств. Старый Като, слуга принца, с детства вбил ему в голову мысль, что за каждым кустом таится убийца и что расслабляться не следует даже в помещениях, где кустов, как правило, немного.

— Кыш-ш-ш, — сказал он с северным акцентом, от которого во рту оставался привкус морошки и мурашки тихонько ползли по спине. Но никого не увидел, кроме пятна табачного цвета на стенке, оставленного каким-то отхаркивавшимся сукиным сыном.

Персей опять повернулся лицом к саду, сознавая, что опоздал на встречу и тем самым затуманил ясность повествования. Но не его вина, если вам приспичило делать такие выводы.

— Привет, — сказал Персей. — Это с вами у меня свидание?

— Нет, я пришла сюда, чтобы принести человеческую жертву. Шутка.

Они уставились друг на друга. А в другом крыле дворца мать Персея, Марджори из Афин, сидела на обычном сеансе, которые она проводила раз в неделю по средам, — сидела в темной комнате, и рука ее покоилась в руке, принадлежавшей, как она верила, ее возлюбленному мужу, доктору Арчибальду.

— Послушай, — сказала чудовище (ибо другого определения для него не подберешь), — тут мне, кажется, необходима человеческая жертва. Вообще-то я ее даже не люблю — я имею в виду человечину, — но так написано во всех книгах, рассказывающих о том, как проводить подобные церемонии.

Тут нам следует кое-что объяснить. Марджори привезла с собой привычку к сеансам из Афин. Оба они с Арчибальдом были здесь чужестранцами и находили утешение в исполнении необычных и немного зловещих обрядов.

— Нет смысла быть *слишком* здравомыслящим, — любил повторять Арчибальд, стараясь выглядеть так же зловеще, как Иеремия. Задача эта была не так проста, поскольку некоторые обладают даром сатирического самообнажения и поэтому совершенно естественным образом производят впечатление на людей того сорта, что запускают воздушных змеев в тщетной попытке бросить вызов небесам. Подробное описание событий, предшествующих тому, что происходило, когда Персей вошел в английский сад, где его ждала незнакомка, не должно быть воспринято как признак основного направления причинности.

Мы думаем, что сумеем справиться с любым вопросом, который может возникнуть по этому поводу.

Итак, сеанс продолжался, меж тем как юный принц вошел в английский сад, где Лира — та самая незнакомка, назначившая ему свидание, с ее чистым лбом, прямой осанкой, отведенными назад плечами, стянутыми в конский хвост волосами, в ее белом льняном платье со множеством складок — стояла, листая одну из первых опубликованных в древнем мире газет, где, несмотря на годичную давность выпуска, новостей было больше, чем большинству людей удастся услышать за свою жизнь.

Простите, но мы не можем продолжать. *Что это — перерыв? Да нет же, глупый, это часть рассказа. Но с кем я разговариваю? Продолжай печатать, и узнаешь. Я Лемюэль П. Благарт. Извините, но здесь уже нет места для новых персонажей. Пожалуйста, уходите.* Ладно, я уйду — и прихвачу с собой всю историю. *Ну зачем так сразу? Возможно, надменный дух, ты сам хочешь рассказывать ее?*

А запросто! Вот, смотри. Персей, значит, так его звали. Пошел на свиданку с этой курочкой, Лирой, которая только что получила кучу денег из папенькиного поместья на Сицилии. Чего там случилось со стариком, этого я в точности не знаю. Говорят, на Сицилии находится вход в Город Мертвых. Он, должно быть, туда и забрел по рассеянности.

Персей решил, что с него довольно. И в мгновение ока избавился от враждебного рассказчика. После чего повернулся к Лире и спросил:

— Хочешь пойти на вечеринку с сюрпризами?

— Конечно, — ответила Лира. — Особенно если там можно будет встретить кого-нибудь, с кем я не должна была встречаться, и таким образом разорвать в клочья нормальную ткань событий.

— Ты храбрая девушка, — сказал Персей. — А у меня есть одна проблема. Я что-то собирался сделать и даже тронулся было — но забыл, куда и зачем.

— Мне кажется, я знаю, в чем твоя проблема, — отозвалась Лира. — Тебе не хватает крепости. Я права?

— Да. И стрел в колчане не осталось.

Они уставились друг на друга. Пристально.

— Спорим, что и денег не осталось тоже, — сказала Лира чуть погодя.

— Да, и я даже знаю почему, — заметил Персей. — Потому что наша финансовая поддержка неожиданным и загадочным образом лопнула.

— Я думала, она вложена в надежные бумаги, — сказала Ли́ра.

— Бумаге нельзя доверять, — сказал Персей.

— Лопнула! — возмутилась Ли́ра. — Какая подлость! И как же мне теперь продолжать?

— Боюсь, это никого не волнует, — сказал Персей.

— Но так нечестно! Мне даже не дали шанса!

— Давай изобрази что-нибудь по-быстрому, — предложил Персей.

Ли́ра изобразила танец со слезой. Потом плавно перешла к танцу с грозой, грациозно извиваясь меж молний. Затем последовал танец с гюрзой, обвивавшей ее и переливавшейся разноцветными чешуйками. И в завершение был исполнен неизбежный танец с виноградной лозой.

— Колоссально! — захолопал Персей.

— Спасибо, — сказала Ли́ра. — Но теперь мне нужно принять душ и переодеться.

— Мы находимся в английском дворцовом саду, — сказал Персей. — Здесь нет душа.

— А в соседней комнате? — с надеждой спросила Ли́ра.

Персей огляделся вокруг:

— Похоже, тут нет никакой соседней комнаты.

— Тогда мы в ловушке.

— Боюсь, что да, — сказал Персей.

И тут с крыши послышался какой-то треск.

— Нам нужно было оставить эти догадки при себе, — сказал Персей. — Сдается мне, мы накликali беду на свои головы.

Юноша и девушка задрали головы и посмотрели на крышу. В ней появились трещины. Сначала они были еле заметны, но мало-помалу становились все больше.

И больше.

И еще больше.

— Мы так и будем стоять и смотреть, как трещины становятся все больше и больше? — спросила Ли́ра.

— Не спрашивай меня, я не режиссер, — ответил Персей.

И тут вошел жеребец. Вскоре после этого понеслась такая жеребятина, что у многих начали пухнуть животы. Настало чуть ли не самое худшее время во всей античной истории. Оно было столь же неубедительно, как пир Тримальхиона. За сценой поднялась закулисная возня, и Персей пошел искать

другую иллюзию. Он не знал, что делать с Лирой. Свидание с незнакомкой получилось не очень удачным. Забавно, но так порой бывает. А Мэри-Джейн, прячась за портьерой в античном коридоре, ухोдившем в бесконечность пасмурного моря, прикусила пальчик и хихикнула, привкус местного колорита мы вам принесем, заботами ваших услужливых производителей грейпфрутов, которые поставляют вам все, в чем вы нуждаетесь, и вынуждают покупать все, что у них есть.

Потому что пришла пора пробуждения. Существо на кровати открыло глаза, моргнуло раз-другой, перевернулось и постаралось собраться с мыслями, чтобы попробовать опознать свою личность.

— В ретроспективе все обретет свой смысл, — слышался чей-то голос.

— Отлично, — сказал он, — но сейчас мне от этого не легче.

— Позволь, я расскажу тебе о шекспировском театре, — сказала она. — Особой пользы мой рассказ тебе не принесет. Но классный ужасник с гусиной кожей всегда имеет смысл послушать, верно?

Он заставил себя сесть прямо. Обнаженный по пояс. Блестящий от пота. Залитый жгуче-оранжевым светом. А над ним склонялся человек в униформе с сигаретой во рту, щипцы разомкнуты и слегка повернуты в стороны, рукоятки прижаты друг к дружке — или, по крайней мере, сведены — в темной комнате с единственной лампой, и этот душный запах страха в воздухе. Да, он снова был в *том месте*. Ну надо же, какая досада! Потому что теперь начнется кошмарный сон с грызней червей и прочей ерундой, пока не случится что-нибудь еще. По крайней мере, так ему внушали.

ДЖОРДЖ И КОРОБКИ .

Да, забавно получилось с Джорджем и коробками. А ведь раньше он их никогда не замечал. Но потом какая-то мелочь привлекла к ним его внимание — что-то очень пустяковое, тонкое и ускользающее, о чем он даже не мог точно вспомнить — и мне, наверное, следует извиниться за непростительный ход этой фразы, которая, выражаясь фигурально, так и машет хвостиком в воздухе — благо, что все можно изменить.

Позже Джордж много думал о подобных явлениях. Или, по крайней мере, он хотел как следует подумать об этом. Но разве вспомнишь сейчас о том, какие мысли посещали его в момент, когда, не имея еще определенных доказательств, возникших гораздо позже, если только не к настоящему времени, он открыл глаза и предстал, так сказать, лицом к лицу с коварными коробками.

Сначала он увидел лишь несколько штук, но коробки были разбросаны повсюду. А Джордж знал, что такие места, как повсюду, бывают очень интересными, особенно когда они не навевают скуку. Впрочем, это уже вопрос настроения, и даже если нас трое, давайте не будем кивать на луну.

Комната, в которой валялись коробки, с виду и сама походила на короб, однако на стенах, примерно на средней высоте, имелось несколько своеобразных черт — хотя Джордж не стал бы утверждать этого наверняка, поскольку его глаза были прикованы к коробкам, и ему не хватало сил поднять их на среднюю высоту.

Тем не менее, заметив коробки, Джордж какое-то время не знал, что ему делать с таким наблюдением, или, вернее, знал,

но не хотел показывать свою осведомленность. Да вы и сами понимаете, как это бывает, когда после сытного обеда вам хочется прилечь и вздремнуть; когда жизнь бежит из года в год по спокойному руслу, а вам уютно и немного стыдно за свою лень; и, конечно же, вы лучше поваляете еще одного дурака, чем займетесь какими-то коробками.

— Прости, старик, за вопрос, но где здесь дорога в городок Под Мухой? — спросил здоровый желтый кабачок, вышедший из первой коробки на крохотных ножках — и здесь, наверное, следует добавить, что крохотные ножки принадлежали ему, а не коробке.

Джордж немного удивился словам кабачка, однако в самой глубине своего сердца он был разочарован. Нет, он, конечно, понимал, насколько необычно звучала кабацкая речь, но вы ведь и сами знаете, что в некоторых религиях коренных американцев кабачок занимал довольно обычное, хотя иногда и забавное место. Неужели вы не помните всех этих историй о веселых шутниках, которые встречались среди кабачков?

Джордж решил посмотреть, повторит ли кабачок свой вопрос. Тот не повторял, и, следовательно, к его словам не стоило относиться серьезно. То есть при желании вы можете считать серьезным все что угодно. Однако вам никогда не удастся угадать того точного набора правил, по которым будет разворачиваться событие. Хотя в самом начале у вас есть кое-какой выбор — вы можете отступить в сторону и послать ситуацию ко всем чертям в самый задний, так сказать, проход своей жизни. Но бессмысленно предугадывать события. Это все равно что стоять на берегу и махать рукой пролетающим чайкам времени. А ведь мы говорим о моменте, когда история лишь начиналась, о том кратком мгновении затишья перед тем, как Джорджу вновь предстояло опутать себя нелепыми узами, из которых сплеталась его жизнь. И, возможно, в тот миг еще не существовало никаких коробок.

Ладно, подумал Джордж, допустим, они все-таки существовали. Но в принципе их там могло бы и не быть.

Эта мысль послужила началом следующего этапа, поскольку все, что разворачивается в последовательность событий, уже само по себе может считаться ситуацией.

Интересно отметить, что во всех этих коробках сквозил оттенок какой-то фальши. Коробки с правильными углами выглядели вполне нормально, но вот остальные имели выступы и углубления, пилоны и полусферы, контрфорсы и балюстрады разных видов и форм. Джордж, конечно, слышал о неправильных геометрических телах, но в данном случае их точность заходила слишком уж далеко. Тем более что для

такого разгула декораций не было никаких рациональных причин. Если только здесь вообще уместно слово «декорация» и если только под ее видом не скрывалась какая-то чудовищная и многомерная структура.

Но стоило ли тревожить себя по таким пустякам? Джордж решил, что ему плевать на то, какие формы принимали эти коробки — и даже на то, что в них находилось. При встрече с усеченными конусами подобная невинная грубость стала бы причиной серьезных последствий. Однако такая встреча могла произойти лишь позже, если только вообще могла произойти.

И тут Джордж подумал о том, как красиво плавать в залитом солнцем океане, где маленькие волны покачиваются в медленном танце, а коробки кружатся и делают друг другу причудливые реверансы. Хотя на самом деле все было не так, и Джордж просто придумал это, чтобы немного поразвлечься. Иногда он позволял себе такую вольность. А вы, наверное, знаете, как приятно плавать на закате в теплом море, мечтая и выдумывая всякие вещи, без мирских тревог и забот о неумолимом времени.

То были чудесные мгновения, и Джордж наслаждался ими от всей души. Что может сравниться с подобным переживанием? Понятное дело, ничто. Так бывает, когда парню хочется чего-нибудь нового и другого; когда он нарочно считает это что-нибудь не тем, а чем-то другим; когда он, черт возьми, воображает себе это что-то другое. Понять такое может не каждый. Но Джордж понимал, иначе он тратил бы свою энергию на то, чтобы считать комнату комнатой, а не настоящим океаном. Как будто имелась какая-то причина поступать наоборот. И все же стоило Джорджу подумать об этом, как океан и комната стали одинаково возможными и уместными.

Да, сияющее под солнцем море казалось прекрасным, однако так не могло продолжаться вечно. То есть оно, конечно, могло продолжаться сколько угодно. Но даже если бы здесь прошло тысячу лет, память сохранила бы это как один эпизод. Увидев одну волну, вы можете считать, что видели их все. И пусть искрившиеся бликами воды были просто великолепны, тем не менее, посмотрев на них достаточно долго, вы начинали тосковать о плече. Хорошее всегда остается хорошим, но иногда вам приходится немного погрести, чтобы уцепиться за одну из коробок.

Джордж не имел каких-то особых критериев для выбора той или иной коробки. Просто ему пришла мысль уцепиться за одну из них, и он нашел это довольно забавным. И к какой коробке, вы думаете, он поплыл? Конечно, к той, что находилась ближе всех — к большой и голубой в светло-желтую

полоску, с крыльями и длинным клювом. То есть, конечно, не с настоящими крыльями и клювом; мы же говорим о коробке, о чем-то таком, что просто выглядело, как крылья и клюв. А надо сказать, что Джордж в этом отношении соблюдал строжайшую пунктуальность. Первая коробка оказалась ему немного подозрительной, и он быстро проплыл мимо нее — не очень, знаете ли, приятно, когда коробка пытается выглядеть чем-то еще. Да и в любом случае ему не составило труда подгрести к следующей коробочке, с более современной внешностью и приятной раскраской. Вернее, это только так ему казалось, пока он не положил на нее руку и не развернул немного к себе. Джордж знал, что надо заглядывать в суть вещей. Чтобы раскрыть подноготную коробочки, он ковырнул ее ногтем, но, к его великому сожалению, эта подноготная ничего хорошего собой не представляла.

Вы можете спросить, что же ему там так не понравилось? А разве могло обрадовать глаз такое нелепое нагромождение трубчатых форм? Или странные перекладки, которые связывали вместе все эти стальные конструкции разных размеров? Неужели вы когда-нибудь слышали о трубчатых конструкциях в маленькой раскрашенной коробке? Да я даже представить себе не могу всю эту систему канализации.

И тогда Джордж решил проигнорировать подноготную коробки, сделал вид, что ничего не понимает. Джордж знал, что некоторые вещи лучше всего вообще не понимать, так как их все понимали неверно. А неверное понимание меняло взгляд на вещи и создавало множество проблем, которых следовало избегать ради мира и спокойствия души.

Кроме того, с какой стати мы должны менять свои взгляды, если кто-то посчитал их неверными? Разве наш комфорт и покой ничего не стоят? И почему это мы должны потеть и лопатить веслами, если нам там ничего не светит...

Простите, но нас снесло немного в сторону — прямо как Джорджа от коробки.

Внутри ее, то есть внутри коробки, все оказалось немного другим, чем он себе представлял. Забавно, правда? Вам кажется, вы знаете, что должно быть внутри коробки. Однако вы открываете ее и находите, что там все по-другому. Возможно, не совсем чтобы очень, и всегда могут найтись какие-то сходные позиции; но я надеюсь, мы не будем топтаться вокруг да около, а спокойно и трезво одолеем ту путаницу коробок, которая тормозит наш прогресс к желанной цели, чье точное определение нам пришлось бы опустить, даже если бы мы его и знали. К счастью, наше незнание является еще одной гарантией того, что говорить мы на эту тему не будем.

К тому времени Джордж обнаружил, что к нему иногда обращались как к Эндикотту. Обращение казалось довольно простым и удобным, но оно несло оттенок неопределенности, поскольку Эндикотт могло быть и именем и фамилией. Чтобы не зарываться слишком глубоко — так как у каждого из нас хватает и других своих проблем — я скажу, что в нашем обычном понимании вещей, даже в таком вот месте, как это, слово «Эндикотт» может восприниматься двояко. Между прочим, то же самое обнаружили и древние христиане, когда их загнали на арену со львами. Или это обнаружил император? Во всяком случае, что-то между ними там произошло. Джордж знал об этом по слабому отпечатку метафоры, который остался в его уме. Время стерло остальные следы, сохранив лишь мрачное ощущение подавленности, которое несла в себе эта тяжелая и громоздкая фигура речи.

Джорджу не хватало тех важных жизненных качеств, благодаря которым можно было закончить рисунок, связать движения в танец или спеть сольную партию в ангельском хоре. Тем не менее он довольно нормально обходился с тем, что попадало ему в руки, будь то, например, клочок бумаги в местах общего пользования или разрушенный храм на склоне горы. А ведь такие вещи не заботились о том, куда им попасть. Одним словом, Джордж решил проигнорировать данный вопрос, хотя на самом деле вопросов-то ему никто и не давал. Кроме того, у него почти не оставалось выбора, потому что в этот момент, в этот самый, так сказать, кульбит времени, произошло событие, которое Джордж посчитал бы беспрецедентным, если бы узнал о нем заранее.

Такие события случаются время от времени, но мы проходим мимо них, занятые мыслями о хлебе насущном и насущном масле. И поэтому не было ничего удивительного в том, что океан, сиявший бликами заката и казавшийся еще мгновение назад незыблемым атрибутом реальности, вдруг оказался на грани ужасного беспредметного прошлого, в котором он чуть позже и сгинул. Его тихую гибель скрыло за собой то новое, что только едва начинало прорастать.

Какое-то время Джордж размышлял о смысле происходивших с ним явлений. А это не такое уж и бессмысленное занятие, верно? Вам бы тоже не помешала лишняя минутка, если бы вас завертело в круговороте каких-то событий. Кроме того, следует учесть, что даже такая мимолетная фраза, как «мгновенная расплата», требует на свое осмысление не меньше минуты — вернее, не сама фраза, а то, на что она ссылается, в метафорическом, так сказать, смысле слова. Джордж еще не мог разобраться, впервые он подумал об этом или нет. Но как

Эндикотт он позволил себе немного посомневаться. И раз они платили ему за такую работу, то почему он должен этого стыдиться? Что естественно, то не безобразно, как любил он говаривать своим корешкам, потягивая виски в баре. Прошу прощения, мадам, но я не говорил, что у Джорджа росли из тела какие-то там корешки. Я имел в виду его закадычных приятелей, и они, надо сказать, выглядели почти так же, как он. Ну разве что более коренастыми. А какими еще могут быть корешки? Сам же Эндикотт был долговязым и худым. Они даже называли его Струей. Джек Струя — не слишком мило, правда? Но вы же знаете, какими грубыми становятся люди, попадая под газовую атаку.

Говоря по правде, мы и сами повидали многое на своем веку. Особенно теми вечерами, когда, добравшись до берега моря, пытались снять на время несколько коробок — сначала тех, где живут, а потом тех, с кем живут. И на морском берегу всегда хватало того и другого. Очевидно, они как-то связаны друг с другом. Хотя лично я не уверен, что одни коробки порождают другие. Природа более тонка, и ее пути неисповедимы.

В то время вопрос надвигавшейся истории еще не вставал так остро и грозно. Люди наслаждались своими маленькими радостями, но то была настоящая и уважаемая жизнь. Как жаль, что мы больше не увидим ничего подобного.

А разве можно забыть эти прекрасные прогулки по морскому берегу, когда мы присматривались то к одним коробкам, то к другим; разве можно забыть ту магическую игру слов, которая возникала в беседах между мужчиной и женщиной? Пикники запоминались сложными салатами — салатами из встреч и чудесных дней!

Впрочем, и тогда возникали пробелы. Но в то время мы еще не знали, что считать пробелами, а что — промежутками между ними.

Джек Струя. Представляете, каково быть таким человеком? Или Джеком Мокрое Пятно? Хуже не придумаешь, верно? Да, молодежь грубеет с каждым днем, и особенно здесь, в этой стране первопроходцев и пионеров, где люди без галстуков считаются либо зелеными сопляками, либо древними и ветхими старцами. И жизнь здесь, конечно, не сахар.

Тем вечером Эндикотта одолевало смутное и тревожное предчувствие. Он вышел на узкую полоску пляжа и уселся перед своей лачугой — довольно стандартным домиком с обычным набором кухонных приспособлений. В те дни еще не изобрели всяких там кухонных комбайнов и микроволновых

сеялок, поэтому все женщины работали вручную. Во всяком случае, Эндикотт принимал их тогда за женщин.

А потом начались первые неприятности. Они всегда приходят к нам тихо и незаметно, и мы не думаем о них вплоть до того момента, пока вдруг не случается настоящая беда. Впрочем, вы лучше меня понимаете эзотерический смысл усеченных конусов, которые тоже влились в нашу жизнь незаметно и тихо.

Сначала нас беспокоили только их немного вульгарные черты — да-да, вульгарность и кривые подлые рты. Каждый из них носил с собой гитару, но мы никогда не слышали, чтобы они играли. И еще нам тогда казалось, что их отговорки слишком глубоки для нашего понимания.

— Куда вы идете?

— Вон туда, чтобы посмотреть на усеченные конусы. Хотите пойти вместе со мной?

— Мне бы очень хотелось, но сейчас я занят. Не могли бы вы передать им эту корзиночку с диалогом?

— А-а! Это та штука, которую вы собираете в словесных дебрях? С виду ничего особенного. Но я бы не стал кормить такой пищей своих детей. Ничего хорошего из этого не получится. Вы понимаете, что я хочу сказать?

С каждой его новой фразой я становился все более и более подозрительным. Да и с какой стати он так разговорился, если еще минуту назад ему и смотреть-то на меня не хотелось?

— Послушайте, — сказал я, — может быть, вы пойдете себе дальше?

— Меня зовут Джордж, — ответил он.

Где-то под кипой желтых страниц моего разума завывала тревожная сирена. Я же ни о чем его не спрашивал! Тем более что мы никогда с ним до этого не встречались — да и до того тоже. Тогда почему он назвал мне свое имя? То самое, которое я терпеть не могу. Неужели втирается в доверие, чтобы остаться здесь или оставить мне свой пухлый мешок с диалогом?

— Как мне не хочется таскать его с собой! Он такой липкий.

— А ну, кончайте это! — закричал я, торопливо закрывая мешок.

Если и есть на свете вещь, которая вам абсолютно не нужна, так это диалог из болтливой мешка. И не только потому...

— Но помимо этого и по многим другим причинам.

— Хватит, я вам сказал!

Однако мешочек протекал, и диалог сочился из него тонкой струйкой. Я изо всех сил старался не слушать тот бред, который вытекал из лопнувшего шва.

— В ту пору сирены Франции носили длинные платья, которые придавали им довольно унылый вид, и поэтому, сбравшись с духом, я сказал ему...

Вы и сами знаете, насколько утомительным может казаться чужой диалог. Но диалог внутри диалога — это вообще невыносимо. Мы можем выглядеть немного наивными и неискушенными в ваших городских штучках, но нам прекрасно виден нескончаемый регресс, который уже встает над горизонтом культуры. И, оглядываясь назад, я замечаю теперь что-то безошибочно поддельное во всем том, что предшествовало настоящему времени.

Этот Джордж, назвав свое имя, тем не менее не торопился узнать мое. Возможно, он думал, что я представлюсь сам, но это шло вразрез всему оформлению ситуации, ее моральному орнаменту и формам приличия.

— Скорее я поцелую раздавленного таракана, чем представлю себя.

Прозвучавшую реплику мне явно навязали. Конечно, я бы так не сказал. Упаси меня Боже! Эта фраза вытекла из мешочка с диалогом.

И только тут до меня дошло, что этот парень принес мешочек в коробке. А значит, он был тем самым знаменитым Джорджем, который прославился своими вездесущими коробками. И я должен признать, что это меняло многое.

Чем больше я думал о Джордже, тем меньше он мне нравился. Не то чтобы я знал его лично или действительно тратил свое драгоценное время на какие-то размышления о нем. Конечно же, нет. Все прошло гораздо быстрее. Вы же знаете, как это происходит внутри. Вот вы взглянули на кого-нибудь; и вот у вас уже свое личное мнение. Проблема в том, что между этими двумя событиями больше ничего нет, и такой поворот дела приводит нас в замешательство. Мы знаем правила игры. По этим правилам там должно что-то быть.

— Чтобы избежать субъективного идеализма?

— Вот именно.

Иногда случайные слова из мешочка с диалогом могут до жути подходить к описанию событий и придавать им особый жуткий смысл.

А я тем временем, если вы помните, прогуливался по пляжу, и из пухлого мешочка, который Джордж попросил меня передать усеченным конусам, по-прежнему вытекали слова.

Тем не менее что-то внутри меня протестовало — это, конечно, фигура речи, и вы можете найти ее не только внутри меня, но и где угодно.

— Зачем нам нужны все эти конусы?

— Неужели ты не понимаешь, что суть вопроса не в них? Они даже не достигли той точки, где их можно назвать хотя бы условно существующими. А ты должен знать, что обычно происходит, когда кто-то берется за дело на предварительной стадии. Поверь мне на слово, он получает что-то очень слабое и неубедительное!

— Проблема с этим Джорджем, по всей вероятности, состояла в том, что он принимал решения, которые, на мой взгляд, было бы лучше отложить на какое-то время. И фактически на довольно долгое время.

— Фактически, практически!

Я зашагал быстрее. Шов в мешочке расходился все больше и больше.

— А-а! Так ты боишься чепухи? Но ведь все ее боятся, верно? Вот почему они называют ее чепухой. И вот почему она так часто появляется в величии своей непосредственности и непреложности ко всему прочему; я бы даже сказал, что она возникает во всем великолепии своей восхитительной доказуемости, хотя эти качества постигаются людьми гораздо позже — после того как создается механизм восприятия.

Они объяснили мне это очень подробно: сначала мы имеем объект перцепции, который всегда появляется первым и может принимать любую форму и образ — сверчка, бумеранга, трех апельсинов или хорошего юмора у друзей. А поскольку таким объектом может оказаться все что угодно, мне бы не хотелось быть исчерпывающим в этом вопросе. Главное, что объект перцепции возникает первым.

Потом, когда восприятие зависает на какой-то миллиметр наносекунды, чтобы проявить себя вполне определенной гранью сознания, что-то в нас приходит в готовность и улавливает это зависшее восприятие. Некоторые даже говорят, что перцепция сама по себе себе расщепляется на две противоположные части — объект перцепции и того, кто этот объект воспринимает, то есть сам, по-научному, перцептор.

— В этом перцепторе есть что-то римское, правда?

Я не обращал внимания на болтовню мешка, и мне больше не хотелось смотреть на усеченные конусы. Даже без встречи с ними я знал, что между нами не может быть ничего общего. В тот миг мне грезилось что-то похожее на пухлое, набитое ватой кресло. Я осмотрелся в поисках мягкой и удобной концепции, желательно с полосками и прочным остовом, чтобы

она подольше стояла на своих маленьких ножках и не опрокидывалась слишком быстро.

А ведь то, о чем они говорят, действительно происходит: сначала возникает перцепция, потом она делится на объект и субъект восприятия, а затем на земле появляются цветы, или мы присутствуем при рождении блюза. Нет, вы можете хихикать, если хотите, но уверяю вас, тут совсем не до смеха. Давайте рассмотрим этот вопрос дальше. Допустим, мои глаза сейчас закрыты, потому что я ничего не вижу — соответственно ни одна из этих вещей не появляется. А потом они внезапно вспыхивают, и мне приходится вертеться как белке в колесе, чтобы запретить и сдержать их бег. Но что я могу поделаться с алюминиевым патронташем, или бронированной самоходкой, или этой яйцеобразной волной, которая набегает спереди? Такие вещи всегда возникают неожиданно, поскольку перцепции редко приходят поодиночке; они смешиваются друг с другом и создают многоуровневые перцепторы, то есть вас, меня и ее.

На этом разговор, конечно, не закончился, но я был им сыт по горло. Фактически у меня появилась такая перцепция, что я и так уже слишком много знаю и что мне пора понемногу о чем-то забывать. Для начала мне захотелось забыть о Джордже, но я не учел его коробок — этих отвратительных вещей, которые рябили своими полосками и протуберанцами, то ускользя, то появляясь у нас перед глазами; они были до странности неуловимыми и в чем-то даже волнообразными, и их неумолимое возникновение намекало на то ужасное и фатальное, что скрывалось за ними впереди. Ну вот, еще одна фраза уплыла, вытягивая во все стороны свои маленькие шупальца и стараясь зацепиться за любое слово, которое могло бы вернуть ее в безопасную гавань. По крайней мере, она пыталась стать идеей, идеей о коробках — этих всевозможных контейнерах для материальных вещей и вместилищах невыразимого и непознанного.

Хотя, насколько я знаю, коробки еще не породили ни одной материальной вещи. И мне кажется, мы можем этому только радоваться.

— Совершенно верно. Диалог из мешка с диалогом — это довольно скверно.

Из мешочка текло все сильнее.

— Ты чертовски прав. Течь становится все больше, и я должен сказать тебе, что ты глух как пробка, если не слышишь фальши в том хоре, который поет сейчас в твои уши.

Мне удалось завязать узелок в уголке мешка и тем самым остановить на какое-то время этот нараставший поток слов.

Хуже всего было то, что в них имелся какой-то здравый смысл. А что может быть хуже слов, которые, как нам кажется, содержат здравый смысл, верно? Ладно, мы все знаем ответ на этот вопрос, но каждый из нас обычно уклоняется от него в сторону, поскольку это не требует почти никаких усилий.

Да, конечно, у меня есть свои слабости и недостатки, но я действительно не ожидал, что дойду до ручки. Поэтому я выражаю огромную благодарность доктору и всем работникам нашей клиники. Вы сделали меня более чем спокойным. Я знаю, вам потребовалось войти в мою галлюцинацию, чтобы обезвредить ее для меня. И теперь, благодаря вашей дружеской поддержке, я могу вынести любую тарабарщину о коробках, конусах и море в лучах багрового заката.

Мне сказали, что один из ваших сотрудников называет это пусканием слюней. Или, возможно, он только подразумевает это. Должен признать, что подобная терминология не вызывает большого восторга, но вы и сами понимаете, что я имею в виду.

Помнится, еще до того, как меня сюда привезли, я жил в совершенно другом месте. Там было много хороших людей — Задница, Макс и дядя Гарри*. Приятно вспомнить их милые лица. Я ведь до сих пор скучаю по неуловимой и двусмысленной улыбке дяди Гарри, когда он думал, что я на него не смотрю. И еще мне нравились его ботинки. Память возвращала все это кусок за куском. И даже старину Эрика. Я думаю, он удивился не меньше нас, когда понял, что пистолет оказался заряженным. Конечно, в тот момент он немного вышел из себя, и тут его, как назло, подхватила волна яванской революции. А незадолго до этого его бросила Лил, которая улетела в Шанхай, чтобы открыть Красного Петуха.

В те дни они плавали на старинных парусных судах. Да вы и сами, наверное, помните — их еще называли подкладными суднами. Типичный пример помрачения некоторых белых людей. Мне кажется, они даже не слышали о мешочках с диалогом. Хотя в этих людях было что-то серьезное и трогательное — какой-то, знаете, тонкий намек на сомнение. Впрочем, не думаю, что вам понятен смысл моих последних слов, потому что я и сам ничего не понял. Прямо как свист во тьме. Ах, если бы я мог разорвать все это в клочья! Выдрать из уст свой красный, так сказать, кровоточащий язык. Может быть, кто-то хочет что-нибудь добавить?

* Имеются в виду персонажи какого-то фильма. Я его видел, но забыл название (что-то похожее на «Шанхайскую лилию»). Главную роль исполняла Мэй Уэст. Чуть позже наш псих к ней вернется. (Примеч. авт.)

Усеченные конусы появились здесь задолго до коробок. Хотя, на мой взгляд, мы можем подвергнуть это утверждение большому сомнению. Где-то же мы должны начать сомневаться, верно? Обычно мы начинаем это в невинном возрасте, когда усеченные конусы еще не знают своих настоящих имен и считают нормальным явлением, что их всех раскрашивают в синий цвет. Наверное, вам кажется, что я вожу эту тему по кругу, но вы бы тоже так поступали, если бы обстоятельства вашей жизни издавались в такую чуждую эпоху, как моя.

— Кто-то здесь начинает терять над собой контроль.

Это лилось из шва в мешке с диалогом.

— Заткнись. Мы пытаемся пройти дальше. Мимо этих усеченных конусов. Поэтому лучше не создавай нам лишних трудностей.

Фраза потеряла равновесие, склонилась вправо, и рычаг весов качнулся вниз, словно в самом страшном кошмаре Эйфеля. Да-да, я знаю. Я обещал больше не упоминать об Эйфеле, а сам снова принимаюсь за старое. Но что уж тут сделаешь; мы простые обычные люди, верно?

В конце концов Джорджу удалось вернуть коробки в комнату. Это потребовало напряженных усилий и толчков, потому что некоторые из коробок оказались более крупными, чем он их помнил. Сначала ему подумалось, что они подросли за время его отсутствия, но потом Джордж понял всю абсурдность подобного предположения. Конечно, их мог подменить кто-то другой, однако и эта догадка прошла мимо цели, поскольку тут не было ничего, кроме Джорджа и его воспоминаний о безымянном рассказчике, который пытался сделать с ним что-то ужасное. К сожалению, Джордж не помнил, что именно хотел сделать рассказчик, потому что здесь всегда происходили какие-то новые катастрофы, заставлявшие нас забывать о прошлых бедах и несчастьях. Прямо как сейчас.

Не успел Джордж втащить все коробки в комнату, как вернулся тот мужчина, который называл себя Мандрагорой.

— Все втащил?

— Да, Мандрагора.

— Я так думаю, что с некоторыми пришлось повозиться, верно?

— Да, Мандрагора.

— Но ты снова справился с этим?

— Да, Мандрагора.

Этот Мандрагора выглядел высоким, сильным и местами гладко выбритым человеком. Сохраняя уникальность, он вполне соответствовал своему образу.

С этими новыми людьми всегда происходит одно и то же: в первую минуту вы считаете их просто непостижимыми, а уже в следующий момент вам кажется, что они всегда были рядом. То же самое случилось и с Мандрагорой. Хотя на самом деле его звали по-другому. Однако мы не можем использовать здесь настоящего имени Мандрагоры, поскольку он прибыл к нам из провинции Забой того самого государства, которое граничит с другими странами. Давайте назовем это государство буквой Y, хотя вы, конечно, понимаете, какую страну я имею в виду. Но на всякий случай запомните, ее название не начинается с Y. Это послужит вам хорошей подсказкой.

Если говорить о жизни в Y — или в L, как эту страну называли ее обитатели, — то она шла тихо и спокойно. Провинция Запой находилась у черта на куличках, то есть дальше всех от Бога и Парижа. Между прочим, ее всегда не принимали в расчет, вплоть до самого окончательного упадка.

Это была настоящая провинциальная глубинка. В некоторых деревнях там все еще носили хвостовые перчики и полосатые гетры. Мужчины по-прежнему охотились с самострелами, а одежды деревенских музыкантов играли оттенками подпаленной туалетной бумаги. Но вы и не могли ожидать от такого места каких-то тонкостей и причуд большого города.

И, конечно же, поэт Дж. их не ожидал. Еще он не ожидал окончания дождя. Он знал, что дождь иногда кончается, но зачем же этого ждать, скажите мне на милость? Поэт наслаждался завтраком в кругу семьи своих хозяев. В этот мертвый сезон он оказался единственным жильцом в отеле «Га фон Ович», поскольку другие туристы разъехались в места, где для них нашлись сезоны поживее. Вы хотите знать, куда именно? Ну хотя бы за границу в Лысоккрикию, чтобы покататься на лыжах по горам бумаг; или на юг в Грандсливию, где наряду с яблочными пирогами наблюдался разгар рогового пения.

Такое положение дел вполне устраивало Дж., потому что он искал покой и уединение — конечно, не в буквальном смысле слова, но так, чтобы сделать из этого историю. Плотно позавтракав, поэт вышел на небольшую террасу, которая возвышалась над крокетным двором и фронтоном карцера. Он посасывал кофе а-ля-дуй-надуй и слушал болтовню попугаев — вернее, тех больших многоцветных птиц в крохотных галошах, которых Дж. принимал за попугаев. Во всяком случае, обувь на них была местного производства.

Мне кажется, я уже упоминал о том, что деревня располагалась на пунктирной линии между секторами. Это обычно никому не приносило вреда, но иногда природа вела себя

неприлично и откалывала всякие фортели. Вы могли случайно наткнуться на блуждавший легион римской пехоты, и, если вам в тот день нечем было заняться, вас просили отвести их обратно к границе. На такие вещи тут никто не обращал внимания. И вообще, потрясение — это красивая одежда, под которой вы скрываете безысходность. Извините меня, но доктор говорит, что пора принимать таблетки. Этот секвестр мы закончим в следующий раз, и тогда, Джордж, я кое-чем тебя удивлю.

Джордж сел на краешек стула. Это потребовало невероятных усилий, потому что ему попался не тот краешек. Он закрыл коробку и отложил ее в сторону.

Его взгляд перешел на дверь, и Джордж отметил, что на ней не было никаких ручек. Более того, эта дверь не открывалась. Он снова сел на стул, осмотрелся вокруг и только теперь заметил женщину, которая сидела напротив него. Ей было не больше пятидесяти — то есть двадцать, тридцать или сорок лет; и в соответствии с возрастом ее волосы можно было назвать белокурыми или седыми.

Джордж напрасно пытался успокоить себя этими наблюдениями. Он знал, что скоро наступит его очередь. Ему захотелось еще раз потолкать дверь, но он сдержался, понимая, что за такой короткий срок больших изменений в этом направлении не произойдет.

Женщина больше походила на девушку, чем на пожилую даму, и поэтому Джордж нашел ее присутствие уместным. Она не сводила глаз с другой двери — той самой двери, через которую вышел полицейский. Джордж вспомнил, что, когда тот резко захлопнул ее за собой, он явственно услышал тихий щелчок замка.

И снова две двери: одна, через которую вошел Джордж, и другая, за которой стоял полицейский. Как много в этом было смысла и определенности. Джордж задумчиво опустил голову и внезапно заметил коробку, которую он держал на своих коленях.

А ведь ему казалось, что он избавился от них. Скорее всего эта коробка осталась у него случайно. Видимо, он прихватил ее с собой по старой привычке, а остальные у него купил какой-то толстяк в тяжелых галошах или в десантных сапогах, как они их еще называли. Хотя нет, коробки у него забрал кто-то другой. Джордж решил, что ему лучше пока об этом не думать. Он совсем запутался, но не потому, что все так случилось. Наоборот, все, что случилось, казалось достаточно простым и ясным. Его сбили с толку два предыдущих дня, события которых открыли ему вид на более спокойные времена.

К утру сон начинает растворяться. Вы уходите из мира сновидений, который лишь миг назад считался вашей законной территорией, и реальность снов расплзается в стороны от проблесков другого, более жесткого мира. Вы начинаете понимать, хотя и не совсем уверенно, что есть более чем одна реальность. А сон угасает, и с первыми мыслями, чувствами и желаниями к вам приходит осознание того, что от вас забирают эту милую и уютную страну чудесных грез.

А что вы получаете вместо нее? Перед тем как вам вспомнится ваша реальная ситуация, существует мгновение, в которое вы всматриваетесь как постороннее лицо — как тот, кто никогда раньше ни о чем подобном не слышал.

В этот миг вы рассматриваете свою жизнь как что-то далекое и невыразимо чуждое. Но потом на вас обрушивается полноводный поток сознания, вы пробуждаетесь и вновь находите себя тем, кем вы были вчера и, возможно, много-много дней назад. Да, это ваша личная жизнь, но она почему-то не кажется лично вашей. В ней есть оттенок чего-то временного и экспериментального. А затем вас накрывает какая-то плечатая звериная кожа, вы становитесь живым и дышащим существом, и уже перед самым пробуждением вам дается крохотное мгновение свободы, в котором вы еще не тот, но уже и не этот. И тогда вам приходится брать под контроль свою жизнь, которая мчится, как скорый поезд, по бесчисленным рельсам огромной сортировочной станции. Вы несетесь вперед в самом первом вагоне, и порою вам хочется остановиться, отъехать назад, но у вас нет выбора, потому что рельсы возникают перед вами слишком быстро; и нет времени подумать о том, как перебраться на другой путь по соседним стрелкам.

Однако там, в неуловимо тонкий момент пробуждения, у вас есть возможность изменить эту метафору и разобраться с клубком, в который сплелись мириады жизненных нитей.

Люди тратят годы, пытаясь уловить этот миг. Но большую часть времени они не помнят того, что искали. Вы чувствуете, что какой-то выход есть; вы знаете, что он в вас самих; и вы снова делаете попытку за попыткой.

Такие усилия почти не связаны с ясностью сознания. Если появляется ясность, значит, все уже погрязло во тьме. Силы драматургии не позволяют вам уловить тех интриг, в которые вы вовлечены. Вам не дано заглядывать вперед, и вы хотите этого только потому, что под вашим носом не возникает никаких осмысленных действий.

Вот о чем думал Джордж, когда в замке раздался скрип ключа и он услышал веселый голос надзирателя Тома:

— Проснись и вставай, сияя пред ликом нового дня!

Том действительно был хорошим человеком — веселым и даже, можно сказать, ироничным. Зная о его тонком и остром уме, оставалось лишь удивляться игре природы, которая наделила этого парня обычным черепом, а не маленькой коробочкой для иголок. Открыв дверь камеры, Том вошел внутрь, и Джордж еще раз отметил, что кобура на поясе надзирателя была пуста. Поговаривали, будто внутренней охране специально запрещали носить оружие, чтобы оно не попало ненароком в руки какого-нибудь обезумевшего заключенного.

Впрочем, Джордж и не думал нападать на Тома. Сама мысль об этом казалась ему абсурдной и недостойной обсуждения. Большой и мощный Том мог бы стать образцом для любого атлета, в то время как Джордж зачах и поник под бременем тюремного срока. Да, миазмы заключения проявляются не сразу, но, отсидев в камере несколько лет, вы в конце концов начинаете чувствовать их тлетворное влияние.

— Как мы тут сегодня себя ведем? — спросил Том, приступая к этапам ежедневной проверки.

Он проворно обошел комнату и достал из большого кармана рапортничку, к которой на истертом шнурке крепился маленький карандаш. В рапортничке лежало несколько отпечатанных листков, где после записей и таблиц виднелись плоские коробочки печатей. Как-то раз Джордж ухитрился заглянуть в бумаги Тома, но ему не удалось прочитать там ни строчки, так как текст был написан на странном и незнакомом языке. Буквы казались абсолютно теми же, однако Джордж никогда не слышал таких слов, как меяне-мвен нейарк, поэтому он до сих пор не знал о том, что же искал в его камере Том.

Тем не менее он мог беспрепятственно наблюдать за тем, что делал надзиратель. Тот прошелся по комнате, простучал в нескольких местах стены, проверил тумбочку, повертел в руках стул, а потом зачем-то подергал остов кровати. Подойдя к раковине, Том тщательно исследовал водопроводный кран и поковырял пальцем краску на сливной трубе. После каждого из этих действий он ставил в рапортничке галочки.

Когда надзиратель закончил осмотр, Джордж сделал свой первый вывод — первый за этот день.

Доходя до конца списка, Том начинал действовать медленно, с какой-то скрытой неохотой, и Джордж чувствовал, что Том не хотел этого конца, не хотел перехода к следующей стадии, которую он, возможно, не одобрял и считал негуманной. Хотя в равной степени возможно, что он одобрял ее целиком, и его притворное нежелание имело целью вытянуть

из заключенного изменнические заявления. Они еще и не на такое были способны, эти черти-надзиратели.

— Так, место, кажется, в порядке, — произнес Том. — Теперь давай возьмемся за тебя.

Этого Джордж и боялся.

— За меня? — спросил он, поднимая брови и разыгрывая наивную неосведомленность, хотя никто не поверил бы, будто он не знал ни о чем подобном, на что, казалось бы, намекало его удивленное выражение лица, подчеркнутое едва заметным пожатием плеч и слегка озадаченным изгибом рта.

— Однажды мы уже имели тут проблемы с Вентиллем, — ответил Том. — Но теперь это в прошлом. Сейчас нас интересует только одно — как долго ты еще будешь здесь оставаться?

— Мне это и самому интересно, — скромно произнес Джордж, хотя на самом деле его не интересовали такие вещи.

— Ладно, мы оставляем это на твое усмотрение, — сказал Том. — Я полагаю, ты знаешь, что мы имеем в виду.

— Да, конечно, — ответил Джордж.

Он знал, что Том лжет. Срок заключения в таких местах абсолютно не зависел от желания узников. Эти ловкачи лишь притворялись, что вопрос о выходе из тюрьмы оставлен на усмотрение Джорджа. Возлагая на заключенных груз подобного решения, они тем самым получали возможность еще на один оборот завинтить колпачок, еще на дюйм повернуть свое сверло, надавить, размазать и расплющить. «Что же вы тут сидите, ребята? О вас давно позаботился розовый фламинго!»

Конечно, Джордж не стал говорить этого вслух. У него еще оставались кое-какие ресурсы — несколько мест, куда не могли добраться надзиратели и попечители; несколько убежищ, о которых никто не подозревал.

— Вот смотри, — сказал Том.

Он вытащил из кармана ключи и бросил их к ногам Джорджа.

— Теперь все зависит от тебя.

Том повернулся и вышел, оставив дверь камеры открытой. Какая беспечность!

Или это так только казалось? Маленькое шоу в наивное доверие могло оказаться одним из их возмутительных трюков. Да, они оставили дверь открытой. Но что произойдет, если вы переступите через порог? Джордж не имел ни малейшего намерения выяснять ответ на этот вопрос.

Он знал лишь то, что полагалось знать заключенному: тюрьма — это маленькое государство, доступное даже для французов; здесь имелось почти все, хотя и в неявной форме.

Власть вела себя как и везде, то есть скрывала, запрещала и разобщиала. Ни один узник никогда не видел других заключенных, и каждому из них внушалась остроумная идея, что огромная тюрьма, с большим штатом тюремщиков и непрерывным шумом круглосуточной деятельности, была создана только для него одного. Тем не менее в такую откровенную ложь не верил никто, даже Джордж — наивный, нормальный и здравомыслящий человек.

Ему показалось, что наступил вечер. Тюремные камеры имели скрытую систему освещения, которая воспроизводила день и ночь, а также множество таких тонких и эмоциональных оттенков, как сумерки, заря или вечерняя песня. Власти бесстыдно манипулировали освещением, иногда по несколько суток оставляя включенным дневной свет или, наоборот, меняя день и ночь через получасовые интервалы. Они намеренно вводили узников в заблуждение, и, как вы сами понимаете, этот хаос приводил к другим, более серьезным последствиям. Джорджа немного тревожило, что, уходя, надзиратель не сказал ему, какому распорядку надлежало следовать — дневному или ночному. Поговаривали, что некоторые надзиратели тоже были заключенными и что именно их наказывали этой капризной сменой дней и ночей, хотя, конечно, доставалось и официальным узникам, которые спали в камерах. К сожалению, проверить подобные сведения не представлялось возможным, потому что они предусматривали все — те, кто стоял за руководством тюрьмы.

Уже за одно это их можно было бы презирать, но день за днем и год за годом вам внушали мысль, что они ничего не знают. А небольшая путаница — это очень опасная вещь. Хотя порой она позволяет избегать еще более опасных ситуаций.

Тут я, конечно, должен описать вам контору по распределению участков. Она находилась в небольшом сборном домишке из гофрированного железа — в одном из тех неказистых строений, дюжина которых или около того была разбросана по голый и унылой равнине. Вдали, почти у самого горизонта, долину со всех сторон окружали горы. Однако они выглядели такими же низкими и неинтересными, как тот дом, к которому привела меня Майра.

— Ты действительно считаешь, что это хорошая идея? — спросила она, сжимая мою ладонь.

Мне даже не хотелось отвечать. В тот момент это казалось само собой разумеющимся. Я взглянул на нее и сказал:

— Мы должны уехать отсюда, уехать в другое место. Быть может, пав на новое место, мы тоже станем новыми, понимаешь?

Что-то мне тут уже не нравится. И вообще, земельная контора может подождать. Все, что нам сейчас надо, так это немного выпить. Нет, даже не так. Нам надо выпить, чтобы придать нашей ситуации более гуманный вид и тем самым ее огуmanoидить, то есть, я хотел сказать, очеловечить. По крайней мере, приятно знать, что эта внепланетная авантюра была лишь пробным шаром, и мы всегда можем вернуться назад, на старую добрую Землю.

Хотя сначала надо придумать пароль. Допустим, **ВНЕПЛАНЕТНЫЙ КОСЯК**. Итак, мы подходим, заглядываем в открытую дверь...

— Эй, заходите, ребята, — раздался изнутри веселый голос.

Майра и я обменялись взглядами. Тем не менее мы вошли — она первая, а я за ней следом. Мы даже не знали, чего ожидать. Да и откуда нам это было знать, если мы прилетели на Антиопу только пару часов назад? А эта планета, между прочим, здорово отличалась от того, что нам показывали на афишах, брошюрах и мимеографических позиционных картах. Она даже не походила на документальный фильм, отснятый Внепланетными Производителями.

Бармен оказался большим и дородным мужчиной. Некоторые из его дородностей уже подходили к стадии родов, и оставалось надеяться, что этот процесс не затянется на всю жизнь, как у многих других представителей мужского пола. Облик завершали тонкие губы, плоский нос, отдавленный катком, и красная тенниска с эмблемой Внепланетных Застройщиков. Что касается бара, то он выглядел нормально — по крайней мере, футов на пятнадцать в длину, а возможно, и больше. Мы там были единственными людьми. Пока, как вы сами понимаете.

— Зовите меня Томом, — сказал бармен. — Я отставной моряк; до этого выступал с животными в цирке. В жизни мне пришлось заниматься многим, но теперь я работаю барменом в колонии номер один. Что-нибудь хотите заказать?

Каждый из нас заказал пиво — самого простого, без особенностей и прикрас. Мы уже давно ушли на Земле от всяких там вывертов и деликатесов. И мы гордились тем, что не засоряли себе умы дюжиной марок и сортов пива. Наверное, Том понял наше стремление к простоте. Он взял два бокала, сполоснул их и наполнил из неприметного безымянного крана. Поставив пиво прямо перед нами, он подмигнул мне и тихо спросил:

— Только что прилетели, верно?

— Да, — ответила Майра. — Мы прилетели на корабле «Судья Джефферсон». Решили, знаете ли, присмотреться к вашей планете.

— О! У нас тут прекрасный маленький мир, — сказал Том. — Жаль, что к нам еще не импортируют тайны. Представляете, как сюда повалит народ, когда они у нас появятся.

— Какие тайны? — спросил я его.

Том растерянно взглянул на меня, взял в руки швабру и начал яростно натирать стойку, на которой, между прочим, не было ни одного пятна.

— Скоро вы и сами об этом узнаете, — ответил он. — Вам уже нашли кроватные места?

— На корабле нам сказали, что для нас бронированы номера в гостинице.

— Наверное, немного преувеличили, — ответил Том. — Гостиницы у нас еще не построили. А броню мы используем только для танков.

— Где же нам тогда остановиться?

— Тут неподалеку есть флигель для гостей, — сказал бармен. — На дальнем конце посадочной площадки. Не бойтесь, вы его ни с чем не спутаете. Там вам дадут еду, белье и таблетки. Или вы хотите пообедать здесь? Я вам сделаю такие гамбургеры с кетчупом, что вы пальчики оближете.

— Прямо домашняя еда! — восторженно воскликнула Майра.

— Да, так оно и есть, — скромно отозвался Том. — Значит, делаете заказ?

— Не сейчас, — сказал я. — Как думаешь, Майра?

— Думаю, нам лучше вернуться на корабль, — ответила она.

— Как? Уже пора возвращаться?

Я взглянул на Майру, и на ее лице появилось то самое выражение. Вздернутый подбородок стал ответом на мой вопрос.

И тогда я решил написать заявление о переходе в другую палату.

Однако сейчас не время для всего этого диалога. Мешочек протекает; охранник Том только того и ждет, чтобы поймать меня при попытке к бегству. Помните, как сказал Беккет — они платят мне за это, и потому приходят сюда каждый день, чтобы забирать страницы. Да, слова продолжали приходить каждый день. Я почти уже не сомневаюсь в том, что порождаю их своим воображением. Но зачем? Я даже не прошу вас об уточнении; это просто любопытство. А что зачем? Все вокруг

замерло, ожидая благодати уточнения. Ибо в ней обреталась соль знания — соль и перцепция. И оркестр наигрывал вальс.

Тихий поток. Под взмахами дюжины весел гордый корабль викингов мчался вперед. Полумесяц корпуса; щиты, висевшие по бокам; и один большой парус. А что там нацарапано внизу? «Здесь был Эрик».

Да, добро пожаловать на новую планету. Мы хотим, чтобы она стала вашим домом, и от всей души заверяем вас, что вскоре этот кусок бесплодной земли наполнится яркими воспоминаниями, которые будут иметь для вас особое значение. Но сначала давайте зайдем в земельную контору и обсудим наши дела.

А в это время тюрьма переживала стадию переименования, поскольку прежнее название оказалось мертворожденным. Ужасная неразбериха со сменами дней и ночей служила явным доказательством тех травм, с которых сдернули покрывало. Мы насчитали двадцать одну пулеметную турель, но где-то за ними могли скрываться и другие очаги поражения.

Когда Джорджа вывели во двор, ему выкрутили руки за спину и надели наручники. Один из охранников нес словесный мешок, который в протоколах допроса значился как предательский мешочек.

Этот охранник был сравнительно молод, и, судя по его виду, ему не очень нравилась такая работа. Если кто-то тогда и подумал, что невозможно представить себе молодого охранника с частично надутым словесным мешком на кожаной подушечке, то они об этом ничего не сказали. По крайней мере, в тот раз. И поверьте, это не ускользнуло бы от внимания мыслительной полиции, которая несла свое обычное, но пристальное наблюдение за произвольным выделением мыслей. Вполне возможно, что кожаная подушечка предназначалась для того, чтобы молодой надзиратель не держал словесный мешочек в руках.

Описатель ссути почти не смывается с одежды. Во всяком случае, Джордж нашел это невозможным. Его тунику, когда-то белую как снег, теперь покрывали пятна прилагательных. Позорных прилагательных. От одежды шел резкий запах описателя. И в тот момент он был бессилен что-либо сделать. Расщепители запаха по-прежнему находились на складе в столице. И никто бы не стал тащить их сюда — в городишко О провинции Б де ла Лся, где располагалась тюрьма.

— Скажите, эта тюрьма какого типа? — спросил Джордж у одного из охранников.

— Это образцово-показательная тюрьма, — ответил тот.

Джордж и виду не подал, что расслышал его слова. В то время он практиковался в глухоте — вернее, во внутренней глухоте или, лучше сказать, невосприимчивости. Он намеренно отключал определенную часть себя — ту самую, которая боялась нищеты, тяжелых испытаний, скуки и плохих фильмов. Но сейчас, когда эта часть подогнула от страха большие пальцы на ногах, Джордж сказал себе: «О Боже, только не образцово-показательная тюрьма. Не знаю, вынесу ли я это...»

А потом они вошли в здание, и его худшие предположения оправдались. Здесь в большом зале за толстым стеклом он увидел макет геройского форта Тикондерога. На верхних этажах стояли и лежали маленькие оловянные солдаты с крохотными мушкетерами. Ниже располагались английские солдаты, а рядом висели репродукции с батальными сценами американской революции.

— Вот наши образцы, которые мы показываем в тюрьме, — сказал охранник.

Джордж кивнул.

— Вам понравилось?

— Нормально, — ответил Джордж невыразительным тоном.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что все нормально, — повторил Джордж, добавив новые полутона и гармоник.

— Возможно, вам захочется построить несколько образцов самому, — произнес охранник. — Сидеть-то придется долго.

На первый взгляд он говорил безобидные слова, но в его голосе чувствовалась неуместная настойчивость и полусексуальная дрожь, изобличавшая непристойные помыслы.

— Я подумаю над этим, — ответил Джордж.

Он старался не сердить надзирателя и специально придерживался дипломатического тона, надеясь, что молодой охранник не заметит лжи в его словах. Джордж уже решил, что пусть его лучше отнесут в ад в ручной корзинке, чем он сделает какую-нибудь модель.

— Вот-вот, подумайте. Хорошо подумайте! — произнес охранник. — А теперь взгляните на этот макет.

То была экспозиция последнего штурма Трои. Внутри классического древнего города располагались деревянные домики, уменьшенные до одной двадцатой части от реальных размеров.

На переднем плане сражались Гектор, Ахиллес, Одиссей, Приам и Гекуба. В углу, обратив свои слепые очи к небу, стоял сам Гомер.

— Как прекрасно, — уныло произнес Джордж.

Неужели это издевательство никогда не кончится? Он осмотрел тюремные стены, и внезапно его пронзила навывлет ужасная мысль.

— А эта тюрьма? Она тоже уменьшена по размерам?

— В масштабе девять к десяти, — гордо ответил охранник. — Простая техническая формальность. Хотя благодаря этому наше учреждение и квалифицируется как образцово-показательная тюрьма.

— То есть вам приходится создавать образцы всех заключенных? — с ужасом спросил Джордж.

Надзиратель перестал улыбаться, и Джордж уловил за его блестящими контактными линзами что-то чужеродное и малопривлекательное. Охранник тут же отвел взгляд, и они, свернув за угол, прошли под опускающей решеткой во внутренний дворик.

— Кажется, я уже видел этот дворик во сне, — сказал Джордж.

В такие тяжелые моменты легкомыслие — это все. И даже если не совсем все, то очень многое.

— Перед тем как поспать, я журчу на кровать, — запел словесный мешок.

Слова снова потекли из порванного шва, и эту течь не могли заклеить даже самые опытные из охранников, к чьим рукам прилипало все, вплоть до последних рубашек заключенных. Шов не сжимался, напоминая одну из тех постоянно кровоточащих ран, которые называются смоделированными учебными пособиями.

— Потерпи, парень, — сказал охранник. — Мы почти пришли.

Неужели на его крупном продолговатом лице промелькнула жалость? Впрочем, даже худшие из людей иногда могли чувствовать... что-то другое. Теперь они шли по главному проходу мимо камер с их цепями, узниками и темными углами, где пряталось все, что только вызывало отвращение. Джордж вспомнил, что похожая история случилась с ним несколько лет назад. В то время его дядя Шеп был еще жив — дядя Шеп, с серой развоенной бородой и в старой морской фуражке; Шеп, который, казалось, везде нес с собою свет вплоть до того рокового вечера в июне, когда Эстер, признанная всеми погибшей вот уже пять лет, внезапно открыла дверь своей спальни, и...

— Вот твоя камера, — сказал охранник, оборвав те краткие воспоминания, которые я, между прочим, и не собирался вспоминать.

Джордж осмотрелся, оценивая каждую деталь, а затем произвел стопроцентную уценку, поскольку камера выглядела

так, будто он отсидел здесь целую вечность. Да и какой смысл ему было привыкать к каким-то деталям?

Охранник осторожно положил словесный мешочек на пол. Хотя нет, к чему нам разводиться кисельные реки? Он брезгливо швырнул мешок на пыльный пол, а следом за ним и кожаную подушку, поскольку она, судя по выражению его лица, тоже пострадала от описателя ссуги. И верно, кожаная подушечка стала теперь выглядеть более ярко и живописанно. На ней появился причудливый узор, расплзшийся по поверхности загадочными изгибами. Возле полосатых татуировок, наколотых иголкой, появились желтоватые разводы, которые напоминали о вечных ценностях, воздержании и терпении. Кроме того, от подушки исходил сладкий запах бальзама, которого прежде, насколько помнится, не было.

— Ладно, спасибо вам за заботу, — сказал Джордж, потому что все охранники, собравшись у двери, уставились на него с теми гнусными ухмылочками, от которых моему ботинку хочется заехать в ваше лицо, хе-хе-хе.

Не бойтесь, господа, это я шучу. А где мы с вами остановились? Ах да! Они стояли там, словно ожидая финала — возможно, признания в преступлении, которое привело его в тюрьму. Впрочем, они могли ожидать и чего-нибудь другого. Трудно судить о чем-то конкретном по выражению лиц — тем более если имеешь дело с такими невыразительными людьми, как надзиратели.

И тут в город въехала бронированная автоколонна. Джордж, прилетевший сюда накануне, стоял на широком крыльце из буробетона и смотрел на подъезжавший свинцовый седан, в котором везли именитого пришельца. Судя по маленькой голове, заостренным ушам и большим светящимся глазам, альфонц был мужской особью. Он дружески болтал с пожилым человеком, который сидел рядом с ним на заднем сиденье и время от времени поправлял на голове высокий цилиндр. Такие цилиндры вошли в моду среди политиков почти одновременно с появлением первых альфонцев. Хотя нет, их начали носить уже после того, как альфонцы высадились на Землю и оповестили людей о своем существовании.

Впереди бронированной автоколонны на собственной машине с полицейским эскортом ехал агитатор — человек, выбивавший из публики правильный отклик. В своем кашемировом камзоле и яркой шелковой накидке он выглядел преуспевающим и вполне довольным собой. Простой народ из принципа ненавидел тех, кто работал на альфонских тварей. Но агитаторов обычно уважали. Горожане знали, что человек, сделавший себе в эти дни состояние, через какое-то время

получит большие права. И ссориться с такими людьми никому не хотелось.

— Ладно, ребята, — закричал агитатор, — когда седан альфонца поравняется с вами, вы должны изобразить восторг и большую радость. Следите за моим сигналом, и чтобы никаких фокусов.

— А что мы за это будем иметь? — спросил его из толпы суровый крутоплечий мужчина, которому можно было дать и двадцать, и пятьдесят лет.

— Деньги, — ответил агитатор. — За каждым из вас будут следить мои помощники, и те, кто будут радоваться с большим энтузиазмом, получат неплохую награду.

Толпа выглядела угрюмой и неубежденной. Агитатор смело прошелся среди людей, осматривая лица. Его яркий плащ хлестал на ветру о кашемировый камзол; фигура и особенно лицо были чуть больше настоящего размера, а кожа казалась слишком уж загорелой.

— Не надо так морщиться, ребята, — закричал агитатор. — Вам не хуже меня известно, что альфонцы наши друзья. Что бы мы без них делали?

— Занимались бы своими делами, — отозвался голос из толпы.

— И какими же такими делами? У нас не осталось почти никаких природных ресурсов. Если бы не появление альфонцев, мы бы исчерпали бизнес, обнищали и подошли от голода. Может быть, среди вас есть такие, кто хочет немного погодать?

Он осмотрел толпу, бросая вызов любому возможному оппоненту. Под напором его взгляда люди отступали на шаг. Они знали, что агитатор является простым городским чиновником, но в его поведении чувствовалась какая-то дикость, какое-то беззаконие. По крайней мере, в тот момент он пас толпу, как стадо овец.

Джордж стоял на крыльце и безучастно следил за ходом событий. Он увидел, как свинцовый «лимуз» подъехал к толпе. Агитатор махнул рукой, и толпа разразилась жидкими аплодисментами. Альфонец либо ничего не заметил, либо не подал виду, что его задело подобное пренебрежение к своей персоне. «Лимуз» быстро скрылся из виду; агитатор и его помощники наградили тех, кто проявил казенный восторг; а затем их группа вернулась в машину, и они умчались, оставив за собой эту бесполезную теперь толпу, которая все еще не хотела расходиться.

— Вы видели этого альфонца? — спросила Джорджа довольно полная женщина.

Джордж кивнул. Его лицо ничего не выражало. Казалось, он один в этом городе не находился под впечатлением от увиденного.

— Какой позор, что они позволяют этим чужакам разъезжать вокруг, как им хочется, — сказала женщина. — Я слышала, они похищают наших людей в свои большие космические корабли. Почему мы не можем потребовать их обратно?

— Это выше моего понимания, — ответил Джордж, пожмая плечами.

Разве он мог объяснить ей то, что происходило на самом деле? Даже правительство не было готово открыть людям правду. Но Джордж знал все — он и несколько других отважных смельчаков. Остальные только догадывались. Хотя догадаться об этом было не трудно.

— Вы не могли бы помочь мне найти улицу Ашуна? — спросил он у женщины.

— Пройдите два квартала вперед, а затем сверните направо. Хотя, на мой взгляд, они зря называют наши улицы их гадкими именами.

— Это акт дружбы, — ответил Джордж. — Я слышал, что чужаки в обмен на такую любезность назвали один из своих проспектов авеню Милки Вей.

— Милки Вей? Вы имеете в виду Млечный Путь? А какое это имеет к нам отношение?

— Так называют нашу галактику. И они говорят, что это очень приятное и вкусное название.

— Меня тошнит от всего, что делают чужаки, — возмущенно произнесла женщина. — И я вам скажу без обиняков, мне они не нравятся!

— Вы в этом не единственная, — тихо ответил Джордж и тут же пожалел о сказанных словах.

Поговаривали, что Санитер обладало прослушивающими устройствами потрясающей чувствительности, которые применялись при больших скоплениях людей и улавливали каждое разумное слово. За последний месяц они изобличили уже пятерых человек, якобы замышлявших сжечь альфонский флаг. Но хуже всего было то, что к этим людям применили прямое сенситивное сканирование. Они, видите ли, хотели сжечь флаг, поскольку он являлся символом всего того хорошего, что дали Земле чужаки. Мол, для таких людей вообще нет ничего святого. А что же тогда говорить о Санитере, чьи агенты проверяли ваши мозги, когда им только того хотелось?

Джордж помнил эти неприятные мгновения с неудобным и мерзким ощущением в голове, будто в вашем мозгу копалась какая-то интеллектуальная крыса. Чтобы ускользнуть от та-

кого просмотра мыслей, требовался исключительный психический контроль. Лучшее, что вы могли сделать в тот миг, так это смириться и ждать, пока крыса не уйдет сама, закончив глотать ваши помыслы и чувства. Любое сопротивление было бесполезным, так как Санитер начинал проявлять повышенный интерес к любому, кто пытался ему противостоять. Чтобы бороться с их зондами и телепатическими уколами, вы должны были стать прозрачными как воздух. Джордж научился этой технике давно — в особом тренировочном лагере.

Да, существовала горстка людей, которые, как и Джордж, понимали, что на Земле творится что-то неладное. По правде сказать, Земля потерпела поражение. Но что они могли еще экспортировать, кроме своего туристического очарования?

В то время везде проходили митинги и встречи, на которых все, кто хотел, обсуждали вопрос сотрудничества с пришельцами. Главы крупнейших мировых держав проводили совещание за совещанием. К тому моменту их армии уже довели мир до истощения, и проблема состояла в том, что же делать дальше.

В конце концов они решили приостановить все, что только можно, или, по крайней мере, замедлить какой-либо прогресс до тонкой струйки. Люди превратились в пролетариев, то есть тех, кто всегда пролетал мимо. Отсутствие местных продуктов привело к концу благосостояния.

А ведь старые земляне привыкли бороться до конца. Они вырубали последние деревья, взорвали пахотные земли и выпустили реки из клеток плотин. Когда ледяные шапки на полюсах начали таять, в океанах поднялся уровень воды. Из-за дыр в озоновом слое людей косила радиация, а запасы ядов, собранные за последние столетия, все чаще и чаще попадали в трубы водоснабжения. Пищевые ресурсы были урезаны до минимума. Подобным же образом исчезало и замедлялось все остальное. Неизменным осталось только неравенство, ибо богатство и бедность — понятия вечные, даже если они изменяются парой кокосов и дохлой овцой.

Мы планомерно и обстоятельно уничтожали величие своего мира. А что же нам еще оставалось делать? Основной приоритет заняли космические полеты и визиты пришельцев.

Как бы это смешно ни выглядело, но все началось с того, что нам захотелось изменить наш мир чужими руками. А для перемен необходимо что-то мощное и насильственное. Нашествие варваров. Печатный станок. Церковь и государство. Страна духовного братства. И нас охватила озабоченность.

Я так понимаю, что в будущем все будет зависеть от туризма. Однако лишь некоторые страны считают туристиче-

ский бизнес абсолютно необходимым для сохранения своей платежеспособности. Как правило, они не могут конкурировать с другими державами в производстве вещей, и им остается лишь строить новые Канкунсы и Акапульки. Вы хотите спросить, что с ними будет, если иссякнут орды гринго с их толстыми кошельками? Не будет гринго, так будут какие-нибудь азиаты.

Власти же решили, что нам позарез нужны инопланетяне, которые скупили бы все наше добро и кустарные поделки.

Давайте рассмотрим этот вопрос в более мелком масштабе. Один город. Нет, лучше одна деревня. Как им заманить к себе первых пришельцев? Они рассылают приглашения и красивые буклеты. Они даже тратят деньги, чтобы придать своим местам необходимый шарм. А некоторые из них выдумывают целые исторические драмы и рекламируют себя едва ли не колыбелью нашей цивилизации.

Возникает конкуренция. Чьи места для отдыха лучше? Что хотят чужаки? Вы только скажите, и мы вам это дадим.

— Алло, это агентство, которое специализируется на вкусах чужаков?

— Да-да. Они любят классические скульптуры — но не слишком голые. И еще им нравятся фиговые листочки.

И вот мы начинаем ждать прибытия чужаков. Местные лавочки выпускают дешевые сувениры, которые могут принести кое-какой доход, если их предлагать достаточно долго. Любая безделушка, которая провалялась на прилавке сотню лет, в конце концов становится сокровищем.

2297 год. Земля, которая стала домом Джорджа. Беды и несчастья случались так часто, что их праздновали как великие победы. Леса вырубали пару десятилетий назад, и теперь о них уже никто не вспоминал. Люди никогда не видели деревьев, и, следовательно, у них не было причин для тоски по цветущим садам. Вы же не скучаете по динозаврам, а они, между прочим, тоже выглядели большими и красивыми. Как бы там ни было, планета превращалась в голую пустыню. Этого требовала необходимость, и люди стойко переносили лишения, хотя население стран заметно сокращалось, так как не все могли позволить себе кислородные маски и баллоны с обогащенной смесью. Тем не менее людей пока хватало. Жаль только, что кончились минералы и ископаемые, необходимые для производства горючего. Да, черт возьми, мы здорово ошиблись, думая, что им не будет конца. Зато теперь у нас были туристы. Пришельцы из других миров. И никто уже не помнил, когда они прилетели.

Этот вздор о летающих тарелках переливался из года в год. Потом появились интервью с людьми, которые на них побывали. Мы увидели фотографии и узнали, что Президент провел с пришельцами уже несколько встреч. Оказалось, что с ними встречались и другие президенты нашей страны, но нам об этом не говорили, потому что мы в то время еще не были готовы к такому откровению. Вы хотите спросить, почему мы стали готовы теперь? Не ломайте над этим голову, как сказал нам Президент. Пришельцы — наши друзья; вы только посмотрите, какие у них милые усики.

Однако пришельцы оказались не просто друзьями. Они контактировали с людьми в течение нескольких сотен лет. И вот теперь они наконец официально заявили о своем существовании. А почему именно теперь? Мы медленно принимаем решения, говорили они. Нам потребовалось много времени, чтобы просчитать возможные последствия. Но теперь, когда такое решение принято, мы от него уже никогда не откажемся.

Пришельцы взяли под контроль почти каждый аспект земной жизни. И нам оставалось только благодарить их за это, поскольку к тому времени даже крупные державы напоминали то, что прежде называлось странами третьего мира. Индустрия и сельское хозяйство канули в Лету. Многие люди улетали с планеты на освоение космических колоний, но они не находили там счастья, потому что новые фильмы попадали к ним с задержкой в несколько лет. Какое-то время рок-группам нравилось играть на космических станциях, но вскоре эта мода угасла.

Чужаки восторгались земной культурой и обожали наше прошлое.

— Как же вы на нас не похожи, — говорили они. — Как восхитительна ваша нерациональность. А вот мы действительно рассудительные существа. И прежде чем действовать, мы обычно думаем.

— Тогда почему вы прилетели к нам?

— Нам хочется узнать, каких бед мы миновали, не став такими глупыми и жадными, как вы. Земля — это огромное наглядное пособие. А ваши войны! Уму непостижимо! До встречи с вами мы вообще не знали, что такое война. Пока вы полностью подходите под случай Тримкина, хотя там, на самом деле, все было по-другому.

Пришельцы поощряли фольклор, и город за городом наряжался в местные национальные костюмы. Если же такая одежда отсутствовала или казалась слишком тусклой и непривлекательной, чужаки нанимали стилистов и модельеров, которые тут же заполняли вакуум.

В каждой деревеньке появились хореографы для постановки народных танцев. Художники работали над диорамами знаменитых исторических моментов. Писатели и поэты в трагической манере, но с учетом классических форм описывали гибель былого величия.

Некоторые города полностью перепрофилировались на сотрудничество с чужаками. К примеру, Портленд, штат Орегон, предложил провести референдум по вопросу о переводе всей страны на туристический бизнес. Здесь, по обеим сторонам Вилламетт, отстраивались красочные кофейные клубы. В моду входил колоритный водный транспорт, который делали на нескольких чудом уцелевших заводах.

Джордж шагал по длинной и узкой улице. В ее сужающейся перспективе черные полосы перекрестков напоминали огромную паутину. Благодаря этой стилизации улиц Паучий Город был недавно внесен в список наиболее забавных аттракционов Земли. Впрочем, Джорджа не интересовал паучий вид города, какая-то там стилизация и прочая дурь. Ему требовалось выпить. Хотя на самом деле все было не так драматично. Ему хотелось выпить, и он с радостью выдул бы рюмочку или две. Но говорить, что это ему требовалось... А кто его знает — может быть, и требовалось.

В общем-то он не относился к любителям выпивки. Однако недавние события, словно жучки-поделельники, подточили его достойную воспевания стойкость, и она в конце концов превратилась в третьесортный товар, от которого у настоящих американцев пучит животы. А надо сказать, что все это происходило во время кулинарных уличных битв, когда за любое неординарное поведение смельчакам давали ордена и красные ленты.

Заметив небольшой полуоткрытый и полузакрытый экипаж, Джордж шагнул в эту черную мрачную повозку, и она понесла его вперед, скользя единственным колесом по монорельсу, который располагался в центре длинной паутинки-улицы.

— Могу поспорить, что они вложили большие деньги в этот маленький номер, — сказал себе Джордж.

Ему не понравился транспорт Паучьего Города. Джордж нашел его несколько опухлевшим, каким-то, знаете ли, искроглазным и клякстebнутым. Конечно, он не стал бы использовать такие прилагательные публично, но они довольно неплохо выражали гамму его чувств.

Внезапно взгляд Джорджа зацепился за плававшую неоновую вывеску Ладно, ладно, успокойтесь! Взгляд остановился; вывеска не пылала, а горела; да и неоновые трубки были, так сказать, не оными. В наше время хорошие вещи можно увидеть только в музее. А Джорджу достался лишь хвостик люми-

несцентного угря. На такой жаре угорь уже начинал пахнуть и разлагаться, но в нем еще угадывался аромат пристойного света. Конечно, до софитов и прожекторов ему было далеко, однако он упорно продолжал освещать себя, цепляя тем самым взгляды прохожих. Вот я и сказал, что взгляд Джорджа зацепился.

Угреоновые буквы читались только по слогам — «Горячие гроги Грогана».

Да уж, сказал себе Джордж. Звучит нормально.

Если бы жизнь пырнула вас таким большим шприцем, как Джорджа, вы бы тоже принимали решения с чувством юмора и иронии — той самой иронии, которую у нас вызывают парадоксы абсолютно непостижимых причин. Ничего не поделаешь, жизнь — это борьба за условия декорации.

Переступив порог бара, Джордж остановился. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к новой композиции света и теней. Эти последние здесь были или слишком яркими, или слишком темными. Их сложная игра и взаимосвязь создавали смутную картину зала с низким потолком, обшитым кровельной жстью, и множеством деревянных столиков, стоявших на усыпанном опилками полу. За большинством столиков сидели мужчины различных примет, но их серую мрачную группу объединяла общая тенденция к чему-то грубому и развращенному. Судя по бессвязной речи некоторых из них, связываться с этими людьми не стоило. Во всяком случае, Джордж сделал себе в уме пометку не связываться с ними. После этого он приступил к более серьезным делам, поскольку, как я уже говорил, ему требовалось выпить. Именно теперь у него появилась надежда выполнить тот смелый и отчаянный план, который он задумал на липких улицах Паучьего Города. Хотя, конечно, Джордж понимал, что так поступил бы не каждый.

Он нерешительно приблизился к стойке. Бармен пригладил свою белую ковбойскую рубашку и приступил к допросу:

— Чобудешпить?

Джордж заказал двойную порцию барбадосского рома. Это напомнило ему старые дни — те самые незаконнорожденные денечки, о которых и стыдно и грешно вспоминать. «Да-да, мы обязательно встретимся еще раз. Конечно, милая! При звездах!» Или это лишь воображение? Но ведь был же ром и бамбук, его нежные зеленые ростки, похожие на веки Будды, и все остальное вплоть до манго, медных гонгов, узких улиц, заполненных юркими велосипедистами, и солдат, которые возвращались с полигона домой.

Джордж подтянул ром к себе, стараясь не расплескать драгоценную жидкость. Он осторожно поднял бокал и выпил его до дна. Теплый зной в желудке подтвердил, что это действительно был ром. Джордж сделал неясное движение рукой, которое, видимо, означало: «А теперь еще рюмочку, пока не пришел бешеный Билл». Впрочем, вы, наверное, знаете эту печальную историю.

Появилась новая порция. Вернее, двойная порция в двухзарядном бокале. К счастью, этого никто не увидел. Да и кому из посетителей бара было интересно знать, что какой-то человек у стойки ударил по рому двойным зарядом? Во всяком случае, следить за Джорджем им не было смысла. И все же они следили. Старое жулье с прищуренными глазами, от которых не могла скрыться ни одна мелочь. Опухшие подозрительные лица с их неизменными глумливыми усмешками.

По правде говоря, Джордж не был готов к такому вниманию. Посетители бара смотрели на него и притворялись, что не смотрят. Несколько человек, допив пиво, вытерли рты и нарочито вышли из заведения, пытаясь усыпить подозрительность Джорджа.

— Еще одну, — сказал он, имея в виду двойную порцию, и бармен понял этот тонкий намек.

Да, Джордж решил идти до конца. Внезапно все стало очень важным, и аура безотлагательности окутала его, словно жесткий кокон. Он знал, что жаловаться бесполезно; таков был его расклад, кто бы ни сдавал ему эти карты.

— Что-то я тебя, милоч, здесь раньше не видела.

Слова исходили от небольшой женщины в вечернем платье из черного шелка, с тонкими черными завязками на ослепительно белых плечах. Чуть ниже ослепительно белых плеч находились верхние полушария лун ее ослепительно белой груди.

Она подошла к нему под аккомпанемент печальных труб, которые наигрывали из музыкального автомата. Вряд ли это было подстроено заранее — она буквально излучала аромат случайного знакомства. Рот, как дрожащий красный квадрат; глаза ускользающего цвета, обведенные черным ободком. И ее присутствие — такое двусмысленное, манящее и опасное.

— Я тут первый раз, — ответил Джордж.

— Значит, новенький?

— Да, можно сказать и так, — смущенно отозвался Джордж.

Он решил перевести беседу в более чувственный канал и затронул тему пищи.

— Здесь можно перекусить?

— Тут тебе подадут лишь отравленные помои, — тихо прошептала женщина. — Идем со мной. Я знаю местечко, от которого ты будешь в восторге.

Джордж заметил в своей руке двойную порцию рома — тот же самый надежный и проверенный бокал, но наполненный заново. Очевидно, кто-то — скорее всего бармен — налил туда рома, пока Джордж не смотрел в его сторону. Приятно знать, что хоть кто-то может о тебе позаботиться.

— А там дают польские колбаски? — спросил Джордж, поскольку этот вопрос стал для него необычайно важным.

— Тебе там очень понравится, — сказала она. — Вставай же. Идем!

Она потянула его за руку, и Джордж неохотно поднялся на ноги.

Да, он позволил какой-то личности вести его черт знает куда. Но к тому времени Джордж изрядно окосел, и ему не хотелось наткнуться на углы и пугаться в частокале двух столбов. Он с наслаждением вышел в ночь — в настоящую темную ночь, с расставленными знаками препинания и тысячью точек синтаксиса, каждая из которых во много раз превосходила по размерам нашу Солнечную систему. Вот такую же ночь много лет назад описал Теокрит, когда, пробудившись от сна вавилонского величия, он увидел себя сицилийским крестьянином, задремавшим на склоне горы. Странно, как все это точно совпадает.

— Куда ты меня ведешь?

— Сначала подальше отсюда, милоч. А потом в одно прекрасное местечко, которое я решила тебе показать. Самое подходящее место для такого парня, как ты. А ты ведь настоящий парень, верно?

Джорджу показалось, что она хихикнула. Но он не мог утверждать этого наверняка, потому что ветер из пустыни окутал его облаком нелогичности и смешал караван разумных мыслей. Джордж вновь оказался на перепутье между целью, к которой вел его сюжет, и укрошенным голодом, все более терявшим чувство собственного достоинства.

Улица стала широкой, как море, и перестала напоминать черную паутинку. Да вам просто не найти такой паутины, которая походила бы на эту улицу. Тем более если учесть зажиточный вид ее кварталов. На фоне остальной части города она казалась самодовольным бургером в черных лакированных ботинках. И еще эта улица выглядела тихой и спокойной, с полицейскими будками через каждые пятьдесят ярдов, с ярким освещением на тротуарах и с большими удобными автобусами, которые ездили на дюжине пузатых колес идиосинкразического

производства. Вблизи перекрестков на высоких опорах реяли светофоры, и, чтобы разобраться в их знаках, людям приходилось вытягивать шеи. А светофоры струились цветными огнями, помигивали стрелками и квадратными скобками. Но, поскольку указания давались на языке пришельцев, к каждому обозначению прилагался длинный список пояснений, поправок и исключений.

— Приготовься, — воскликнула женщина, озабоченно рассматривая знаки. — На табло сказано, что в предыдущем направлении намечается пауза, а раз эта пауза по закону средних величин намечена заранее, то общее правило, которое связывает все повторения, аннулируется. Я не слишком хорошо разбираюсь в этих премудростях, но, кажется, сейчас... Быстрее! Идем!

Схватив его за руку, она выбежала на улицу. Джордж, следуя за рукой, а следовательно, и за ней, побежал по пятам. Носы его клоунских башмаков нелепо пощелкивали по асфальту; хотя нет, пощелкивали не носы, а подошвы, потому что именно там у него было несколько щелок. И вот, рванувшись через широкую и залитую ярким светом улицу или, вернее, бульвар, как это выяснилось позже, Джордж вдруг услышал голодный рев обезумевших машин. Тот исходил из нутра грузовиков, автобусов и детских колясок — всей той армады колесного транспорта, которая только и ожидала случая, чтобы наброситься на него. К счастью, в связи с объявлением паузы их одолевали в тот миг небольшие сомнения.

Едва они добежали до середины улицы, где о возвращении на тротуар уже и не стоило думать, как война за обладание бульваром вспыхнула с новой силой. До сих пор воюющие стороны только шутили, но теперь они решили действовать всерьез — стремительно и со всей жестокостью. Впрочем, это зрелище напоминало кошмар и без всякой жестокости. Кто не помнит этих лихих городских бригад, которые, обгоняя друг друга, сражаются со всеми и каждым без исключения? Кто может забыть этих изгнанных ханаанцев, которые, вырвавшись из боковой улочки истории, выплескиваются на главную магистраль в плотной группе из тридцати тысяч человек? Конечно, для армии это маловато, но вполне хватает, чтобы где-то что-то изменить, особенно в наше беспокойное время.

Джордж и не подозревал, что пересечение улицы может вызвать такую пропасть проблем. Он смело заглянул в эту пропасть, и его тут же стошнило. Женщина дернула его за рукав; тот развернулся, как пожарный шланг, и случилось непоправимое. В связи с внезапным ростом облачного покрова потемневшие небеса излились дождем, и Джордж испытал то,

о чем он до сих пор слышал лишь от своих товарищей. Он обмочился с ног до головы. Хотя давайте не будем преувеличивать и остановимся только на ногах.

С одной стороны, в этом ничего такого и не было. Но, с другой стороны, уже начинало появляться пятно.

Теперь вы знаете, каково было Джорджу стоять посреди улицы на буксире у женщины, которая буквально взрывалась от нетерпения шепнуть ему свое имя и намекнуть на то, что ей хотелось, когда вокруг ревели и неслись тридцать тысяч хананцев, многим из которых, не считая, конечно, блондинов, нравился Виктор Сладенький с кудрявой бородой, и когда над ним слетались, то есть сплетались факторы, векторы и корректоры, мелькавшие с такой быстротой, что у него даже не оставалось времени пронумеровать их по порядку, более или менее придерживаясь соответствующих форм информационного сравнения. Короче, он попал в цейтнот. Джордж отчаянно взмахнул руками, вытащил ногу из цейтнота, но вытереть ее было нечем. Огромной силой воли Джордж протолкался через улицу, зная, что, как только она кончится, он получит свою синюю птицу, своего верного друга, свою любимую звезду — одним словом, то, что он сможет съесть.

Однако женщина тоже оказалась себе на уме. Она обещала ему еду, а сама, как теперь стало ясно, и не думала кормить голодного Джорджа. К тому времени он уже понял, что пищи в ее повестке дня не значилось. Женщина подвела его к маленькой деревянной двери, которая располагалась в дальнем углу высокой каменной стены. Джордж переступил через порог и полез было в карман за удачной шуткой, но, осмотревшись и увидев, куда он попал, парень решил придержать свои остроты. Еще бы! Он опять промахнулся мимо кармана.

Прямо впереди на небольшой возвышенности раскинулся старый монастырь. На ближайших полях трудились монахи. Их капюшоны были отброшены назад, а сутаны подтянуты вверх, что не только демонстрировало великолепную игру их сильных мышц, но и позволяло им передвигаться в этой невообразимой грязи. Чуть дальше виднелись фруктовые деревья, рассаженные в приятном беспорядке. В очаровательной смеси хаоса и красоты чувствовалась либо рука мастера, либо нога его ученика. Внезапно Джордж заметил подошедшего к ним человека, чья респектабельная тучность, большие выбритые щеки и двойной подбородок выдавали в нем брата-управляющего, а возможно, даже и дядю-преподобие.

— Приветствую вас и кланяюсь вам, дорогие гости, — сказал аббат, выполняя все, о чем он говорил.

— Смиренно припадаю к ногам вашей милости, — ответил Джордж, понимая, что вежливость и грубая лесть никогда не выходят из моды.

— Ладно, заваливайте и пойдете жрать, — произнес аббат.

Джордж удивленно поднял брови — все до одной, сколько у него их было.

— Довольно крепко сказано, отче.

— Прямая речь без всяких притязаний — это торговая марка нашего дзен, — ответил аббат.

— Так это дзен-буддистский монастырь?

— Я этого не говорил, — сказал аббат. — Но все равно заходите.

Уже внутри Джордж встретил Вольтера и Чингисхана, еще одного Вольтера и Ларрап Садри. Все они носили сутаны монахов. Между прочим, монахов здесь было много, и некоторых он знал. Джордж уже где-то видел этих людей, хотя и не помнил точных имен.

Монахи чинно прогуливались по аллеям. Джордж и аббат присоединились к их длинной колонне. Женщина, которая привела его сюда, потерялась при чистке кадров. Такое часто случается внутри нелояльных партий, и просто уму непостижимо, как быстро может пачкаться всякая мелочь. Они прошли мимо цветочных клумб, каждая из которых наводила на мудрые и немного наивные мысли. Аббат задумчиво улыбался. А вокруг догорал один из тех кротких дней, которые напоминают нам, что нет ничего невозможного. В момент прозрения Джордж увидел впереди высокую арку каменного портала. И пошел он к нему стопами босыми и стал тем, кто вел, а остальные, и аббат иже с ними, стали теми, кто следовал ему.

— Если увидите бардак, не обращайтесь внимания, — сказал аббат. — Тут у нас трапезная. Пора перекусить и принять таблетки.

И вновь эта фраза напомнила Джорджу о других временах и былых событиях. Преодолев тревогу, он вошел в огромный зал.

Помещение было заполнено монахами, некоторые из которых, в ответ на ожившее в них глубинное желание, нацепили оленьи рога. А ведь именно об этом и писалось в священных книгах. Более того, многие из них носили маски. Они маскировались под капуцинов из поселкового аббатства и представляли собой ту особую породу людей, которая нам кажется несколько неприличной. Среди них не меньше дюжины носили накладные ресницы и подкрашивали глаза.

- Будьте любезны занять это место, — сказал аббат.
- Прямо вот это? — спросил Джордж.
- Да. Думаю, эта луза вам подойдет.
- Тогда я в нее и западаю, — ответил Джордж.

Ответствовав так, сел он на краешек стула и сим замкнул собой длинную цепь монахов, собравшихся здесь.

В зале витал аромат овощей. Пар из кухни возносился к высоким стропилам трапезной, на которых висели помятые синие береты, навек отыгравшие в своих отважных и отчаянных битвах. А собрались они тут не зря. Сегодня, как и в каждый из постных дней, здесь подавали постное мясо. В непостные дни они ели сало, жир и грудинку, но в постные — только окорока и ребрышки, хотя и довольно много. Так было от начала времени и быть сему до самого конца света.

Заметив гостя — а это произошло между супом и орехами — капуцины затаили хором песню, которой они приветствовали всех посетителей. «Когда морда кирпичом, тут молитвы ни при чем», — тянули они в ликсианской манере, чье многоголосье ласкало слух и несло в себе нотки тонкой иронии.

Его угостили коричневым соусом с посеребрившими кусочками бекона. Они посерели из-за лошадиной гнили — паучьего лишайника, который в этом царстве встречался где угодно. Хотя, конечно, монастырь не мог считаться частью царства, ибо здесь служили другому Царю, но бекон, вернее, лишайник глумился даже над такой святыней.

После соуса принесли бисквиты. По размерам и форме они выглядели как трехфунтовые ядра. Монахи в шутку называли их пушечным хлебом, и дюжие слуги, шатаясь от двойных порций, вносили печенье на особых носилках. Группа прислуживающих девственниц разливала напитки — по бокалам, по полу и стенам. Им помогало несколько ручных обезьян — больших надувных игрушек, которые они прятали в своих кельях рядом с вибромассажерами и другими ручными приспособлениями. А почему бы и нет, раз никто не жаловался?

После соуса и бисквитов над головой послышался шелест крыльев. Джордж взглянул вверх и у самых стропил увидел странное зрелище. Там, наверху, где атмосфера казалась более возвышенной и чистой, чем спертый воздух, наполнявший нижнюю часть, парило два крылатых существа. За ними, откуда-то выше и левее, доносился чарующий щебет, напоминавший ссору в стае маленьких приматов.

Аббат улыбнулся и спросил, обращаясь к Джорджу:

— Как вам понравилось наше скромное бытие?

Его толстые пальцы ловко проковыривали дыры в пушечных ядрах печенья.

— Все очень мило, — ответил Джордж. — Признаться, и не помню, сколько я не был уже где-нибудь еще в какое-то другое время.

— Это хорошо, что вы не помните, — сказал аббат. — Тем не менее мне бы хотелось пояснить вам некоторые вещи. В том числе и возможный вопрос о двух крылатых существах. Видите ли, одним из правил нашего братства является отрицание всего того, что нам не нравится.

Джордж молча кивнул. Он тоже жил по такому правилу. Рука Джорджа потянулась за соусом, и он даже глазом не моргнул, когда на подлете, у самого рта, ложка дрогнула, легла на правое крыло, и часть груза, сорвавшись с такелажных ремней, опустилась прямо на его галстук. А он предчувствовал, что впереди его ждет настоящая игра, и по такому случаю надел свой лучший костюм.

Внезапно трапеза прервалась. Дверь со скрипом отворилась, и в зал вошли несколько марьяжей, брэнчавших на своих гитарах и сверкавших белозубыми улыбками из-под широких сомбреро. Джорджа удивило, что на пять марьяжей приходилась только одна дама. Она была среднего роста, но тонкие высокие каблучки делали ее более выдающейся особой. Губная помада карминного цвета тонко оттеняла ее черную масть. Дама топнула ногой и заплясала под мелодию марьяжей — совсем немелодичную мелодию, которую подхватили два трубача, пришедших позже. Однако в женщине чувствовался какой-то изъян — что-то странное, зловещее и необычное. Ах да, у нее не хватало левой кисти. Ампутированная конечность была завернута в дорогую вельветовую ткань, сверху донизу расшита золотыми нитками.

Эта деталь не понравилась монахам. Они зашумели, и аббат сердито вскочил на ноги.

— Чем вызвано ваше вторжение? — закричал он. — Почему бы вам не пойти куда-нибудь еще с этими своими, так сказать, мелодиями?

— Мы пришли туда, куда позвало нас сердце, — ответила женщина. — И где же нам еще быть, как не в лучах прожекторов на этой сцене? Только здесь нет боли и слез! Только здесь свободная душа обретает надежду!

Монахи снова тревожно зашептались. Они уже слышали подобные доктрины, и эта ересь исходила из мира, который двигался, пульсировал и прорастал за стенами, окружавшими их фруктовые сады.

— Боюсь, мы не можем принять вас прямо сейчас, — сказал аббат. — Поэтому выбирайте: или отсюда уходим мы, или уходит эта калека!

— Ты еще не видел, на что я гожусь, — с усмешкой ответила женщина.

Она сделала властный жест, и двое марьяжей, положив на пол гитары, подбежали к ней с большой плетеной корзиной. Они открыли крышку и отступили назад.

Все замерли в молчании. Да, иногда такие моменты случаются.

Женщина склонилась над корзиной и, ловко согнув культу, вытащила оттуда ребенка. Она подняла его вверх под гром аплодисментов, а затем вернула малыша обратно в корзину. Все были потрясены до глубины души. Оркестр грянул туш.

Джордж почувствовал легкий укол тревоги. Они делали все это нарочно — с какой-то им одной известной целью. Каждый из них знал что-то такое, чего не знал он. Но Джордж решил не поддаваться. Он вспомнил разговор с инструктором базы, где их готовили для подобных экстремальных случаев. «Присматривайся ко всему непрошеному, парень». Жаль, что он не расспросил тогда о таких конструкциях. Сказать по правде, он их никогда не понимал.

Что-то должно было произойти — возможно, то самое, чего так боялся Джордж. Кто эта женщина? Она буквально ампутировала его своей ампутированной рукой. Он решил, что с него достаточно. И прежде всего с него достаточно этого соуса.

Он встал и пошел к двери. Оркестр грянул зажигательную польку. Стены монастыря тут же охватило пламенем, и аббат, заметив опасность, схватился за свое кадило. Но он опоздал. На потолке зазмеились трещины, два крылатых создания упорхнули прочь, ребенок заплакал, а полька, выбросив спички, трусливо сбежала с места преступления. Джордж захотел уйти, не прощаясь. Да и зачем ему было с кем-то прощаться?

Внезапно пламя погасло. Когда дым рассеялся, аббат и монастырь исчезли. Рядом с Джорджем стояли женщина, марьяжный оркестр и ребенок. Хотя нет, ребенок лежал в корзине, а вместо монастырских стен вокруг них чернели зазубренные горы. Небольшую равнину покрывала желтая зачахшая трава, на которой то тут, то там белели бычьи черепа. Свист ветра казался горькой и жалобной песней. А потом земля содрогнулась, потому что на холмы упала ночь.

Позже, когда Джордж немного отдохнул, к нему в палату пришел аббат. Толстый и елейный, но с тонким намеком на озабоченность, он осторожно втиснул живот в дверной проем, а затем вошел сам, поддерживая ниспадавшие кружева своих круглых боков.

— Я заполнил их огнеупорным материалом, — объяснил он. — А как ваши дела? Во время обеда вы показались мне немного вялым.

— Теперь уже все хорошо, — успокоил его Джордж. — Где мы сейчас находимся?

— Чуть в стороне от того места, где были раньше, — ответил аббат.

— А что случилось с той женщиной, которая привела меня к вам? И с теми марьяжными игроками?

— У них оказалось несколько срочных дел, которые им потребовалось исполнить. А может быть, они просто не захотели приветствовать героя.

— Что? О ком вы говорите?

— О вас! — ответил аббат. — Вставайте! Нам пора уходить! Вы должны стать известным человеком! О вас должны узнать люди!

— Видите ли, я очень подозрительный, — начал возражать Джордж. — Людям это, конечно, понравится, но вот как быть со мной? Я не хочу становиться героем.

— Вы будете героем поневоле! — воскликнул аббат.

— Но я и этого не хочу.

— Неужели вы так и будете болтаться без дела? — настаивал аббат. — Вам, между прочим, давно пора определиться!

— А можно я стану Сторонним Наблюдателем? — спросил Джордж.

— Боюсь, что эта роль больше никому недоступна. Мир делается скучным, и, чтобы оживить его, требуется участие каждого человека.

— А какой герой вам нужен? — спросил Джордж.

— К сожалению, мы этого пока не знаем, — ответил аббат. — Но нам может пригодиться ваше мастерство в обращении с оружием.

— Мое мастерство? Вы, наверное, меня с кем-то спутали.

— Соглашайтесь, — тихо шепнул аббат. — Мы обещаем вам минимальное наказание.

— Я вас не понимаю.

— Извините. Это старая песенка, которую мы обычно пели в семинарии. Не обращайтесь внимание.

Беседа сама собой подошла к концу, оставив на душе осадок неудовлетворенности. Аббат сказал, что ему пора возвращаться на поля. Страда поджимала — наступало время вязать узлы на пшенице, и он не мог доверить такое важное дело кому-нибудь другому.

Джордж немного вздремнул, а затем отправился на прогулку.

Как он и ожидал, марьяжный табор никуда не делся. Фактически они прятались за небольшой разрушенной стеной. И женщина с культей тоже была вместе с ними.

— Вот мы и снова встретились, — сказала она. — Меня зовут Эсмеральда. Я должна многое рассказать тебе, прежде чем найдется что-нибудь другое, а потом мы начнем с конца, который станет началом чего-то нового.

— Должен признаться, — признался Джордж, — что мне нравится прогуливаться в этих местах и делиться с вами неуловимыми околностьюми. Как жаль, что меня отзывают отсюда! Я должен получить новое назначение. А теперь, милая дама, позвольте откланяться.

Он начал кланяться, но тут один из марьяжей сунул руку в гитару, вытащил оттуда три шара и принялся ими жонглировать. Вращение шаров захватило внимание Джорджа. Они были зеркальными, и поэтому, глядя в них, он видел себя то взлетающим в воздух, то падающим вниз. А потом они показали ему и другие вещи. Высокие накренившиеся башни. Городские улицы без единого человека. Далекие огни маяков и дорожные знаки на незнакомых языках. Меню, написанное рунами.

Трудно сказать, как далеко это могло бы зайти, если бы вновь не появился аббат. Схватив Джорджа за руку, он выдернул его из транса.

— Эти люди опасны, — сказал аббат авторитетным тоном.

— Тогда почему с ними ничего не делают?

— Потому что они находятся под защитой Серого Ордена.

— Какого еще Серого Ордена?

— Вот о нем мы сейчас и поговорим, — сказал аббат. — Мне кажется, вам многое о нем известно.

— Нет, — возразил Джордж. — Я о нем вообще впервые слышу.

— То есть вы хотите сказать, что ничего не знаете о Сером Ордене?

— Конечно, ничего. Это вы о нем заговорили.

— Да, но только для того, чтобы увлечь ваше воображение и заставить вас рассказать нам что-нибудь интересное.

Странно, как быстро темнело вокруг. Живот аббата едва мерцал во мгле, а сам он оставался почти невидимым. Джордж почувствовал зов далеких стран. Он понял, что ему пора уходить. Однако Джордж знал, к каким фатальным последствиям могла привести поспешность. Он замер на месте, стараясь не закрывать глаза, так как эту людскую слабость часто использовали для обмана. Переведя дух, он тихо отступил в

сторону, и в тот же миг на его ладонь легла чья-то рука. Когтистая лапа критика — именно то, чего он так боялся.

— Что вам от меня надо? — спросил Джордж.

— Не разыгрывай из себя невинного.

— Нет, вы только посмотрите, куда нас заводят все эти глупые вопросы! Скажите, а я не могу ненадолго выйти?

— Сначала посмотри сюда, — рявкнул голос, и по его властному тону Джордж понял, что он неожиданно-негаданно встретился с одним из членов Серого Ордена.

Тем вечером Джордж как следует вымылся, побрился и спустился к ужину. За столом собралась пристойная публика — незнакомые друзья и забытые знакомые. Беседа велась приглушенными голосами, и никто не упоминал о том, где так долго носило Джорджа. В конце концов он захотел узнать о себе, но карты этого не показали. Во всяком случае, там о нем пока ничего не говорилось. Вернее — еще не говорилось.

Когда Лаура подала десерт, Джорджа охватило почти неудержимое желание совершить неторопливую и долгую прогулку вокруг квартала. Иногда именно этого и не хватает мужчине — вот так собраться, оставить ненадолго семью, в которой просто души не чаешь, и немного побродить по собственным извилистым дорожкам.

После ужина он помог Лауре убрать стол и даже вызвался вымыть посуду.

— Может быть, тебе лучше прогуляться? — спросила она.

Джордж этого не ожидал. Как мило с ее стороны, подумал он. Хотя она вела себя несколько непоследовательно. Но, возможно, Лаура тоже устала притворяться. Ведь они не были по-настоящему близки друг другу. И, может быть, поэтому дети так спешили выйти из-за стола и взяться за работу по дому.

Решив немного расслабиться, Джордж сел в свое большое кресло, которое он почему-то счел своим, и начал читать газету двухдневной давности. Газета показалась ему сухой и бессмысленной. Он понятия не имел, что такое грифизная продажа. А кто такой этот Гельмдилио, который вдруг пообещал выставить вон Ренстека?

— Лучше я действительно немного пройдуся, — сказал он Лауре.

— Ты просто обязан сделать это, — ответила она.

Хорошо, что все так уладилось, подумал Джордж. Никаких забот и тревог; просто приятная прогулка вокруг квартала. Он встал, обошел пару раз комнату, потом вернулся и наконец направился к передней двери. Однако на ней была одна из тех

овальных дверных ручек, которые ему не нравились. Пророчав проклятие, Джордж повернул обратно и побрел к задней двери. Кивнув жене, он вышел во двор, перешел на усыпанную гравием дорожку, обогнул дом и в конце концов выбрался на улицу.

Улица оказалась длинной и прямой. Два ее конца, начинавшиеся от середины, почти ничем не отличались друг от друга и не оставляли никакой зацепки для правильного выбора. Джорджу вспомнились слова, произнесенные кем-то по такому поводу. «Ничего не оставляй на волю случая, даже если не знаешь, что случится потом. Каждый раз принимай свое решение, стараясь сделать лучший выбор».

Все это звучало как какая-то чепуха — то есть слишком умно и непонятно. Решив пойти куда глаза глядят, Джордж повернул налево, навстречу новым приключениям.

Эта красивая кухня выглядела очень чистой и ухоженной. Здесь имелось множество устройств, позволявших экономить силы и время. Сделанные из безупречной стали и стекла, в ореоле каких-то странных креплений и изгибов, механизмы казались воплощением тайны, которая окутывала все, что могло бы раскрыть их назначение. Джордж знал, что, если он выйдет на какое-то время из комнаты, эти приспособления изменят свою форму, и, возможно, тогда ему удастся с ними разобраться. Но сначала он должен был отдохнуть, побродить немного вокруг — подождать, когда к нему вернется память о прошлом.

— Ты же понимаешь, что дети могут прийти домой в любое время, — сказала женщина. — Я думаю, нам лучше им все рассказать.

— Ты так считаешь? Хорошо, давай попробуем, — ответил Джордж.

Женщина улыбалась, но в ее взгляде читалось ожидание.

— А что ты предлагаешь им сказать? — спросил Джордж.

Она восприняла вопрос довольно серьезно.

— Давай скажем им, что ты приехал в отпуск.

— Да, я согласен, — ответил Джордж.

— Кроме того, это может действительно оказаться правдой.

— Да, думаю, что может, — подтвердил Джордж.

— Впрочем, какая разница! Мы все равно им об этом скажем. Что же касается остальных вопросов, то постараемся разобраться с ними, когда они появятся.

— Да, полагаю, это самое лучшее решение.

Она встала со своего кресла и подошла к нему. Приложила ладони к его щекам, женщина склонилась вперед и поцеловала

Джорджа. От ее поцелуя веяло холодом и безразличием. Но зачем она тогда это делала? Джордж начинал теряться в догадках. Неужели женщина была его женой? Или она приходилась женой кому-то другому? Ему хотелось спросить ее об их отношениях, но интуиция подсказывала, что такой вопрос будет не очень тактичным. В каких бы отношениях они ни состояли, Джордж о них ничего не помнил, а значит, близости между ними могло и вовсе не существовать.

— Мне надо сказать тебе одну вещь, — прошептала она.

В тот же миг передняя дверь с грохотом открылась, и дом наполнился голосами детей — мальчика и девочки. Они о чем-то весело болтали, но говорили так быстро, что Джордж не понимал ни слова.

Дети вбежали на кухню — долговязый мальчик лет двенадцати и симпатичная девочка годиков семи-восьми. Увидев неожиданного гостя, они замолчали и замерли на месте. Джордж замер в ответ, затем откашлялся и хрипло сказал:

— Привет, ребята.

— Ты пропустил мой день рождения, — сердито ответила девочка.

Мальчик что-то шепнул ей на ухо, и малышка захихикала.

— Он говорит, что ты мой папочка, — сказала она. — Разве это правда?

Джордж не знал, что ему ответить на такой вопрос. В принципе он допускал, что эти дети могли оказаться его детьми. Во всяком случае, Джорджа тут считали отцом этой девочки. И, вероятно, мальчика тоже. Хотя относительно последнего — как и всего прочего — у Джорджа имелись большие сомнения. Он не испытывал к детям никаких особых чувств, которые обычно показывали в фильмах. Более того, он даже не помнил, где ему показывали эти фильмы.

— Ступайте в ванную и помойтесь к ужину, — сказала женщина детям, после чего, повернувшись к Джорджу, тихо добавила: — Я, между прочим, Лаура.

— Привет, Лаура. Меня зовут Джордж.

— Это я уже знаю.

Они улыбнулись друг другу, и Джордж подумал, что все будет хорошо. Он уже начинал догадываться о том, что здесь происходило. Очевидно, он и несколько других смельчаков вернулись недавно с тяжелого задания. Они сделали все, что от них требовалось, несмотря на огромные потери и невообразимую опасность. Вот почему люди считали нормальным, что Джордж ничего не помнил. Последствия шока и амнезии.

Каким-то образом ему удалось найти свой дом. Хотя это оказалось не таким уж и трудным делом. Сказать по правде, он о нем даже не вспоминал. Но ведь так оно в жизни и бывает — проходишь мимо, глаза по сторонам, и вдруг понимаешь, что это твое.

Испытав неопишное чувство облегчения, Джордж с восторгом осмотрелся вокруг. Боже, как славно все устроилось! Он беззаботно открыл деревянную калитку и поднялся по трем ступенькам к передней двери. Его правая рука потянулась к дверной ручке, но на полпути повисла в воздухе. Рукоятка выглядела не так, как он ее себе представлял. Она не была круглой, как большинство дверных ручек, и не имела курка, который он мог бы нажать указательным пальцем. Дверная ручка имела странную грушевидную форму с небольшой выпуклостью в средней части. В сгущавшихся сумерках ее матовая поверхность сверкала, словно подсвеченная изнутри. Более того, рукоятка явно не соответствовала его руке. Стоило Джорджу положить на нее ладонь, как он уже не знал, что ему делать дальше. Ей полагалось иметь какую-нибудь кнопку, спусковой крючок или наборную панель, если в доме использовался кодовый замок. Во всяком случае, ручка должна была иметь хоть что-то. Иначе как бы она могла функционировать? Немного подумав, Джордж понял, что тянуть ее на себя бессмысленно. Он нажал на нее пару раз, но ничего не случилось. Дверь не поддавалась. Не найдя даже скважины для ключа, Джордж раздраженно пнул дверь ногой, и у него появилось ощущение, что он упустил какую-то важную деталь.

Он спустился с крыльца и еще раз осмотрелся. В переднем дворике росло небольшое деревце, чьи крепкие ветви тянулись в стороны под прямыми углами. С веток свисали бледно-желтые плоды, покрытые пурпурными полосками. Рядом с деревом проходила аллея. Она огибала здание, и сразу же за ней начинался высокий забор соседнего участка.

Неужели это его дом? Джордж больше не хотел никаких ошибок. Он знал, к чему обычно приводила такая внутренняя неопределенность. Он прекрасно помнил ее внезапные внешние проявления...

Джордж медленно прошел по аллее на задний двор. Забор рядом с соседским домом казался очень знакомым или, по крайней мере, напоминал что-то родное и близкое. Хотя здесь явно чего-то не хватало — возможно, колючей проволоки.

Аллея заканчивалась пятью ступеньками, которые вели к задней двери. Сквозь толстое стекло он заметил женщину, которая деловито передвигалась по кухне. Она что-то напевала,

но стекло не позволяло разобрать мотива. Однако у Джорджа сложилось впечатление, что мотив был довольно веселым.

Решив постучать, он поднялся по ступеням, и в этот момент женщина обернулась. Джордж отшатнулся, увидев ее изменившееся лицо. Такой холодный и насмешливый взгляд мог означать что угодно. Однако уже через миг Джордж заметил в ее глазах искорку узнавания, и у него немного отлегло на сердце.

Тем не менее он честно признался себе в том, что абсолютно ее не помнит.

— Джордж! Почему же ты не сообщил нам, что вернулся?

Она открыла дверь, и он как следует рассмотрел эту маленькую женщину с пушистыми белокурыми волосами. Несмотря на былую красоту, ее лицо уже подернулось пеленой отцветшей молодости, и тут не могла помочь даже косметика. Схватив Джорджа за руку, она затащила его в прихожую.

— Что же ты стоишь? Это твой дом! Входи, Джордж. Входи!

Джордж прошел в гостиную. Он ненавязчиво и осторожно следил за каждым движением хозяйки, пытаясь собрать из крошева впечатлений какую-нибудь понятную и законченную картину. Он был абсолютно уверен, что пришел по месту назначения. Именно тут ему и полагалось быть. Он вернулся домой. В этом Джордж не сомневался ни секунды. Но его сердце замирало от страха и смутного предчувствия неотвратимой беды.

Он понял, что ему предстоит разговор с эмиссаром Серого Ордена. А значит, еще одно задание подходило к концу. Наладив канал связи, он выполнил свою миссию, и теперь ему следовало подумать о возвращении в Главупр. Впереди его ожидали новые опасности, дальняя дорога и казенный дом.

Приятно было вернуться в Главное управление, где посреди большого цветника и кустов роз стоял обелиск, служивший напоминанием о мучениках Девятой звездной экспедиции. В его основании под лепестками цветов угадывалась вязь иероглифов. Отдав салют погибшим героям, Джордж зашагал по усыпанной гравием дорожке, которая петляла между домов. Денек начинался, каких не бывает, но даже при всей своей нереальности, он выглядел довольно неплохо. Охранник, которого Джордж встретил в центральном бассейне, направил его в первый приемный покой. Там Джорджа проводили в кабинет, и молодая женщина в униформе Звездного Братства попросила его сесть в кресло, стоявшее рядом со столом.

— Вы только что вернулись, верно?

— Да, только что, — ответил Джордж.

— Вы находились в секторе ФПК, верно?

— Так точно. Мне было поручено проникнуть в Сомнительный квартал.

— И вам это удалось?

— В какой-то мере да. Я выяснил, что состояние замешательства действительно существует. Наши догадки оказались верными.

— Это все, что вы обнаружили?

— Нет, не совсем. Мне удалось внедриться...

— Прошу вас, больше ни слова, — прервала его женщина, властно взмахнув рукой. — Остальное меня не касается. Поберегите свою информацию для Подробного Дебрифинга.

Джордж кивнул, хотя он никогда не слышал ни о чем подобном. Но тревожиться по таким пустякам не стоило. Он снова вернулся в Главное управление — к знакомому цветнику и обелиску среди роз. Разве можно выразить словами, как приятно вернуться домой? Джордж таких слов не находил, и вообще, попав сюда, он еще раз убедился в истине, что понастоящему хорошо только там, где нас нет. Все это время он отчаянно пытался вспомнить какие-нибудь подробности о Главном управлении, но в голову, как назло, ничего не приходило. Возможно, они вернули его назад слишком быстро: да-да, теперь он вспомнил, что подобные провалы памяти считались обычными среди тех, кто выполнял задания в секторе ФПК. Или он это просто выдумал? Трудно говорить о чем-то наверняка, когда приходится убеждать самого себя.

— На этом мы пока закончим нашу встречу, — сказала женщина в униформе. — Вы можете идти. Отдохните немного, восстановите силы. Ваши апартаменты уже готовы, и мы постарались сохранить там все в неизменном виде. О выполнении задания вы отчитаетесь на дебрифинге, который намечено провести в самое ближайшее время.

— Могу ли я узнать точную дату его проведения? — спросил Джордж.

— Мне о ней, к сожалению, ничего не известно. В данный момент мы перегружены работой. Слишком много важного случилось за последние дни.

— А что именно?

— С этим вопросом вам лучше обратиться в библиотеку. Советую прочитать отчет Службы Информации — там все написано. А теперь я должна проститься с вами. Благодарю за сотрудничество.

Джордж понял, что пора уходить. Он встал и вышел из Главного управления.

Несколько раз мимо него проходили люди, но ему почему-то не хотелось спрашивать у них дорогу в библиотеку. Джордж снова поковырялся в памяти, но, очевидно, все, что касалось Службы Информации, исчезло в одном из провалов. Более того, он не мог вспомнить, где находились его апартаменты. А ведь они где-то были, и сотрудница в униформе сказала, что там ничего не изменилось. Хорошо, что хоть погода не подвела. День выдался прекрасный — не слишком жаркий и не слишком холодный. Мягкий теплый денек, с ярким солнцем за грудой облаков и нежным ветерком, который с воем пронёсся сквозь арки Главного управления, валя деревья и в без того прилегающем парке.

Джордж шагал мимо больших стволов с широкими кронами и быстро размножавшейся листвой. Интересно, что вначале у него сложилось впечатление, будто листья были зелеными — как всегда. Но потом он понял, что листва лишь казалась зеленой, а на самом деле она самодовольно и крикливо сияла оттенками голубого, оранжевого и сиреневого цветов. Наверное, они сделали какие-то особые посадки, подумал Джордж. Однако он недоумевал, зачем им потребовалось сажать такие лицемерные и крикливые деревья.

Джордж знал, как важны для воспоминаний какие-нибудь зацепки или, говоря по-научному, якоря восприятия. К сожалению, он не знал как следует берегов этой реки и не помнил тех мест, где рыбаки оставляли якоря и лодки. Хотя о таких местах здесь ходило много сплетен и легенд, и он смутно вспоминал об этом, разгребая листву перед глазами и торопливо общарывая берег в поисках зацепок.

Каждый раз, когда он пытался подойти к воде, рядом что-нибудь происходило. Это начинало раздражать, поскольку Джордж действительно хотел войти в воду. И тогда, впервые за долгое время, его кольнула шальная мысль. Он постарался забыть о ней, но она не уходила. Джорджу начало казаться, что им управляет какая-то сила, и именно она осматривала берег, используя его как обычную ищейку. Конечно, он понимал, что подобное невозможно. Это абсолютно не соответствовало логике и доктрине разума. Как и те цветы у реки, явно вышитые на вельвете золотыми нитками. Причем, заметьте, на измятом вельвете, который я специально для вас помял. А впереди простирался берег. И Джордж пошел туда, не сворачивая ни влево, ни вправо. Прямо вперед! И действительно прямо! Он скользнул в воду, стараясь не поднимать ряби, но одна из них все же встала.

Тем не менее приходилось учитывать даже эту маленькую сонную рябь, поскольку именно с таких незначительных и изогнутых сегментов возникали огромные волны, сметавшие с лика земли зеленые леса, большие серые города и задремавшие вулканы. Конечно, для Джорджа такая рябь была простым журчанием, и она не производила на него никакого эффекта. Но на других журчание Джорджа действовало всегда и, что примечательно, всюду.

Однако теперь он мог об этом не думать. Джордж находился в воде. А вы, наверное, знаете, как это здорово плыть на спине и шуриться от отблесков солнечного света. И то был действительно прекрасный момент. Жаль только, что Джорджа в это время мучили колики в животе. Впрочем, такое бывало и не с ним одним. Поэтому он плыл на спине и ждал, когда эта неприятность пройдет сама по себе — или, точнее сказать, выйдет.

Водоем, в котором плавал Джордж, был продолжением узкого и глубокого канала. Между прочим, вода там текла несколько быстрее. Вы когда-нибудь видели, чтобы вода текла несколько быстрее? Но именно так Джордж описывал то, что могло быть выражено другими словами. Он просто не мог ничего с собой поделаться. Это рвалось из него наружу. Более того, Джордж лишь следовал той изящной линии, которую описывал сам канал. И все бы кончилось хорошо, если бы кто-то не дышал ему в затылок.

— Кто здесь?

Джордж выгнул шею, пытаясь рассмотреть существо, задавшее этот вопрос. В воде рядом с ним плыла небольшая черепаха — коробчатая черепаха обычного черепашьего вида, самая непримечательная из всех черепах, хотя наверняка нашлись бы люди, которые назвали бы ее панцирной сухопутной черепахой. Джордж выбросил все это из ума, но мысли прилипли к его пальцам, как осенняя паутина — не совсем бессмысленное легкомысленное осмысление смысла.

— Попридержи коней, приятель, — сказала черепаха. — Ты даже представить себе не можешь, на что похожи твои поганые мысли.

— Откуда вам знать, о чем я думаю? — возмутился Джордж. — И с каких это пор черепахам позволено говорить по-человечески? Здесь вам не легенда о животных и даже не аллегория!

— Забавный ты паренек, Джордж, — сказала черепаха. — Если бы не склонность к монологам, тебе бы не было цены. Неужели ты еще не разглядел наколки на моей спине?

Черепаша развернулась, показывая ему спину. Джордж увидел равносторонний треугольник, составленный из трех тонких линий. Возможно, для черепахи это что-то и означало, но Джордж не собирался принимать на веру мнение какого-то подозрительного земноводного.

— Не валяй дурака, — сказал черепахан. — Тебе от меня так просто не отделаться. Я нарочно показал наколку, чтобы привязать тебя к себе. Потому что теперь, когда ты узнал мою примету, я не позволю тебе уйти. Я не позволю тебе описывать меня!

— А куда вы направляетесь? — спросил Джордж.

Он заметил, что крутые берега как-то уж очень быстро исчезли из виду, и вода, которая минуту назад стремительно мчала его вперед, закружилась теперь в агонии неопределенности.

— Иногда я двигаюсь вперед, — ответил черепахан, — а иногда в сторону.

Поплыв рядом с ним, Джордж убедился в том, что черепахан сказал правду. Узкие протоки пересекали и перекрывали друг друга сложным запутанным узором — причем не просто по разу или по два, но по двенадцать, а то и по четырнадцать раз. Вот почему это длилось так долго. Однако солнечный свет успокаивал. Джордж пока не был готов к переменам или, по крайней мере, к тем переменам, которые набрасываются на вас, когда погода становится решающим фактором.

Между тем проблема вышла в фокус. Фокус у нее не удался — Джордж это понял сразу. Каналы оказались не такими уж и прочными. Более того, тщательный осмотр принес неутешительную оценку, которая, кроме всего прочего, могла стать еще и иллюзорной. От него требовалось только одно — следовать за ходом событий. А кому из нас не хотелось порою того же? Особейно когда рядом бубнил голос зеленой черепахи безумия, и мы предпринимали обходной маневр, отмечавший лобовую атаку проблемы. Это ужасное путешествие начинало затягиваться; ресурсы подходили к концу; рядом плавал наглый черепахан, и Джордж все чаще задумывался о жестокой судьбе, которая увела его от водоема в большом городском сквере, где он работал с сотней других людей под жарким солнцем Вавилона.

Ситуация казалась безвыходной. И даже внезапно возникший мешочек с диалогом почти ничем не помог. Наоборот, в его появлении было что-то ужасное и зловещее, поскольку он приплыл к Джорджу в яркой полосатой коробке.

По прошлому опыту, который он не собирался увековечивать, Джордж относился к коробкам очень настороженно.

— Все это туфта! — сказал мешочек с диалогом, выбираясь из коробки и стряхивая с себя капельки непристойных слов.

— Вот уж чего не знал, того не знал, — признался Джордж.

— Ты в этом уверен? — подозрительно спросил словесный мешочек.

— Я уверен только в том, что вы появились здесь слишком внезапно, — сказал Джордж. — Стоило нам подумать о решительных действиях, как тут же возникает вы и начинаете, извините за выражение, возникать.

— Смотрите, кто заговорил о выражениях! — воскликнул словесный мешок. — Парень, тебе нужна помощь. Ты в это врубаешься или нет?

— Кстати, по поводу вашего вопроса... Что тут происходит? — спросил Джордж.

— Я рад, что ты интересуешься такими вещами, — сказал мешочек с диалогом, и его маленький рот, похожий на бутон розы, изогнулся вверх по уголкам. — Фактически это мы и должны узнать. А ну тихо, парень! Ты ничего не слышишь?

Джордж прислушался и уловил какой-то шлепающий звук, как из той метафоры, которую второпях отлили в кузнице лексикографа. Звук дождя. Вот же черт! В довершение всего ему опять предстояло обмочиться.

— И именно в такой момент, — добавил словесный мешок, пытаясь скрыть отвращение, которое он питал к происходившему.

Прямо перед ними возвышалось кирпичное шестиэтажное строение внушительных форм и размеров. Такой внушительной и шестиэтажной могла быть только библиотека, в этом Джордж не сомневался. Все окна на ее фасаде были заколочены фанерой — вернее, чем-то похожим на фанеру, но более низкого качества. Тем не менее этот прозрачный и хрупкий материал защищал зевак и таких случайных пропльывавших, как Джордж, от летевших во все стороны булыжников и осколков породы. Там, внутри здания, выступая над крышей и выпирая с боков, располагался колоссальный остов молота, к которому тянулись стальные тросы. Подобные хитроумные приспособления обычно назывались гидравлическими — не потому, что ими двигала вода (хотя в каком-то глубоком смысле так оно и было), но потому, что из кессонов этой чудовищной машины, мерцавшей клапанами поршней и долбившей гранит науки, исходил лишь пар и запах сгоревшей смазки.

Так и не разгадав назначения молота, Джордж мысленно покачал головой. Головка массивного пробойника медленно поднималась вверх, затем стремительно опускалась вниз, скрываясь в глубинах скважины. Молодая женщина в кепке, из-под краев которой вились волосы, заплетенные в белокурые косички, сделала паузу и вознамерилась обратиться к нему.

— Эй, ты!

Она все же исполнила свое намерение.

— Вы это мне? — спросил Джордж, демонстрируя тем самым первую часть многословия.

— Да, тебе. Ты не хочешь отойти отсюда на пару шагов?

— Конечно, хочу, — ответил Джордж, источая из себя уступчивость и слащавые улыбки. — Но сначала вы должны мне кое-что сказать. Зачем вам нужна эта штука, которая снует как гидравлический молот?

Блондинка с косичками и кепкой улыбнулась, уловив классически риторический и идиосинкразический намек, заложенный в предпосылку. Ее молот напрасно наносил удары, поскольку предпосылка не уступала в ловкости юркой ласке, а вы, наверное, знаете, что лаской можно добиться всего, что угодно. Но давайте не будем перебрасываться засаленными и заезженными образами — особенно там, где мы можем похорошему договориться и тайком связать слово за слово, если они подходят друг к другу. А если при этом еще спрятать все концы в воду и сделать вид, будто ничего не произошло... Что?

— Я сказал, заткнись! — закричал Джордж.

— Прости, я опять увлекся, — смущенно ответил словесный мешок.

— Куда подевался гидравлический молот?

— С ним, кажется, что-то случилось, — сказала блондинка в кепке.

— Лучше не начинайте этого со мной, — предупредил ее Джордж. — Всем стоять на месте, или я буду стрелять.

— Из чего? — спросила одетая в кепку леди.

Ее вопрос эхом повторили словесный мешок и черепахан, который неожиданно вернулся из своего небытия.

— Нельзя остановить то, чему суждено произойти, — сказала мудрая черепаха. — И тебя не избавит от этого даже твоя борьба.

— Знаешь, я давно хотела тебе кое-что рассказать, — смущенно произнесла белокурая леди. — Ты, конечно, меня не знаешь, но я о тебе достаточно наслышана.

— На самом деле? — спросил Джордж, которому это показалось удивительным.

— Надеюсь, ты готов сделать кое-какую мелочь для всей нашей компании, — сказала она.

— Эй, подождите минуту. Я для этого не готов.

— Джордж, тебя когда-нибудь учили принимать на себя ответственность?

— Нет, черт возьми! Меня этому никогда не учили!

Из-под купола посыпались полчища объяснений. Они были одеты в красное трико и ловко сплетались друг с другом. Эти гибкие эквилибристы казались уверенными и непоколебимыми, но на самом деле выглядели бледно и неубедительно.

Впрочем, ситуация зашла слишком далеко. Я даже не знаю, кто бы выдержал такое. Черт! Куда же подевался кончик этой мысли? Через какую дыру вытекал сюжет? Неужели Джордж действительно менялся, превращался и трансформировался во что-то другое? И что, в конце концов, означали его коробки?

— Полегче, приятель. Успокойся, — шептал словесный мешок.

Он поддерживал Джорджа обоими плечами. Твердо, но мягко.

— Да полегче, ты, здоровый бугай, — закричал он в конце концов. — Я тебе что — подушка?

Джордж застонал и сжал ладонями голову. Она затрещала от боли. Он подозревал, что это была голова какого-то другого человека. Во всяком случае, раньше он таких головных болей не испытывал и, надо признаться, даже не знал, может ли их испытывать вообще.

Все более испарявшееся равновесие перекошилось в сторону и грозно закачалось в предвестии дурных намерений.

— Да не склоняйся ты так! Не напирай! — крихтел, задыхаясь, словесный мешок.

Джордж действительно нарушал все правила склонения на предметы сцены. Тем более что они в этом месте были особенно хрупкими и чувствительными, поскольку, по закону братьев Гримм, помрачение возникает экспоненциально исчезающей ясности. В тот же миг огромный гидравлический молот начал подниматься вверх. Из-под приборной панели послышались приглушенные взрывы маниакального смеха. Динамики дрожали и захлебывались от неотвратимого рока.

Блондинка в кепке — или, судя по ее виду, девушка — первой заметила опасность.

— Он сейчас взорвется! — закричала она. — Мне надо добраться до выпускного вентиля, который должен торчать где-то в этом месте!

И тогда воздалось ей по речам ее. И изверглись из приборной панели голубые струи молний, и женщина сия с визгом и криками пала на спину свою.

— Этот факельщик кроет факсом по всей фактории! — завопил словесный мешок, нанизывая слова в бессмысленную фразу. — Факт! Факт! Факт!

Тем временем Джордж, цепляясь за перила и пуговицы, понемногу приходил в себя. Ему удалось задержать предшествующее падение, но то ли из жалости, то ли по недомыслию он не удосужился посадить его в тюрьму. Эта оплошность тут же дала себя знать и начала истекать значительными событиями.

Бросив быстрый взгляд в сторону, Джордж увидел на своем плече черепаху. По татуировке на панцире он едва не принял ее за шустрого черепахана, но потом вдруг понял, что такой треугольник могло нацарапать себе любое земноводное. А вы думали, что он какой-то простак? Вы думали, он будет повторствовать претензиям болтливых животных и выслушивать бред словесных мешков?

Теплый дождь и холодный ветер хлестали в лицо и пытались вырвать опору из рук. Джордж вдвое усилил свою хватку. Вода начала выделывать мерзкие трюки — она то низвергалась водопадом, то капала, то вновь сочилась тонкой струей. Остальные махали ему руками и кричали о каком-то конце.

— Конец! — вопили они. — Держи конец!

Рядом с ним упала длинная веревка. Но ведь речь могла идти и о той штуке, за которую он держался. В отчаянии Джордж начал хвататься то за одно, то за другое. Конец... Что же они имели в виду?

— Принять швартовы!

Услышав это, Джордж уловил движение судна. Через миг он понял, что ему необходимо попасть на корабль. Джордж еще раз подумал о конце. Он бросил на него последний взгляд, фиксируя в памяти и без того знакомые детали, а потом позволил воспоминанию о гейзере присоединиться к тому, что уже, в метафорическом смысле, истекло на седые гребни волн прекрасного моря.

— Принять...

— Да, да, — раздраженно сказал Джордж и накинул петлю крепежного конца на причальную тумбу. В тот же миг движение корабля замедлилось.

— Прекрасно сделано, сэр! — сказал представительный мужчина.

Этот доселе незнакомый тип вышел из небольшой кабины, которая располагалась на верхней палубе чуть ниже белых парусов, надутых, извините за выражение, ветром. Лицо мужчины напоминало перезревшую грушу с густыми бакенбардами и множеством игривых смешинок, которые прятались за его высокомерным видом. Он был одет в голубой китель с золотой тесьмой и серебряными пуговицами и, представьте себе, носил на голове накладку или парик, а возможно, и то и другое сразу. Наряд довершали треуголка и замшевые панталоны, которые показались Джорджу подозрительно чистыми и белыми.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Ролло — веселый капитан со «Слюнявчика». Неужели не помните? «Привез груз из Иокогам, ничего тебе не дам». Недавно отмечен в морских депешах за успешный перехват арбузов у двух французов. Конечно, теперь я покончил с этими глупостями и стал серьезным морским волком — особенно после того, как Джулия начала травить меня своими претензиями, красноречивым попугаем и парочкой борзых. Но тише! Я слышу ее шаги!

На самом деле этот капитан со «Слюнявчика» не мог слышать никаких шагов, потому что их звук возник только после того, как он закончил свою речь. Сначала скрипнула дверь, и, судя по тому, как она скрипнула, кто-то открыл ее настежь. Затем в проеме появилась женщина, белокурая и полногрудая, не первой молодости, но еще и не тронутая плесенью. Ее притягательную фигуру облегалось платье, с оттенками персика и апельсина. В шелковистые волосы были вплетены темно-синие ленты.

— Эй, парни, кто-нибудь хочет полюбезничать с дамой? — спросила она, и Джордж мгновенно понял, что по какой-то необъяснимой причине судьба столкнула его лицом к лицу со знаменитой и незабвенной Мэй Уэст.

— Мисс Уэст! Как вы здесь оказались?

— Так же, как и ты, глупенький мой. Меня призвали на службу. Но к чему все эти сентиментальные вопросы? Нормальные люди действуют, а не болтают языком. Вопросы с «как» и «почему» — это дурная привычка, от которой тебе пора избавляться, малыш.

Капитан Ролло засмеялся:

— Она восхитительна, правда? Нам просто повезло, что мы взяли ее на борт в Японии.

— А что вы делали в Японии, мисс Уэст? — спросил Джордж.

— Ты когда-нибудь слышал о Шанхайской Лилии? — ответила она вопросом на вопрос.

— Не думаю, что нам надо касаться этой темы прямо сейчас, — сказал капитан.

— Ах, ты так не думаешь? — сердито вскричала мисс Уэст. — А кто ты такой, черт тебя подери?

— Я капитан «Слюнявчика», — ответил Ролло.

— И это с именем Ролло? Не смей меня, дорогуша!

— Дорогие друзья, — вмешался Джордж, — я смотрю, тут недалеко и до потасовки. Может быть, мы лучше попьем чайку?

Его уловка была исполнена самых лучших побуждений, и все присутствовавшие восприняли ее с должным пониманием, в том числе и экипаж авианосца «Слюнявчик», образовавший вдоль бортов две длинные шеренги. Суровые лица лучились загаром южных широт; длинные косы по такому случаю были смазаны дегтем (а надо сказать, что парики в этом женском коллективе не носили из принципа).

Джордж не поленился рассмотреть океан. Как он и подозревал, тот оказался картонным. Кто-то раскрасил его в цвета моря небрежными и неровными мазками. Так вот, значит, что они пытались всучить ему под шумок! Он потянулся рукой к тревожному звонку, но маленькая кнопка видоизменилась в клапан давления, а затем в какую-то трубку из мягкого металла. Джордж так и не узнал, во что же, наконец, превратилась эта штука, потому что капитан Ролло прихлопнул ее рукой, прежде чем она окончательно сформировалась.

— Зачем поднимать лишний шум? — сказал капитан. — Мы прекрасно можем разобраться между собой. Мисс Уэст, могу я узнать, в конце концов, что вы сделали с Джулией?

— Забудь о ней, — ответила Мэй. — Ее сбросили в прикуп на одной из предыдущих встреч. Неужели ты забыл, мой храбрый моряк?

— Вот так всегда! Не посоветуются со мной, натворят глупостей, а потом кричат, что у них не пошел сюжет. Как будто у меня нет других проблем! Я вам еще не говорил о своей подагре? И о своих язвах тоже? И о шпагах? Неужели я не рассказывал вам о ручных обезьянах и о том, как странно они выражают свою благодарность? Тогда, может быть, мне лучше объяснить вам главную линию нашей политики и тот неверный поворот, который мы сделали в Пиринеях?

Внезапно раздался приглушенный выстрел, и моментом позже в нос «Слюнявчика» вонзилось пушечное ядро.

— Круто! — похвалил капитан. — Стоило нам взяться за дело, как кто-то уже пошел в атаку. Вы только посмотрите на моих парней у нок-реи! До них уже дошло!

Четверка парней, известных как доходяги Ролло, ловко забралась на снасти и побежали вверх по веревкам, канатам и фалам, по шкотам, шнуркам и лентам печатной машинки, по голубиным перьям, тополинному пуху и прочей ерунде, которая порой почти не касалась рангоутов корабля. Шкоты еще не высохли после дождя, и поэтому парни какое-то время бездельничали у смотровой корзины. Для забавы они принялись окликать друг друга фальцетом, а затем их голоса перешли на пронзительный писк и достигли верхней точки. Но четверка дозорных не пожелала останавливаться на этом. Они продолжали карабкаться вверх, поднимаясь в воздух по невидимым вантам, пока наконец не исчезли в ближайшей куче кучевых облаков.

— Не слишком ли высоко для простых дозорных? — язвительно поинтересовался Джордж. — Может быть, они спустятся теперь к народу и расскажут нам, что к чему?

— Полагаю, вы хотите узнать, есть ли у нас какой-нибудь шанс на спасение? — спросил капитан.

Джордж пока об этом не думал, но всему наступает свой черед; и он не желал упускать такую возможность — возможность узнать что-нибудь похожее на то, о чем говорил капитан. Вот почему он вытащил из портсигара сигарету, отхлебнул крепкий, но мягкий напиток из квадратной темной бутылки, которой довелось стать простодушным автором многих из его бед, а также бед его верного друга, словесного мешка, и, прочистив горло, хрипло сказал:

— Вам лучше найти для всего этого какое-то разумное объяснение.

— Мне нравится ваша глупость, Джордж, — с веселым смехом призналась мисс Уэст.

— Упрямяк, как всегда, — фыркнул ей в ответ капитан.

— Думаю, мы могли бы перекинуться в картишки, — предложила их дама.

— У нас не хватает людей для партии, — ответил Джордж, еще не решив, нравится ли ему такое предложение.

Но, как обычно, он сказал не те слова, и в мгновение ока, в краткий миг между одним процентом вдоха и следующим, на юте появилась шумная компания людей из разных стран и далеких времен; между ними даже затесался мужичок, подозрительно похожий на Сократа, хотя и остальные выглядели такими историческими знаменитостями, как, например, Иван

Грозный, Бела Лугоси*, Зазу Питц и вплоть до того момента, когда у вас уже опускались руки, поскольку они понятия не имели о чувстве меры.

— Ты хочешь сказать, что они удрали? — гневно спросил генерал Цефалио Вегас у своего помощника, симпатичного, но безответственного дона Хорхе де лас Агвиларс де Оро де Сан Висенте и Сан Хуан, известного среди друзей как Джордж, и это американское упрощение применялось лишь потому, что Хорхе два года обучался в Принстоне, в институте Продвинутого исследования, где он специализировался по темам, связанным с жестокостью интеллекта великого древнего ацтекского мыслителя Хулио Сифуэнтеса — древнего вождя, свергнутого в свои последние дни волной революционного мятежа и тем самым низринутого на ту свалку исторических отбросов, которая находится чуть дальше Метаморов.

— Я хочу сказать, Твое Превосходительство, что им удалось убежать.

Такое обращение Хорхе или Джорджа объяснялось тем, что Цефалио был ему давним другом — с тех самых дней, когда они мальчишками бегали по Санта-Флоре де лас Зверес; в те годы, когда посвящение в общество коробок казалось им высшей целью жизни. Ах, молодость, молодость! Тем не менее он знал, что его длительное знакомство с Цефалио не имело теперь былой цены и особенно в данный момент, когда на карту было поставлено почти все — ранчо, белокурая женщина с севера, маленькое английское судно, стоявшее на якоре в гавани, и, наконец, массивное строение Бастилии, перенесенное за большие деньги из самого Парижа, — вот что сейчас решало ход событий.

— Здесь нет ничьей вины, — добавил Джордж. — Думаю, ты понимаешь, что стечение обстоятельств, которые послужили причиной их бегства, возможно и вероятно, никогда не стекалось прежде и, по-видимому, никогда не стечется вновь.

— Как же мне это узнать наверняка? — спросил Цефалио, царственно опускаясь в тростниковое кресло — красивый и гордый южанин в большой шляпе и с неизменной черной сигарой в зубах под летним солнцем в пыльном глинобитном городишке Мексики, которой еще лишь предстояло появиться на свет и помочь нам вырваться из оков реальности, если только у нас хватит для этого сил. — Как ты думаешь, они далеко успели уйти?

* Американский актер, прославившийся ролями злодеев в фильмах ужасов. (Примеч. ред.)

— Я полагаю, они теперь уже на полпути к Гакаллиону.

— А ты учел бандитские нападения на железной дороге в провинциальном городе Сан Хуан де лас Фруктофрескас?

— Да, я принял это в расчет, когда делал свои вычисления, — ответил Джордж. — Но если они на полпути к Гакаллиону, то их отряд сейчас находится где-то в середине ущелья Сломанной спины в провинции Слерамио.

— Если только они не выбрали более нормальный путь через джунгли, — резко ответил Цефалио.

— Они там не пойдут, Твое Превосходительство. Ты хочешь спросить, откуда я это знаю? Да потому что Стобридж, их предводитель, считает себя умнее меня. Эту иллюзию он питает с тех дней, когда мы оба учились в Итоне. Но, поскольку я знаю об этом, мне нетрудно понять, что он не воспринимает меня как соперника и не находит нужным придумывать планы, которые бы я действительно не мог разгадать. Вот почему теперь, после того как мы просчитали каждый его шаг, нам требуется лишь предпринять соответствующие действия.

— Соответствующие действия! — задумчиво повторил Цефалио. — Если бы мы только знали, что это такое!

Долгое время генерал смотрел на верного друга немигающим взором. На мгновение он снова стал старым Цефалио, которого Джордж знал столько лет — до того, как солнечный свет и ночная мгла раскололи между ними небесное царство, и когда в мире еще был мир. Но потом глаза Цефалио снова заморгали; маленькие шторки из угриной кожи задвигались вверх и вниз, сверкая чужеземным лаком; и генерал, смахнув скупую слезу, взмахнул недрогнувшей рукой. В тот же миг солдат, невидимо стоявший на страже, выпрыгнул перед ним, с усами и всем прочим.

— Да, мой генерал? — сказал он, отдавая честь.

Однако Джордж был сыт по горло этими извращениями. Он отшел Цефалио прочь, опознав в нем еще одно из тех ложных воспоминаний, которое ему имплантировали в голову, чтобы свести с ума. Но доктор Азов и его зловещие помощники с бледными лицами выполнили свою работу недостаточно умело. Тот, кто всматривался в глубь явлений, без труда замечал края внедрений в зоне психомоторных воспоминаний, а Джордж, как лучший из операторов Серого Корпуса, считался экспертом по психам и моторам. Только так можно было противостоять врагу, который, овладев нашими землями, женщинами и рабочими местами, пытался теперь аннулировать наши души и превратить цвет нации в недееспособных идиотов. Но, несмотря на

на что, человек все же мог обнаружить края искусственной памяти; он мог отодрать эту неровную заплатку, прижать свой глаз к маленькой щелочке и заглянуть в колдовской котел творения, в тот темный центр, из которого происходило все. Хотя многие от этого сходили с ума.

Капитан, поймав его за таким недостойным занятием, тактично прочистил горло. Джордж быстро отпрянул от щелки и сделал вид, что ничего не случилось.

— Вы что-то хотели?..

— Напомнить вам о правилах приличия.

— Продолжайте, — сказал Джордж.

— Только не в присутствии дам, — ответил капитан.

— Вы не можете сказать мне ничего такого, о чем бы я уже не знала, — заявила мисс Уэст, и ее безмятежность превратила эти слова в легкую и светлую шутку.

— Продолжайте, если вы мужчина, — настаивал Джордж. — Почему вы вдруг остановились?

— Между прочим, мы вам не обещали, что поплывем дальше, — огрызнулся капитан. — Захотели, вот и остановились! Ясно?

— Конечно, нет. Но я не собираюсь вводить вас в затруднительное положение — особенно мисс Уэст.

— Вот видите, — сказал капитан, обращаясь к Мэй, — он не собирается вводить вас в положение. Однако он и пальцем не шевельнет для того, чтобы поддержать наш сюжет в такую Богом данную минуту, когда мы, наконец, собрались все вместе — вы, я, Джордж и наша команда с косичками и ленточками. Опомнитесь, мой друг! Это здесь настоящая стрельба и тяжелая упорная работа! Это здесь вас ожидают подвиги и великие свершения! Мы могли бы поручить вам что-нибудь действительно серьезное — например, сосчитать каждую заклепку в этом картонном море. Так нет же! Вы задумали сойти на сушу! Вы решили уйти от борьбы и опустить свои два цента в то место, которое вам не принадлежит!

— Капитан, я попросил бы вас держать себя в руках...

Однако уговоры уже не помогали. Кожа на лице капитана покраснела. В его черных как смоль волосах появились перья; нос вырос и загнулся крючком. На бронзовой груди возник ритуальный рисунок Большой Коробки. Осмотрев себя с головы до пят, Ролло горько воскликнул:

— Что же вы с нами делаете, Джордж? Нет! Только не это!

Глубоко вздохнув, он собрал всю силу своей воли и внезапно исчез. Он исчез, как луч света. Как крик «эй, бампа-бомпо», который замолкает, едва вы его услышите. И именно

так пронеслась эта неделя для Джорджа. Хотя ему было в принципе все равно.

— Вы следующая, мисс, — сказал Джордж.

— Да брось ты эти глупости, — хихикнула Мэй. — Давай лучше как следует повеселимся.

— Нет, — ответил Джордж. — Не время для веселья. Страх — вот горький плод отчаяния. Волны не знают о том, что скрыто в глубинах. И в такое время, как это, нам следует забыть...

Мэй сделала брезгливый жест — вернее, брезгливенький жестик. Этого было достаточно. Она испарилась. Она исчезла, чтобы воссоединиться с капитаном, или, что более вероятно, уйти в ту огромную страну возможностей, куда удаляются герои пьес, когда мы расходимся от сцены.

— Наконец-то я от них отделался, — сказал себе Джордж.

— Мог бы и нам кое-что объяснить, — проворчал словесный мешок.

— Черт, ты по-прежнему здесь? — спросил Джордж.

— Тебе лучше в это поверить, приятель, — ответил словесный мешок.

— И я тоже по-прежнему здесь, — добавил черепахан.

— Но где мы находимся? — поинтересовался мешочек.

— Мне кажется, это авианосец «Слюнявчик», — сказал Джордж.

— Неплохая попытка, Джордж, — похвалил черепахан. — Однако ты стартовал немного поздно. Лавина уже пронеслась. Я, конечно, извиняюсь, но прошлого не вернешь. И «Слюнявчик», во всей своей неисполненной славе, ушел в небытие.

— Тогда где же мы сейчас? — спросил Джордж.

— Мне очень не хочется говорить ему это, но похоже, что мы нигде, — шепнул черепахан словесному мешку, и тот повторил фразу вслух — буквально, слово в слово.

— Нигде? — изумленно переспросил Джордж.

— Нигде, — подтвердил черепахан с тем самым невозмутимым видом, который так типичен для взрослых особей его вида; а ведь он, между прочим, уже подбирался к семи годам.

В лесу наступал вечер — один из тех чудесных тихих вечеров, когда хвойные деревья примеряют шляпки облаков, а маленькие кусты роняют алые слезинки ягод, сожалея о том, что такой прекрасный день уже не повторится. Шагая по едва заметной тропе, Джордж наслаждался красотами природы, однако его восторг все больше пригибался к земле под тяжестью черепахи, которая висела у него на спине. Словесный мешочек вел себя скромнее. Он уместился в одном из больших

карманов куртки и спокойно дремал. Но черепахан, будучи криминальным авторитетом, обладал солидным весом. И, когда он начал петь, Джорджу стало вообще невмоготу.

- Мне надоело висеть в знакомой роще
- И с болью в сердце вспоминать о доброй теще.
- А кореша метают харч, и душу рвет надсадный плач,
- Но за деревьями ждет суд и злой палач.

(Припев:)

А песня летит прямо в небо,
Как ласточка под небеса,
Туда, где ни разу я не был,
Где ангел творит чудеса...

- Я бы просил, — сказал Джордж.
- Что-что? Не понял? — спросил черепахан.
- Вы не могли бы воздержаться от пения?
- Хочешь сказать, что тебе не нравится моя песня?
- Она меня тревожит, — ответил Джордж.

— Хм-м, а я ведь выбрал самую задушевную, — обиженно произнес черепахан. — Эй, мешок! А ты что скажешь? Тебя тут тоже что-то тревожит?

Словесный мешок осторожно выполз из кармана Джорджа и свесил вниз свои крохотные лексикографические ножки.

— Я не знаю, где мы сейчас находимся, — сказал он. — Поэтому какая-то доля тревоги, конечно же, есть. Но меня успокаивает окружающее нас великолепие, которое не скоро забудется усталому путнику. Как вам такой ответ?

— Неужели вас даже не интересует, где вы находитесь? — возмутился Джордж.

— А что тут такого интересного? — недоуменно спросил черепахан. — Я сижу на твоей спине, а мешочек торчит в твоём кармане.

Мешочек действительно торчал. От него немного попахивало таблетками и эфиром.

— Куда же нам в таком случае идти?

— Давай не будем тревожиться об этом, — успокоил его черепахан. — Просто шагай себе по этой дорожке и шагай.

— По какой дорожке?

— А ты сделай ее, тогда увидишь.

Джордж не хотел подчиняться приказам какой-то черепахи — тем более что она могла оказаться панцирной и сухопутной. От такой мысли у него даже мурашки побежали по коже. На всякий случай он сошел с дороги, на которую его вывел черепахан, и, надо сказать, сошел вовремя. В тот же самый миг

мимо него с ревом пронесся большой грузовик с огромными колесами, который выскочил из каких-то внутренних потаенных уголков леса и помчался к каким-то внешним потаенным уголкам.

— Это еще что такое? — воскликнул Джордж.

Грузовик с водителем в ковбойской шляпе лихо развернулся вокруг молоденькой сосны и вновь направился к Джорджу. Мотор взревел, к его грозному рыку прибавилось сиплое сопение, которое могло исходить только из камеры карбюратора, и Джордж понял, что все это не к добру. Особенно ему не понравился сам грузовик. Огромную квадратную кабину украшала психоделическая живопись, выполненная в манере дневного гляuca — а между тем мода на такие вещи прошла уже давным-давно. Он встал на дыбы или, лучше сказать, припарковался на поляне, порывивая мотором, сморкаясь серым дымом из широких выхлопных труб и посвистывая клапаном радиатора.

— Я думаю, тебе стоило бы поговорить с ним, — предложил словесный мешок. — Во всяком случае, ты не развалишься, если скажешь ему пару ласковых слов. Сделай первый шаг, а мы посмотрим, что у тебя выйдет.

— Лично я больше не буду смотреть на то, что из него выйдет, — сказал черепахан, брезгливо поморщившись. — Мне уже надоели ваши детские забавы и всякие там неожиданности.

Грузовик подъехал ближе, и Джордж заметил женщину, которая сидела рядом с водителем. Ее густые рыжие волосы ниспадали на плечи как заросли плюща; непослушные локоны завивались в маленькие кольца и спирали, сквозь которые тускло поблескивали пронизательные глаза. Грузовик начал останавливаться, потом полностью остановился и наконец замер на месте. Джордж сжал зубы, сдерживая подступившую дрожь. Ситуация выглядела опасной — особенно когда мужчина вытащил из кобуры револьвер, сделанный из крепкого орешника и вороненой стали, а затем жестом велел женщине выйти из кабины.

Джордж хотел выбежать из кустов и представиться этой милой паре, но что-то заставило его изменить свое решение. Очевидно, не последнюю роль здесь сыграли бархатные тени леса, спокойствие дня, нежный ветерок и белки, участливо кивавшие с макушек деревьев. Вспомнив, что за показ денег не берут, Джордж решил немного понаблюдать.

— Я тоже хочу посмотреть, — сказал словесный мешок и начал карабкаться на панцирь черепахи.

А что ему еще оставалось делать, если остальные не подумались поддержать его маленькую подушечку, которая, в сущности, тоже была мешочком — пусть для бобов, но зато расшитым цветными нитками?

— А сейчас я вот что тебе покажу, — сказал похожий на ковбоя тип своей рыжеволосой подружке. — Я покажу тебе, как надо защищаться. Ты же знаешь, как я тревожусь за тебя. Ты знаешь, как мне тяжело оставлять свою крошку в маленьком домике посреди дикой прерии, где на сотни миль лишь трава да унылый ветер, где за целый век не увидишь ни одной живой души, где ты остаешься одна, без оружия, с одним лишь зубчатым гребнем прекрасной старинной работы, и никто тебя не защитит, если что-нибудь произойдет, стрясется или смахнется.

— Ах, Люк, — ответила женщина. — Я даже понятия не имела, что ты обо мне так заботишься. Все это время я думала, что ты ценишь меня только за мои языковые навыки — за то, что я стала моноглотом и заслужила среди обитателей наших мест почетную славу непревзойденного таланта.

— Ладно, смотри внимательно, — сказал ковбой и расстегнул фуфайку, накинутую поверх патронташа, к которому крепились его джинсы, заправленные с другого конца в ботинки из сыромятной кожи, поскольку он ставил их на порядок выше той сухомятной обуви, которую носило большинство горожан. — Сначала берешь эту штуку за кончик и нажимаешь ее вот сюда. А это называется предохраняющим средством. Ну-ка, попробуй.

Девушка с кудряшками спустила предохранитель, револьвер бабахнул, и гулкое эхо выстрела понеслось по лесу. Шальная пуля, чиркнув по дюжине деревьев, отрикошетила от мостовой и влетела в узкий переулок, который вел к лагерю поселенцев. В тот же миг ребенок или, возможно, карлик — о чем было трудно судить на таком большом расстоянии — издал встревоженный крик и рухнул замертво, словно макрель, взлетевшая на луну.

— Для начала неплохо, — похвалил свою подружку ковбой. — А теперь нам надо выбрать какую-нибудь новую цель.

Он обернулся, увидел Джорджа и начал наводить на него оружие.

— Эй! Подождите минуту! — закричал Джордж.

Он торопливо прыгнул за ствол дерева и ненароком вспугнул королевского аиста, который сидел там на корточках, разминая клочок газеты.

— Извините, — сказал Джордж. — Но этот безумец пытается меня пристрелить.

— В таком случае мы должны предпринять какие-то действия, — ответил аист.

Он взлетел на толстую ветвь, отыскал в стволе потайное дупло и вытащил оттуда прекрасный тисовый лук и каленую стрелу.

— Вот, смотрите!

Встав в позу, которая невероятно трудна для аистов, он натянул тетиву и выпустил стрелу. Та, наслаждаясь чувством полета, воспарила к небесам, затем накренилась и начала свой долгий спуск обратно на землю.

— Осторожно! — воскликнул Джордж.

Но было слишком поздно. Стрела с бронебойной боевой головкой вонзилась в кабину и нанесла грузовику серьезное ранение.

— Святой броненосец! — вскричал мужчина.

Его привычка к присказкам свидетельствовала о том, что он происходил из племени апачей или трепачей, хотя никто из них больше не следовал обрядам и священным тропам своего народа. Разложив подбитый грузовик на газоне, мужчина осмотрел ужасную рану.

— Выглядит не так уж и плохо, — сказал он сам себе и влил в мотор бутылку вальволиновой смазки.

Двигатель издал протестующий вздох, дважды тренькнул и вырубился мертвым сном.

— Скажи, он поправится? — спросила девушка с кудряшками и слезами на глазах.

Ее рыжие волосы затрепетали в порыве ветерка, светлая юбка взмахнула широким подолом, и под тонкой блузой из дорогой первосортной материи проявились набухшие соски дерзкой и прекрасной девичьей груди. Еще не будучи понятой, она скромно дарила надежду на начало любовной сцены или даже, если повезет, на настоящий сексуальный роман.

— А что это вы тут подсматриваете? — закричал словесный мешок.

— Тебе-то какое дело? — ответил Джордж, инстинктивно съежившись и прикрыв руками покрасневшие уши.

— Ладно, забудь, — сказал словесный мешок. — Я ведь это только так — для смеха.

— Твои шутки начинают плохо пахнуть, — сердито проворчал Джордж.

В тот же миг ковбой и рыжая леди, странно засопев, повернулись в его сторону. Узнав Джорджа, мужчина сдвинул на затылок большую шляпу и разочарованно сказал:

— Ну вот! Это напоминает мне историю о том мужике, который увидел жабу и привязанную на веревке гваделупу.

— Если хочешь, я могу перевести тебе эту фразу, — сказал Джорджу словесный мешок.

— Лучше заткнись, — ответил Джордж. — Я и сам понимаю, о чем он говорит.

Повернувшись к ковбою и сделав широкий взмах рукой, Джордж дипломатично сказал:

— Вы куда-то направлялись? Не так ли? Может быть, вы возьмете с собой меня, все мое движимое имущество и относящиеся ко мне вещи?

— И-у-я-се-е! — произнес ковбой, а затем вытер с губы слюну, поскольку фраза оказалась слишком смачной. — А вы разве едете туда же, куда и мы?

— Наверное, — ответил Джордж.

Что-то внутри его протестовало против такой манеры диалога, но менять ее было уже поздно. Словесный мешочек с перепугу прятался за костной оболочкой органа понимания, и Джорджу не оставалось ничего другого, как только подстраиваться под его костноязычие.

Они забрались в грузовик и какое-то время ехали в полном молчании — или, вернее, в неполном молчании, поскольку оно нарушалось ревом мотора и надоедливым чавканьем черепахана, который объедал молодые побеги синтаксиса.

Моноглоты не ожидали, что их будут описывать так скоро. Чтобы навести марафет, они разбежались по костюмерным. Многие остановили свой выбор на трех ногах и одной руке — последнему писку парижской моды. Когда они вышли из вивгамов со своими стилями и кутюрье, среди них возникла небольшая давка. В принципе Джордж видел индустриальные районы и похуже этого, но тогда было другое время. Теперь, после долгих лет, жизнь моноглотов казалась вынужденной поправкой. Если только из них не сделали исключение.

Увидев рыжеволосую женщину, моноглоты закричали:

— О, спасительница и воспроизводительница нашего племени!

Они говорили что-то еще, но качество света не удовлетворяло стандартам, и края кадров напозлали на центр.

— Ну, что я скажу? Серость! Склеп! — возмущался словесный мешок. — Выглядит более чем отвратительно. Куда вы поставили этого идиота? А куда он направился сейчас?

Ковбой щелкнул поводьями и развернул грузовик на объездную магистраль, которая замыкала в кольцо большое скопление городов. На пути к ближайшему из них стояло пять шлагбаумов, но водитель, оживший от быстрой езды, игнорировал предупредительные вспышки своей зажигалки. Он переключил передачу и помчался вперед на взятом в кредит транспортном средстве. Но камуфляж подвел; кабина, несмотря на раскраску, оказалась слишком заметной, и за ними увязалась погоня. В большой коробке, привязанной ремнями к багажному контейнеру, Джордж и черепахан обнаружили винтовки. Они сбывли их погоне без лишних слов, потому что на разговоры не осталось времени. Да и не было нужды о чем-то говорить. Вернее, нужда была, и даже очень большая, но Джорджа опять никто не слушал.

— Что это за место? — спросил он.

— По-моему, выглядит как Покомоко, — сказала их спутница, и, когда ей не удалось вытянуть из себя ни одного другого сравнения, она вытянула длинную шею.

В ту же минуту к центральным воротам подскакал породистый жеребец. Наездник гарцевал и кичился раздвоенной плешью, которая в те дни входила в моду среди сумасшедших, бродяг и других сумасбродов.

Потом через ворота проехали они. Костяшки ковбоя побелели на рулевом колесе, но створки ворот оказались не такими уж и крепкими. Грузовик промчался мимо длинного ряда абрикосовых деревьев и выехал с клумбы на городскую улицу.

Кругом мелькали толпы статистов. Они явно преобладали в этом городе, и многие из них носили яркие костюмы. Очевидно, здесь намечался какой-то праздник. Музыканты настраивали инструменты, погодка была что надо, и машина причин и следствий уже заходила на посадочную полосу.

Направление, выбранное ковбоем, оказалось не совсем случайным, но лишь наивные люди могли бы полагать, что Джордж не заметил этой детали. Наблюдатели стояли за каждым углом; они знали, что таким героям, как Джордж, иногда удавалось прорываться сквозь периметр. Они боялись этих гордых и отчаянных воинов, которые проходили через боль и наслаждение, через густые сети анализов и проб к тому заветному и светлому, чем были одержимы. Джордж без труда узнавал наблюдателей по голым черепам — от частых выводов у них выводились волосы. В целях конспирации им разрешали делать лишь по одному выводу на голову, и тех, кто нарушал это правило, подвергали дисциплинарным взысканиям. Во

всяком случае, так происходило в недобрые старые деньки — перед тем как возобладало благоразумие.

Никто не хотел признавать себя побежденным. Но многие к этому быстро привыкли. Лишь некоторые скользили бесшумно во тьме, когда прожектора ошупывали землю, и запрещающие знаки, как огромные стрелы, указывали на стоянку в небесах. Но смельчаки отправлялись дальше, мимо пулеметных гнезд и автоматов с газированной водой, мимо старой пушки, снятой со «Слюнявчика» и установленной здесь — в этом гиблом месте, где никто не придет спасти тебя, меня и Матильду.

Но давайте не будем подрывать себе здоровье надуманными и затянутыми измышлениями. Короче говоря, уже через каких-то полчаса Джордж сидел на кушетке и читал газету, в то время как женщина в низком декольте пыталась стянуть с него брюки и ботинки.

К счастью, ей это не удалось. Джордж заметил воровку и отбросил газету в сторону. Ее низкое декольте выходило за все допустимые границы, и он больше не мог притворяться безучастным.

Поболтавшись немного вокруг, Джордж ушел на дальний конец города. К тому времени уже стемнело, и темнота была составлена не просто из кусочков тьмы, а из чего-то такого, в сравнении с чем концепция мрака могла показаться ярким светом. Или это ему действительно так казалось.

— Джордж! Вот ты где!

Это был грубый голос, привыкший отдавать команды. В тот же миг Джордж испытал внезапный и скоротечный приступ психической глухоты, который усложнялся истерическими конвергенциями.

Как вы понимаете, за ним началась погоня. Кто-то решил выяснить, сколько Джордж может пройти, ни о чем не думая. Но ведь и бизон не думает, спасая свою жизнь; он просто пытается вырваться на свободу, чтобы там, в укромном месте, посреди раздольной равнины, поднять свою темную голову, стряхнуть пену с пересохших губ и вернуться к более приятным размышлениям.

Сюжет захлебывался в хаосе несвязанных частей и требовал аварийной остановки. Все начинало разваливаться на части. Джордж это предвидел давно, и он сожалел, что так получилось. Конечно, потеря мисс Уэст далась ему нелегко, но он должен был отбросить этот сырой и некачественный материал. Он должен был встать и сделать что-нибудь — снять с печи горшок, как говорили в народе. Образы потекли быстрее, они замелькали перед глазами, как розовые летучие мыши, но

Джордж не стал тратить время на их классификацию. Он жал на все тормоза; в счет шла каждая секунда. Какая-то сила мешала ему добраться до желанной тины. А зачем вам жабры, как не для того, чтобы вовремя лечь на дно? Джордж энергично дернулся и смело прополз еще немного, однако движение вдруг оборвалось, и он который раз осознал всю тщетность и суетность бытия. Ему захотелось сдаться, сложить с себя взытые обязательства и в смирении удалиться прочь.

— За что мне чаша сия? Почему я должен делать все это?

— Не волнуйся, — ответил черепахан. — Мы сделаем это за тебя. Верно, ветряной мешок?

— Во-первых, я словесный, а не ветряной, — поправил его мешок. — А во-вторых, ты просто абсолютный болван, если думаешь, что между нами могут существовать какие-то партнерские отношения.

— Я только пытался помочь этому парню, — сказал черепахан, указывая короткопалой лапой на курчавую голову, которая торчала в трясине.

И тут на белом коне появилась белокурая леди. На ней была умопомрачительная упряжь лихой наездницы — вся из белой оленьей кожи вплоть до шляпы, которой она махала толпе. В руке она держала звездно-полосатый флаг, трепетавший от страха на кончике длинного древка.

Жеребец всхрапывал и рыл копытами землю, потому что следом за ним шагала группа мужчин, одетых в кричащие клетчатые костюмы и необычно молчаливые соломенные шляпы. Мужчины раздавали людям образцы новейших медикаментов фирмы «Пофиг», которые помогали адаптироваться ко всему, что происходило или могло произойти.

Потребность в таком лекарстве ощущалась давно. Люди становились все более угрюмыми и злыми, доходя порой до открытой враждебности, когда рядом с их домами из армированного картона проступала голая и лишенная растительности земля. В некоторых частях Нью-Джерси вспыхивали бунты. В Акрон, штат Огайо, несколько раз вызывались войска. Но подаватели населения в смятении отступали прочь, когда им вновь и вновь указывали на то, что они не говорили по-испански. Подобные инциденты случались едва ли не каждый день. И никто не знал, когда этому придет конец — а главное, откуда он придет и какой именно. Неразбериха усилилась до такой степени, что репортеры уже не находили слов, которые могли бы нам рассказать, в каком дерьме мы оказались. Хотя никто тогда себе подобных задач не ставил. Реальность исчезла за ширмой нового видения истории. Все совпадения,

случайности и странности происходили с другими людьми, но не в нашей стране и, увы, не с нами.

Конечно, простой просмотр ежедневных газет не показал бы вам, насколько гротескной была та ситуация. Но разве можно судить о реальной жизни по газетам? Разве это нормально? Люди, которые задавали такие вопросы, находили себя в куче проблем. Маленький вопрос о природе реальности приводил к большой беде, не говоря уже о том, что вы тем самым привлекали к себе пристальное внимание ФБР.

«У танцора танго маленькая язва. Как поняли? Прием». Кто не слышал этих милых и понятных фраз, которыми так любят перебрасываться друг с другом агенты ФБР? Трое из них следовали за мужчинами, которые раздавали таблетки фирмы «Нафиг». Их пальцы нервно покоились на тетиве десятизарядных барабанных луков. Между тем переносчики медицинских образцов не обращали на агентов никакого внимания. Они знали, что их пропустят через сито проверки. Эти парни могли воображать о себе все что угодно, но даже в самых диких грезах они не ожидали закончить жизнь, раздавая дармовые таблетки на углу двух улиц в безымянном городе, который был слишком печален, чтобы в нем жить.

Женщина поклонилась толпе. Но толпа смотрела на нее неопределенно. А как еще простому народу смотреть на весь этот цирк? Данный вопрос был выставлен на народный референдум, и по рядам прокатилась волна предложений.

— Где они откопали ее, эту кобылу на белом коне, со звездным флагом нашей страны, которая среди прочих достоинств провозглашает право на непрокисуемость стуженного молока?

— Где-то я ее уже видел, — сказал небольшой мужчина в аляпистом галстуке и котелке, стоявший у обочины, на которой ковбой припарковал свои четыре колеса.

Внезапно мужчина исчез с той живостью, которая характерна только для очень плохих сюжетов. Ни один уважающий себя персонаж не станет появляться на сцене лишь для того, чтобы сказать пару слов; пусть даже это будет его эпитафия или что-то еще, чего мы здесь касаться не будем.

Но вернемся к Джорджу с его черепахой и словесным мешком, который своими криками и визгом начинал напоминать небольшой катаклизм, отмеченный в таких великих мифах мира, как Жизель и Венгрия, Маленький Бу-Ползунчик, Хензель унд ди Готердаммерунг, Самбо и Близнецы Тамбурти и многие другие.

— А что она там делает на этой лошади? — внезапно выпалил мешок.

Джордж и мужчина в галстук посмотрели друг на друга.

— Какой любопытный вопрос! — произнес мужчина.

— А что вы так смотрите на меня? — возмутился Джордж. — Это, между прочим, не я... Ну, вы сами понимаете, что я имею в виду.

— Но это же ваш словесный мешок, — настаивал мужчина.

Внезапно на его лице промелькнуло странное выражение. В тот же миг в воздухе пахнуло чем-то новым и тревожным. Это дуновение времени ошеломляло своей простотой и реализмом. Словно громкий пук в легкой дреме, как сказал великий поэт.

— Послушайте, дядя, — завелся словесный мешок. — Мне не нравятся ваши игры с предлогами. Я не его словесный мешок и ни чей-то там еще. Я свой собственный и без права передачи по наследству.

— А вот здесь позвольте с вами не согласиться, — воодушевился мужчина. — Вполне очевидно, что вы являетесь аллегорией на некоего грамотея, из которого слова сыплются как, извините, из мешка.

Мешку тем белый конь был действительно прекрасен. Черепаха смотрела на него чуть дыша. Какие глаза! Какая грива! Черепакан застонал, усилием воли воспроизвел процесс, о котором знают только черепахи, и превратил себя в женскую особь с целью будущих грез о дружбе и любви. Неплохая компенсация за панцирь, правда?

— Господи, как он мил, — шептала черепаха. — Но что ему взять с меня? Я простое земноводное существо с равнобедренным треугольником на спине, да к тому же еще и страдающее от сексуальной неудовлетворенности.

Она жаловалась на нынешние времена и на вредное влияние различных химикатов, которые не только выбрасывались в атмосферу из всевозможных труб, но и соединялись в стратосфере друг с другом — и это там, среди молний и дождя, в тончайших слоях воздуха, где молекулы могли дышать полной грудью и в минуты безветрия улетать далеко-далеко.

И именно там вредоносные газы соединялись и порождали новое зло — сверхмощные облака с кислотной начинкой. Эту гадость называли летучей взвесью, и она воздействовала не только на людей, но и на животных. Под натиском взвеси наш мир дрожал и размывался. Говоря языком науки, она вызывала самопроизвольное молекулярное отклонение границ реальности, и поэтому ее иногда называли смогом. Но данный термин

не отражал действительного положения вещей, и мы, как всегда, лишь приближались к сути явления.

Белый конь об этом ничего не знал, потому что он воспринимал реальность со своей лошадиной точки зрения. Однако его взгляд на мир ничем не уступал нашему — я имею в виду нас, черепах.

Леди подбросила свою шляпу в воздух, а затем показала ее публике с обеих сторон. Шляпа была пуста, но наездница вытащила из нее голубя, который тут же взлетел к облакам. Вслед за ним появилась летучая мышь, вымазанная для эффекта белой краской. Она тоже упорхнула вверх по забавной спирали, однако ее номер не произвел особого впечатления.

А дама разошлась не на шутку. Она опустила на одно колено, вновь помахала шляпой и трижды похлопала ее рукой. Оттуда заструились реки вина, к которым бросились жаждающие толпы. Не прошло и секунды, как реки превратились в змей. Народ отпрянул назад. По рядам прокатился недовольный ропот.

Джордж смотрел на фокусы, разинув рот. Это были не какие-то дешевые трюки, а настоящее мастерство. И тут до него дошло, что он перенесся в какое-то странное место, потому что вещи подобного рода случались только с другими и где-то там еще.

Словесный мешок наблюдал за представлением почти без интереса. Он привык составлять свое мнение быстро и основательно, затрачивая на обдумывание вещей лишь несколько наносекунд.

И он уже сделал окончательный вывод. Вернее, мешочек чувствовал размеры и форму вывода, но ни одна из фраз не подходила для точного описания. Ни одна, представляете? Это звучало как парадокс, но он, словесный мешок, не мог найти нужного слова. Застонав от отчаяния, мешочек распорол свой свежий шов в левом нижнем углу, и слова полились из него обильной струей:

— Есть вещи, которые продолжают существовать даже после того, как исчезает их суть. И я не напрашивался на эту работу. Всею виной плохая привычка автора, которому нравится размышлять о написании фраз перед тем, как строки ложатся на бумагу. Но разве можно рассказать о запахе зимнего дыма с неуловимой горечью смолы в один из тех темных вечеров, когда мир выглядит так, будто он готовится к смерти? Я не хочу показаться мрачным, но это невозможно. А потом вы видите девушку в белой шляпе, на белом скакуне, цветущую тем великолепием, которому место лишь в прошлом,

и ее смех струится как водопад, застывший на кончике потока, где звенят колокола нашей юности. И в этой наступившей тишине, в этом квадрате света, который еще не пожрала сумерки, вам вдруг становится ясно, что вы уже бывали здесь — пусть даже и неопишуемым, ускользающим от воображения образом.

Да, подобные мысли воспринимаются нелегко, и поэтому мы обычно отметаем их прочь со смехом и сарказмом. Так случается всегда, успокаиваете вы себя и идете дальше, расшвыривая листья на своем пути, эту былую славу лета, потому что вам заранее известно, что впереди уже ничего не будет, кроме суровой реальности зимы.

И тогда вы понимаете, что возможна другая жизнь, что вам надо сделать крутой поворот и поменять какие-то вещи — если только вы не словесный мешок, втиснутый в странную сцену с персонажем по имени Джордж и с безымянной леди в белых кожаных брюках на белом скакуне.

Внезапно из толпы вышел высокий мужчина с татуировкой на лице — на его щеке виднелась бабочка с красно-зелеными крыльями. Он шел напролом, обламывая наречия, которые возникали по сторонам, и его окружало облако смуты и недовольства. Подойдя ближе, мужчина с бабочкой протянул руку и схватил словесный мешок.

Джордж от испуга замер на месте. А потом уже было поздно предпринимать какие-то действия.

— На помощь! — закричал словесный мешочек.

— Тише, мой маленький друг, — сказал мужчина. — Это мне нужна твоя помощь.

— Что за странные слова я слышу? — воскликнул словесный мешок.

— Пусть странные, но правдивые. Знай же, мой славный мешочек, что я прилетел сюда с планеты Эксцелмии, где во время внезапной антимифозной инфекции были утеряны все разговорные языки. В тот ужасный год по галактике пронесся демиллилогизирующий вирус, и наша планета оказалась на его пути. С тех пор осталось лишь несколько хранилищ слов, и они как колодцы в огромной пустыне смятения и непонимания. Каждый хочет испить из них, но жажда так велика, что в результате возникают войны. И нет надежды на третейский суд, так как нам приходится сражаться даже за те слова, которые могли бы дать людям мир и согласие.

— Да, круто там у вас, — заметил словесный мешок. — Но мне не совсем понятно...

— Я уже подхожу к концу, — сказал мужчина. — Ты будешь нашим спасителем. Разве тебе не это хотелось услышать?

— Возможно, — ответил словесный мешок.

— Мы хотим, чтобы ты полетел с нами и научил нас своим неограниченным возможностям выражения. Нам хочется, чтобы ты странствовал по нашей планете и одевал мир в слова. Мы же будем следовать за тобой и вести записи твоих речей. И все, что ты скажешь, будет нашей логикой, нашим синтаксисом и нашей реальностью. Как тебе это нравится?

— Твоя речь напоминает хорошую острогу, — с усмешкой ответил словесный мешок. — Но сначала я должен поговорить с Джорджем.

Однако прежде чем он успел обсудить свою дилемму с Джорджем, женщина в белом вытащила из седельной сумки маленький предмет, и тот тут же превратился в зеленого слепня. Конечно, неплохо появляться на сцену подобным образом, но с этим слепнем было что-то не так. Когда он пару раз пронесся над толпой, всем стало ясно, что ему не хватает опыта в жужжании. А что может быть хуже чуждого нам насекомого, которое, жужжа, пытается выдать себя за что-то земное? Джордж вспотел при мысли о том, что жужжащий слепень появился лишь для того, чтобы создать в сюжете полную неопределенность. Фактически он даже перегрузил эту сцену.

Тем временем женщина хлопнула в ладоши и повернула прекрасное личико к слепню.

— На место! — сказала она, и насекомое вернулось в сферу неосязаемого.

А диорама казалась будто живой. Когда Джордж впервые взглянул на нее, он увидел какой-то коричневый предмет, пересекавший каменистую осыпь. Присмотревшись, он узнал в нем зайца — маленького и облезлого, но все-таки зайца.

— Как же это возможно? — с удивлением воскликнул Джордж. — Неужели вы поместили туда и что-то живое?

— Там все живое, — ответил техник.

И тогда Джордж увидел, как из-за горы появились доисторические люди, одетые в медвежьи шкуры. Два охотника из палеолита остановились и устало оперлись на копья. Их женщины начали разжигать небольшой костер. Почти у задника диорамы располагались скалы, край утеса и несколько деревьев. За ними начинался нарисованный ландшафт — огромное пространство уходящей вдаль равнины (а может быть, вельда, прерии или степи). И все это выглядело очень живо — особенно женщины, которые так мило склонились к

костру, и их мужчины, карманьонцы, судя по большим карманам и сходству с греческими богами, высокие, красивые и светложие люди, с вполне разившимися черепами и орлиными чертами лица, не говоря уже о длинных волнистых волосах их дам, которым позавидовала бы любая современная женщина. А вокруг простирался новый мир, где все еще предстояло сделать и придумать — мир на рассвете времени, столь чудесно изображенный на картинах Лескокса. И вряд ли эти карманы представляли, как им повезло.

— Великолепно, — сказал Джордж. — Значит, вы отслеживаете в прошлом какую-то группу пещерных людей, а затем проецируете сюда сцены их жизни?

— Нет никакой разницы между тем, что происходило с этими пещерными людьми в прошлом, и тем, что вы видите сейчас, — ответил техник.

— А как вам это удалось?

— Магическая симпатическая инженерия, — ответил техник.

— Кажется, я об этом что-то слышал, — сказал Джордж.

Он снова повернулся к диораме и присмотрелся к тому, чем занимались пещерные люди. Те разводили костер и, видимо, собирались готовить обед.

— У них там овца, которую они хотят сварить, — вскричал Джордж, напряженно склоняясь вперед.

Он с огромным интересом наблюдал за происходящим, поскольку в Мясном университете его профилирующим предметом было жаркое из барашка, а непрофилирующим — свиные маринованные ножки.

— Осторожно! — закричал техник. — Не подходите так близко!

— Можете обо мне беспокоиться, — ответил Джордж, и в тот же миг его нога сорвалась с помоста.

Не успел он опомниться, как пол лаборатории ускользнул из-под него куда-то вверх и под ногами зашуршала каменная осыпь. Ему еще повезло, что он свалился сюда, а не в пропасть, хотя, с другой стороны, Джордж тогда бы просто упал, а не попал в диораму.

Магда нашла его на восточном хребте, где он осматривал гору. Восстановив равновесие, Джордж понял, что в прежний сюжет ему уже не вернуться. Он стоял на каменной тропе, зажатой между отвесной скалой и бездонной пропастью. Заглянув в черневшую глубину, Джордж поспешно отступил от края бездны. Все это, конечно, могло оказаться игрой его воображения, но он решил не рисковать, поскольку даже

воображаемое падение с такой высоты неизбежно привело бы к смертельному исходу.

Осмотревшись, Джордж увидел диораму, которой он уже любовался прежде. Только на этот раз он находился внутри ее. «Вот ведь невезение, — подумал Джордж. — Что же мне теперь делать?» И тогда Джордж решил как-нибудь выбраться из этой картины и вернуться туда, где он был раньше.

В эту минуту из-за поворота тропы появилась женщина, которая испуганно остановилась, заметив незнакомого мужчину. У нее были темные волосы и стройная фигура, слегка прикрытая шкурой антилопы. На ногах виднелись элегантные сандалии из люцитана — естественного древесного продукта, который напоминал крокодиловую кожу.

— Кто ты? — спросила она.

— Меня зовут Джордж, — ответил он. — Я пришел из другого мира.

— А я вышла на утреннюю прогулку, — сказала женщина, — и вот, совершенно случайно, встретила тебя. Но где же находится этот твой мир?

— Он в будущем, — ответил Джордж. — В далеком будущем. Я собираюсь вернуться туда в самое ближайшее время. А вас, извините, как-нибудь зовут?

— Я — Магда, — представилась она. — Женщина Ульдрайка Небольшого Но Очень Сильного.

— Не имел удовольствия знать такого, — сказал Джордж.

— Скоро узнаешь. И у тебя не будет никакого удовольствия, можешь мне поверить на слово.

— Где вы научились говорить по-английски? — спросил Джордж.

— Я говорю на раннем карманьонском, — ответила женщина.

— Это я перевожу для тебя ее слова, — шепнул Джорджу на ухо словесный мешок.

Джордж уже успел о нем позабыть, но мешочек и сам о себе позаботился. Он оседлал шею Джорджа чуть ниже воротничка, а черепаха, которая стала теперь очень маленькой и сонной, свернулась на нем посапывающим калачиком.

— Да, видок у тебя еще тот, — сказала женщина. — Жди меня здесь. Я кое-кого приведу.

Прежде чем Джордж успел возразить (а он в принципе это и собирался сделать), женщина развернулась и убежала за поворот тропы. Джордж неуверенно потоптался на месте, пошел в другую сторону, но примерно через двадцать ярдов уткнулся носом в каменную стену. Тропа закончилась; дальше

дороги не было — ни в обход скалы, ни над ней, ни даже под ней.

— Что-то нам вообще не везет, — проворчал Джордж и, сев на камень, начал ждать возвращения женщины.

Она появилась достаточно быстро в сопровождении рослого широкоплечего мужчины. Тот носил через плечо синий кушак, на котором поблескивал значок помощника шерифа.

— Так-так, — сказал он. — Я помощник шерифа Юрич. К нам поступило донесение, что вы являетесь необъяснимым явлением. Поэтому, гражданин, попрошу объясниться и показать какие-нибудь документы.

Джордж не имел при себе никаких документов. Помощник шерифа велел ему пройти в участок, пообещав разобраться с ним по прибытии на стоянку.

Стоянка карманьонцев больше походила на лежанку, потому что все они лежали вокруг костра и обсуждали вопрос, который вновь и вновь усложнял их примитивные жизни. Они спорили о том, как им приготовить жаркое из барашка.

— Прежде всего нам надо решить, где мы его будем жарить, — разумно заметил Лефтий.

— Прошлый раз мы оставили его на солнце, — сказала Магда.

— И солнце усыпало мясо личинками, — добавил Лефке.

— Хотя баранина осталась такой же твердой, как и была, — произнес кто-то еще. — Но теперь мы должны зажарить эту штуку по-настоящему!

Зажаривание барашка всегда считалось нелегким делом. Обычно племя Лефке привлекало к этому рабов, в чьи обязанности входило поддержание огня и освежеванной туши. Чаще всего дело кончалось серьезными ожогами пальцев и кистей рук, поэтому время от времени люди придумывали разные уловки. В дни великих побед для жарки использовали по нескольку пар рабов, и там, где один поджарник сжигал себе что-нибудь до костей, дюжина их обходилась мелкими волдырями. Однако все понимали, что это еще не предел, и поиски лучшего способа продолжались.

— Где раб?

— Мертв. Или, говоря языком наших потомков, отбросил копыта и сыграл в ящик. У нас не осталось больше ни одного раба. Все они ушли за великой наградой к далекому небу.

— Кто же нам тогда будет жарить жаркое?

— Вы забыли о нашей пылающей горе! Давайте бросим барашка в лаву!

— Подождите! — закричал Джордж. — Думаю, мы можем найти более рациональное решение, чем жарить мясо голыми руками.

— Вот этого я и боялся, — сказал Хенке. — Он мне сразу показался рационализатором. А вы ведь помните, как эти парни уничтожили всех динозавров. Давайте убьем его и вернемся к укладу прежних дней.

И тут из-за скалы вышло двое мужчин, одетых в темные деловые костюмы. Один из них нес в руке длинный металлический прут. Воровато осмотревшись, они торопливо положили прут на землю и вернулись к скале. Но выход к тому времени исчез. Они оказались запертыми в плейстоцене до утра, и им предстояло провести здесь долгую ночь, наполненную криками мамонтов и пещерных львов. К счастью, они захватили с собой коробочки с ланчем.

Как выяснилось, мужчины работали музейными смотрителями, и их не устраивал вялотекущий прогресс карманнонцев.

— Эти люди даже не пытаются что-то делать. Может быть, вы нам подскажите какой-то выход?

Они изо всех сил старались завязать беседу с Джорджем.

— Вы часто посещаете эти места?

Смотрители развели костер. Своим появлением они освободили Джорджа от множества проблем. Но был ли он благодарен им за это? Вряд ли. Джордж стоял в стороне и смотрел на пир дикарей. Даже на таком расстоянии он мог видеть, как они ели тушеного барашка, поливая его тем анахренизмом, от которого потом произошли соусы и приправы. Подобная дальновзоркость Джорджа объяснялась исключительной чистотой воздуха, присущей только предысторическим временам, когда люди использовали глаза, а не очки.

Между тем металлический прут значительно ускорил приготовление жаркого. Хромой Нарвал, один из старейшин племени, заявил, что с такой штукой жарить барашка «так же легко, как дуть». Это выражение было использовано впервые, но оно тут же получило одобрение всего племени. Идея дуть на барашка, а впоследствии и вообще на еду, или, в дальнейшем развитии, надувать все, во что можно ткнуть прутком или предметом, похожим на палку, быстро распространилась по всем племенам плейстоцена и нашла свое отражение в культуре. Впрочем, подобные вещи случались тогда повсеместно. Плевать кусками мяса стало символом гнева, хотя против этого яро возражали племена плеваков, обитавшие в центральных тропических джунглях. В противовес остальным они

настаивали на тщательном вылизывании мяса, утверждая, что тем самым предохраняется «истинный исток всех слов».

Конечно, все это произошло гораздо позже. А в тот момент Джордж жадно поедал куски жаркого и, высасывая из костей мозг, поглядывал в сторону зрителей, с которыми он хотел вернуться в свой век. Они по-прежнему держались в стороне от стоянки. Джордж решил присоединиться к ним и, взев на всякий случай прут, пошел по узкой тропинке. Он понимал, что в его руках находился уникальный предмет — единственный в то время артефакт грядущей культуры. От осознания такого события по пальцам Джорджа потекли струйки пота — и не только по пальцам, но и ногам. Ему все чаще приходилось обходить кучки камней, живописно наваленные у основания скал. Отыскав свободное место, он осмотрел большой валун, у которого можно было оставить артефакт культуры. Почти гладкая поверхность камня натолкнула его на мысль о наскальных рисунках. Джорджу захотелось написать что-нибудь грядущим потомкам, но, как на беду, упав в диораму, он не захватил с собой пишущих инструментов. Оставив артефакт у валуна, Джордж отступил на шаг и вдруг почувствовал, как заскользили его колеса. Это странное ощущение могло ошеломить любого. Исход не был фатальным, но и не подлежал сомнению. Его ботинок (насчет «колес» Джордж, конечно, загнул) поскользнулся на кучке детской неожиданности, которую он не заметил на фоне других куч из более твердого материала. Взлетая вверх, вторая нога слабо цапнула по грунту, а затем все тело, подчиняясь закону Ома, последовало за пятками и по пологой дуге начало опускаться в уже упомянутое нами безобразии. Буквально через миг, хотя субъективный опыт говорил о значительно большем сроке, Джордж упал на кучу, которая показала ему теперь неожиданностью перепуганной студентки — а вы, наверно, можете себе представить эту раннюю и не слишком удачную форму пльвуна.

Упав в пльвун, он почувствовал стремительное вращение — вернее, центростремительное, поскольку оно возникло не по его вине. Джорджа начало затягивать в огромную воронку, и от испуга он даже не сразу догадался расставить руки и остановить это движение. Первая попытка оказалась неудачной, поскольку крохотные микроорганизмы, обитавшие между фрагментами пльвуна, успели подать апелляцию в кассационный суд. Их движение быстро охватывало новые слои, и Джордж продолжал падать куда-то вниз, фыркая и гневно отплеываясь, но уже не жарким из барашка, а тем, что попадало ему в рот.

К счастью, щитки на носу не дали ему задохнуться. Тем не менее он знал, что если в ближайшие минуты с ним не случится какого-то светлого явления природы, то надвигающаяся угроза смерти разразится настоящей грозой. И все это время в его уме звучал мотив — тум-ти-ти-та — веселая песня, которая могла быть только «Амаполой». А падение все продолжалось и продолжалось, и пули выбивали пыльные пятна на зеленом сукне, но даже в своем воображении Джордж не понимал, на кой черт он приплел сюда эти пули.

Хотя на самом деле падение оказалось не таким уж и ужасным. Во всяком случае, не каждая его часть. Это, между прочим, древняя мудрость, о которой догадывались еще самые первые люди. Та часть падения, в которой он попал под подземный дождь, а потом та, где на своде пещеры мигали яркие слюдяные точки, доставили ему истинное эстетическое наслаждение. Впрочем, Джорджу понравились и морские львы, и даже моржи с шарами. Их было немного, этих светлых полос, но они поддерживали его до тех пор, пока он наконец не плюхнулся в большую кучу на полу пещеры, которая находилась ниже всего, что ему довелось пролететь во время падения.

Быстро оценив ситуацию, Джордж успокоился и оценил ее еще раз, но уже медленно. Он сидел на земле неподалеку от группы шимпанзе. Обезьяны собрались вокруг высокой насыпи, в которой Джордж узнал термитник. Они ковыряли эту кучу палочками, вытаскивали из нее личинок, а затем поедали их, запивая шимпанзским из лучших запасов обезьянника.

— Наверное, вы удивляетесь, что встретили нас здесь? — спросил крупный пожилой шимпанзе, с седыми волосами и в мексиканской шляпе, которая вызвала у Джорджа кое-какие подозрения.

— Что это за чучело? — спросила одна из самочек, которую все называли Лейлой.

— Наверное, примат родственного вида, — ответил Сакс, вожак стаи. — Хотя его две ноги кажутся мне жалкой пародией на двуногость. А вы только посмотрите на его узкий рот, крохотные ноздри и отсутствие крепкой лобовой кости! Взгляните на его ботинки — это явный признак того, что он читает книги.

— Дай ему одну личинку, — сказала Лейла. — Эй ты, обезьяна, хочешь личинку?

Джордж немного смутился, поскольку в его мире люди не ели личинок на первое — да и на второе тоже. Но потом он вспомнил, что в былые дни такие личинки делались из марци-

пана и особенно ценились под мокрое портвейнское, которое соперничало с сухим румынским, приготовленным из лучших перечных стручков.

— Хорошо, но только одну, — ответил он и положил бледную штучку в рот.

Личинка оказалась довольно вкусной, поэтому Джордж решил подумать о возможности добавки. Он уже освоился с этой тактикой выжидания, к которой ему теперь приходилось прибегать все чаще и чаще.

— Хочешь еще одну? — спросила Лейла.

— Ладно, давайте, — ответил Джордж.

— А он неплохо умеет говорить, — сказала Лейла Саксу.

Откуда-то издалека доносилась мелодия. Она усилилась, и Джордж узнал звуки флейты и тамбурина. Они исходили оттуда, где, по его мнению, должен был находиться задний проход пещеры, поскольку там пространство сужалось до початка кукурузы и тонуло в непроглядной тьме.

Повернувшись к заднему проходу, Джордж начал смотреть во все глаза. Вскоре оттуда появился небольшой ансамбль, составленный из тамбуринов и флейт, и, что характерно, это были не просто инструменты, а игроки, которые без труда исполняли самые замысловатые мелодии. Джорджу они показались похожими на пукделей или даже на гепердов.

— Привет всем, — сказал вожак гепердов. — Мы пришли сюда, чтобы немного вас повеселить.

Джордж знал, что гепердам не полагалось играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и на немзыкальных тоже. Тем не менее он промолчал, понимая, что здесь, на заре времени, многие роли еще ожидали своего распределения, и никто толком не был уверен, кому и за что хвататься.

Геперды пришли известить об открытии нового салона мод, где слоны собирались продемонстрировать причуды своего туалета. К слову сказать, эта идея настолько опередила свое время, что так и не нашла окончательного завершения.

Джордж торопливо осмотрелся, пытаясь найти выход из пещеры. Здесь и без слонов уже не хватало места. Он содрогнулся, представив, какой затор они устроили бы в таком закупоренном пространстве. Но слоны не пришли. Под давлением невразумительных обстоятельств они решили отложить визит до лучших времен и ограничились письменными извинениями. К сожалению, последние оказались сильно измятыми, поскольку геперды использовали их вместо партитур и музыкальных нот

Послышался мягкий шлепок, и что-то, свалившись с невидимого потолка, упало Джорджу прямо на колени. Как он и подозревал, это был словесный мешок.

— И в какую же беду ты впутался на этот раз? — спросил мешочек.

— Только не надо валить на меня вину, — возмутился Джордж. — Я просто упал в дыру, вот и все.

— Этого вполне достаточно, — произнес словесный мешок. — Ты довел сюжет до полного безрассудства. И теперь, чтобы создать атмосферу взаимопонимания, нам надо выпустить какой-нибудь свежий флюид.

— Нет, только не это! — закричали шимпанзе.

— Поздно, — ответил словесный мешок. — Дело уже сделано.

По ходу тех ужасных событий, которые в последнее время сотрясали эти места, люди часто становились свидетелями странных и необъяснимых явлений. Они видели говорящих животных, салоны слоновьих мод и термитники с органическими телетайпными лентами. На ликвидацию аномальных зон были брошены значительные силы. В критических местах располагались словесные мешки. Правительство отчаянно пыталось поставить ситуацию под контроль и подвергнуть ее дальнейшему анализу. Но молодежь оставалась безучастной; она уже не видела жизни без пещер и марципана, поэтому следовало найти какую-то новую уловку.

— Только прошу тебя, никаких новых уловок, — взмолился Джордж. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть к этому.

— У нас нет больше времени! — резко оборвал его словесный мешок. — Даже теперь, в начале всех вещей! Разве ты не заметил тенденции предметов собираться вокруг друг друга и таким образом принимать вид порядка и здравого смысла? Неужели тебя не тревожит то, что происходит вокруг? Джордж, я не зря заговорил о твоём пристрастии к марципану! Оно становится просто маниакальным! Нам надо убираться отсюда ко всем чертям!

Но Джордж не нуждался в уговорах. Он вскарабкался на ноги, расправил свои затекшие члены и пошел туда, куда ему захотелось пойти.

— Не сюда! — шептал словесный мешок.

Джордж повернулся и пошел в противоположном направлении.

— Ты что — с ума сошел? — закричал черепахан, который, как оказалось, спал внутри словесного мешка.

Джордж развернулся вокруг и попытался что-нибудь придумать.

— Типичная человеческая дилемма, — сказал старый, умудренный опытом Сакс.

Шимпанзе презрительно сплюнул и снова отвернулся к термитнику. Лейла, молодая самочка, захихикала и почесала свой носик перышком.

Джордж с удивлением взглянул на перо. Откуда оно тут появилось?

— Посмотри сюда, — раздался голос.

Джордж взглянул вверх. Над его головой кружило пернатое существо, немного похожее на синюю птицу счастья. Позже выяснилось, что это была синяя птица сомнений.

— Следуй за мной! — прокричала синяя птица.

— Да будет день! — воскликнул Джордж.

И тут он почувствовал, что его неудержимо поднимало в воздух. Через миг недержание исчезло, но ему удалось сохранить тенденцию подъема. Он схватил словесный мешок и воспарил над изумленными гепердами.

Итак, как вы, наверное, уже догадались, Джордж оказался в воздухе — в той самой лучистой окружающей среде, которая, несмотря на свою безвредность, служит всему прочему фоном, то основанием. Джордж медленно и напряженно поднимался вверх, пока к нему наконец не пришло чувство облегчения. И как же приятно было вернуться на свежий воздух, где потоки ветра оведали разгоряченное тело и рассказывали свои маленькие истории! Северный ветер говорил о славе, о лавинах и льдах в глубоком безмолвии; южный ветер, пропахший пряностями, нашептывал о дальних странах в сердце пустынь. Восточный ветер смущал коварством и злобой, а западный — пел о царствах, куда рвалась утомленная душа.

Воспаря все выше и выше, Джордж облетал различные предметы, которые тоже почему-то находились в воздухе. Тут были стулья и школьные парты, карандаши и авторучки, корзины с фруктами и целое дерево, которое, судя по табличке, прикрепленной к нему, называлось можжевельником. Это дерево гордо проплыло мимо него, нацелив корни прямо в поднебесье.

Вскоре Джордж обнаружил, что, двигая руками, он мог не только менять направление, но и увеличивать скорость полета. Заколотив ладонями по воздуху, он свернул на запад — в ту часть света, которая казалась ему более таинственной и привлекательной. Джордж поднимался над крышами парившей деревни, и люди махали ему, а он им. В этом было что-то

неправильное и восхитительное; он взглянул вниз, и там на огромной золотой втулке вращалась земля. Мимо пролетела птица, белая, с черными кончиками крыльев. Она посмотрела на Джорджа бусинками глаз, опустила одно крыло и в быстром выраже умчалась прочь.

Вещи обступали его со всех сторон. У Джорджа складывалось впечатление, что воздух сам является отдельным миром — той сферой, которая характеризовалась полнотой, а не пустотой. Он видел здесь города и башни, небесные реки, созданные из воздуха, и они отличались от того, что их окружало, чем-то неуловимо тонким и почти неосязаемым. Джордж поднялся еще немного и заметил впереди себя какую-то маленькую сияющую точку. Он полетел к ней, корректируя курс изящными и плавными движениями пальцев. Объект приблизился, вырос в размерах, и тогда Джордж понял, что перед ним в океане неба маячил белый парус.

Да, он подлетал к небольшой белой яхте с ослепительно белым парусом, в центре которого виднелся странный и загадочный символ — круг, пересеченный двумя линиями.

Он подлетал все ближе и ближе, и судно становилось все больше и больше. Но как бы пристально Джордж ни осматривал палубу, он так и не увидел на ней ни одного человека.

— Пусть это тебя не волнует, — сказал черепахан. — Морской закон гласит, что если ты встречаешь лодку и она оказывается незанятой, то эта лодка может стать твоей.

— В твоих словах нет никакой логики, — сказал словесный мешок. — Яхты на волнах не валяются, и эта лодка тоже должна кому-нибудь принадлежать. Но давайте не будем гадать. Пролетим парус и посмотрим, что случится дальше.

Джордж и сам так подумал. Но яхта выглядела слишком уж заманчиво — с высоким резным корпусом и широким парусом, с блестящими тросами и незакрепленным румпелем. Подлетев сбоку, Джордж вскарабкался на борт.

— Теперь она уже не выглядит такой необитаемой, — сказал словесный мешок. — Джордж, ты не мог бы положить меня на эту скамеечку? Я хочу немного передохнуть.

Джордж выполнил его просьбу. Черепахан, перестав наконец-то ворчать, устроился на носу яхты и подставил свой панцирь под жаркие лучи полуденного солнца. К тому времени яхта развернулась и, слегка кренясь под напором свежего ветра, помчалась в каком-то определенном направлении.

— Интересно, куда мы плывем? — спросил Джордж.

— Не задавай глупых вопросов, — ответил черепахан. — Только ты об этом и знаешь.

Лодка приближалась к гряде облаков — к огромным белым штукам с черными и пурпурными днищами. Джордж хотел проплыть прямо через них, но какое-то смутное предчувствие заставило его направить яхту вдоль гряды. Вытянув руку, он коснулся одного из облаков, и его худшие подозрения подтвердились; пальцы наткнулись на твердый остов, который скрывался под пушистой внешней частью. Переступив через борт, Джордж шагнул в облако. Но перед этим он нашел прочный канат, привязал его к носу яхты и взял второй конец с собой. Его не прельщала идея оказаться черт знает где, на необитаемом острове, хотя в своих грезах он не раз проводил в таких местах недельку, а то и две.

Джордж пошел по краю облака, выискивая проход среди холмов, которые вздымались причудливыми и неприступными кручами. Заметив подходящую тропу, он начал подниматься вверх.

— Эй, Джордж, не бросай нас здесь! — закричал ему вслед черепахан.

— Мне хочется немного осмотреться, — ответил Джордж. — Я скоро вернусь назад.

— Все они так говорят, — проворчал словесный мешок.

Джордж прекрасно понимал их чувства, начиная от осязания и обоняния и кончая слухом. Но ему действительно хотелось осмотреться и увидеть все, что находилось на твердом облаке. У самой вершины он обнаружил вход на лестничную клетку и, спустившись по ступеням, попал в великолепный зал, стены которого были покрыты шелковыми портьерами. Около низкого стола, ломившегося от изысканных яств, стояли резные кушетки, обитые тончайшим дамастом. От горячих блюд шел пар, от холодных закусок веяло холодом, и все выглядело так, будто здесь кого-то ждали. Он осмотрелся, заглянул под стол и кушетки, но не обнаружил ни хозяев, ни гостей.

Джордж сел, потом снова встал. Это место смущало его чем-то странным и неправильным. В нем чувствовался какой-то изъян, какая-то незавершенность сюжета. Кому предназначался пиршественный стол? Джордж должен был в этом разобраться.

Пройдя по залу, он заметил еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела в следующее помещение внутри облака. Табличка на ней гласила следующее: «Лучше не открывай, если не хочешь сюрприза»

Джордж не чувствовал особой предрасположенности к сюрпризам. Вернувшись к столу, он сел на кушетку и осмотрел

продукты питания. Рядом с ним стояли подносы с креветками, сбоку виднелась жареная говядина двух сортов, а чуть дальше находились горшочки с супом, салат с кусочками бекона и множество прочих яств. Джордж не знал, что ему делать, но он не находил ничего зазорного в небольшой дегустации некоторых блюд. Судя по всему, хозяева куда-то ушли и в принципе могли не вернуться. Кроме того, этот шикарный стол могли приготовить специально для него. Успокоив себя таким предположением, он поднял толстозадую креветку, макнул ее в соус из куриных потрошков и засунул в рот.

В тот же миг зал наполнился звоном гонга.

— Это еще что такое? — проворчал он, торопливо прожевывая и глотая креветку.

В боковой стене открылась доселе невидимая дверь. В зал медленно вошла процессия дев — шесть юных созданий, одетых в платья из кружев и тонкой прозрачной ткани. И каждая из них была краше другой.

— Приветствуем тебя, о наш гость! — закричали они.

— Большое вам спасибо, — ответил Джордж.

— Мы долго ждали твоего прихода.

— Все это, конечно, мило, но только как вы меня могли ждать, если пару минут назад я и сам не знал, что приду сюда?

— Наш повелитель велел нам приготовить прием для барышника, и вот ты явился к нам!

— Так кого же вы ждали? Меня или этого типа? — спросил Джордж.

— Мы ждали барышника. То есть тебя. А разве что-то не так?

Джордж даже не знал, что ответить. В общем-то он не прочь был заменить какого-то барышника, но ему не хотелось вляпаться в новую беду. Он повернулся к словесному мешку:

— Ты что-нибудь слышал о барышнике?

— Подожди минуту.

Внутри мешка послышался шуршащий звук, будто множество пальцев зашелестели бесчисленными томами справочной литературы. Через некоторое время шум затих, и словесный мешок сказал:

— Нет, о таком здесь ничего не говорится.

— Я тоже о нем не слышал, — вклинился в разговор черепахан. — Но думаю, ты должен немного рискнуть.

Джордж повернулся к девам:

— А как выглядит этот ваш барышник?

— Если бы мы знали, как он выглядит, то не сомневались бы сейчас — ты это или не ты, — сказала девушка постарше. — Но, может быть, нам вообще не стоило его ждать?

— Может быть, и не стоило, — ответил Джордж. — А позвольте спросить, так, шутки ради, что произошло бы, если бы я оказался не барышником?

— Это очень непростой вопрос, — ответила старшая из девиц. — Тебя ожидали бы тогда большие неприятности. А возможно, даже смерть в недалеком будущем. Но разве ты не барышник?

— Я этого не говорил, — произнес Джордж, выкрутившись с такой быстротой, что протер дыру в материале мироздания. — Во всяком случае, вы не докажете, что я вам в этом признался, поскольку никому из вас не известно, как выглядит барышник. Скажите, а что вы вообще обо мне думаете?

— Твое появление в этот день, твоя нелепая челка и тот факт, что ты носишь словесный мешок и черепаху, — все это точно совпадает с написанным в древние времена манускриптом, который пришел к нам из давно забытых веков.

— А! Теперь я понимаю, — сказал Джордж. — И что же ждет меня как барышника?

— Много приятных вещей, — с чарующей улыбкой ответила молодая барышня.

У нее были каштановые волосы и очень многообещающий вид.

— Ах вот как! — воскликнул Джордж. — Тогда позвольте представиться: я — отпетый барышник.

Внезапно наступила гробовая тишина. Джордж содрогнулся, осознав свою опрометчивость. Он вновь пошел против собственных правил, нарушив принципы окольности и подвешенности. Впрочем, даже ему иногда доводилось совершать поступки. Все в этом мире когда-нибудь кончается, и время от времени приходится наводить мосты к тому далекому и неясному, что возникает в воздухе, как белый парус, украшенный непонятным символом.

— Он — отпетый барышник! — закричала барышня постарше.

И остальные — а их к тому времени стало гораздо больше — дружно запели:

Барышник, барышник, улетай через поля,
Где белеют кости тех, кто погиб до тебя.
Нам не вынести слез в эти долгие ночи,
Если выклюет ворон твои черные очи.

Не успели они пропеть последнюю строчку песни, как Джордж услышал громкий звук, напоминавший тяжелую поступь великана — гиганта, обутого в порванные башмаки с торчавшими наружу сапожными гвоздями. Звук исходил издалека, где бы оно там ни было.

— Это еще что такое? — спросил Джордж.

— Это великан, — ответила старая дева. — Каждый раз, как к нам приходит какой-нибудь барышник, он пробуждается от спячки и тоже спешит сюда.

— А что он делает, этот гигант?

— Он пыхтит, иногда плюется, но вреда от него не бывает — вернее, не так много.

Только теперь Джордж заметил несколько щелей, которые виднелись из-под ковров на полу. Оттуда потянуло сквозняком, и ветерок зашелестел страницами газет, лежавших на журнальном столике. Сквозняк крепчал, постепенно превращаясь в ветер. Джордж почувствовал, как в его рукав вцепилась черепаха.

— Пора сматываться, Джордж. Скорее, или будет поздно.

Джордж был того же мнения. У него сложилось впечатление, что он может не справиться с миссией барышника. Это наверняка привело бы к каким-то непоправимым и, возможно, фатальным последствиям, а Джорджу не хотелось ни первых, ни вторых. Выскользнув ужом через иллюминатор, он вернулся на палубу яхты. Черепахан и словесный мешок упорно цеплялись за его шею. Впрочем, от существ из грез не так-то просто избавиться.

Под натиском свежего ветра яхта накренилась и понеслась вперед. Между тем здесь имелось несколько других ветров, и терпеть садизм какого-то шквала не было никакой необходимости. Джордж повернул румпель в сторону, но в тот же миг на их маленькое судно обрушилась волна небытия, и, когда ее воды схлынули с палубы, вокруг них раскинулось чистое пространство, ожидавшее новых образов и картин.

— Эй, взгляните туда! — закричал черепахан. — Неужели не видите? Это же антилопы и остолопы! А значит, где-то рядом земля!

Взглянув в указанном направлении, Джордж увидел вельд или какое-то другое природно-климатическое образование. Среди длинной травы и колючих деревьев бродили неизменные антилопы и неизбежные остолопы. Что-то здесь было не так, но Джордж не обнаружил ничего подозрительного. Он еще раз повернул румпель, и его магическое судно, ковыряя косточкой в зубах, медленно направилось к берегу.

Откуда-то издалека доносились крики: «Бабник! Бабник!» Джорджу они не понравились. Он посмотрел на небо и увидел крылатого медведя, который пикировал прямо на него. Медведь не понравился ему еще больше, но вид хищника заставил Джорджа предпринять ряд решительных действий. Пригибаясь и совершая короткие перебежки, он начал искать какой-нибудь новый поворот сюжета, однако вокруг мелькали только непонятные огни и занудно звучали цимбалы. Внезапно Джордж оказался на самом верху веревочной лестницы, на которую он нечаянно взобрался. Времени оставалось в обрез, но ничего разумного в голову не приходило. И все же путь, по которому он намеревался идти, существовал. Увернувшись от медведя и двух его медвежат — довольно милых, но явно не прирученных созданий, — Джордж забежал за ствол огромного баобаба и увидел город.

— Ты видишь то, что вижу я? — спросил он у словесного мешка.

— Город, что ли? — отозвался мешок. — Да, я его вижу.

— А ты имеешь какое-нибудь представление, что это за город?

— Я не уверен, но мне кажется, что это потерянная Каркоса, — ответил словесный мешок. — По виду, конечно, не скажешь, но ведь и город-то не настоящий. Все, что возникает так неожиданно, почти наверняка является фата-морганой. В истории этого и других миров есть множество сведений о городах, которые появлялись, как видения, на границе видимости глазного яблока. Они внезапно входили в бытие, существовали целые века и только потом начинали возвращаться в ничто, из которого вышли.

— Значит, этот город тоже такой?

— А что ты меня все время спрашиваешь? Почему бы тебе не пойти туда и не взглянуть на него своими глазами?

— Я чувствую тошноту, когда меня вертит в виртуальной реальности, — сказал Джордж. — Мне больше нравятся места за зеркалами.

— Ты говоришь какие-то странные вещи, — заявил черепахан.

— На моем месте ты тоже чувствовал бы себя довольно странно, — ответил Джордж. — В этом городе у нас наверняка возникнут проблемы, но я думаю, мы должны рискнуть. Что вы на это скажете?

— Он начинает спрашивать нас только тогда, когда любой из ответов равно невозможен, — сказал черепахан. — Лично я голосую за обед. А мы случайно уже не обедали?

— У таких парней, как я и Джордж, всегда найдется место для другого обеда, — мудро заметил мешок.

— А что едят словесные мешки? — поинтересовался Джордж.

— Больше всего мы любим жареные факты, — ответил мешок. — Но они довольно редки в этой части света, поэтому я не отказался бы сейчас от холодной окрошки.

О, крошки! Фраза, похожая на уютную постель. И они действительно бывали то горячими, то холодными. Хотя, по правде говоря, Джордж не понимал, каким концом они связаны с обедом. Решив, что пора отправляться в путь, он оседлал лошадь, неожиданно возникшую в сюжете, и медленно потрусил в направлении города.

А потом, по нелепой прихоти автора, на пути Джорджа появились светляки. Позже он узнал, что их демобилизовали из Центрального военного округа, где они проходили курс молодого бойца. Боец не подкачал, и каждый светлячок получил от него маленькую личинку. Создав плотную завесу заградительного огня, они закружились вокруг Джорджа. Ему захотелось прихлопнуть парочку этих жучков, но он удержался, испугавшись непредвиденных последствий. Трассирующий огонь светляков затмил слабое сияние города, и Джордж не мог понять, в каком направлении ему следовало двигаться. Однако он и мысли не допускал о том, чтобы оставаться на месте. Он должен был скакать вперед, назло всем бедам, не обращая внимания на насмешки многотысячных толп. И поэтому он решил отправиться дальше. Словесный мешок держал его решение, но черепахан попросил их немного задержаться. Ему хотелось дослушать сонату на гитаре, которая доносилась из-под корней развесистого дуба. Их окружали неяркие цвета пурпура и зелени. Путь в город затерялся, и Джордж не мог отыскать его вновь. Просто странно иногда, куда исчезают все эти красные фонари, когда они нам так необходимы?

Тем не менее времени на подобные рассуждения не оставалось. Его хватало только для движения вперед, вопреки определенной неосвязаемости, которая окружала их своими вредными испарениями.

— Разве это выход? — спросил Джордж.

— Я думаю, вы справитесь, — ответил неопознанный голос.

Устав от подобных трюков, Джордж нашел параграф, который лежал на боку и немощно дрыгал ногами. Поставив его надлежащим образом, он сел сверху, но параграф тут же свелся до французской революции, а затем и вовсе сплюснулся.

Джордж понял, что это не тот конек, на котором можно сидеть. Он еще раз осмотрелся вокруг.

Возвращение на яхту оказалось приятным сюрпризом. Пожилые дамы на нижней палубе вязали на спицах или сновали по углам со своими видеокамерами. Дети играли в боковых проходах, а головы пассажиров покачивались, вскрикивали и смеялись. Берег все больше терялся вдали, но здесь на корабле преобладали забавы на роликах и беседы о кроликах, сигары, напитки, мех и накидки. И на воде мелькали оранжевые пятна, которые появлялись по законам невидимого мира, а затем исчезали в густом тумане, скрывавшем все, что только можно скрыть. Время от времени за кормой раздавались чавкающие звуки. Это великан вытягивал из илистого дна свои ноги в гигантских крагах. Он все ближе подбирался к судну, которое уносило от него барышника-самозванца.

— Да вы сами подумайте, какой из меня барышник, — возмущался Джордж.

— Нет, думать я буду позже, — отвечал ему великан.

У него были пронизательные голубые глаза, непристойные черные усики, синяк на левом запястье и тамильский пояс мстителя, на котором виднелось множество таинственных символов. Однако больше всего ситуацию ухудшила группа балерин, сопровождавших великана по топи. Их тапочки чавкали по грязи, но они смеялись и хихикали в той манере сновиденных образов, которую Джордж находил просто отвратительной.

— Отвратительно! — воскликнул мешок. — Это слово звучит как звон набата.

— Избавь меня от своих поэтических сравнений, — огрызнулся Джордж. — Как бы нам узнать, что они задумали?

— Так вот ты где, барышник! — закричал гигант.

Он приблизился настолько, что Джордж при желании мог бы сказать ему пару слов прямо лицо в лицо. Длинные нечесаные волосы великана нависали на маленькие глаза, а те, в свою очередь, напоминали помятые широкие юбки. Джорджу не понравился жалкий вид гиганта. Прежде всего он оказался не таким уж и большим. Фактически это был какой-то пигмейский великан — на несколько дюймов короче самого Джорджа. Но малый рост не умалял его основных качеств, которыми, в общем-то, и характеризовались великаны: я имею в виду некоторую грубоватость и врожденное мастерство в обращении с вязальными спицами.

— Фе, фи, фо, фам, — произнес великан. — Я не помню остального, но, кажется, там были еще горькая жалоба и песня

о людях, которые могут спать, не обращая внимания на грозящую им опасность. А теперь, сэр, ответьте мне на один вопрос. Вы — барышник?

— Ну а что, если да? — дипломатично спросил Джордж.

— Да в общем-то ничего, — ответил гигант, и в его голосе послышались извиняющиеся нотки. — В принципе меня не волнует, кто вы такой. И могу заверить вас, что я не сторонник успешных действий. Как говорят, поспешишь — людей на смешишь.

— И вот столпились они вокруг, забытые байки давно прошедших времен, — заголосил вдруг словесный мешок. — И не знали они, что означали и для чего были придуманы. И стояли они в ряд, и дьявол брал их одну за другой.

Джордж ничего не понимал. Все это казалось ему таким же далеким, как и то место, куда бы он хотел уйти. А потом ему вдруг кое-что захотелось, и чувство настоятельности оказалось столь глубоким и сильным, что его можно было сравнить лишь с тоской о давно прошедших временах и о тех, кто еще не пришел. И именно в такую минуту эти черствые существа из злой вселенной подсовывали ему под нос какие-то невозможные сюжеты и бессмысленные фразы. Немудрено, что он так никуда и не попадал. Они водили его по кругу, то туда, то сюда, превращая любую сцену в фарс и сумбур. А этот чертов черепахан вообще ему не помогал. Всунав голову под панцирь, он без остановки твердил себе под нос: «Я здесь только временно, поэтому не обращайтесь на меня никакого внимания»

— Давайте больше не будем упоминать об этом, — предложил Джордж. — Мы все здесь только временно, но Владыки Творения ожидают от каждого из нас выполнения предначертанной роли. Между прочим, именно ты, словесный мешок, должен осмысливать линию сюжета.

— Я? — возмутился мешок. — Слушай, парень, у меня нет ни одной мысли по этому поводу. Лично по мне, так мы толчем воду в ступе. Лучше давай смотаемся отсюда, и все дела. Неужели тебе плевать на мою вменяемость? Я, между прочим, не собираюсь сливать здесь все свои слова, словно в одно хорошее место.

— Эй, куда ты пошел? — забеспокоился черепахан. — Не оставляй нас в беде, мешочек.

— Я на минуту. Природа зовет, — объяснил словесный мешок и отошел на обочину.

Присев за лиственницей, он выделил пару дерьмовых фраз из отверстия, которое недавно обнаружил в брюшной области. Это придало ему новые силы. Он почувствовал огромное об-

лечение и был близок к тому, чтобы полететь. Решив немного отдохнуть и сделать перерыв в словесном потоке, мешочек прилег на землю, постанывая от сладкого молчания. Джордж стоял рядом, застыв на середине жеста. Его рот приоткрылся, слова запутались в огромном лабиринте рта. И словесный мешок наслаждался вволю. Пришла пора начинать свое собственное дело. Он собрался с духом, но тут же понял, что любая попытка обречена на провал. Мрачная неопределенность, державшая в рабстве всех остальных, набросилась теперь и на него. И тогда, предав себя в руки судьбы, он отправился спать.

Посреди этой сцены Джордж увидел в небе сияющий объект. Поначалу он принял его за аэроплан — алюминиевый аэроплан, отражавший солнечные лучи от своей серебристой шкуры. Но потом он понял, что в конструкции объекта не было никакого плана. И, следовательно, этот предмет не мог оказаться планером, аэропланом и планетолетом. У Джорджа мелькнула мысль о НЛО. Однако объект не походил на тарелку. Осмотрев на всякий случай небеса, Джордж не нашел ничего нового. Все те же зеленые и пурпурные цвета; бескрайние воздушные просторы, которые, как всегда, не вызывали никакого интереса. Хотя там что-то все-таки происходило. Он мог поклясться в этом своим единственным волосом на подбородке. Что-то новое входило в его жизнь, и Джордж еще не знал, понравится ли ему это. Новые вещи случались слишком уж часто, но каждый раз вместе с ними появлялись какие-то проблемы и волнения. Вот почему ему не хотелось смотреть на ослепительную точку в небе, которая становилась все больше и больше, постепенно приобретая контуры человека.

Да, человека. Но кем был этот мужчина, летавший как птица? И был ли он вообще мужчиной? Присмотревшись к человеку, который пикировал на него из поднебесья, Джордж разглядел молодого парня, одетого в красное трико. Под тонкой тканью проступал белый купальный костюм, украшенный безвкусными золотыми звездами. На голове торчал блестящий шутовской колпак. Поначалу Джорджу показалось, что мужчина летал без всякой страховки, но потом он догадался, что летун на чем-то сидел. Его руки были вытянуты над головой, сжимая невидимые канаты. Немного странно для полета, верно? Держаться ни за что и сидеть посреди воздуха! Пока мужчина приближался с маниакальной настойчивостью кирпича, упавшего с крыши, Джордж заметил под ним планку, к которой с двух концов крепились тросы. Эти тросы уходили вверх в безобидный, на первый взгляд, воздух, и получалось

так, что парень сидел на огромных качелях или, вернее, на какой-то небесной трапеции. Он спускался на ней по нисходящей дуге, разгоняясь все быстрее и быстрее. Дуга почему-то проходила именно через Джорджа, и тот даже начинал подумывать о том, чтобы отойти подальше в сторону. Столкновение казалось неминуемым.

В самый последний момент артист на трапеции вновь помчался вверх, но, пролетая перед носом Джорджа, он ловко изогнулся и выхватил у него из рук словесный мешок.

Через секунду акробат исчез в искрящейся небесной выси, оседлав свою послушную трапецию и засовывая словесный мешочек в небольшую плетеную корзину, которая крепилась к его поясу золотым шнуром. В уверенных действиях вороватого гимнаста чувствовался тщательно продуманный план, который не имел никакого отношения к планерам, аэропланам и планктону.

— Осторожно! — закричал черепахан.

— Что ты хочешь сказать этим «осторожно»? — раздраженно спросил Джордж. — Все уже произошло.

— Значит, я немного опоздал, — сказал черепахан. — Ты же знаешь, как непросто оповещать людей о воздушном налете.

— Если тебе предстояло выполнить роль системы предупредительного оповещения, то ты потерпел абсолютное фиаско, — горячился Джордж. — И раз уж ты догадывался о чем-то подобном, то почему не предупредил меня загодя?

— Загодя? За год вперед?

— Перед событием, а не после него.

— А-а! Ты хотел что-нибудь типа учебной тревоги, верно? — спросил черепахан. — Ладно, отойди на пару шагов назад, и мы попробуем все сначала.

Джордж снова увидел маленький блестящий объект, который, быстро увеличиваясь в размерах, понесся к нему по гигантской дуге.

— Осторожно! — закричал черепахан.

— А что такое? — поинтересовался Джордж.

— К тебе летит блестящий объект, — объяснил черепахан. — И он не питает к тебе особой любви.

Джордж зачарованно уставился в небо, наблюдая за странным объектом. Тот приблизился и превратился в молодого человека, одетого в цирковой костюм. Его красное трико пробуждало какие-то смутные и тревожные воспоминания. Он молнией пронесся по дуге небесных качелей, а затем, миновав нижнюю точку маха, пригнулся вперед и выхватил из рук Джорджа словесный мешочек. Не прошло и секунды, как

подлый артист уже умчался вверх под ехидный смешок черепахан.

— Мой словесный мешочек! — закричал Джордж. — Он его забрал!

— А ведь я тебя предупреждал, — ответил черепахан.

— Ты просто сказал, что мне надо вести себя осторожно. Но ты не объяснил причин.

— Откуда же я мог знать, что произойдет?

— Это уже не мои проблемы! Но если твоя система оповещения не может разобраться в таких простых вопросах, мне она и даром не нужна.

— Ладно, попробуем еще раз, — сказал черепахан.

Джордж увидел, как в небе появился небольшой блестящий объект. Он быстро превратился в человека на трапеции, и тот направился прямо на Джорджа.

— Осторожно! — закричал черепахан. — Я думаю, что этот клоун из тех ребят, которые мечтают стащить у тебя словесный мешочек!

— Откуда такое нелепое предположение? — возмутился Джордж. — Взгляни, это просто артист на летающей трапеции. Он выглядит приличным молодым человеком. А какие у него прекрасные трусики и этот блестящий колпак. Какое веселенькое красное трико. Только параноик мог подумать, что такой милый юноша, с тонкими и грациозными манерами, может причинить мне какой-то вред.

— Какой-то вред, говоришь? — произнес черепахан, поглядывая на циркача, который спускался все ниже и ниже.

— Эй, приве-е... — закричал Джордж, но последний слог этой фразы застрял у него в горле, когда гимнаст, пролетая нижнюю точку маха, вдруг выхватил из его рук словесный мешок.

Следуя правилу цепочной подвески, небесные качели понесли грабителя в голубую высь. Джордж повернулся и обиженно взглянул на черепаху:

— И что ты теперь скажешь?

— Насчет чего? — спросил черепахан.

— Я говорю о твоём легкомысленном способе предупреждений, который закончился потерей моего словесного мешка. Неужели ты, бестолковая черепаха, не мог убедить меня в реальности этой угрозы? Ты же знал, какая опасность мне угрожает!

— Ах так! — закричал черепахан. — Я тут делаю все временные склонения, а он еще и недоволен! Знаешь, Джордж, ты сопляк и идиот, и я искренне тебя ненавижу!

С этими словами черепахан спрыгнул с плеча Джорджа и решительно зашагал к кустам.

— А что я такого сказал? — воскликнул Джордж.

Однако ответа не последовало. И черепаха действительно ушла.

— Откуда мне было знать, что это его проблема? — оправдывался Джордж, не обращаясь ни к кому в частности. — К тому же я немного нервничал. А кто бы не нервничал, потеряв такой ценный мешочек? Он не имел никакого права оскорблять меня и бросать на произвол судьбы. Это грубо с его стороны и абсолютно неуместно.

Да, беда никогда не приходит одна. Словесный мешок похитили или даже украли — смотря что тут иметь в виду. Черепахан ушел в таком гневе, который мог завести его очень далеко.

И как это все было несправедливо! Они оставили его. Впрочем, в каком-то смысле словесный мешок не оставлял Джорджа, поскольку его похитили, предположительно, против его воли. Но только предположительно. Что-то он не проявлял большого ужаса и не сопротивлялся, когда алчная рука гимнаста сжималась вокруг него. И даже если словесный мешок не желал такого исхода, не сделал ли он незаметного движения вперед или подскока в направлении захватчика, тем самым поспособствовав похищению? Более того, он уже давно мог вынашивать подобные планы. Чем больше Джордж думал об этом инциденте, тем более верной казалась ему его догадка. А этот бессердечный черепахан? Вместо того чтобы выразить ему сочувствие, успокоить добрыми словами и нежными черепашьими яйцами, вместо того чтобы раскрасить все в приятные тона, он затопал на него ногами и в состоянии глубокого помрачения нанес Джорджу страшное оскорбление. Неужели мы действительно находимся во власти того, что, прожевав, не можем проглотить?

— Повторите, пожалуйста. Я не поняла последней фразы, — произнес рядом тихий голос.

Этот голос показался Джорджу необычным — в том смысле, что он был женским. Даже не поднимая головы, Джордж мог поклясться, что к нему обратилась блондинка, не меньше пяти футов и семи дюймов ростом, но и не больше того, в синевато-сером рабочем халате с пуговицами и брошью из слоновой кости. Взглянув на нее, он убедился, что, как всегда, оказался прав.

— Мы все во власти того, что приходит к нам без предупреждения, — сказал он. — Вернее, без соответствующего предупреждения со стороны тех, кому мы доверили защищать

свои интересы. Это все чаще и чаще ввергает нас в опасные и неприятные ситуации, которых мы боимся и не можем принять. Но на нас нет вины за несообразности мира, за несостоятельность друзей, предательство любимых людей и вероломное упрямство обстоятельств. Во всяком случае, мне так кажется.

— Я Сатъя, — представилась женщина. — И я называю свое имя не для того, чтобы нарушать ваше созерцательное уединение, но для того, чтобы вы могли сослаться на меня как-нибудь иначе, чем «она» и «женщина», когда посреди напряженной работы ума вам захочется придумать для меня какое-нибудь дело — если только, конечно, захочется. Я с радостью сыграю любую роль в вашей нелегкой жизни, особенно в такие трудные времена, потому что все, о чем вы сейчас говорили, является голой и неприкрытой правдой. С вами плохо обошлись ваши друзья, и это более чем возмутительно, поскольку никто из них не взял ответственность на себя — вину за то, что они совершили вопиющую несправедливость и опечалили вас своей несостоятельностью и вероломством корыстных деяний.

— Так вы меня действительно понимаете! — воскликнул Джордж и, взглянув в лицо Сатъя, впервые увидел, что она исключительно прекрасна.

— О, Джордж, — сказала Сатъя, — конечно, я вас понимаю, как мог бы понять и каждый, кто хоть на миг поставил бы себя на ваше место и забыл о своем бездушном эгоизме.

— Как же вы меня понимаете! — растроганно произнес Джордж. — Какие точные слова вы находите!

— Но вы достойны этих слов, — продолжала Сатъя. — К вам так плохо все относились. А мне с давних пор уготовлено судьбой приходить и исправлять ситуацию. Но если вам не угодно мое общество, Джордж, если вы думаете, что для него еще не пришло время, я вернусь назад в свое небытие и вновь займусь созданием гобеленов.

— Нет! Оставайтесь! Побудьте со мной какое-то время, — взмолился Джордж. — Ибо это величайший подарок судьбы, что вы отыскали меня здесь, одинокого и униженного. Ибо только вам удалось понять, что проблема состоит не во мне и моих поступках. И ныне рад я и чувствую себя лучше; и все вокруг уже кажется мне не таким плохим и безотрадным. Не потому ли это, что вы рядом, мой друг?

— Вы изложили этот пункт с максимальной точностью, — ответила Сатъя. — И только вы, Джордж, можете так ясно видеть природу вещей, несмотря на то что вас разрушает боль

незаслуженной обиды. А мы ведь знаем, что словесный мешок был похищен неслучайно. Как вы правильно сумели заметить, его ничем не объяснимая пассивность во время омерзительных действий гимнаста сама собой должна предполагать тот факт, что он находился в сговоре в этом мнимом похищении. Наверное, теперь, живя вдали от вас и насмехаясь над вашим горем, он тратит бесценные слова на коварного и затрапезного фигляра с трапеции.

— А ведь я это подозревал! — прошептал Джордж. — И потом еще эта черепаха...

— Да-да, обычный представитель своего вида с твердым панцирем и каменным сердцем. Он бросил вас в беде, когда вы так нуждались в его сострадании. Но разве вы не замечали в нем этой черствости и прежде?

— Конечно, замечал! — ответил Джордж. — Но теперь он показал свое истинное лицо!

— Я здесь только для того, чтобы успокоить и смягчить вашу боль, — сказала Сатъя. — Я никогда не покину вас, Джордж, и пойду за вами следом, куда бы вы ни направлялись. Я буду поддерживать вас в любых неприятностях и вглядываться сквозь плотные испарения ваших внешних поступков в глубинную чистоту сердца, от которого они исходят.

— Как здорово! — с умилением произнес Джордж. — Я так рад!

Хотя, по правде сказать, он уже немного заскучал, потому что в словах Сатьи, несмотря на их очарование и любезность, было что-то пустое и глупое. Нет, она, конечно, выглядела довольно нормально, если вам по душе подобный тип хорошеньких и женственных блондинок. Но мужчина со вкусом, такой, как Джордж, мог бы подыскать для себя и кое-что получше. Тем не менее он решил не торопиться с выводами и выяснить до конца, насколько хорошо она понимала его в действительности.

— Что дальше? — спросил он.

— Я думаю, нам лучше уйти отсюда, потому что эти джунгли...

— Какие еще джунгли? — с раздражением спросил Джордж.

— Мы с вами находимся в джунглях, — объяснила Сатъя. — Обратите внимание на эти лианы, цветы и влажный воздух, на это шипение змей и пронзительный щебет попугаев. Но я не говорю вам ничего такого, чего бы вы уже не знали, поэтому не огорчайтесь, мой друг. Вы и сами давно бы заметили все это, если бы не глубокая рана, которую вам нанесли те, кто пользовался вашей любовью, а затем так подло оставил вас...

— А ведь вы действительно понимаете меня, — произнес Джордж, не в силах больше скрывать своего удивления. — Так куда же мы теперь пойдем?

— Я живу неподалеку отсюда, — ответила она. — Посетив мой маленький дом, вы могли бы отдохнуть, восстановить утраченные силы и насладиться комфортом. Ваша боль пройдет, и все станет на свои места.

Устало кивнув, Джордж последовал за Сатьей. Они пошли через джунгли, которые к тому времени уже окончательно оформились и превратились в настоящие тропические заросли с полным комплектом лиан, попугаев и рептилий. Время от времени тишину прерывало пение птицы, чей пронзительный голос предвещал блеск невиданного оперения. Судя по настойчивости и однообразию мелодий, она подзывала своего самца или, если дело дошло до крайней нужды, самца какой-то другой птицы. Природа всегда поражает нас прямоотой своего глубинного смысла! Сквозь приглушенное похрюкивание и звонкий щебет Джордж слышал, как под его ногами хлопала и чавкала влажная почва джунглей.

Чуть позже они вышли на небольшую поляну. Джордж увидел несколько грядок, посаженных кукурузой и ростками жареной говядины. Среди йоркширских фруктовых пудингов колосились растения этих и других мест. Взглянув вверх в ответ на жест Сатьи, он рассмотрел в ветвях высокого дерева небольшой шалаш, сделанный из лозы и лиан. На окнах виднелись голубые ставни, из конической крыши щеголевато торчала фигурная дымовая труба. Веревочная лестница привела их наверх — причем за чисто символическую плату. Войдя в дом, Джордж погрузился в царство зеленых теней с низкой двуспальной кроватью, конторкой, сделанной из ротанга, и сундуком, который походил на собственность пирата. Благодаря украшениям из морских раковин и рогов тритона этот сундучок казался весьма живописным.

Кивнув в сторону двух кресел, Сатья предложила ему занять одно из них.

— Сначала мы слегка перекусим, — сказала она. — Потом вы расскажете мне о своих проблемах, и я выслушаю вас, с симпатией покачивая головой.

Идея показалась Джорджу просто превосходной. Он сел за небольшой обеденный стол и подоткнул под подбородок салфетку, сделанную из листьев. Сатья суетилась вокруг, развлекая его смешными и проказливыми выходками. Она засовывала нос в горшки и, принюхиваясь, высыпала их содержимое в тарелки и кастрюли, после чего добавляла туда что-то

из других бутылочек и горшков. Солнце забрызгало пол желтыми полосками и пятнами. Окрестные джунгли погружались в приятную тишину. И было удивительно прекрасно сидеть вот так и ничего не делать. А потом Сатья предложила ему ароматную сигару, и Джордж испытал истинное удовольствие. Во всяком случае, так о нем еще никто не заботился. Она даже пропитала один кончик ромом, а другой заботливо раскурила докрасна.

— Где вы ее достали? — спросил Джордж.

— Эту сигару? — отозвалась Сатья, не спуская глаз с раскрасневшегося конца. — Вчера я вышла погулять и случайно набрела на табачную лавку. Просто изумительно, как порою могут складываться вещи. Я словно купила ее для того, чтобы доставить вам теперь удовольствие, мой сладенький.

— Вот только найдется ли сластена, которая захочет меня полизать, — ответил Джордж.

Они весело засмеялись от столь остроумной и двусмысленной игры слов.

А потом заалел закат, покрыв золотыми пятнами света зеленую шкуру джунглей. Наступавшая ночь потекла туманом сквозь кроны деревьев, и Джордж, вволю наигравшись в домике Сатьи, ощутил потребность сходить по ягоды за ближайшие кусты. Он вернулся в шалаш с кадкой решетчатых груш и корнями никогдашки, которые ему удалось нащупать в темноте. Сатья сварила их на ужин.

Иногда в облаках рокотало, и начинался дождь — влажный и сырой тропический ливень, который впивался в нервные узлы костного мозга своими крошечными иглами и кремниевыми скребками. Порой от всех этих чудес Джордж умолкал на минуту или две, но в остальное время он говорил, хотя уже и без прежней охоты. А вокруг царил темнота папоротникового леса и колдовство противоречивых мнений. И время бежало вперед с каким-то чрезмерным рвением. Чуть позже появился путь через лес, возникший перед мысленным взором Джорджа, а затем еще один путь — на маленькой карте, которую Сатья вырвала из журнала и повесила на стену.

Звуки и запахи джунглей поражали своим достоинством и величием, как, впрочем, и положено тем джунглям, которые располагаются в наиболее влажных областях человеческого сердца. Здесь тоже проходил путь, но о нем не знал никто, кроме Джорджа. Как жаль, что поток этих мыслей постоянно истощался и рядом не было океана, который мог бы баюкать его своими мелодиями.

Джордж полагал, что жизнь на дереве в неисследованных джунглях вместе с женщиной по имени Сатья будет омрачена отсутствием цивилизованных развлечений. Но, как оказалось, он ошибался. С наступлением второго вечера Сатья повела Джорджа на маленькую лесную поляну. Он не поверил своим глазам, увидев там симфонический оркестр в черных костюмах и белых бабочках. Музыканты располагались на пирамидальном подиуме перед многочисленной публикой, которая, вероятно, состояла из тысячи с лишним человек. Когда оркестр под управлением талантливого кондуктора, сэра Филиппа Почтенного, завелся и выехал на веселую кадрили, Джордж склонился к Сатье и спросил:

— Откуда здесь столько людей?

— Они живут в ближайших городах, — ответила она.

— Но я не видел никаких городов.

— Конечно, не видел. Джунгли слишком густые. Вот я и подумала, что пора познакомить тебя с нашими соседями.

— Так они действительно живут рядом с нами?

— Конечно. Некоторые из них обитают в сотне ярдов от нас.

Эта весть произвела на Джорджа неизгладимое впечатление. До сей поры он считал себя затерявшимся в странном тропическом мире, но теперь до него начинало доходить, что рядом жили люди, которым этот лес вообще не казался странным.

После сольного концерта публику пригласили на прием, который проходил в большом каменном зале. Это место находилось за пределами видимости Джорджа, и доступ к нему ограничивали не только джунгли, но и река, которая по причинам абсолютной необходимости была затемнена полосой тумана.

Заскучав на приеме, Джордж решил пройтись по берегу реки. Вода казалась настоящей, и это наведало на мысль о чем-то тихом и уютном. Он наслаждался, рассматривая небольшую рябь, которая тянулась к берегу серебристой гибкой лианой. Луна в третьей четверти сияла над головой, и огни селения кружились хороводом на водной глади. Композиция получилась неплохой — особенно ветхие хижинки у самого берега. Их почтенная древность смягчала дикий ландшафт, внося какие-то доверительные и сентиментальные нотки.

Еще большую реальность этому месту придавал полицейский отряд, который приближался к реке под надзором сердитого офицера. В такой темноте Джордж не мог рассмотреть его знаков отличия, но полицейских было не меньше двадцати.

Они старались двигаться бесшумно, и их выдавал лишь скрип кожаных поясов и топот ног, обутых в ботинки.

Внезапно Джорджу подумалось, что его могут по ошибке принять за дезертира. В последнее время его дурные предчувствия сбывались одно за другим, и поэтому он решил на всякий случай беспокоиться о собственной безопасности. К тому же Джорджу не раз казалось, что он с давних пор виновен в каком-то тяжком преступлении, за которое полагалось суровое наказание. Возможно, полиция выследила его и теперь пыталась поймать, чтобы предать суду или даже трибуналу? И он будет полным идиотом, если позволит им это сделать.

Мысли о преступлении казались немного странными, но Джордж не стал отмахиваться от них — особенно в такой ситуации, когда он без труда мог подстраховаться, отступить в тень и подождать, пока полицейские, с их неясными намерениями, не пройдут мимо него.

Затаив дыхание, Джордж ждал в кустах. Его контроль над собой достиг столь небывалой степени, что он даже не дернулся и не вскрикнул, когда почувствовал прикосновение к своей руке.

— Кто здесь? — прошептал Джордж.

Ответа не последовало, но все окрики и приказы прошлого стремительно пронеслись в его воображении, и он вздрогнул, вспомнив о них. Хотя какая могла быть связь между тем и этим? И к кому он отсылал свой вопрос? Тем более что его никто не заставлял думать на такие темы. И более того, его не заботил результат. Пока Джордж тревожился лишь о следующем шаге.

— Вот это верно, — сказал ребенок. — Продолжай в том же духе.

Джордж глубоко вдохнул и сделал выдох. Внезапно он с горечью подумал о том, что большая часть его жизни была наполнена только этими вдохами и выдохами, новыми вдохами и новыми выдохами. А сделал ли он что-нибудь еще? Ребенок дернул его за рукав, и на Джорджа нахлынула волна беспомощности. Это чувство он помнил еще по старым временам, когда все считали его маленьким пришельцем со странно вытянутым черепом и глазами, которые сияли в темноте, если ему позволяли оставаться одному. Черета воспоминаний влекла его к проходу среди теней, но Джорджу не хотелось идти туда.

— Конечно, ты не хочешь.

— Ладно, и без тебя разберусь, что к чему. Неужели я должен говорить даже о том, что мне не хочется делать?

— Ты большой, но тупой. Конечно, тебе придется это говорить. А как же еще ты выразишь то, что находится в глубинах твоего ума? Хорошо, я объясню это другими словами. Допустим, ты начинаешь откуда-то издалека и говоришь, говоришь до тех пор, пока не натыкаешься на тему, которая тебе нравится. И раз уж тебе это действительно нравится, ты берешься за дело всерьез...

Джордж покорно следовал за ребенком. Темнота вокруг наполнилась тем бесконечным мраком, который можно встретить лишь за гранью привычной нам тьмы. И Джорджу не хотелось ошибиться. Куда они шли? Он не ведал цели и не знал пути. Его все дальше уносило в прошлое, и за этим прошлым уже проглядывали времена, которые стояли за пределами любого мыслимого времени.

— Посиди тут немного, — сказал ребенок. — Я скоро вернусь.

Джордж находился на углу двух улиц. Осознав огромную усталость, он опустился на бордюрный камень. Мимо него проносились машины, и они действительно были машинами — он почти не сомневался в этом. Джордж знал, что, пока он сидел здесь, ему не угрожала никакая опасность, потому что рядом проходили люди. Он больше не был одинок. Он только с виду казался одиноким. И поэтому Джордж сидел на бордюрном камне, ожидая перемен. Хотя на самом деле ничего не менялось. «Сколько мне здесь еще сидеть?» — спрашивал он себя. И тут же отвечал: «Сколько потребуется!»

И тогда, сидя на бордюрном камне, он вдруг увидел, как что-то блеснуло в воздухе. Предмет упал, и Джордж понял, что кто-то бросил ему на колени монету.

— Спасибо вам, сэр.

Неужели он докатился до милостыни? Ему бросали деньги, но разве он об этом просил? Джорджу не нравились вопросы такого типа. И он решил не нарушать ими покой небольшого, но заслуженного отдыха. Пусть события проносятся мимо одно за другим. Пусть они подмигивают ему и кивают, приглашая в путь. Он все равно будет сидеть на своем бордюрном камне. И никакая сила не сдвинет его с места.

— Вставай.

Это был голос ребенка.

— Спасибо, но мне и тут хорошо.

— Конечно, тебе хорошо. В том-то все и дело. Но ты должен перебороть это чувство. Вставай, Джордж! Нам надо кое-куда сходить.

Джордж неохотно поднялся на ноги. Он даже не знал, стоило ли ему вставать. Наверное, стоило. Иначе он навсегда остался бы здесь — одиноким, несчастным и униженным нищим. Джордж отряхнул штаны и пошел за ребенком.

Странно, но улица куда-то исчезла. Где же они тогда находились? В каком-то транспортном средстве, которое быстро мчалось по рельсам почти у самых крыш городских небоскребов. Таких домов он прежде не видел. Неужели ему придется проехать по всем остановкам, выполняя какие-то необходимые требования? Подобная перспектива его не прельщала, но, по крайней мере, он снова твердо стоял на своих ногах и мог двигаться куда-то вперед.

Но что его ожидало впереди, помимо усталости в ногах и истрепанной психики? Что это там маячило смутной полутьмой? Неужели его словесный мешок?

— Нет, я не ваш, — ответил словесный мешок и с небольшой улыбкой в уголках своих складок повернулся к кому-то еще.

Эта наглая авоська даже не позаботилась описать того, к кому она повернулась, и поэтому Джордж остался в еще большем неведении, чем до встречи с мешком. И тут он ничего не мог поделать. Нет, поправил себя Джордж, кое-что он все-таки мог — например, пойти дальше.

А ландшафт менялся прямо на глазах. Джордж слышал голоса.

- Демотическая фраза.
- Беспридаточное склонение.
- Потерялся в других широтах.
- Слова за пределами знания.

Джордж с грустью думал о том, что такие же слова иногда произносил его словесный мешок, когда он бывал в хорошем настроении. Ему вспоминались те далекие годы, когда словесные мешки считались еще большой редкостью, и каждый, кто имел хотя бы небольшой запас слов, относился к ним с враждебностью и презрением. Хотя слова остались в принципе теми же. Однако в те времена Джордж их понимал, и они не казались ему такими странными. В них чувствовался вкус и какая-то специфичность. А теперь она, к сожалению, исчезла.

И что тут такого, сказал он себе. Исчезла — так исчезла. Неужели в этом есть что-то новое? Но налет искусственной бравады слетал с него, как пыль со словесного мешка, который переживал не лучшие дни. На какой-то миг ему показалось, что он сейчас зачихнет, рассыплется на куски и развеется по ветру. Но был ли тут ветер? Что-то продолжало с ним проис-

ходить — иногда медленно, а порой и с возраставшей энергией в ответ на неясно осознанные законы естества. Хотя это никуда не вело. И все же он шел. Он двигался вперед — вернее, продолжал идти. А что ему еще оставалось, как не продолжать?

Задом назад, кругами на окнах — туда, где собаки могут скакать верхом. Теперь он даже не понимал того, о чем говорил.

— А о чем он говорил?

Да, все начиналось опять — вечные вопросы, поиски без ответа, слова без конца и без смысла. Он попытался взять над ними контроль. Это превращалось в довольно хитрое блуждание вокруг.

Бессознательная словесная мельница продолжала вертеться даже после того, как они собрали урожай всех хороших слов и, наполнив словесные мешки, отправили их в мир. Дело принимало плохой оборот, и требовалось незамедлительное хирургическое вмешательство.

— Просто лежи, Джордж, лежи, — сказал хирург. — У нас нет времени на соблюдение всех правил.

Джордж попытался вскочить на ноги, но его удержали на месте ремни.

— Послушайте, док. Я передумал. На самом деле мне не нужна эта операция.

— Теперь слишком поздно, — ответил хирург.

Его маска на лице собиралась в складки, когда он загребал слова в совочек языка и выбрасывал их наружу.

— Тебе надо было подумать об этом заранее. У нас больше нет дороги назад. Мы должны ослабить давление в твоём мозговом мешке, потому что он переполнен до предела. По всей вероятности, после потери словесного мешочка ты так и не нашел способа эвакуации. Вот почему некоторые слова затвердели, спрессовались и начали давить на стенки кишечника. Их надо немедленно вывести наружу. Но не беспокойся, Джордж. Мы объясним тебе всю процедуру задолго до заблаговременного времени.

Он знал, что спорить было бессмысленно. Такие вещи, как эта, обычно делались во что бы то ни стало. Джордж молча наблюдал за анестезиологом, на голове которого белела светлая коробочка из-под пилюль. Тот, злорадно ухмыляясь, приближался к нему с тампоном, пропитанным снотворной эссенцией — почти магическим веществом, которое извлекали из одурманенных наркотиком коз.

— Расслабься, приятель. Положись на нас, а мы посмотрим, куда тебя отнести.

— У меня нет времени для объяснений, — зашептал ему в ухо голос маленькой девочки. — Но я послана, чтобы вывести вас отсюда. Вставайте! Вставайте быстрее!

— Эй, минуточку, — возмутился он, и шепот Джорджа стал более настойчивым, когда эта невоспитанная девчонка вцепилась ему в рукав и потащила его туда, откуда пришла. — Я давно здесь не был, и мне не хочется никуда уходить.

— Не надо валять дурака, — ответила девочка. — Это слишком опасно. Вас и так тут избаловали сверх меры. Теперь же попрошу подчиняться приказам того, кто лучше вас знает о происходящих событиях. На все вопросы я отвечу вам позже.

В каком-то фигуральном смысле Джордж действительно валял дурака. Но что ему еще оставалось делать? Даже зная, что он сейчас занимается не очень правильным делом, Джордж не мог остановить этот процесс. Потому что нет ничего более дурацкого, чем дурак, который по дурацости пытается не валять дурака.

Вступив в глухой и дремучий лес, Джордж увидел далеко впереди себя что-то блестящее среди тысячи оттенков зеленого цвета. Он начал приближаться к этому предмету — сначала медленно и осторожно, шагая как тот, кому не дали никаких инструкций; а потом быстро и решительно, как побало тому, кто заново обрел свою потерянную отвагу. Блестящая вещь оставалась на своем первоначальном месте, тем самым убеждая Джорджа в том, что ему не придется исследовать блуждающие огоньки. По поводу последних он знал, что, пользуясь манящим и привлекательным видом, они бессовестно завлекали в лесную глушь всех тех, кто начинал ухаживать за ними. Но встреченная им блестящая штука вела себя совершенно иначе. И хотя она помигивала в стиле блуждающих огоньков, ее положение в окружающей среде от этого не менялось.

— Тады лады, — сказал Джордж. — Щас мы позырим, чо тута таке.

Он и сам не понял такого резкого перехода на псевдоитальянскую диалектику — что, впрочем, было самой старой и жалкой отговоркой из всех, поскольку она возникла у него первой. К тому времени он находился неподалеку от объекта. Его шаги, сообразуясь с визуальным откликом, замедлились настолько, что он без труда замечал каждую новую деталь, которая раскрывалась по мере приближения. Джордж не любил спешить при первом знакомстве, и на этот раз он тоже не

стал нарушать своих правил. Он подступался не спеша, бочком и как бы нехотя. Джордж решил не только обезопасить себя, но и чутко воспринять всю полноту мастерства нашего творца и спасителя, дабы, составив верное мнение, не вызвать в дальнейшем упреков и оскорблений.

И он действительно их не вызвал — то есть ни один творец не выбежал из кустов и не обругал его последними словами. Сделав еще парочку шагов, Джордж оказался на расстоянии вытянутой руки от того, что блестело.

Он мягко и нежно раздвинул лианы, за которыми, дразня несбыточными надеждами, скрывался загадочный предмет. А потом Джордж около минуты смотрел на бронзовую пластину, пяти дюймов длиной и двух с половиной дюймов шириной, на поверхности которой, среди множества причудливых завитушек и росчерков, виднелось слово «ВХОД».

— Ага! — сказал Джордж, ни к кому не обращаясь, поскольку в тот момент он был один. — Все как я и думал!

И хотя Джордж вовсе так не думал, эти слова немного успокоили его. Они давали ему ощущение контроля над тем неизвестным, с которым сплелась его жизнь после того... Впрочем, он уже и не помнил, после чего именно. Но раз уж так происходило все последнее время, то можно было ожидать подобного и в будущем, которое, кстати, выглядело не менее странным и необъяснимым.

— Куда же ведет этот вход? — спросил у себя Джордж (он все еще имел полный карман цитат и поэтому находился в несколько безрассудном настроении — хотя и с оттенками осторожности).

Джордж еще раз взглянул на табличку или, вернее, перенастроил фокус, так как его взгляд, сорвавшись с выгравированных букв, произвольно кружил по их периферии. Под бронзовой пластиной дюймах в четырех-пяти, а то и всех шести, он увидел другой металлический объект, который из-за недостаточного блеска не привлек к себе его внимания при первоначальном осмотре.

Присмотревшись и вновь подстроив фокус, а затем отодвинув одной (вероятно, правой) рукой очередную лиану и сопутствующую ей лозу, он увидел бронзовую дверную ручку.

И это, как он сразу понял, было неспроста. Дверная ручка под бронзовой пластиной! Дверная ручка... Но что же она открывала?

— Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса, — пробормотал он и раздвинул в сторону еще несколько лиан и ветвей, используя теперь уже обе руки.

И тут он увидел, что ручка и пластина были закреплены на прямоугольном деревянном предмете, который до известной степени напоминал дубовую дверь.

— Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса! — воскликнул Джордж.

А затем, не желая, чтобы его приняли за непросвещенного человека, он добавил:

— Мы вытащим эту тайну на свет летнего дня.

Его голосовые связки приятно резонировали. Предчувствуя что-то хорошее (хотя прежде он предчувствовал что-то плохое), Джордж осмотрел дверь — сначала напрямую, потом с других точек зрения, то есть с боков.

Стороны двери ни к чему не примыкали, и там не было ни стен, ни каких-то иных технологических конструкций, которые обычно назывались косяками. Джордж видел перед собой только дверь, и ее окружали деревья, заросли лозы и длинные лианы, по которым ползали различные насекомые, рептилии и мелкие животные. Между ветвей порхали две маленькие птички. Хотя, возможно, там порхало их не две и даже не три.

Двигаясь слева направо, он обошел вокруг двери, потом развернулся и еще раз обошел вокруг нее, но уже справа налево. Каждый раз, завершая круг, Джордж возвращался на то место, с которого начинал обход. По крайней мере, он считал, что это — то самое место. Впрочем, здесь трудно было говорить о чем-то наверняка, потому что заросли с обеих сторон двери выглядели абсолютно так же, как и остальная часть джунглей — беспорядочным сплетением биологических организмов без точных и прямых углов.

Задняя сторона двери почти ничем не отличалась от передней. На ней не было бронзовых пластин и дверных ручек, но зато имелся листок бумаги, приколотый к древесине большой кнопкой из какого-то пурпурно-бронзового металла. На бумаге виднелась надпись, но Джорджу не хотелось читать ее сразу.

Слишком уж все казалось нарочитым и тенденциозным. Джордж подозревал, что эта надпись на задней стороне двери являлась приманкой в какую-то хитрую западню. Он не знал, что за люди установили здесь дверь, но, судя по отсутствию вещей, оставшихся после них, они принадлежали к очень древней и мудрой расе. Несмотря на долгие поиски, Джордж так и не нашел никаких пустых канистр, клочков бумаги и окурков сигарет. Его окружал лишь лес, безлюдный и безмятежный, и только Джордж попирал собою окружающий ландшафт

Не желая признавать отсутствие выбора, он до последнего оттягивал решающий момент. Джордж понимал, что ему придется прочитать надпись на задней стороне двери и, возможно, нажать на дверную ручку. Если эта дверь откроется, он будет вынужден войти внутрь, потому что все уже было определено заранее, как в любой хорошей западне. Но что-то в нем бунтовало против подобных правил игры. Джордж знал, что, переступив через порог, он мог стать игрушкой в чужих руках. Иначе зачем эту дверь принесли сюда черт знает откуда? Конечно же, только для того, чтобы ловить неосторожных прохожих или даже нормальных осторожных прохожих, которые забредали в джунгли по своим неотложным делам, а потом нажимали на дверную ручку и становились жертвами того, что происходило с ними.

Вне всяких сомнений, эта же участь поджидала и его. Но, прожив жизнь по собственным правилам, он не желал подчиняться судьбе. И хотя Джордж не мог привести каких-то конкретных примеров своей независимости и свободомыслия, он ни разу не усомнился в том, что прожил жизнь как вольный человек. Неужели открытая дверь предвещала начало его рабства? Джордж не знал ответа на этот вопрос, но его переполняли неприятные предчувствия. В глубине души ему хотелось разрушить планы врагов, выйти за пределы своих немощных на вид возможностей и сделать что-то редкое, новое и неожиданное — то самое, что показало бы им всем, каким он был на самом деле.

Однако в голову ничего не приходило. Очевидно, Джорджу мешала эта дверь — эта чертова дверь с бронзовой пластиной и ручкой. Немного посвистев и пошаркав ногами, он решительно прочистил горло, резко шагнул вперед и как бы случайно положил ладонь на дверную ручку.

Сжав бронзовую ручку изо всех сил, Джордж повернул ее и толкнул от себя. Дверь открылась. Он, не торопясь, постоял несколько секунд у порога, потом украдкой взглянул на дверной проем и увидел перед собой ярко освещенное серо-коричневое пространство. Пока Джордж рассматривал открывшуюся перспективу, ему в голову пришла интересная мысль: а не пора ли возвращаться в джунгли? Конечно, в зарослях тоже имелись свои опасности, но там не было никаких сюрпризов. Ведь каждый знает, какие дела творятся в глухом лесу и что потом из этого выходит. Но открытая дверь, которая вела в серо-коричневое пространство... И все же она куда-то вела.

В джунгли он так и не вернулся. Ему не позволили уйти правила приличия. Джордж не помнил, что это были за

правила, но у него мелькнуло несколько идей о том, чем они точно быть не могли. Одним словом, он не отступил перед лицом опасности. Да и никакое отступление ему бы тут не помогло. Рано или поздно Джорджу все равно пришлось бы переступить через порог, и он решил сделать это прямо сейчас, чтобы не мучить себя пустыми ожиданиями.

Джордж сделал два шага, потом три и переступил через порог.

Он повернулся, чтобы закрыть за собою дверь, но ее больше не было. Лес тоже исчез. Вместо зелени и древесных стволов Джордж увидел серо-коричневое место, значительно уступавшее в размерах даже самым маленьким джунглям.

Ему показалось — и позже эта догадка нашла экспериментальное подтверждение, — что он попал в комнату с серыми стенами и желто-коричневым полом. Несмотря на свои крупные габариты, комната не шла ни в какое сравнение с тропическим лесом. Ее низкий подвесной потолок коварно и ловко скрывал осветительные лампы.

Едва Джордж сделал шаг, чтобы осмотреть комнату, как на его плечо опустилась чья-то рука.

— Капитан! Я благодарю Бога, что вы вернулись!

В комнате больше никого не было, и, следовательно, владелец руки обращался именно к нему.

— Да и я чертовски рад вернуться сюда, — на всякий случай ответил Джордж.

А что он мог еще сказать при таких обстоятельствах?

— Входите, сэр, и присаживайтесь в это кресло. Я всегда считал, что они совершили большую ошибку, отправив вас в Грохочущий мир. Могу ли я предложить вам выпить?

— А где мы сейчас находимся? — спросил Джордж. — И я вас немного не понял. Вы сказали Грохочущий мир или Хохочущий мир?

Мужской голос засмеялся:

— Зачем же вы так, сэр, шутите со мной...

— Минуточку, — оборвал его Джордж. — Как ваше имя?

— Я — Элдрич, сэр. Неужели вы меня не помните? Мы бок о бок сражались с вами в кусках невежественного жаргона, а потом с боями прорывались в бредовую несвязанность.

Джордж даже представить себе не мог такую сложную трассу, и поэтому он наскоро состряпал вежливый ответ:

— Конечно, я помню вас, но не на самом деле — если вы только понимаете смысл этих слов. А смысл этих слов заключается в том, что, не имея ни малейшего желания пока-

заться вам грубым человеком, я могу поклясться, что никогда вас прежде не видел.

— Я все понимаю, — ответил Элдрич. — Но не волнуйтесь, сэр. Вы не первый, у кого наблюдается частичная амнезия после прохождения через Глянцевый интерфейс. Небольшой отдых, и вы будете в полном порядке.

— Глянцевый интерфейс? Что это такое?

— Вполне обычный интерфейс, но в особой ситуации, — ответил Элдрич. — Назван так по имени Антона Глянца, изобретателя глянцевого эффекта. Надеюсь, вы не забыли об эффекте Глянца, сэр?

— Ну что вы! Как можно! — ответил Джордж, поскольку ему показалось, что он потеряет лицо, если признается в своем незнании эффекта Глянца.

Элдрич повел его в комнату. Усадив Джорджа в удобное кресло, он подошел к бару и смешал для них два коктейля. Желтая жидкость клубилась красными завитками в высоких зеленых бокалах. Джордж отхлебнул и нашел во вкусе приятную свежесть липы, смягченную какими-то другими компонентами, которых он не мог определить.

— Так уже лучше? — спросил Элдрич. — Расслабьтесь и насладитесь этой передышкой. Мне не хочется подгонять вас, Джордж, но я надеюсь, что вы вскоре сделаете свое нормальное перемещение.

— Да, думаю, мне это удастся, — ответил Джордж.

— Как скоро вы будете готовы? — спросил Элдрич. — Мне тоже не хочется никакой спешки, но, если у вас есть какая-нибудь идея, я мог бы внести изменения в инструктаж наших групп. Впрочем, вы и сами знаете, насколько это важно.

— Да, конечно, я знаю, — ответил Джордж. — Послушайте, а почему бы вам не поместить меня в следующий эпизод? Например, с постелью и подушкой.

— Что вы сказали?

— В следующий эпизод.

— А мне показалось, с постелью и подушкой.

— О нет! Нет!

— Да, наверное, это не то, что вас интересует. Я должен был догадаться.

Элдрич задумчиво потер ладонью лоб, сделал дюжину шагов по комнате и вдруг резко развернулся на каблуках, поворачиваясь к Джорджу. Прямо как танцор.

— Джордж! Неужели произошло что-то непредвиденное?

Джорджа встревожила эта беспричинная паника в голосе Элдрича. Вскинув руки, тот замер в нелепой позе. Его лицо выражало явные признаки дикого страха.

— Нет, Элдрич, — ответил Джордж. — Все в полном порядке.

Его уже начинала раздражать неправильная постановка сцены. Это он, а не Элдрич, нуждался в ответах и утешении. Это он, черт возьми, вернулся из Грохочущего мира и, несмотря на усталость, готовился выполнить еще одно перемещение. Но Элдрич совсем расклеился, и Джорджу было неловко оставлять этого симпатичного парня в таком нелицеприятном состоянии.

— Спокойно, Элдрич. Тревожиться не о чем.

— И вы не заметили ни одного проникновения? — спросил Элдрич.

— Ни кусочка, — ответил Джордж, хотя и не знал, о чем говорил его собеседник.

— И даже легкого перекрытия слоев?

— Вообще ничего.

— Вы в этом уверены?

— Послушай, приятель, — произнес Джордж. — Минуту назад я вернулся из Грохочущего мира. Но это еще не значит, что я, как какой-то отупевший идиот, не смыслю в делах, которые тут происходят. Не было никаких перекрытий, понимаешь? И уж тем более — проникновений!

— Надеюсь, вы правы. Но Хайнберген предсказывал...

— Забудь о Хайнбергене, — оборвал его Джордж. — Садись. Я сделаю тебе что-нибудь выпить. А потом ты расскажешь о моем новом задании.

Элдрич сел.

— Но что именно вы хотите узнать о вашем задании? — спросил он, и в его голосе появились нотки подозрительности.

— Ладно, забудь об этом, — сказал Джордж. — Я и так о нем все знаю. Просто мне хотелось поддержать беседу, пока ты не успокоишься и не поймешь, что у нас все в полном порядке.

— Так, значит, вот в чем дело? — спросил Элдрич.

— Ну конечно, — ответил Джордж.

— Как это мило с вашей стороны. Знаете, Джордж, вы всегда казались мне очень сильным и мужественным человеком. Вот почему, наверное, Цедулла так расстроился, когда понял, что вы ушли в Грохочущий мир. Я хотел сказать, что он полагался на вас, Джордж, хотя и скрывал от нас свои чувства. Да что там! Мы все полагались на вас.

— Ладно, хватит об этом, — произнес Джордж, немного смущаясь от признания своих заслуг и, как всегда, ничего не понимая. — Значит, Цедулла расстроился?

— Да, но ведь он расстраивается по любому поводу. Идемте, я покажу вам ваши апартаменты.

Он вывел Джорджа из комнаты с серыми стенами, и они вышли в длинный коридор, который занимал довольно долгий промежуток времени. Идеальную тишину нарушали только их шаги, приглушенные мягким ковровым покрытием.

— Мы решили разместить вас на прежнем месте, — сказал Элдрич. — Подготовка к полету еще не завершена, и вы можете немного вздремнуть и освежиться.

Элдрич остановился перед дверью, обозначенной буквами М и Ж. Он открыл ее, и Джордж увидел небольшую гостиную, за которой через открытую дверь просматривалась спальня. На стене имелось окно. Оно открывало вид на широкую зеленую лужайку с каймой деревьев по бокам. Чуть дальше начинались горы с синими полосками расщелин.

— Довольно мило, — сказал Джордж и, подойдя к окну, окинул взглядом панораму. — Что это за горы?

— Те, которые нарисовал для нас художник, — ответил Элдрич.

— Но какие именно? Он же, наверное, имел в виду вполне конкретную горную гряду?

Элдрич, немного подумав, пожал плечами.

— Для вас выделили небольшое космическое судно, — сказал он, прочистив горло. — Мы отправляем вашу ракетку через час. И, я думаю, воланчики тоже. Пока у нас тут действительно все спокойно, хотя на самом деле это только так кажется.

— Вы хотите сказать, что все это нереально?

— О какой реальности здесь вообще можно говорить? — ответил Элдрич. — Мы находимся в пространстве РБ2, и со всех сторон нас окружает мрак небытия.

А девочки были просто замечательные, подумал Джордж. Он знал, что в этой конфигурации, заново сплетенной пауком, ему не полагалось иметь такие мысли, но старая привычка брала свое. Впрочем, возводя бункер для негативных мыслей, мы тем самым лишь увековечиваем то, что нам хотелось бы спрятать и зарыть подальше в рассыпчатой почве благих намерений. Вот почему этот самонадеянный Паук, считающий себя единственным рассказчиком всех историй, осмелился присвоить теперь его голос и оплел липкой пряжей те коридоры, которые почти наверняка вели к фатальной аритмии. А как же

женщины на берегу? Нет-нет, подумал Паук, мы покончим со всем этим! Мы просто прервем сейчас историю — гордую и отважную историю о прежней расе и людях, которые жили задолго до того, как пауки захватили власть над планетой. Джордж, соберись же, черт возьми! Своими мыслями об их кругленьких попках ты искажаешь всю величественность моих мыслей.

— Прошу прощения, — ответил Джордж, — но из-за энергетических проблем я не могу выйти на придуманный вами берег. И раз уж так получилось, то почему бы вам не взяться за это дело самому и не оставить меня в покое?

— Это невозможно, — сказал паук. — Они разрушаются от моих прикосновений — даже от намека на прикосновение. Они разрушаются еще до того, как мне удается приблизиться к ним и объяснить, что им нечего бояться. Вот почему старый банк мыслей не может позволять перенастройке унести тебя прочь, и вот почему у нас ничего не меняется.

Перевалив через вершину холма, Джордж увидел большой каркасный дом, окруженный цветочными клумбами. Среди ярких незнакомых цветов он узнал лишь черствые голубые незабудки и маленькие бутоны красноносой геряни. Этот дом, с белыми ситцевыми занавесками и могучими вязами, казался удивительно знакомым и близким. Джордж не помнил его, но продолжал идти по длинной тенистой аллее. Небо тонуло в глубокой и невероятной синеве, которая встречалась только в снах. В воздухе звенели птичьи песни. Солнечный свет отливал золотом в завитках колючей проволоки, прораставшей на зеленых кустах живой ограды. Рядом высились стройные решетчатые деревья, которые во многих областях вселенной назывались вышками.

Передняя дверь запиралась на простой крючок. Джордж приподнял его и вошел в дом. Он оказался в скромной гостиной, которая своей клейдсдельской софой* и камином в стиле Эймса напоминала добрые времена предыдущей эры.

Джордж нерешительно остановился у окна. Он не знал, что ему делать дальше, а вокруг не было никого, с кем бы он мог поговорить. Пройдя по разлапистому ковру с яркими узорами змей и подков, Джордж подошел к лестнице, которая вела на второй этаж. Где-то вверху светился квадратик света. Он начал медленно подниматься по неосвещенным ступеням, стараясь наступать на каждую из них, а не перескакивать торопливо через две и не нестись как угорелый через три-четыре.

* Подразумевается сравнение с очень известной клейдсдельской породой лошадей-тяжелозов. (Примеч. пер.)

Когда ступени закончились на лестничной площадке, он зашагал по узкому коридору, который тоже показался ему чем-то знакомым. Но разве такое возможно? Он не мог знать коридор, в котором ни разу не был — это же понятно каждому, верно? Однако Джордж сомневался во всем. Вот почему он продолжал идти до тех пор, пока не дошел до конца коридора. Дверь слева от него оказалась открытой, и он заглянул в нее. В комнате стояла железная кровать, застеленная большим стеганым одеялом, на котором колосилась вышитая пшеница. Рядом виднелись два стула с прямыми спинками и старомодный комод на изогнутых ножках.

Пока он размышлял о том, что ему делать со всем этим, снизу послышался голос. И голос звал его:

— Джордж! Ты внутри?

— Да, я уже тут, — отозвался он.

— Ах ты, моя радость! Спускайся вниз и обними покрепче свою тетушку Тез.

Джордж торопливо вышел из комнаты и спустился по лестнице. Вернувшись в гостиную, он увидел там маленькую пожилую леди с седыми волосами, уложенными в пучок. По всей вероятности, это и была его тетушка Тез. Хотя еще минуту назад Джордж даже не подозревал, что у него имелась какая-то тетя.

— Что же ты так долго не возвращался? — с упреком сказала она. — Мы тут тебя ждали — я, дядя Терри и твои кузены Энди и Слим. Представляю, как они обрадуются, увидев тебя!

— А где они сейчас? — спросил Джордж.

— Пошли в сарай, повалять в грязи свиней, — ответила тетя Тез и весело засмеялась. — Ступай на кухню, Джордж. Тебе повезло, потому что я решила испечь персиковый пирог. Твой любимый, если ты не забыл.

Он сел за кухонный стол. В открытое окно влетал веселый легкий ветерок. Выглянув наружу, Джордж осмотрел ландшафт, который уже покрыли длинные вечерние тени. Не заметив сарая, он решил, что хозяйственные постройки, очевидно, находились с другой стороны дома.

Тетя Тез суежилась вокруг плиты, выпекая фруктовый пирог из иррациональных чисел и глухих фонем. И те и другие по виду напоминали куриц, причем первые все время озабоченно кудахтали, а вторые притворно прислушивались к ним. Они откладывали маленькие коричневые яйца с тонкими зелеными полосками, которые можно было рассмотреть только с очень близкого расстояния. Где-то за домом раздавалось тихое

мычание свежескошенного сена. Подернутая дымкой летняя тишина нависала над миром, как плотная вуаль, лишь иногда приоткрывая уголок и пропуская жалобный крик козлодея.

На Джорджа нахлынуло непередаваемое чувство целостности, и он ощутил себя куском огромного мироздания. Но вслед за этим пришло ощущение раздробленности, а затем и рассыпчатости, когда он тщательно прожевал тот ломтик пирога, который ему вручила тетушка Тез. Крошки фонем пищали и хихикали у него во рту, что казалось не совсем верным, но и не таким уж неправильным. Цветочный чай с фруктовым пирогом сменился одним из тех чудесных вечеров, которые время от времени опускались на эту и другие древние страны во время магнитных бурь. Тут и там за окном мелькали большие пернатые птицы.

— Это грязнокрылые лебеди, — ответила тетушка Тез в ответ на его вопрошающий взгляд, полуприподнятые брови и руку, повисшую в воздухе в вопросительном жесте. — Люди считают их предвестниками бед и правильно делают, можешь мне поверить. Но тебе незачем тревожиться, мой мальчик. Они тебя здесь не найдут.

Джордж почувствовал себя очень маленьким. Однако его тревога, источавшая запах чизбургера, вполне соответствовала размерам взрослого человека. Между тем он давно уже планировал выпустить одного из своих голубков, и вот теперь это время настало.

Внезапно на проем открытой двери упала тень, а следом за ней и небольшой угловатый мужчина, одетый во все ржаво-коричневое и серое. К его голове прижималась помятая шляпа; через плечо свисал истрепанный дорожный мешок.

— О-о! — воскликнул он. — Могу ли я спросить, мне тоже это надо слушать?

— Мне-то ведь надо, — ответила тетя Тез.

Повернувшись к Джорджу, она представила ввалившегося мужчину:

— Это Пьер Дунчик, наш французский наемник. Он выполняет у нас всю грязную работу. Разве ты не помнишь его, Джордж?

Джордж его не помнил, но он не хотел, чтобы об этом кто-то узнал.

— Привет, Пьер, — сказал он.

Французский наемник снял шляпу. Его засаленные серые волосы беспорядочно рассыпались по плечам, но затем, оценив расстояние до пола, быстро прилипли к воротничку костюма.

— А-а, кого я вижу! — произнес Пьер. — Молодой хозяин вернулся из Грохочущего мира, верно?

— Да, я был в отъезде, — ответил Джордж. — Мне пришлось поскитаться в далеких местах. И я многое повидал — не помню точно, раз или два. Но нет ничего лучше возвращения домой.

— Да, это, наверное, здорово, — сказал Пьер. — Я ведь помню, как часто ваш дядя говорил мне одно и то же: «Эй, Пук!» Это он так называет меня в кругу семьи. «Ну что, Пук, ты не знаешь, сколько майских жуков уже улетело с той поры, как с нашей шеи свалился Джордж?» А я ему: «Пару полных горстей, продувная бестия». Очень уж нравится вашему дядюшке, когда я называю его таким образом.

— Да, он действительно это любит, — подтвердила тетушка Тез. — Даже странно, что ты, полукровка, находишь для нас такие точные и полные определения.

— Так ведь это все не с куста падает, хозяйюшка, — ответил Пьер. — А вы, Джордж, надолго к нам или как?

Джордж об этом еще не думал, поскольку всего лишь несколько минут назад у него и в мыслях не было заходить...

Его размышления часто велись автоматически, то есть независимо от воли Джорджа. Но он не желал становиться объектом каких-то опытов над простыми людьми. Неужели им не хватало для этого других беспомощных созданий? «Мы не гордимся нынешним положением дел, но так надо». Да, наверное, так надо, но будет ли этому конец?

И еще Джорджа интересовала цель, ради которой его подвергали таким мучениям. Он всегда размышлял об этом в те странные мгновения, когда пламя внутри угасало, когда звуки вызывали лишь раздражение и когда никто не появлялся, даже если включался свет.

В такие минуты тело изгибалось в поисках опоры и прочих удобств. Тоска, сжатая до критической массы, требовала выхода. Наступал кризис, и фразы теряли свой очевидный смысл. Они выплескивались наружу в свободном контексте, словно порванные клочья незавершенных сюжетов. Вот какую ясную и очевидную картину он видел теперь перед собой.

Потом появились экс-монарх Франции, комичный официант Эдди, Мартина с разбитым от горя сердцем и все остальные. Они с трудом выбирались из черного наброска, пытались создать какую-нибудь сцену. Это было ужасное зрелище для чуткого и отзывчивого сердца мужчины. Вдали уже виднелись хорошие и плохие дни, но сама картина все больше превращалась во что-то ужасное и смятое.

Джордж резко выпрямился и осмотрелся по сторонам.

Его едва не уговорили взять то, что они раздавали как месть и награду в горных святилищах — в местах, куда метафоры удалялись для весеннего очищения; в местах за радугой, которые не желали раскрывать себя людям. И эти места не могли быть известными, потому что о них знал каждый. Вот какие там были места.

Джордж понимал, что это только начало, и здесь намечалось нечто большее, чем встреча идей. Что-то уже пробивалось вовне. «Эй, ты, не заслоняй меня, мать твою!» И оно порождало ужасное беспокойство.

Формы вещей скользили на коньках, перескакивая от одного образа к другому. «Джордж, ты нас слышишь?»

— Да, я вас слышу, — ответил Джордж. — И мне очень жаль, что все закончилось так плохо. Я же им говорил, чтобы они никогда не будили меня таким образом.

А вас, наверное, интересует, что будет впереди. Это то, что мы все сейчас увидим.

Сцена по-прежнему пыталась пробиться из наброска. Но потом она выдохлась окончательно и откинула копыта. Мертворожденный сюжет, незрелый плод воображения. Утрите слезы, господа. «Джордж, ты все еще там?»

Джордж захихикал. Он так здорово спрятался в куче простыней под кроватью, что они никак не могли его найти. Это было то самое место. И он знал, что здесь ему ничего не грозит.

— Я, конечно, извиняюсь, но, может быть, поиграем вдвоем?

Джордж поднял голову. Он не ожидал услышать здесь другой голос. Они ему об этом ничего не говорили.

— Кто вы? — спросил Джордж.

— Зовите меня Коломбиной, — ответила она. — Я из балетной труппы и в настоящее время ожидаю роль. А вы, случайно, не актер?

— Я главный герой, — без гордости ответил Джордж.

Ему не хотелось использовать этот аргумент так рано — ну да и черт с ним. Если имеешь какой-то запас, лучше всего его когда-нибудь истратить.

Место, в котором они находились, обладало признаками чего-то необычного. Однако, несмотря на определенное своеобразие, оно еще не стало очевидным. Никто из них не знал, какие последуют указания и что произойдет дальше. Последнее вообще держалось в полном секрете.

Джордж решил немного рискнуть на этой стадии дел и внести со своей стороны небольшое предложение. Как следует

взвесив целесообразность такого поступка, он сказал себе: «Да, черт возьми! А почему бы и нет?»

Однако мысль уже путалась в лабиринтах гамбургера высокой степени защиты. Они искали способ вломиться в его схему. Они даже использовали длинноносые щипцы, которыми тыкали его, сопя и фыркая от презрения. Конструкция выгибалась и изворачивалась. Прозрачный желтый сок вытекал из множества порезов, нанесенных газонокосилкой. Но они не давали нам пути для дальнейшего самоунижения, и поэтому мы из последних сил боролись за свою свободу.

Тем вечером тетя Тез приготовила на ужин песочное печенье, булочки из гальки и отбивные из отбитых кусков скалы. Пьер устроился в конце стола — специально для того, чтобы подбрасывать Пятну то один кусочек, то другой. Пятно, появившееся под его стулом, все дальше вытягивало изогнутый желтый язычок.

— Знаешь, Джордж, — сказала тетушка Тез, — я хочу, чтобы ты завтра встретился с другом нашей семьи.

— А кто он? — спросил Джордж.

— Он доктор истерических наук, и мы называем его Инопланетным Историком.

— Хорошо, — сказал Джордж с едва заметным оттенком живости, хотя он еще не понял, как ему отнестись к намеченной встрече. — Так кто же он, этот Инопланетный Истерик?

— Ладно, Джордж, я не буду скрывать от тебя правды, — произнесла тетя Тез. — Мне не хотелось лишать тебя удовольствия, которое ты можешь получить от встречи с ним.

— А вы уверены, что я получу удовольствие? — спросил Джордж. — Пусть вас не удивляет мой вопрос. Мне просто хочется знать, что вы подразумеваете под этим термином.

Вот теперь все, как надо. Это, между прочим, моя реплика, а то, что вы прочитаете дальше, будет относиться уже к мыслям Джорджа и его настроению, которое менялось с каждым днем. Ему почему-то не хотелось думать о встрече с Инопланетным Историком, но он не мог не думать об этом. Мысли о предстоявшей встрече терзали его целый день и сбивали концентрацию внимания, которая требовалась для выполнения домашней работы — например, для выкапывания Анютиных глазок. Анюту обычно откапывал Пьер, и это была кропотливая работа, во время которой приходилось долбить землю ломом, копать ее лопатой и разрыхлять мотыгой. Длинная рукоятка мотыги из ценной породы полированного дуба имела два нароста, за которые ее обычно и держали. Иногда

использовались мотыги с тремя наростами, но за отсутствием трехруких людей...

А потом день прошел. Кур загнали во двор; петух важно взлетел на крыльцо и поставил там свою именную печать, после чего их пастух устало поплелся домой. На землю легла тишина, облака закрыли солнце, и слабый ветерок, поднявшись, вновь опустился вниз. В тот день Джордж часто отмечал подобные нестыковки.

Однако в последующих сценах и эпизодах мы увидим Джорджа за работой в поле; в заботах о странно раскрашенной и рогатой скотине; в беседах с большой албанской свиньей. Он трудился до седьмого пота, который ему удалось смыть, нырнув в небольшой ручей, протекавший перед белым домом, построенным прямо посреди сельскохозяйственных угодий.

На закате все отправились к куче камней, которые благодаря своей любопытной форме считались религиозной святыней этих мест. Тени скручивались и сплетались среди древних развалин. Могучие дубы зевали черными дуплами, и между ними блуждали жуткие зеленые и розовые огоньки.

И тогда наступила ночь, и пришло время последний раз выпить, перед тем как принять неизбежный укол. А потом в постель, и живо!

Прилетели сны, помахая крыльями противоречий. Но мы пока не будем исследовать их, поскольку они займут свое достойное место в следующем цикле лекций. Поэтому переходя непосредственно к рассвету, мы пропустим остаток ночи — тем более что в ней не было ничего интересного. Хотя знаете что? Давайте пропустим и рассвет. Все равно Джордж думал только об одном: о встрече с пришельцем.

На следующее утро, яркое и раннее, но не такое уж и раннее, чтобы там не хватило места для нескольких чашек кофе, в дом пришел Инопланетный Историк.

До нас дошло несколько описаний Инопланетных Историков. К сожалению, ни одно из них не является точным, потому что пришельцы имели текучую форму. Например, Историки меняли свои взгляды и остальные части тел почти с той же регулярностью, с какой мы трансформируем наше настроение. А надо сказать, что Инопланетный Историк тоже имел гамму чувств, и его форма часто отражала их состояние.

Тем утром он находился в слегка неуверенном настроении, и это отразилось на его формах соматотипа. Он долго не мог решить, в каком образе явить себя миру. Выбрать что-нибудь античное, аскетическое, с вытянутым носом и поджатыми губами? Или, наоборот, что-то яркое, улыбочное и общи-

тельное? А что, если попробовать какую-нибудь новинку? Допустим, взять две головы с разными на вид физиономиями. Или лучше вообще без физиономий. Пустые лица! Это всегда воспринималось как хорошая шутка и хороший тон.

Пока Инопланетный Историк примерялся к различным формам, тетя Тез представила гостя.

— Любезный друг, я хочу представить вам Джорджа, моего племянника и очень хорошего мальчика, хотя мне и самой в это часто не верится.

— Очень рад познакомиться, — ответил Джордж.

— Деге Ерат, — произнес Инопланетный Историк.

— Не понял?

— Это традиционное торжественное восклицание, которое используется склеротиками планеты Аделдис.

— А-а, — ответил Джордж. — Я этого не знал.

— У вас не было причин знать об этом.

— Да, думаю, не было.

— Вы тут поговорите друг с другом, а я займусь делами, — сказала тетя Тез.

Она вернулась в дом. Подходило время ставить ловушки на ячменные оладьи, которые грызли мебель и превращали все в муку.

— Вот такие дела, — произнес Джордж, когда они остались одни на заднем дворе за маленьким переносным столом для пикников — почти у самых кустов черной смородины, но относительно далеко от сливового дерева.

— Да, можно сказать и так, — ответил Инопланетный Историк.

В конце концов он решил превратить себя в очень высокого двухленного мужчину, с розовыми глазами и зеленоватым цветом кожи.

— Вы, как я понимаю, с Земли? — спросил он.

— Как вы догадались?

— По выражению недоумения. У вас, землян, это получается просто превосходно.

— Да, мы в этом часто практикуемся, — сказал Джордж. — А могу ли я спросить у вас, что здесь делает Инопланетный Историк?

— Историю, — ответил пришелец. — Жестокою владычицу наших судеб. В принципе мы знаем, каким образом должны складываться события. И универсальная история всего бытия написана давным-давно. К сожалению, жизнь не желает копировать ее в скромной и соответствующей манере. Вот почему

мы, Инопланетные Историки, вынуждены вмешиваться в ход эволюции и расставлять все по своим местам.

— Неужели? — спросил Джордж.

— Да, — ответил Инопланетный Историк.

— Но почему вы тогда сидите здесь?

— Из-за вас, Джордж. Только из-за вас.

— Из-за меня? Неужели со мной что-то не так?

— Хорошо, что вы сами догадываетесь об этом, — ответил Инопланетный Историк. — Джордж, вы все время находитесь в самом себе и, вероятно, не понимаете, какое впечатление производите на окружающих. Скажите, вам не кажется, что вы все время блуждаете вокруг да около? Вам не кажется, что большую часть времени вы вообще ничего не делаете?

— А разве это плохо?

— Это было бы неплохо для незначительного и второстепенного персонажа. Но вы здесь главное действующее лицо!

— Я главное лицо? — с испугом спросил Джордж. — Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен, — ответил Инопланетный Историк. — И все это время вы палец о палец не ударили.

— Что же нам теперь делать? Я полагаю, у вас есть какие-то соображения по этому поводу?

— Кое-какие идеи у меня действительно есть, — сказал Инопланетный Историк. — Но перед тем как приступить к решительным действиям, нам не мешало бы промочить горло.

СЕМЬ МОЛОЧНЫХ РЕК С КИСЕЛЬНЫМИ БЕРЕГАМИ

Там были две двери, и сначала я решил идти в правую — так, без всяких на то причин, просто потому, что надо же войти в какую-нибудь, а обе двери казались мне совершенно одинаковыми и ни одна не сулила чего-то особенного. Но, когда я подошел поближе и мой угол зрения изменился, я заметил третью дверь, ранее скрытую за изгибом стены, в которую они все были вделаны. Эта дверь находилась справа от выбранной мной вначале и теперь превратившейся в центральную.

Эта третья дверь появилась столь неожиданно, что вызвала у меня некоторое беспокойство. Я ведь и без того чувствовал себя выбитым из колеи. Путешествие после отбытия с КОЛУМБА было долгим и утомительным, а тут еще та печальная история с МОРТОМ. Указатели, попадавшиеся мне в пути, имели какой-то двусмысленный характер. Никогда ведь не уяснишь себе истинного значения того или иного знака, пока уже не будет поздно что-либо изменить. Мой рюкзак был тяжел, набит всем необходимым для путешествия, а также дюжиной или даже больше вещей, в которых, возможно, нужды никогда не возникнет, но которые вряд ли найдешь, если такая нужда появится.

Когда отправляешься в путешествие, то фактически засовываешь в рюкзак всю свою жизнь, только в миниатюре, а вовсе не просто то, в чем наверняка нуждаешься, ибо никто с уверенностью не может сказать, что именно является жизненно необходимым. Поэтому берешь то, что может понадобиться, или то, что ты надеешься использовать, или то, без

чего боишься оказаться. Неудивительно, что лямки врезались мне в плечи под той тяжестью, что висела у меня на спине.

И умненькая маленькая машинка-чепушинка ГЛИННИСА, которую я захватил в последнюю минуту, вылезла из своей мягкой обертки и теперь вгрызалась в меня как раз где-то в районе бедра. Однако останавливаться и перепаковать рюкзак мне сейчас не хотелось, поскольку вход в Фокис лежал прямо передо мной за одной из этих трех дверей. Подойдя к ним, я пригляделся, но отнюдь не пришел в восторг от того, что увидел. Между ними не было никаких различий. Возможно, даже не имело значения, в которую из них я толкнусь. Или все-таки имело? Я вспомнил совет СЕСИЛИ: бойся очевидного! Тогда-то я глубокомысленно кивнул, но теперь, хорошенько подумав, понял, что будет весьма и весьма затруднительно определить, в чем именно заключается эта самая очевидность, а еще труднее — уяснить, как избежать грозящей опасности. Мое решение храбро шагнуть в центральную дверь стало слабеть, и я обругал присущую уму склонность к сомнениям, которая заставляла меня снова и снова возвращаться к проблеме выбора. Что-то в этом роде уже происходило со мной во время краткого знакомства с МОРТОМ, и я поклялся, что оно послужит мне уроком. Но как подобное намерение должно отразиться на ситуации с тремя дверями?

Думаю, я мог бы еще долго торчать перед ними с режущим плечи рюкзаком и машинкой-чепушинкой ГЛИННИСА, впившейся в мой бок, да еще с громким бурчанием в желудке. Самая примитивная часть моего мозга безоговорочно знала, что желудок не получит ни крошки еды, пока я буду колебаться на пороге входа в Фокис. Поэтому я рванулся к центральной двери, но в последний момент вдруг изменил направление рывка и, без всякой на то причины, вошел в левую дверь.

Первое, что я увидел, пройдя в нее, были фламинго. Целых три штуки — белые и розовые шары из перьев, с длинными кожистыми сгибающимися назад ногами внизу и такими же длинными змеевидными шеями наверху, снабженными маленькими плоскими головами и изогнутыми черными клювами. Два фламинго занимались чем-то, что показалось мне состязанием в остроумии, но что могло быть и просто брачным танцем; оба громко орали и ширяли друг друга головами, совсем как дуэлянты — шпагами. Третья птица — крупная и окрашенная в оранжевые тона, не обращала никакого внимания на происходящее. Она опустила голову к самой поверхности мелкой лужи, в которой стояли фламинго, и делала ею какие-то движения, вызывая появление на воде множества пузырьков.

Я подумал, что она вспугивает со дна мелкую водяную живность, но чтоб птица что-то глотала — не видел.

Тысячи мыслей бились в моей голове, одна причудливее другой, и я с радостью ретировался бы через ту же дверь, окажись она на месте. А ее, разумеется, там не было. В Фокус ведут односторонние двери, и вам предстоит пройти весьма сложную и утомительную процедуру, прежде чем вы обнаружите выход.

Я, конечно, был весьма далек от желания уйти, поскольку только что прибыл. Снова поглядел на фламинго, и мне тут же пришло в голову вполне вероятное объяснение: это декоративный птичник, которые часто устраивают у входа в общественные здания, а причина того, что я оказался внутри его, заключается в том, что я выбрал неправильную дверь — служебную, которая и занесла меня в самую середину птичьего двора. Итак, я совершил ошибку, но не очень серьезную, размышляя я, а следовательно, несколько шагов выведут меня из контакта с птицами (разумеется, с мокрыми ногами) и вернут на дорогу, ведущую в глубь приемной зоны.

Выйдя на верную тропу, я первым делом оглянулся по сторонам, дабы убедиться, что никто не оказался свидетелем моего faux рах*, и не потому, что боялся наказания, а просто никому неохота оказаться в дурацком положении, только что попав в незнакомое место.

И тут загремела музыка — волынки и барабаны, а в коридоре появилась группа людей в разноцветных ярких костюмах — красных, зеленых и черных. Один дудел на волынке, другой выбивал дробь на малом барабане, а остальные, судя по их изящным движениям, водили нечто вроде хоровода, но при этом все время делали шагжки в сторону, что неизбежно приближало их ко мне. Танцоров было четверо — две женщины и двое мужчин. Мужчины били в бубны, а женщины щелкали кастаньетами.

Я отступил, чтоб дать им дорогу, но стена за моей спиной вдруг рассосалась, и я оказался на обширном открытом пространстве под чистым небом (или хорошей подделкой под него). Почва под ногами имела красноватый оттенок и была утопанной, сухой и твердой. Несколько деревьев с почти горизонтальными ветвями и пыльной серо-зеленой листвой стояли неподалеку, а вдали я мог видеть иззубренный абрис черно-синих гор. У меня едва хватило времени, чтоб поразиться быстроте появления и точности изображения симуляционной картины, как появилась большая группа людей,

* Грубая ошибка, ляп (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

вошедших сюда откуда-то оттуда, где они были раньше. Это были чернокожие, некоторые в плащах из шкуры леопарда, тогда как другие — в блестящих черных костюмах, напоминавших вам о прошлом веке. Танцоры уже начали свое представление, а пришельцы наблюдали за ними с удивлением, но, я бы сказал, без особого интереса. Откуда-то издалека до меня доносились глухие гулкие удары — вероятно, в барабаны — и нежные звуки похожих на флейту инструментов.

И в этот момент прямо рядом со мной возник Лу. Он появился так неожиданно, что я даже не заметил, откуда он подошел. Лу носил спортивную рубашку с ярким кричащим узором, бежевые прекрасно отглаженные слэки и украшенные орнаментом мокасины на маленьких ногах, которыми, как я помнил, он жутко гордился.

— Ладно, пошли, — сказал он. — Ты что, собираешься торчать тут целый день, глаза на эту свадебную вечеринку? Мне кажется, тебя на нее не приглашали, разве что у тебя есть связи, о которых я не подозревал. Для твоего сведения: это король Салупса — пост наследственный, но номинальный и не имеющий реального значения, а толстяк, что стоит рядом с ним и разговаривает весьма грубо — его премьер-министр... или как его там, на их родном языке. Кас Дезайр, кажется. Я ведь когда-то понахвтался геульского, когда командовал торговой факторией на Оримбе. Я рассказывал тебе о тех временах? Не важно, к нам все равно уже идут молодые войны. Думаю, для тебя самое времечко послать им вежливую улыбку, скрестив руки над головой, чтоб выразить дружелюбие и поскорее убраться отсюда ко всем чертям.

— А как насчет тебя? — спросил я.

— Полагаю, против меня они возражать не станут, — ответил Лу. — Вообще-то меня тут нет; то, что ты видишь, — интерпроекция. Со мной делать нечего, разве что они вызовут контролера по соблюдению права на уединение и пожалуются, что среди них затесался любопытствующий нахал.

Теперь, когда он упомянул об этом, я заметил слабый ответ, окружавший фигуру Лу. Сначала я подумал, что это просто солнечные блики, но тут же сообразил, что он общается со мной посредством интерпро.

Двое парней, отделившихся от группы, праздновавшей бракосочетание, отличались отменным ростом и телосложением. Оба хмурились, а в руках держали изукрашенные резьбой дубинки с такими утолщениями на конце, которые свидетельствовали, что удар ими по голове будет весьма болезнен.

— Как мне отсюда выбраться? — спросил я у Лу.

— Следуй за мной, — ответил Лу. — Мы вдвое сократим путь, обогнув фламинго с тыла.

Я поспешно повернулся и пошел за ним, а он скользил над тропой мимо фламинго, все еще совершавших свой брачный танец или какой-то другой обряд. Потом снова через мелкую лужу, а уж после лужи мы сделали крутой поворот в сторону.

Смотреть было не на что. Дело в том, что такие сценические площадки занимают небольшую площадь, а поэтому мне пришлось довольно долго шлепать по мелководью, пока Лу или, вернее, его интерпроекция, плавал возле меня, весьма похожий на себя во плоти, за исключением того, что ног он не промочил. Очень скоро мы достигли конца площадки и внезапно оказались в полной тьме. Такие разрывы между различными сценическими площадками делаются умышленно, дабы экономить энергию. Только светящаяся желтая полоска у вас под ногами ведет вас к следующей станции.

Лу болтал о наших общих друзьях — о ЛОРЕ и ДАГОНЕ, которые недавно заключили годичный контракт на сожительство, и о МОРИСИИ, недавно поступившей на работу в Запредельное Агентство. У нее вышла какая-то заминка со сбором нужных документов.

Я надеялся, что у Лоры все будет хорошо; ее я не видел уже несколько лет с того самого летнего сезона на ГРИН-АЙЛЕНДЕ — задолго до того, как триппы захватили его и превратили в пансион для последователей Новой Гностики. Ужасная жалость, ведь такие местечки, как Грин-Айленд, попадают не каждый день и даже не каждый год — места, где природа, так сказать, хватает вас за шиворот и не отпускает, где существует волшебное равновесие между интродуцированной флорой и различными физическими константами острова. Создание подобных уголков редко окупается и обычно происходит совершенно случайно.

С Лу я тоже познакомился на Грин-Айленде, где он изучал психоживопись и каждый вечер напивался, делая это весьма изящно и не вызывая ни у кого отвращения. Да, тем летом мы недурно развлеклись! Но это было тогда, а сейчас — это сейчас. Сейчас мне приходилось иметь дело с Фокисом, и я не мог не думать о том, как у меня там пойдут дела.

Принять решение и отправиться на Фокис — дело само по себе нелегкое. Причины моего появления здесь, которые казались мне столь существенными, когда я покидал Землю, начинали мне казаться теперь по меньшей мере легковесными, а в действительности — совсем необоснованными. Правда, у меня была машинка-чепушинка ГЛИННИСА, по всей видимости, обладавшая собственным разумом.

Мне приходилось считаться вот с чем: я сделал ошибку и вошел сюда через не ту дверь. Если б я выбрал правильную (а я не знаю, какая из них какая), то сейчас не тащился бы в темноте по сети коридоров, соединяющих отдельные сценические площадки, следуя за тонкой желтой светящейся полоской, уходящей в бесконечность этой непроницаемой тьмы. К тому же за моей спиной висел тяжеленный рюкзак, и я до сих пор не имел возможности хоть немного изменить положение, которое он занял. Я размышлял об этих обстоятельствах, когда вдруг раздался звон хрустальных колокольчиков — автоматический сигнал, вызванный моим приближением, предупредивший, что меня ждет какой-то новый разворот событий. Фокияне здорово поднаторели в таких делах и заранее предупреждают о готовящемся изменении ситуации, однако умалчивают, что именно вас ожидает.

— Как ты думаешь, что это будет? — спросил я Лу.

Ответа не было. Я огляделся, сделав разворот в 360 градусов. От Лу — ни следа. Перерывы в работе интерпрекционного луча весьма часты, так что я не волновался, хотя данный перерыв произошел в очень неудобное для меня время. Продвигаясь вперед, я заметил, что желтая полоска начинает выписывать загогулины и что ее пересекают красные и зеленые черточки. Это было то, что фокианцы несколько претенциозно именуют зоной взаимонепонимания.

Что ж, чего-то в этом роде я и ожидал, а потому продолжал идти вперед, демонстрируя (по крайней мере внешне) уверенность в себе. И шел до тех пор, пока не появился свет и я не оказался на новой площадке.

Она ровным счетом ничего в моей памяти не пробудила. Как оказалось, я попал в маленькую темноватую комнату, каменные стены которой были грубо оштукатурены, а потолок нависал над самой головой. У одной из стен стояла простая деревянная кровать. Еще там имели место стол и стул. За перегородкой, высотой по пояс, я увидел мужика в красно-синем мундире, похожем на солдатскую форму, который держал в руках что-то вроде старинного мушкета. Волосы у него были черные, собранные в небольшой «конский хвост». Мужик курил глиняную трубку, которую он отложил в сторону, как только увидел меня.

— Доброе утро, гражданин, — сказал он. — Рад, что вы наконец проснулись. Завтрак вон там — на тарелке под салфеткой, что на маленьком столике. А рядом с ней Библия для ваших утренних молитвенных упражнений. Следовательно скоро придет, чтоб продолжить допрос. Я обязан сообщить вам об этом, дабы дать вам основные ориентиры и чтоб вы не жало-

вались, будто что-то было пропущено, когда придет время суда. Дальнейшие рассуждения мне строго запрещены. Поэтому, если вам все ясно, я вернусь к своей газете.

— Минуту! — воскликнул я. — Ничего мне не ясно! Где я нахожусь? Что это за место? Оно похоже на тюремную камеру, не так ли? А если так, то в чем я обвиняюсь?

— Гражданин, — сказал он. — Все это отнюдь не относится к области, которую я могу с вами обсуждать. Приберегите свои вопросы для следователя.

— Но скажите мне хотя бы, почему я тут оказался?

Часовой встал. Это был рослый крепкий мужик с грубым и недоброжелательным лицом.

— Свой долг я исполнил, — рыкнул он. — Ты не имеешь права требовать от меня большего. И если ты не заткнешь свою пасть, я тебе заткну ее сам вот этим. — И он взмахнул своим мушкетом как дубиной. — Мне сказано, что я имею полное право врезать тебе, чтобы предотвратить дальнейшие не разрешенные законом вопросы.

Его манеры резко изменились. Теперь они говорили, что угроза носит вполне реальный характер. Отвечать я не стал — вид у солдата был такой, что он способен пустить свое оружие в ход хоть сейчас. Конечно, все происходящее было результатом какого-то чудовищного недоразумения. Но то, что я заработаю черепную травму, если буду пытаться прояснить ситуацию, доказательств не требовало. Я отвернулся от стража, сел за стол и взял Библию. Некоторое время солдат наблюдал за мной, потом тоже сел и принялся за газету. Через минуту он закурил трубку и, по-видимому, успокоился.

Ну а я от спокойствия был куда как далек, но что я мог поделать? Враждебность этого типа очевидна, а заводился он так быстро, что я почел за лучшее его не провоцировать. Перелистал несколько страниц Библии. Она была написана на языке, которого я не знал. Даже форма букв оказалась мне неизвестной, так что я лишился слабого утешения бормотать вслух хотя бы отдельные фразы. Я отложил книгу и снял с плеч рюкзак, опасливо поглядывая на стража. А он и глаз не поднял от своей газеты. Видимо, мои действия наконец-то оказались неподзапретными.

Развязав рюкзак, я стал искать какое-нибудь чтиво. Надо было хоть как-то укрепить нервную систему, расшатанную этой дурацкой ситуацией.

И куда к черту подевался Лу? Наверняка у него было достаточно времени, чтоб добиться возобновления трансляции своего изображения! Но Лу не было, и, оглядев камеру, я не заметил там даже признака средств связи, если, конечно, не

допустить, что они спрятаны где-то в покрытой плесенью фреске на стене. Фреска изображала мужчин и женщин в старомодных костюмах, расположившихся на пикнике на фоне идиллического пейзажа. Я бы с радостью к ним присоединился.

Снова, осторожно поглядывая на стража, я встал, чтоб разглядеть живопись поближе. Она притягивала меня так, будто в нее был встроен какой-то магнит. Тщательно вглядывался я в детали фрески. Нарисованные на ней кусты почему-то казались искусственными. Это что — с умыслом? Пока я рассматривал живопись, вдруг послышался звук шагов, исходивший из коридора, куда выходила камера.

Лес вряд ли мог служить надежным убежищем. Как только я неизвестно каким образом оказался в нем, я увидел, что это довольно зловещее местечко, полное поганок и еще каких-то ядовитых бесформенных растений. От благородной компании, изображенной на картине, и следа не осталось. И куда они подевались? Может, я слишком долго болтался в тюремной камере? Видно, так оно и было. Но зато на спине у меня снова висел рюкзак, хоть я и не помнил, когда успел его натянуть.

В этом лесу, полном огромных деревьев и кустарников, казалось, не имело значения, в какую сторону идти. Совершенно инстинктивно я двинулся туда, где было посветлее, хотя даже это обстоятельство улавливалось лишь с большим трудом. Серые сумерки леса заволокли всю округу вуалью тайны.

Я пошел дальше, продираясь сквозь кусты и низкие цепкие травы. Место казалось мне полным дурных предзнаменований. Как это меня сюда занесло? Думать об этом не хватало терпения, особенно учитывая ощущение, что нечто подкрадывается ко мне сзади. Никакого представления, что это такое, у меня не было. Шум производился преимущественно мной самим, да время от времени тихие вздохи ветра просачивались откуда-то и колебали верхние ветви деревьев.

Я вспомнил, что уже давно не ел, и решил сделать привал, чтоб пошарить в рюкзаке. Я не предполагал, что запасаю чем-то съедобным, но как знать, бывает и так, что в мешок суют что-то — недоеденный сэндвич, корку сыра, коробку крекеров, а сейчас все это было бы куда как кстати!

Я поставил рюкзак на пригорок и присел возле на корточки. Темнело. Скоро наступит вечер.

У меня не было представления о том, где я нахожусь или куда иду. Я знал, разумеется, в общем и целом, что это один из фокусов, которые вытворяют на Фокисе — одна из их знаменитых иллюзий; ведь это такое место, где ни одна вещь не похожа на то, чем она представляется. Но такое знание в настоящий момент мне мало чем могло помочь, поскольку,

вообще-то говоря, оно подходило для любой ситуации, а отличить истину от иллюзии чрезвычайно трудно даже задним умом, когда в этом уже нет жизненной необходимости. Я обругал мысленно Лу за то, что он бросил меня, потому что сейчас именно так расценивал его исчезновение. Поломка вряд ли могла так долго препятствовать его появлению здесь.

В рюкзаке я нашел пакетик орехов, преподнесенный мне бесплатно на эскалаторе и который я тогда не съел. Я принялся жевать орехи, но тут же сообразил, что скоро мне обязательно понадобится вода — такими сухими они были. Вода — обыкновенное чудо, о котором вспоминаешь только тогда, когда ее нет. Мой случай. Я встал и огляделся со смутной надеждой найти какую-нибудь западинку, где, как мне говорили, может скапливаться дождевая вода. Устало уложил рюкзак и просунул руки в его лямки. И в этот момент услышал голос, но не смог разобрать, что он мне говорит.

— Кто это? — окликнул я.

— Проводник, — ответил голос.

Я стал вертеться, пытаюсь определить направление, откуда шел звук. Казалось, говорящий совсем рядом, но я не видел ничего, кроме густого серо-зеленого леса и сгущающихся к ночи теней.

— Выйди и покажись мне, — позвал я.

Какое-то время ответа не было. Затем я услышал легкий треск в кустарнике справа от меня и быстро повернулся. Там стояло животное, которое, склонив голову, пыталось получше рассмотреть меня. Я подумал, что это какой-то вид оленей — мышино-серого цвета, с настороженными ушами, шевелившимися при порывах крепчавшего ветра, будто стараясь слышать, что он им говорит.

— Вы избрали неудачную дорогу, — сказал олень.

— Я? Да я тут ничего не выбирал!

— Я тут не для того, чтобы спорить с вами, — отрезал олень. — Но мой опыт утверждает, что каждый, кто здесь появляется, делает это по собственному выбору.

— Ну, в общем смысле это так, пожалуй, — отозвался я, — но я предполагаю также, что ты не совсем животное.

— Может, и нет, — ответил олень. — Но разве это так важно?

— Настоящее животное не говорит, во всяком случае обычно.

— Нет. Но и люди не входят в картины, во всяком случае обычно, как вы утверждаете. Разве вы не замечали, что обычные правила имеют значение, лишь когда вы спокойно рассуждаете, после того как событие уже произошло, и когда у вас

появилась возможность комфортабельной генерализации; когда же событие еще только предстоит, то оно в первую очередь неуловимо исключительно и специфично.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — сказал я. — Но я тут не для того, чтобы вести с тобой нелепые философские дискуссии. Ты меня можешь вывести отсюда?

— Возможно, — ответил олень. — А куда вы хотите поехать?

— Я намеревался попасть на Центральный Фокиса, — ответил я. — Меня там ждут друзья.

— Значит, вас ожидают?

— Ну... не совсем так. У меня не было времени известить их о своих планах, поскольку моя отправка из пункта ноль была весьма поспешной. Связь между точкой в Солнечной системе и этим миром затруднена, и я решил сэкономить время и прибыть сюда лично. И тогда легче послать себя самого, чем уведомляющий документ.

— Это справедливо, — заметил олень. — Но тогда вам придется переносить неудобства, связанные с тем, что вы являетесь как бы уведомлением о своем грядущем прибытии.

— Что еще за неудобства?

— Об уведомлении частенько забывают. Но я вижу, у вас нет желания обсуждать подобные вопросы. Следуйте за мной, и мы посмотрим, что можно для вас сделать.

Олень зацокал копытцами к подлеску; я последовал за ним. Сумерки сгущались быстро. Стволы деревьев стали трудно различимы. В глотке у меня совсем пересохло, и спустя несколько минут я сказал:

— Нет ли тут поблизости чего-нибудь, что можно было бы выпить?

— О, конечно, тут есть что пить, хоть я и не думаю, что лично порекомендовал бы это.

— Но мне нужна вода!

— Ну в этом случае вам, конечно, надо попить. Идите сюда.

Мы сошли на чуть заметную тропку и стали спускаться вниз по довольно пологому склону. Во мраке посверкивали светляки, их блеск был прекрасен. Лес притих. Через некоторое время мы вышли к крохотному темному пруду, лежащему в лощинке у подножия огромных деревьев. Я подошел к урезу воды, наклонился и зачерпнул воды в сложенные чашечкой ладони. Выпив, я ощутил, что хочу пить еще сильнее, а потом еще сильнее. Олень, пока я пил, стоял неподвижно, и мне показалось, что во взгляде его есть нечто осуждающее.

— Может, я делаю что-то неправильное? — спросил я. — Но ведь вода свободна для всех?

— О, разумеется, она свободна, — отозвался олень. — Вот в том-то и беда! Она остается свободной и внутри, такой же свободной, как была снаружи.

Слова оленя не имели никакого смысла. И тем не менее я вдруг ощутил воду в своем желудке и тут же наклонился, чтоб выпить еще. Сжал пальцы лодочкой и поднял воду к лицу. Мне показалось, что я держу в ладони прозрачный шар. Воду пришлось не пить, а есть. Я тут же прекратил пить и быстро отступил от берега. Олень наблюдал за мной с интересом. Я чувствовал, что в моем животе происходят странные вещи. Возникло ощущение внутреннего расширения. Как будто то малое количество воды, которое я проглотил (наверняка не больше пинты), начало расти. Я ощущал присутствие воды в себе, но она не становилась частью моего организма, а отдельной, свободной, как говорил олень.

— Что происходит? — спросил я. — Что ты со мной сделал?

— Этому существует множество объяснений, — ответил олень. — Я дал вам только то, чего вы с такой жадностью добивались. Остальное — дело ваше... и ее.

Я не понимал, что он имеет в виду. Нет, знал, но не хотел понимать. Что-то должно было случиться, а я снова не был к этому готов. Объем воды в желудке продолжал увеличиваться. Это была не вода, а кислота. И она растворяла меня, превращая в себя.

— Помоги же мне! — вскричал я.

— Боюсь, я уже сделал это, — ответил олень.

А вода стала во мне подниматься все выше; я превращался в бумажного человечка, быстро растворяющегося в самом себе. Этот образ был мне не совсем понятен, но от этого не становился менее реальным. Вода поднималась, и я рухнул на лесную почву, с хлюпаньем стекая по склону. Я был водой, удерживаемой пленкой поверхностного натяжения. Это мне представлялось дикой несправедливостью — я имею в виду все перемены, свалившиеся на меня. Что же такое случилось со старым добрым стабильным миром? А может быть, та стабильность всегда была мифом, сновидением о порядке в совершенно невероятном мире?

Я ощущал, как растворяюсь в себе самом. Чувствовал, что пленка натяжения лопается и я водой стекаю по лесному склону обратно в маленький пруд. Я ощущал присутствие оленя, который сначала наблюдал за мной, а потом повернулся и стал уходить. В посадке его головы, в блеске больших

сияющих карих глаз была печаль. Я подумал, что он горюет обо мне. Бог свидетель, тут мы с ним были близки, ибо я тоже очень жалел себя.

Но разве вода способна испытывать сожаление? Этот вопрос на мгновение привлек мое внимание, а затем интерес к нему пропал. Я полностью превращался в жидкость. Я понял, что я — всего лишь лужица воды. Вряд ли будет преувеличением сказать, что она напоила меня досыта. Сейчас я уже полностью стал ею, но что будет со мной дальше?

— ...Мой любимый живет на луне, скоро женится он на мне...

Я прислушался к этому тоненькому, пронзительному детскому голоску, который напоминал мне о чем-то. В голове клубился туман, она казалась забитой мягкими нитями паутины. Разве я не превратился в воду? Какое облегчение снова ощущать свою плотность, знать, что ты человек, а не природный элемент или что-то в этом духе, во что я превратился. Моя радость, однако, омрачалась чувством сожаления. Ведь находиться в жуткой ситуации так интересно!

Немного подумав, я пришел к выводу, что моя радость вообще преждевременна. Я же до сих пор не получил еще зрительной информации касательно моего нынешнего положения. Почему? Я мог выдвинуть сразу несколько предположений. Во-первых, что мои глаза почему-то закрыты. Во-вторых, что вокруг темнота и нет света, при котором можно что-то увидеть. В-третьих, что свет есть, и я обладаю оптической аппаратурой, то есть глазами, но мой мозг, ум, мыслительный орган — называйте его как хотите — принимает информацию, но не пересылает результатов ее переработки другим частям той собирающей информацию системы, которой является мой ум/мозг.

Мне казалось, что есть и другие предположения, но временем, чтоб их анализировать, я не располагал. Первой и главной проблемой являлась необходимость изучить собственные возможности восприятия. Эту проблему можно было сузить: могу я видеть или нет? Если могу, то какие шаги должен предпринять, чтоб увидеть то, что можно увидеть, дабы освободиться от идеи участия в том, что в данный момент называю временной слепотой на почве истерии? Или, возможно, я придаю этому непропорционально большое значение?

Поскольку, в самом первом приближении, я пришел к мысли, что мне не следует перенапрягаться, пытаюсь прозреть, то прозрение должно произойти или само собой, или не произойти совсем. Я подумал об эволюционном процессе развития зрения. Те далекие примитивные создания, что являются на-

шими предками по части зрения, наверняка ведь не прилагали силу воли к делу прозрения, верно? Они либо видели, либо не видели. И предумышленность — эта излюбленная мягкая игрушка ученых — к этому делу не имела ни малейшего отношения.

Но так ли просто обстояло все на самом деле? Каковы переходы, градации, отделяющие видение от невидения? В какой точке этой шкалы личность можно считать невидящей, и где проходит черта — великая эволюционная черта, — пересекая которую личность становится зрячей? Уж если мы затронули эту проблему, то не существовали ли и другие средства «видения», кроме глазного, родственные последнему, но отчетливо иные, из которых глазное зрение — лишь первый шаг? И нельзя ли сказать, что разница между видением и глазным зрением такая же, как между Гиперионом и сатиром, если воспользоваться крылатым выражением Шекспира?

Чем больше я размышлял об этом, тем выше оценивал данную мысль. Серьезнейшая штука получалась. Мне было необходимо точно представить себе собственные возможности восприятия, прежде чем двигаться дальше. Пока мы не знаем, как мы выглядим, можно ли определить, в чем мы нуждаемся? Наши предки, разумеется, могли довольствоваться и меньшим. Цветные абрисы на стенах пещер — теперь они способны вызвать у нас лишь улыбку. Но ведь я-то существую в настоящем, а потому данный вопрос, так долго откладываемый, должен быть наконец решен. Или наоборот — его не следует решать; впрочем, это тоже было бы решением, и тоже основанным на определенном чувственном восприятии.

— Это, разумеется, правильно, — сказал ЗЕЛИГМАН, — но учел ли ты ауру кажущейся понятности, которая окутывает каждое, даже самое незнакомое явление? Нас практически невозможно заставить врасплох, ибо ум конвертирует полученные впечатления в знакомые формы, в которых неизвестное становится лишь как бы частью известного?

— Клянусь Богом, вы правы, — воскликнул я. — Ведь преподнести настоящий сюрприз — дело нелегкое, верно?

— Точно. Но тебе это удастся лучше, чем большинству. Ты всегда был хорошим учеником. Я тебе поставил высшую оценку за сочинение по эстетике самообмана.

Поле зрения возникло совершенно неожиданно — именно так, как я и ожидал. Я находился в аудитории. Единственной нитью, связывавшей меня с прошлым, был рюкзак. Он лежал на полу рядом со мной, и его горловина была широко открыта. Поглядев вниз, я убедился, что кто-то в нем рылся и все перевернул. Бесспорно, это сделал я сам. Я снова наклонился

и проверил. Да, кое-что пропало. Мне понадобилось меньше минуты, чтоб удостовериться, что кто-то, весьма возможно, что именно я, вынул оттуда умненькую машинку-чепушинку Глинниса. Надо думать, пустил ее в ход.

Я вспомнил ослепительную улыбку на лице Глинниса, когда он передавал ее мне. Или в тот день он был женского рода? Так трудно запомнить, кто был кем во времена столь легких переходов из одного пола в другой. Но, конечно, мы тут вовсе не собираемся открывать диспут о сексе, во всяком случае не больше, чем спрашивать вас о том, что вы ели сегодня на завтрак. Все эти дела связаны с личным самосознанием. Расщепление, слияние — подобных вопросов следует тщательно избегать в разговорах. А если говорить проще, то Глиннис и я сексом не занимались в тот далекий день, когда он подарил мне эту машинку и сказал: «Мне тебя будет не хватать», и назвал меня именем, под которым я тогда был известен. Кроме того, он сделал еще кое-что, а именно жест — пикантный и неповторимый. После чего и вручил мне машинку.

Я огляделся, надеясь узнать, что с ней случилось. Эльг — так называются эти машинки, говорящие на линшинском языке, языке сексуальной коммерции — отдыхала на полу возле моей ступни. Она еще продолжала двигаться, описывая круги, которые постепенно сокращались и по скорости движения и по радиусу, следуя широко известным положениям закона Роско, гласящим, что все, происходившее перед тем, как вы заметили ситуацию, не может быть правильно оценено с позиций того, что происходит в данное время. Вследствие этого разговор о машине явно очень затруднителен. На данном отрезке времени, когда я смотрел на нее, она казалась мне куда тяжелее, куда самоуверенней и куда более достойной настроенного почтения.

Я поднял ее с пола, благословляя счастливую звезду, что не нахожусь в жидкостном состоянии, ибо понимал, что мне было бы весьма затруднительно описать его. Я хочу сказать, что, произнеся слова «я растекся», я уже ничего не смогу к ним добавить.

К счастью, нынешние обстоятельства были совсем другими, что дало мне основания подумать, а был ли он достаточно откровенен со мной, когда предупреждал о... Но я никак не мог вспомнить, о чем именно. А ведь очень трудно представить себе, что произойдет дальше, если не вспомнишь в деталях о том, что уже миновало. Что же касается былых состояний, особенно тех, чьи черты недостаточно ярки, чтобы их стоило запоминать, то уже можно сказать о них, кроме того, что надо без страха идти вперед и пусть каждый сам заботится о себе.

— Ты кончил молоть вздор? — спросил Лу.

Я покачал головой и протер глаза. А через мгновение мне уже удалось их сфокусировать. Вот и Лу, все еще в своей интропроекционной форме. Он стоит передо мной и рассматривает меня с признаками явного беспокойства на лице. Я вспомнил, что Лу вообще очень заботлив.

— Со мной полный порядок, — сказал я. — А что тут происходит?

— Мы стараемся доставить тебя в Центральный Фокиса, — ответил Лу. — Мне хотелось бы, чтоб ты нам в этом помогал.

— Я предполагал, что помогал.

— Нет, в самом деле, нужно же быть внимательнее и не впутываться во все, что тебе попадается по пути! Ты же знаешь, что такое Фокис — тут мириады всяких приманок, у каждого глаза разбегаются. Фактически эффект разбегания глаз — это и есть олицетворение того, что тут происходит, но это, в известном смысле, еще и квинтэссенция причины существования Фокиса, а ты себе не можешь позволить такого поведения сейчас, особенно если хочешь добраться туда, куда идешь в данное время.

— А куда я сейчас иду?

Тут-то это и произошло. Я даже не осмеливаюсь сказать, что именно, таким мгновенным было это мгновение. Во всяком случае, мне тогда так показалось. Я огляделся. Передо мной лежал оком — а это единственное место, куда вы можете направить свой взгляд в нормальных условиях. Справа от себя я видел лес, лежащий подобно дракону, принимающему солнечную ванну на главной улице какого-то злополучного города в неизвестном мне месяце, который, по моим представлениям, мог быть на Фокисе августом.

А затем я поглядел налево и увидел совсем другой пейзаж — городской, со множеством высоченных металлических сооружений, как бы шагающих навстречу лучам рассвета, сияющих странным тревожным светом. В лесу ползали букашки, а в городе металлические «жучки». Трудно верилось в реальность увиденного. Даже никак не верилось, но, видимо, все же у меня был выбор.

Приглядевшись к этому раздвоенному видению, я заметил, что они оба — и город, и лес — по существу не сопряжены во времени. Они казались соединенными, но не впритык. Они не сосуществовали. Они обладали различной структурой, и соединение их выглядело нереальным. В каждом какие-то детали не соотношались с какими-то деталями в другом.

Я не знал, что делать, но потом решил выбрать путь цивилизации. Времени, чтоб цепляться к противоречиям, не было.

Его вообще обычно не хватает. Я повернулся спиной к лесу, который мгновенно перестал существовать, и направился в город. На периферии поля зрения стали возникать другие виды. Я видел метеориты и большие медленно вращающиеся сфероиды какой-то идиотской расцветки. Видел мужчин и женщин, пляшущих на улицах под ослепительными дугowymi фонарями. Видел испуганное лицо девушки и ее глаза, с тревогой обращенные ко мне. Я посмотрел вдаль и увидел еще кое-что — дорогу, взбирающуюся на небеса.

Затем ко мне — сонному — подошло нечто без рук и дотронулось до меня. Это было не что иное, как машинка-чепушинка, которая вылезла из рюкзака и теперь примостилась у моего плеча.

— Что происходит? — спросила она.

— Глупо меня спрашивать, — ответил я. — Где Лу? Минуту назад он был тут, если я не окончательно лишился рассудка.

— Боюсь, ты его лишился, — отозвалась машинка. — Это не был Лу.

— Как же это могло быть?

— Очень даже просто, особенно учитывая постоянно существующую возможность иллюзии, обмана и легковерия масс.

Я вывернул шею, чтоб взглянуть на машинку, сидящую у меня на шее и частично подпираемую моим плечом. Он (если считать его аппаратом, к чему я уже привык) был тусклого пушечно-зеленого цвета, точно такого же, каким он запомнился в самом начале. По его поверхности туда-сюда бегали огоньки. Больше всего он походил на шматину металла, много лет пролежавшего на дне реки. А голос имел в высшей степени соблазнительный. Я быстро отвернулся от него, так как не хотел терять из виду город. Да, город был все еще тут. А лес постепенно стирался из поля зрения. Раздвоение зрения почти прошло. Ах, если б мне удалось сконцентрировать все внимание на главном: на городе, на жратве, на комфорте, на сексе и на кино!

— Ты думаешь, это так просто? — спросила машинка.

— А что тут трудного-то? Разве город не реален?

— Иногда — да, иногда — нет.

— А сейчас как?

— Зависит от твоей компетентности, старик.

— Мне... мне не нравится твоя дерзость.

— А придется выслушать. С тобой надо поговорить серьезно, парень. Вся эта чепуховина слишком затянулась. Чего ты добиваешься? Устроить революцию? Что, у нас своих неприятностей мало, что ли, так ты хочешь нам еще добавить?

Выслушивать такое от простой машинки было, по меньшей мере, унижительно. Меня раздражало и то, как быстро все изложенное выше подействовало на мой характер. Я взялся за ум, но не так чтобы очень крепко. Вспомнились былые деньки. Решил, что мне не по душе тот я, которым был когда-то. Подумал, не сменить ли личность, но это было трудно, пока та штукавина цепляется за меня.

А затем я вдруг обнаружил себя на улицах города. Они извивались подобно ползущим змеям. А некоторые из них извивались как змеи, пытающиеся ползти прямо. Зрелище было одним из тех, что космос швыряет время от времени вам под ноги; но не слишком часто.

В первых этажах домов размещались лавочки. Я смотрел на них с некоторым интересом. Что там продают? Может, еду? Или секс? Наверняка там есть кое-что, что я мог бы купить, а потом с выгодой продать. Я, видите ли, искал какую-нибудь цель.

Чуть подальше я наткнулся на магазин целей с яркой вывеской над входом: «Цели всех фасонов». Я не знал, как это следует понимать. Мне показалось жутким перебором, что меня заставляют думать о таких делах. Поэтому я выругался и пустился в путь, оставляя ложные следы, делая заячьи петли, чтобы нельзя было определить направление, по которому я ушел. Просто предосторожности ради.

Немного погодя я вышел к правительственному зданию. «Возри со страхом, всяк сюда входящий». Так было написано на его дверях. Я воззрил, но только усмехнулся: уж больно это было в духе фокисян — спрятаться за устрашающей цитаткой и не иметь понятия, зачем сие нужно.

Но кто я такой, чтобы рассуждать об этом вслух? Мне оставалось лишь расхохотаться, ибо вся ситуация была насквозь безумной, отчаянной и неразрешимой; она отлично началась, я знал это, и не мог ничего сделать, кроме как продолжать игру. Разве трусы побеждают в интересных приключениях?

Весьма произошло в то время, когда я спокойно стоял, пытаюсь шевельнуть мозговой извилиной. Похожий на бабочку ключ к разгадке некоторое время кружил вокруг меня, а затем, разочаровавшись, спикировал вниз, захватив по пути и меня. Я видел звезды, и звезды видели меня. Под небом синим лежали пустыни. Гигантские голые пространства простирались передо мной, а также по обеим сторонам от меня. И куда, черт побери, девался город? Кто-то, видать, положил его не туда, но это был не я. Будь они прокляты, которые портят все, к чему прикасаются. Я так долго ждал, надеясь найти миленькое,

уютненькое и симпатичное убежище, где можно было бы укрыться. Я хотел иметь девушку, чтоб любить, и сандвич, чтоб быть сытым. Хотел найти выход из сплетения тайн и постоянной неустойчивости бытия. И вот теперь болтаюсь в космосе, который в принципе отрицает возможность каких-либо ограничений.

Что я могу сказать об этом? Всякое повествование имеет свои границы. Говорю вам — там не было ничего. От крохотного начала во все стороны простиралось беспредельное НИЧТО и, по мере углубленного рассмотрения, острота моего зрения возрастала, проникая все глубже и глубже в это Ничто. Мои глаза тоскливо шарили кругом, надеясь отыскать хоть какую-нибудь пылинку, чтоб вцепиться в нее. Здесь даже ощущение веса рюкзака и то было бы благословением. Вот это и есть смерть, сказал я про себя, но я соприкоснулся с ней слишком рано.

— Приветствую тебя в царстве Смерти, — шепнул мне кто-то.

Разумеется, я никого не видел. Вскоре мне предстояло увидеть многое, но сейчас я не видел ни черта. И от этого мне было жутко плохо. Но голос я все же разобрал. Он приглашал меня к смерти, то есть в то место, куда, как я давно уже начал подозревать, и направлялся. Это как-то освещало, но возникала и необходимость дальнейшего общения.

— Хелло! — сказал я. Это выражение показалось мне достаточно нейтральным.

— Сам ты хелло, — ответил мне Голос.

Вот я и оказался в самом сердце Ничто с Голосом, который мне явно хамил. Как подпорка он никуда не годился. И мне не оставалось ничего, как сыграть роль подпорки для него. Я попробовал напрячь зрение. Ведь увидеть хоть что-то было лучше, чем находиться в пустоте. Но виденье не приходило. Вместо него пришел смрад. Воняло, как от многолетних залежей мышинного дерьма.

Мне это не понравилось, а последствия — еще меньше. Какое все это имело отношение ко мне? Всего и делов, что я находился здесь и некий голос мне сказал «Хелло!».

— Послушай, — сказал Голос, — а может, хватит тут болтаться? Надо найти способ, так сказать, модус операнди*. Разве ты не слышишь меня — Кэролайн? Неужели не слышишь, как я пою тебе? Неужели не можешь найти в своем сердце уголка для застенчивых, а также для всех, кому на все наплевать, не говоря уж о тех, кого вообще больше нет с нами?

* Модус операнди — способ действия

А теперь я спрошу тебя, неужели нет способа нам побыть вместе?

— Может, и будет, если ты покажешься мне, — ответил я той личностью, которая так и не сумела осуществить хотя бы самый зачаточный акт вежливости.

— Ха! Вот это здорово! Какая-то глина просит горшок спеть петухом! Нет, мы тут такого не потерпим. Чего мы ждем, так это чего-нибудь, что может случиться. Разве не так?

— А может, тут и без того случилось слишком много, — заметил я.

Мне казалось предпочтительнее двигаться постепенно, без излишней торопливости, хотя, честно говоря, если говорить о достижении цели, то я вовсе не был уверен, какой именно шаг можно считать наиболее надежным. Ах, если бы кончилась эта океанная нелепица! Но, черта с два, все продолжалось в том же духе, а значит, положение мое никак не менялось.

Затем тут же оказалась вдруг и Сесиль. Она выглядела такой же прелестной, как и всегда, волосы ее падали длинной волной прямо на грудь, маленькое личико сердечком смотрело на меня с выражением, которое я принял за жалость, хотя оно могло оказаться всего лишь следствием перенесенной диспепсии.

— Огден! — она назвала имя, которое я когда-то носил, но потом счел неподходящим для себя, с учетом тогдашних моих обстоятельств, о которых я скажу позднее. Но, послушайте, вполне возможно, я сейчас отлично подхожу к нему?

— Ты выглядишь так, будто был болен.

Ну просто смех! Разве можно выглядеть иначе — если валяешься в постели, над тобой рычит вентилятор, а температура поднимается — как больным, очень больным, больным, можно сказать, беспредельно? По-моему, дела обстояли именно так. Но беда в том, что я все же сомневался в происходящем.

Спокойствие. И самообладание. Держать язык за зубами.

— А я тут уже давно? — спросил я.

— Надо думать, тебе разговаривать вредно, — ответила Сесиль. — Ну-ка, поешь супчику.

Одной рукой она приподняла мою голову, а другой налила мне в рот супу с помощью длинной вместительной ложки. Супчик был хорош — куриный бульон, но я совершенно не понимал, зачем должен его есть. Неужели существование живых существ должно искусственно поддерживаться даже в том месте, которое предназначено для меня? Или тут нечто вроде перевалочного пункта? Спрашивать, впрочем, было как-то неудобно. Несмотря на старание, с которым я пытался казаться спокойным, особой уверенности я не испытывал.

— А теперь, Огден, — продолжала она, — тебе надо взять себя в руки. Неразбериха скоро кончится. Это то, что тут называют замкнутым кругом путаницы. Я знаю, ты меня плохо слышишь, но постарайся все же извлечь смысл из моих слов.

Сесиль всегда была милочкой, даже когда встречалась с Эдгаром. Я вспомнил дни нищеты, крошечную квартиру в Вест-Виллидже, кофейни, песни бродячих менестрелей, некоторые из которых восходили чуть ли не к Франции XII века. Хорошие были деньки, хотя тогда они такими не казались. Хотелось бы мне сейчас снова оказаться там... где бы ни было это местечко.

Но потом я припомнил, что те воспоминания, хоть они и совершенно реальны, вернее всего, принадлежат вовсе не мне. Нет ничего нового в том, что такие путешественники, как я, прежде чем покинуть надежные берега интенсивного самоанализа, где все, что вы можете делать, сводится к размышлениям о себе, чем вы и поддерживаете собственное существование, занимают, арендуют или даже покупают набор или наборы чьих-то воспоминаний, отправляясь в путешествие в незнакомые края, чтобы иметь возможность посетить каких-то людей, когда доберутся туда. Воспоминания о человеке практически равносильны хорошему знакомству с ним, даже если вы физически с ним не встречались.

Я поднял глаза. Над головой мигнул свет. Записанный на пленку голос сообщил: «Часы посещений истекли».

И тут Сесиль стала таять.

— Не покидай меня, — кричал я. — Ты мой последний оазис нормальности в мире, который мне полностью чужд!

Но она продолжала таять, улыбаясь своей легкой улыбкой. Неожиданно возникли стены, покрытые желтой штукатуркой, и я решил, что незнание куда лучше знаний и еще лучше терзаний... Когда я снова открыл глаза, я был уже в другом месте. Бывают же такие истории!

— Хелло, вы там! — крикнул я. Ответа не было. Полная неразбериха. Замкнутый круг путаницы, о котором я упомянул выше. Ну что тут можно сказать? Но надо было обязательно говорить, чтобы найти выход, и уже через несколько минут инстинкт самосохранения заработал и нужные слова стали толпиться и толкаться где-то в моей глотке. Целые фразы всплывали одна за другой, но я никак не мог обнаружить способ выразить их вслух. Я понимал, что снова впадаю в былое. Но во что былое? И каков темный смысл происходящего со мной? Куда я все же направляюсь?

Пришло время выработать план действий. В воображении я представил себе посох из железного дерева, крепкий, нату-

ральный, великолепная штука, на которую можно было опереться.

И немедленно оказался вне больничной палаты. А может, я в ней вообще никогда не был? Или... что за жуткая мысль!.. я и сейчас торчу в ней? Но в таком случае что же делаю я тут — на дороге в другие края?

Мой дом никогда не был таким — такие слова бились в моем мозгу. И все же это был он — АНАНДА. Старинный большой дом, закрытое крыльцо, благоухающее обшивкой из кедровых досок, огромное дерево, тянущее к небу толстые ветви — «тайники одиноких мечтаний», как назвал их Сидней Ланье, и все это на фоне старинного каменного дома на Грин-Айленде, на который в свою очередь накладывались другие здания из других городов, собранные вместе, чтоб в последний раз поглядеть на меня, на этот умирающий пережиток прошлого. Нет, виноват, окончание фразы выскочило у меня совершенно случайно. Вам все это представляется какой-то невнятицей, да? Но здесь отсутствует желание вас запутать. Все эти модели моего былого Дома накладывались друг на друга, как прозрачные страницы календаря, листаемые с бешеной скоростью ветрами времени, которые надувают наши паруса и уносят нас вдаль.

Итак, я достиг точки, откуда все начиналось.

— Привет всем! Я наконец вернулся! — Шорохи в кухне. Запах яблочного пирога. Все ласкает слух, все присуще этому месту.

— Ох! Никак это Огден! — говорит ма.

Видно, я попал на страницы забытой книги. Но как радостно, что ты можешь возвращаться назад снова, и снова, и снова... Во мне возникло внезапное желание посетить апартаменты предков. Все они были там — даже те, о существовании которых мы не помнили. Факсимиле тех, кто жил до того, как процесс возвратной атрибуции позволил восстанавливать вырванные страницы памяти в полной целостности. Там были и дядя Сет, и дядя Дэн, и дядя Джордж, и дядя Чарлз, там были все тетки, чинно сидевшие вдоль стены покоя, каждая занята своим любимым делом — одна клеивала марки в альбом, другая чистила серебро, третья сметала пыль с коллекции старинного американского стекла.

— А ты тут как оказался? — спросил дядя Сеймур. — Я думал, ты отправился путешествовать.

— Так оно и было, — ответил я. — Я и теперь путешествую. Но невероятные развороты и повороты этой нашей жизни снова привели меня сюда.

Он ласково мне улыбнулся. Тот факт, что он не живой, не разрешал ему покидать эти апартаменты. Я полагал, что это обстоятельство ему здорово мешает. Но мы все же обязаны проводить различия между живыми и мертвыми, иначе зачем вообще Небеса?

Мама окликнула меня из другой комнаты и спросила, не хочу ли я выпить с ней чашечку кофе. Я поспешил присоединиться к ней в комнате, оклеенной желтыми обоями, где ничем не примечательные деревья Нью-Джерси бросают на тебя свои вечнолюбимые тени. Мне всегда не все было ясно в моей матери и можно было подумать, что сейчас возникнет возможность выяснить некоторые, скрытые от меня, события того, что было моим детством, и я ею воспользуюсь. Но не всегда получаешь то, что хочешь. Сработали некие фигуры умолчания. Наша семья, наша мужественная семья разрослась до таких невероятных размеров с тех пор, как анти-платоновские доктрины получили общественное признание, что вы могли ожидать...

О, я не знаю, чего ожидали вы. Эта невероятно разросшаяся семья распространилась сквозь пространство и время, и теперь она вся ждет вашего появления, а вы — появления их. Мои собственные дети прибывают, чтоб доставить меня домой. Но пока, откровенно говоря, толку от всего этого мало, счастья тоже не прибавилось, зато путаницы — хоть отбавляй, причем путаницы не в моей собственной жизни, которая как бы движется сама по себе, а в рассказах о том, что, где и как происходит.

Ибо как я могу объяснить, что благодаря петле — неожиданной, но неизбежной — я сделал сальто-мортале в попытке попасть в Фокус, вернулся в свое детство и теперь принужден двигаться через провалы времени и памяти?

Вот я говорю об этом, но крайне неубедительно, и гипотетический человек (скажем, с Марса) решительно ничегошеньки не поймет. Я сижу в кухне, распивая кофе с матерью, но на периферии поля зрения вижу тропу, которая ведет обратно — туда, куда я намеревался попасть с самого начала. Какую пользу я могу из этого извлечь? Всегда, когда вы выпадаете из мысленного образа собственного прошлого, наступает мгновенное нарушение порядка. Все удивляются... Извини, ма, мне надо оседлать вон ту радугу и ускакать на ней прочь... А в следующий раз, когда я снова прибуду сюда, все это будет забыто, и никто даже словом не обмолвится, что я просто стал взбираться в собственной кухне по невидимым ступенькам и вдруг исчез Бог знает куда. И все же в домашней атмосфере останется нечто чужеродное, вроде гальванизи-

рованного испорченного воздуха из кишечника, что-то очень противное, чего тут быть никак не должно.

Но я еще не был готов отбыть отсюда так стремительно, как описал выше. Ведь я так давно был вдали от дома... Просто удивительно, как редко выпадают такие сплетения возможностей, которые образуют содержание нашей здешней жизни. Мы продолжаем кружиться по этому мрачному кругу повседневности, и единственно, что нас может удивить, так это повторная встреча с событиями, которые мы полагали давно забытыми. Впрочем, отдадим кесарю кесарево.

У меня не было времени на симпатичнейшую раздачу точно взвешенных сантиментов. В юном возрасте нас бросают в мир безграничных возможностей, потом возрождают для новых раундов посещений этого мира, где ничего не случается впервые, и всему этому нет конца. Во всяком случае, я так считаю. Нет конца...

Я поглядел на эти сценки моего детства и подумал: а кому они, собственно говоря, принадлежат? Мне представлялось странным и невероятным, что это я качался вон на тех качелях, что это я играл в крокет вон тем грязным и исцарапанным деревянным молотком с оранжевой полосочкой. Все это было мне столь же незнакомо, как фламинго в той — прежней — жизни. Ничего не поделаешь. Вы не только не можете понастоящему вернуться в свой дом, вы даже не стремитесь к этому, так как не в состоянии узнать его, если перед вами не разложат газетные вырезки. В мгновение ока сцена изменилась. Я вовсе не хочу сказать, что я мигнул оком, дабы вызвать такой эффект. Сесиль предупреждала меня насчет возможности таких штучек. Оближешь губу — изменишь судьбу, сказала мне она. И вот я снова с ней, на этот раз в очаровательнейшей лондонской пивнушке. Ну, по-настоящему этого еще не произошло, конечно, но обязательно должно было произойти в вечной повторяемости событий.

Я заказал бутылочного мексиканского пива, чтоб поскорее озвереть, Сесиль же взяла один из тех разноцветных напитков, куда входит и *сгеме де менте**. Мы сидели за столиком, наслаждаясь приятной духотой и табачным дымом, прорезанным яркими бликами от меди и полированного красного дерева трактирной стойки. Настроение было отличное. Все окружающее предельно близко походило на то, что было в самый первый раз. Мы создаем новые «впервые», забывая о прежнем «в первый раз».

— Итак, куда же ты отправляешься? — спросила Сесиль.

* Мятный ликер (фр.)

— На Фокис, — ответил я.

— Опять?

Я еще там никогда не был, но кивнул головой в знак согласия, ибо думать, что может быть что-то новое в этом мире толпящихся образов и бесконечных длинных извивающихся коридоров, где все движется по кругу и повторяется многократно, возникает и разрушается, и снова возникает, было бы огромной ошибкой.

Тем не менее я стоял на своем.

— Еду на Фокис, — повторил я.

— Возьми меня с собой, — попросила она.

Я покачал головой. Ведь именно новизна была тем, к чему я стремился, стремлюсь и буду вечно стремиться. Сесиль очень мила, Глиннис тоже мил, но я еще не готов осесть на каком-нибудь одном месте, положить мои воспоминания о прошлом и будущем в банк и жить-поживать всю жизнь с шорами, шпорами, шмарами и швабрами.

— Ты совершаешь ошибку, — сказала Сесиль, откидывая назад свои блестящие волосы, завитые в тугие кольца.

Я прикончил пиво и заказал еще бутылку. Где-то в подсознании я ощущал, что близится время начала событий. Я чувствовал себя подготовленным и был очень доволен этим обстоятельством. Надо отдать должное Космосу, который, как я подозревал, руководит всем этим бредом.

И вдруг я снова оказался в другом месте, на сверкающей хромированной поверхности, с большими живыми портретами на стене — портретами людей, которых я, по-видимому, никогда не встречал, хотя в этом я совсем не был уверен. Лу опять был со мной. В руках он держал мой рюкзак.

— Ты забыл его, — сказал он. — Администрация сочла нужным вернуть его тебе. Надеюсь, в нем нет ничего запрещенного?

— Я тоже надеюсь, — ответил я, поскольку кто знает, что могло попасть в рюкзак, если он так долго находился в чужих руках.

— А теперь, — заметил Лу, — настало время повидаться с бургомистром или как-его-там-величают в этих местах. Он отрегулирует твое положение. Боюсь, тебе не простят того, что ты вошел сюда через не ту дверь.

— А откуда мне было знать? — спросил я.

Лу пожал плечами:

— Мне ты об этом можешь не говорить, старик. Я хорошо представляю себе невозможность избежать вопиющих заблуждений. Кто может знать это лучше меня? — Тут Лу закатил глаза, будто намекая на осечку некоего приключения в про-

шлом, которое он считал хорошо мне известным. По правде говоря, я позабыл арендовать второсортные воспоминания Лу, удовлетворившись парочкой по-настоящему сочных первосортных.

— У меня не было никаких указаний насчет правильного выбора пути, — пожаловался я.

— Что извиняет твою ошибку, вполне извиняет, но... только в моих глазах. Местные же власти не признают никаких извинений, во всяком случае тех, которые я им пока преподнес от твоего имени. Они здорово завелись, эти тупые жалкие пидоры. Между прочим, ты залез в тюрюгу, забыв заплатить за вход.

— Так я же не знал, что иду туда!

— А ты попробуй убедить в этом копов, — ответил Лу, скручивая себе сигарету. Я подумал, а не курит ли он травку? Употребление наркотиков так быстро то запрещается, то разрешается, что никогда не знаешь, нарушил ты закон или нет. Впрочем, кто-то сказал, что любое твоё действие обязательно противоречит какому-либо закону.

Затем мы позавтракали. По моим представлениям, для этого было самое время. Завтрак какой-то восточный: все мелко нарублено, перемешано до неузнаваемости и полито густым соусом. Я съел все дочиста. Лу же еле-еле пощипывал еду, но зато чашку за чашкой пил крепчайший кофе. Видно, что-то его тревожило.

После долгого молчания Лу сказал:

— Есть еще кое-что, о чем я должен тебе сообщить.

Я молчал. Он тоже. Тогда я сказал:

— Ладно, давай выкладывай. Какие еще преступления я совершил?

— Не знаю, как и сказать, старик.

— А ты попробуй.

— По-моему, они приговорили тебя к смерти.

Сначала я мог только таращить на него глаза. Потом выдавил:

— И ты вот так легко говоришь мне об этом?

— Дорогой дружище, — воскликнул Лу. — Мне кажется, что в подобных условиях другого способа сообщать вообще не существует.

Взрывы в траве. Крадущийся шаг хищного зверя, зараженного чумой. Какие бесполезные образы наполняют мозг во время внезапного стресса! Что должны вы ответить, когда вам сообщают «Ты приговорен к смерти»? Что я могу еще добавить, после того как выражу сожаление по этому поводу? Подумайте о себе, я-то всегда знал, что такое время рано или поздно все

равно наступит. Похоже, что ночь старинной непрерывности все-таки выгорает.

Тогда вы говорите вот что:

— В каком виде придет та штуковина, которую ты называешь смертью?

— Ты можешь и не узнать ее, когда она наступит, — сказал Лу.

— Тогда зачем ты мне о ней говорил?

— Кто предупрежден, тот вооружен, старик. Так во всяком случае считается.

Но разве я вооружен? Конечно, у меня было судебное постановление, абсолютно запрещающее Смерти подходить ко мне ближе чем на тридцать футов без предварительного получения моего согласия на это в письменной форме. Но я опасался, что она может этому и не подчиниться. А что ей сделают, если она все же переступит границу и придет обслужить меня в этой стране вечной юности? Они могут сколько угодно вопить и угрожать ей, а Смерть будет простенько и со вкусом делать то, что пожелает. Впрочем, разумеется, всегда есть возможность заключить с ней сделку.

Я оставил Лу и начал рыться в телефонной книге. Там, под рубрикой «Смерть и как с ней бороться», я нашел несколько телефонов брокеров Смерти.

Я позвонил первому в списке. Времени терять было нельзя. Он явился ко мне немедленно — коротышка с большим жировиком на одной стороне веснушчатого лба. Может быть, это было что-то другое, но я называю его жировиком. Брокер сидел за большим письменным столом. Разумеется, задник тоже изменился. Одет брокер был в зеленый халат хирурга. Потом я узнал, что он оперировал добровольцев в Сальпетриере*.

— Чем вы можете мне помочь? — спросил я, решив, что мне лучше быть предельно откровенным.

— Во-первых, имеете ли вы письменное уведомление?

Я порылся в карманах и нашел его. После того как Лу поставил меня в известность, я это дело взял на заметку, и теперь бумажка была всегда со мной. Даже сейчас.

Ну и так далее. Важно было делать все тщательно и без суеты. Сколько горя проистекает из-за суеты и ее зловещего близнеца Томпсона! Но я решил вырваться из той змеиной ямы, как зовут то место, где прозябает Смерть со своей иззубренной пилой, своими кроссвордами, своим половым членом как у призового быка и своими гимнами, сочиненными под

* Больница в Париже.

звуки серенького дождика, посвященными сильно потускневшей славе той силы, которой она обладала когда-то.

— Очень некрасиво со стороны мистера Смерть, — сказал мне Глиннис, — являться на нашу вечеринку таким образом. Я, конечно, знаю, что он может появляться всюду, где ему заблагорассудится, но мы приложили столько усилий, чтоб навести порядок, что могли бы надеяться, что он подождет пару часов, пока все приглашенные сначала соберутся, а потом разойдутся по домам. Именно так он поступал со множеством людей, так почему же не сделать и для нас того же? Так нет, не захотел.

Глиннис говорил о формальной стороне дела, о той, которая была мне хорошо известна — диссонансная регрессия на ук-сусной основе, но, невзирая на свой опыт, я был захвачен ее магической силой. Он вернул меня назад на ту вечеринку, которая еще не началась, но где я был обречен встретиться с мистером Смерть. Я попивал один из этих восхитительных, зеленых как лед, напитков, и только что принял решение уйти отсюда к чертям собачьим, пока не началась неприятности, когда вдруг почувствовал, как кто-то касается пальцем моего обнаженного плеча. Я тут же обернулся и ощутил в ушах что-то вроде очень громкого пения, потом все смешалось, и я оказался совсем в другом месте. На мой вкус все изменения происходят уж слишком быстро и внезапно, но теперь я находился в огромном дворце, построенном из черного мрамора и эбенового дерева, с кариатидами, поддерживающими потолок, и со всякими завитушками в верхней части стен — забыл, как они называются. За дворцом лежало озеро, длинное озеро как бы из полированного стекла, очень-очень спокойное, а на его середине я увидел остров с небольшой мраморной беседкой, окруженной темными тополями.

Мне здорово полегало, ибо я не знал, какой предстанет передо мной моя смерть, и очень надеялся, что это будет представление в классическом стиле — что-то греческое, скажем, или итальянское — они-то в таких делах знали толк. И, разумеется, я не хотел ничего шумного, грубого, эдакого египетского, казавшегося мне слишком вульгарным. Я не хотел достичь самого дна иллюзии, ни в коем случае не хотел, поскольку раз вы добрались до дна, то, говорят, можно выскочить на ее другой стороне.

Я приготовился отправиться на остров в лодке, и действительно лодка уже скользила по воде — такая длинная, вроде гондолы. Высокий человек с лицом, скрытым под капюшоном, стоя на корме, направлял лодку шестом.

Куранты дежа вю* гремели в моих ушах. Я уже бывал здесь!

— Ну и ладно, — сказал я. — Так куда же мы с вами направимся в сей миг?

— Избавьте меня от вашего так называемого остроумия, — сказала Смерть (ибо это была она, или он, или оно — как вам будет угодно).

Смерть предложила:

— Просто садитесь, и мы отправимся.

Она показалась мне нетерпеливой. Я никогда не слышал, что Смерть бывает нетерпеливой, и это удивило меня больше самого факта смерти, о котором я уже успел к этому времени позабыть... Что-то вроде падения в лужу крови, кажется... или я умер на вечеринке? Неважно. Сейчас я здесь и, похоже, совсем близко к тому, что именуют Царством Смерти. Я влез в лодку, сел на маленькую скамеечку в середине гондолы и окунул пальцы в воду. Кормчий вернулся к своему занятию налегать на шест, и вскоре мы заскользили по черной воде на пути к тому, что должно было быть островом мертвых — иногда подобные знания пробуждаются сами по себе.

Мы резали воду, и она плескалась о борт, но по прошествии какого-то времени кормчий остановился, позволив своему тонкому шесту волочиться по воде сзади.

— Сигареты есть? — спросил он меня.

Этим он меня достал. Я очнулся от апатии и возмутился:

— Ну ты и нахал! Именно из-за сигарет я сюда и попал, правда не непосредственно и доказать не берусь, но если б я не курил столько лет, отравляя легкие и перегружая кровеносные сосуды тяжелыми металлами, мышьяком и прочим дерьмом в том же духе, я бы, вероятно, и сейчас жил на Земле, занимаясь своим обычным делом — беспокойством, а не торчал бы в этой лодке, направляясь к этому острову, где, готов спорить, и порядочной киношки-то не найдешь!

— В конце концов люди помирают и без сигарет, — напомнила мне Смерть. Она порылась в своем саване, достала пачку, сунула сигарету в рот очень ловким, говорящим о большой практике, движением. Потом протянула пачку мне. — Закуришь?

— Я думал, у тебя нечего курить.

— А я уважаю чужие. Валяй закуривай. Тебе теперь это не повредит.

Я взял сигарету и порылся в карманах. Да, зажигалка у меня оказалась. Забавно, что «Бик» может пережить даже смерть. Я зажег наши сигареты, и мы принялись спокойно

* Парамнезия, ложная память.

дымить. Смерть села на банку напротив меня, держа сигарету в костлявых пальцах. Я пускал кольца и смотрел на воду. Наступила минута созерцания. В свое время я думал о множестве предметов, но, если б тогда мне сказали, что я буду сидеть в маленькой лодчонке наедине со Смертью, я б сказал, что вы спятили. Курить после смерти было приятно, так как знаешь, что сигарета дает только удовольствие, и больше ни шиша. Сигареты после смерти стоят нам куда меньше, чем те, что мы курим, пока живы.

— Ну и как тебе нравится быть Смертью? — спросил я. На самом деле мне это было до лампочки, но ведь надо же о чем-то говорить.

— Работа как работа, — ответила она.

— Должно быть, встречаешься с интересными людьми, — сказал я.

— Понятное дело. Все идут этим путем. Но попадают они не обязательно ко мне. Я же тут не единственная Смерть. Аллегория — это одно, но нам приходится быть практичными. Нас — смертей — много, и мы принимаем разные формы.

— Слушай, — сказал я. — Мне кажется, из нашего разговора можно сделать вывод, что после смерти тоже существует жизнь, а?

— Можешь предполагать что угодно, — ответила Смерть. — Но предположения не обязаны сбываться.

— А что будет на острове?

— Скоро сам узнаешь.

Такой ответ мне не слишком понравился. До сих пор тревога была делом реальным, все остальное казалось пустяком.

— А что ты делала до того, как стала Смертью? — спросил я.

— Была стихийным духом, — ответила она. — Участвовала в одной из аллегорических сцен с нимфами, херувимами и бородачами. Какое-то время работа казалась мне довольно приятной. Но затем нам велели ставить сцены из жизни в аду. А это куда хуже.

— У тебя дружок когда-нибудь был?

— Сон — жених Смерти.

— А кем ты хочешь стать, когда подрастешь?

— В этой вселенной много дел, — буркнула она. — Ты и представить себе не можешь сколько. Кое-какие из них я бы хотела попробовать.

Лодка меж тем скользила сама по себе к маленькой пристани островка. В туманной дали я видел какие-то огромные фигуры с очень завлекательными лицами. Я знал, что они что-то такое символизируют, но, к сожалению, надписей на них не было, так что не могу вам сказать, что они означали.

Теперь я чувствовал себя свободней. У аллегорических сцен есть такое свойство: что бы вы ни делали, дела идут своим ходом.

Пока мы разговаривали, я увидел, что на пристани стоят еще какие-то фигуры и машут нам руками.

— Кто они такие? — спросил я.

— Твои друзья, должно быть, — ответила Смерть.

Я никак не мог представить кого-то, кого бы знал достаточно хорошо в аду, чтоб он заявился сюда, дабы приветствовать меня в день прибытия. Но когда мы вошли в док, я стал узнавать отдельные лица. Д'Артаньян, Улисс и большой жирный парень с бородкой, который, если я не ошибаюсь, был Бальзаком. Я очень надеялся, что это не так.

Дело в том, что я так и не удосужился прочесть хотя бы одно слово из написанного им, хотя давным-давно собирался это сделать. Какой стыд — встретиться с ним после смерти и не иметь возможности хоть что-то сказать насчет «Человеческой комедии»!

— Дорогой друг! — возопил Бальзак. — Какое счастье видеть вас здесь! Нет, нет, не беспокойтесь, вы меня прежде никогда не встречали! Но мне выпала великая честь быть избранным в комитет по организации вашей встречи. Для меня это великолепная платформа, с которой я продолжу мои исследования в области поведения человека.

— Но с какой целью? — спросил я. — И где вы приобрели столь блистательное знание английского языка?

— Английский — универсальный язык смерти, — ответил Бальзак. — А поскольку сейчас это моя страна, то, думаю, вполне справедливо было наделить меня и знанием этого языка. Я и пишу на нем. Ибо, конечно же, я продолжаю писать.

— И публиковаться?

— А как же! Вы удивитесь, когда увидите длинный список наших публикаций в аду! Мы издаем гораздо больше книг, чем живущие, что вполне понятно, ибо нас куда больше, чем их, и наше положение гораздо стабильнее. Вы, конечно, знаете, что мертвые остаются мертвыми весьма и весьма долгое время. У этого обстоятельства есть и свои отрицательные стороны, но зато оно поддерживает стабильность. Однако скажите мне, а вы действительно померли?

— Ну, мне, во всяком случае, так кажется, — ответил я. — А здесь надо проходить какие-нибудь тесты, чтоб выяснить это?

— Конечно, да, — воскликнул Бальзак. — Вы просто паразитесь, когда узнаете, какое множество живых пытается тайком пролезть к нам! Живыми, вы понимаете? А этого допускать

никак нельзя. У нас повсюду есть детекторы жизни, и обманщиков карают изгнанием. Им говорят, что Жизнь должна продолжаться, и отсылают в один из миров, населенных живущими.

Для себя я не мог бы придумать лучшего выхода. Хотя Бальзак и говорил о нем, как о чем-то очень скверном, но я в это не слишком верил. Я спустился с пристани на берег. Вид был приятно классический, и я с удовольствием им любовался: длинные ряды темных тополей, строгая разбивка цветников, сверкающие белые статуи, разбросанные там и сям. И та необъяснимая печаль, которая всегда ощущается в мавзолеях и прочих заведениях такого рода. К этому времени я уже чувствовал себя почти отлично, так как у меня возникло убеждение, что я в любом случае выиграю — и если останусь в этом мире мертвецов, будучи действительно мертвым, и если буду отправлен снова жить жизнью, полной приключений, в случае отправки к живым.

Мне сказали, что вечером состоится банкет в честь новоприбывших и что на него следует явиться в вечернем костюме.

— Тут в вашем тряпье не ходят, — сказал Д'Артаньян и мрачно скривился. Я заметил, что он тоже говорит по-английски, но почел за лучшее с ним об этом не заговаривать.

Меня отвели во дворец, в тот, что поменьше, и там все было бесплатно. Во всяком случае, мне так показалось. Да и в самом деле — чем можно расплачиваться, живя жизнью после смерти?

Мой слуга имел лицо, похожее на собачью морду, ходил полуобнаженным и носил нечто вроде юбочки древних египтян. Сначала он казался мне страшноватым, но вскоре я привык к нему.

Приняв ванну и побрившись, я проинспектировал вечерний костюм, уже приготовленный для меня. Все казалось в полном порядке. Я решил соснуть немножко, и в самом деле скоро уснул.

Мне снился сон, причем я отлично знал, что сплю. Снилось мне, что одна из стен комнаты растаяла, сквозь нее вошла группа людей. Все они были одеты по моде древних египтян, а многие имели на плечах головы животных и птиц. Они сделали мне знак, и я встал с кушетки. Страх я не испытывал, так как знал, что сплю. Но и чувства полной безопасности тоже не было: в этом краю, о котором я ничего не знал, вполне могли быть свои тайны.

Я последовал за ними сквозь стену, спустился по лестнице с низкими ступеньками, ведущей к реке, воды которой плескались о каменную набережную. Там уже ждала лодка, сделанная, если я не ошибаюсь, из папируса, на корме которой

стоял кормчий с птичьей головой. Я хотел им сказать, что лодочный вариант сценария мной уже пройден, но, по-видимому, лишился способности произносить звуки. Меня ввели в лодку. Рядом со мной села бледная черноволосая женщина. Она была прекрасна, но выглядела столь не от мира сего, что я потерял всякую надежду перекинуться с ней парой слов. Наконец я все-таки произнес:

— Вы тут часто бываете?

— Легкомысленность вряд ли уместна в таком месте, как это, — ответила она.

— Я не беспокоюсь, — отозвался я. — Мне ведь все это только снится.

— Но это вовсе не значит, что того же не происходит в действительности, — был ее ответ.

— И именно это имеет место сейчас? — Я ждал ответа, но она промолчала.

— Не хочу казаться нахалом, — настаивал я, — но не могли бы вы сказать мне, что будет дальше?

— Вас доставят в некрополь, — ответила она. — Забинтуют члены тела и челюсти. Затем вынут мозг через ноздри и внутренности через задний проход. А уж потом накачают разными средствами для консервирования.

— Шутите! — прошептал я.

— Ничуть. Я говорю вполне серьезно.

— Но я категорически возражаю против такого обращения!

— Ваши предпочтения не имеют ни малейшего значения. Вы мертвы, и ваши пожелания никому не интересны.

— А как же Бальзак? Разве с ним обращались таким образом?

Она качнула головой:

— Он заключил сделку.

— Я тоже хочу сделку!

Она смерила меня долгим спокойным взглядом.

— Боюсь, вам нечего предложить. — А затем отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

А я озираюсь по сторонам, пока лодка плыла по мрачному длинному туннелю. Искал выхода. Но ничего не находил. Затем мы подошли к большой бетонной пристани. На берегу сидели псы. Они рассматривали меня, свесив красные языки.

Это зрелище показалось мне не слишком привлекательным, но то, что ожидало меня впереди, нравилось мне еще меньше. Я встал, готовясь сражаться со всяким, кто попытается остановить меня. Но никто и не пытался. Я выскочил из лодки на пристань. Лодка продолжала плыть, и мне показалось, что я слышу призрачный смех. Пристань уступила место туннелю,

весьма широкому и высокому, сложенному из черных, почти необработанных каменных блоков. Света было достаточно, чтоб видеть дорогу, ведущую сквозь сумрак. Ни одна собака из сидевших у входа не напала на меня и даже не последовала за мной, когда я вошел в туннель. Он все суживался и суживался, и вскоре мне пришлось согнуться, чтоб идти дальше. Потом он стал изгибаться, места стало еще меньше, пока наконец мне не пришлось лечь на живот и ползти. А еще потом я остановился, так как, по-видимому, дальше смысла двигаться просто не было. Но хотя я и пытался повернуть назад, оказалось, что и там туннель тоже сузился и что я зажат его каменными стенами, в которых открывались узкие ходы куда-то вглубь, но я в них никак не вмещался.

Волна отчаяния захлестнула меня. Но тут я вспомнил, что мой верный рюкзак все еще со мной. Я снял его с плеч и поставил перед собой, чтобы достать из него крохотную машинку-чепушкинку.

ДЕНЬ, КОГДА ПРИШЛИ ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Однажды ко мне пришел некто. Он был не совсем похож на человека, хотя имел две ноги. Лицо у него было какое-то странное, словно его расплавили в печи, а потом быстро заморозили. Позднее я узнал, что подобное выражение лица характерно для группы инопланетян, называющих себя синестерианами, и что они считают его весьма привлекательным. Они называют его «расплавленная внешность» и даже оценивают на конкурсах красоты.

— Мне сказали, что вы писатель, — заявил он.

Я подтвердил, что это так. Мне скрывать нечего.

— Выходит, мне повезло, — обрадовался посетитель. — Я покупаю разные истории и рассказы.

— А я их пишу.

— Есть у вас что-нибудь на продажу?

Он шел прямо к цели. Я решил отвечать столь же откровенно.

— Да, есть.

— Прекрасно. Весьма рад. Этот город кажется мне каким-то странным. Да и планета тоже, если подумать. Но город особенно. Непривычные обычаи и все такое. Едва приехав сюда, я сразу сказал себе: «Путешествовать, конечно, очень приятно, но где мне отыскать того, кто продаст мне рассказы?»

— Это проблема, — признал я.

— Ладно, перейдем к делу, потому что работы будет много. Для начала я хотел бы получить небольшую повесть на десять тысяч слов.

— Считайте, что она у вас уже есть. Когда она нужна?

— К концу этой недели.

— Сколько вы намерены за нее заплатить?

— Я заплачу тысячу долларов за повесть в десять тысяч слов. Мне сказали, что это стандартная оплата труда писателя в данной части Земли. Ведь это Земля, верно?

— Да, Земля, и я согласен на ваши условия. Скажите лишь, на какую тему мне нужно писать.

— Тему я оставляю на ваше усмотрение. В конце концов, вы ведь писатель.

— Разумеется. Так вам все равно, о чем будет повесть?

— Совершенно все равно. Я ведь не собираюсь ее читать.

— Разумно, — заметил я. — Зачем вам лишние заботы?

Я решил не расспрашивать его дальше, предположив, что кто-нибудь когда-нибудь мою повесть все же прочтает. С написанным это рано или поздно случается.

— Какие права вы покупаете? — спросил я, потому что в подобных вопросах важно соблюдать профессиональный подход.

— На первую и вторую синестерианскую публикации. И, разумеется, сохраняю за собой права на экранизацию, но заплачу вам пятьдесят процентов от суммы сделки, если смогу продать на Синестерии права на съемку фильма.

— Насколько это вероятно?

— Трудно сказать. Пока что Земля считается у нас новой литературной территорией.

— В таком случае я хотел бы увеличить свою долю до шестидесяти процентов.

— Не стану спорить, — согласился он. — На сей раз. Не исключено, что позднее я поставлю более жесткие условия. Кто знает, как я поведу себя в следующий раз? Пока что для меня ваша планета — целый новый площадь.

Я не стал его поправлять. Пусть инопланетянин слегка оговорился, но это вовсе не значило, что он невежда.

Написав за неделю повесть, я принес ее в офис синестерианина, разместившийся в старом здании «Метро-Голдвин-Майер» на Бродвее. Я протянул ему распечатку, он предложил мне сесть и принялся читать.

— Очень неплохо, — сказал он через некоторое время. — Мне очень понравилось.

— Вот и прекрасно, — отозвался я.

— Но мне хочется, чтобы вы кое-что переделали.

— Вот как? А что конкретно вы имеете в виду?

— Ну... там у вас есть героиня по имени Элис.

— Верно, Элис, — поддакнул я, хотя и не помнил, что в повести упоминалась какая-то Элис. Быть может, он имеет в виду Эльзас, провинцию во Франции? Я решил не уточнять. Какой смысл выставлять себя дураком, обсуждая собственную писанину?

— Так вот, эта Элис... она размером с небольшую страну, верно?

Черт, он и в самом деле говорит про Эльзас, а я уже упустил момент, когда мог его поправить.

— Да, правильно. Размером с небольшую страну.

— Тогда почему бы вам не написать о том, как Элис влюбляется в другую страну — побольше размером и в форме кренделя?

— В форме чего?

— Кренделя, — повторил он. — Этот образ часто используется в популярной синестерианской литературе. Синестерианам приятно о таком читать.

— В самом деле?

— Да, — подтвердил он. — Синестерианам нравится представлять существ в форме кренделя. Если вы вставите подобное обстоятельство в повесть, она станет более образной.

— Образной, — машинально повторил я.

— Вот именно. Потому что нам не следует забывать о возможной экранизации.

— Да, разумеется, — подтвердил я, вспомнив, что мне причитается шестьдесят процентов.

— Далее, раз уж мы заговорили об экранизации, мне кажется, что действие должно происходить в другое время суток.

Я попытался вспомнить, в какое время суток развиваются события в моей повести. Кажется, время суток вообще не упоминалось, о чем я и сказал заказчику.

— Верно, вы не упоминали какое-либо конкретное время, но подразумевали сумерки. Меня убедила в этом некая расплывчатость употребленных вами слов и образов.

— Да, конечно, — подтвердил я. — Сумеречное настроение.

— Получается неплохое заглавие, — заметил он.

— Да, — отозвался я, сразу возненавидев эти два слова.

— «Сумеречное настроение», — медленно произнес инопланетянин, словно пробуя слова на вкус. — Да, повесть можно назвать именно так, но переписать ее, как мне кажется, следует в «дневном настроении». Ради иронии.

— Да, я вас понял.

— Тогда почему бы вам еще разок не прогнать текст через компьютер, а потом вернуть мне?

Когда я возвратился домой, Римб с хмурым видом мыла тарелки. Тут я должен упомянуть, что Римб — средних размеров блондинка, а постоянная встревоженность ее взгляда характерна для инопланетян из секты «божественников». Из соседней комнаты доносились странные звуки. Когда я вопросительно взглянул на Римб, она лишь указала глазами на дверь и пожалала плечами. Войдя в комнату, я увидел там двоих незнакомцев, молча вернулся на кухню и спросил у Римб:

— Кто они такие?

— Сказали, что Байерсоны.

— Инопланетяне?

Она кивнула:

— Да, но не такие, как я. Для меня они такие же инопланетяне, как и для тебя.

В тот день до меня окончательно дошло, что инопланетяне могут быть чужаками и друг для друга.

— Почему они к нам заявились?

— Они не сказали, — ответила Римб.

Я вернулся в комнату. Мистер Байерсон, росточком около метра и с оранжевыми волосами, сидел в моем кресле и читал вечернюю газету. Миссис Байерсон, такая же низенькая и оранжевая, вязала нечто оранжево-зеленое. Едва я появился в комнате, Байерсон проворно освободил для меня кресло.

— Вы инопланетяне? — спросил я, усаживаясь.

— Да, — подтвердил Байерсон. — Мы с Капеллы.

— И что вы делаете у нас дома?

— Нам сказали, что все будет в порядке.

— Кто сказал?

Байерсон пожал плечами и как-то рассеянно на меня взглянул. Мне еще предстояло привыкнуть к такому взгляду.

— Но здесь наш дом, — строго произнес я.

— Разумеется, ваш, — согласился Байерсон. — Никто и не спорит. Но разве вы не можете уделить нам немножечко места? Мы ведь не такие уж и большие.

— Но почему именно у нас? Почему не у кого-то другого?

— Просто мы попали сюда, и нам понравилось, — объяснил Байерсон. — И теперь считаем это место своим домом.

— Другое место могло оказаться для вас ничуть не худшим домом.

— Возможно. А может быть, и нет. Мы хотим остаться здесь. Послушайте, почему бы вам не воспринимать нас как наросшие на днище корабля ракушки или как пятна на обоях?

Мы уже успели здесь... как бы получше сказать... закрепить. Капеллианцы так всегда поступают. Обещаю, под ногами путаться не станем.

Нам с Римб они не очень-то были нужны, но и убедительной причины выгнать их тоже вроде бы не имелось. Я что хочу сказать: в конце концов, они уже поселились у нас в доме. К тому же Байерсон оказался прав — парочка и в самом деле не путалась под ногами. В некоторых отношениях они оказались намного лучше других инопланетян, тоже имеющих привычку селиться у кого-нибудь дома и с которыми мы столкнулись потом.

Более того, нам с Римб вскоре даже захотелось, чтобы Байерсоны не были уж настолько ненавязчивыми и помогли немного по хозяйству. Или хотя бы приглядывали за квартирой. Особенно после того дня, когда в наше отсутствие в дом забрались воры.

Насколько я понял, Байерсоны даже пальцем не шевельнули, чтобы их остановить. Не стали они и полицию вызывать, а просто наблюдали, как воры бродили из комнаты в комнату. Бродили медленно, потому что это оказались толстопузые воры-инопланетяне со звезды Барнарда. Они слямзили у Анны все старинное серебро, поскольку домушники с Барнарда испокон веков традиционно крали только серебро. Так они объяснили по ходу дела Байерсонам, а те лишь отводили в сторону глазки, будто ничего особенного не происходит.

Началось же все с того, что я познакомился с Римб в баре «У Франко» на Мак-Дуглас-стрит в Нью-Йорке. Конечно, я и прежде встречал инопланетян, бродивших по магазинам на Пятой авеню или наблюдавших, как горожане катаются на коньках в Рокфеллер-центре, но в тот день я впервые заговорил с инопланетянином. Я спросил, какого он пола, и услышал в ответ, что Римб из секты «божественников». Я решил, что это весьма оригинальное определение пола, а когда мы с Римб совместно пришли к выводу, что она по сути женского рода, то подумал, что было бы забавно жениться на существе из секты «божественников». Позднее я обсудил этот вопрос с отцом Хэнлином из Большой Красной Церкви. Он сказал мне, что, с точки зрения церкви, тут все в порядке, хотя лично ему подобная идея не очень нравится.

Мы с Римб стали одной из первых смешанных семейных пар. Поначалу инопланетян было не очень-то много, но вскоре стали появляться все новые и новые, и некоторые даже поселились по соседству с нами.

Почти все они были пришлыми, а не местными, то есть явились с других планет, а не расплодились на Земле, как, к примеру, Зловещие Мертвецы.

Всем инопланетянам, откуда бы они ни прибыли, полагалось зарегистрироваться в полиции и в местных организациях по контролю за культурами. Впрочем, мало кто из пришельцев утруждал себя общением с властями.

Я писал рассказы и повести для синестерриан, и мы с Римб вели спокойную жизнь. Наши гости Байерсоны тоже оказались тихонями и помогали платить за квартиру. Они покладистые существа и не тревожатся по пустякам в отличие от Римб, которая способна разволноваться из-за любой ерунды.

Поначалу поведение Байерсонов мне нравилось, но я переменял свое отношение к ним с того дня, когда воры украли их младшего ребенка, малыша Клода Байерсона.

Мне следовало сказать, что у Байерсонов, вскоре после того как они у нас поселились, появился ребенок. Впрочем, возможно, они где-то его прятали, а показали лишь тогда, когда мы отдали им пустующую спальню. Мы так до конца это и не выяснили.

С малышом Клодом была связана какая-то история, о которой Байерсоны предпочитали не распространяться, а мы решили не настаивать. В конце концов, нам с ними жить под одной крышей, так не все ли равно?

Как нам поведали Байерсоны, похищение малютки Клода оказалось простым и незатейливым: «Прощай, Клодик», «Прощай, папочка». Когда же мы спросили их, как они допустили подобное, они ответили:

— О, все прошло прекрасно. Я хочу сказать, что мы как раз на такое и надеялись. Мы, Байерсоны, именно так и осваиваем новые места — когда кто-нибудь крадет наших детей.

Что мне оставалось? Я попросту прекратил разговор. Что можно сделать с такими пассивными существами? Неужели их совершенно не волнует, что из малыша Клода могут вырастить какого-нибудь барнардского ворюгу? Сегодня одна раса, завтра другая. У некоторых инопланетян совсем нет расовой гордости. Настоящие кукушки.

Сделать мы ничего не могли, поэтому все вместе уселись смотреть телевизор. Нам всем хотелось посмотреть наше любимое шоу Мононгахелы Рид.

В тот вечер главным гостем в шоу Мононгахелы был человек, первым съевший мунгулу. Он признал это совершенно открыто, даже несколько вызывающе, и заявил:

— Если подумать, то почему считается этичным есть только глупые или введенные в заблуждение существа? Лишь слепые предрассудки не позволяют нам питаться существами разумными. Эта мысль пришла ко мне несколько дней назад, когда я разговаривал с несколькими глотчами мунгулу, лежавшими у меня на тарелке.

— А сколько мунгулу входит в глотч? — спросила Мононгахела.

— От пятнадцати до двадцати, хотя бывают и исключения.

— А что они делали у вас на тарелке?

— Мунгулу обычно на них селятся. Они тарелкоспецифичны.

— Я еще не сталкивалась с такими существами, — призналась Мононгахела.

— Они встречаются почти исключительно в том районе, где я живу.

— И как они к вам попали?

— Просто появились как-то вечером у меня на тарелке. Сперва один или два глотча. Они немного напоминают устриц. Потом их стало больше, а когда набирается полдюжины или больше, то с ними уже можно вести более или менее осмысленный разговор.

— Они сказали, откуда прибыли на Землю?

— С планеты Эспадрилла. Я так и не смог понять, в какой части космоса она находится.

— Они объяснили, как попали сюда?

— Сказали что-то насчет серфинга на световых волнах.

— Что натолкнуло вас на мысль съесть мунгулу?

— Ну, поначалу я вовсе об этом не думал. Когда существо с вами разговаривает, вам ведь не приходит в голову желание съесть его? Или ее. Не приходит, если вы сами существо цивилизованное. Но эти мунгулу начали появляться у меня на тарелке каждый вечер и вели себя очень нахально. Всякий раз выстраивались рядом на противоположном от меня краешке тарелки — а тарелки у меня из прекрасного фаянса, должен вам сказать. Иногда они просто болтали друг с другом и вели себя так, словно меня вовсе рядом нет, потом кто-нибудь из них притворялся, будто только что меня заметил: а, вот, мол, и мужик с Земли здесь, — и мы начинали разговаривать вместе. Так продолжалось несколько вечеров, и мне стало казаться, что в их поведении есть нечто провокационное. Создавалось впечатление, что они хотят мне что-то сказать.

— Думаєте, они хотели, чтобы вы их съели?

— Ну, они этого не говорили, по крайней мере прямо. Но до меня понемногу начало доходить. Я что хочу сказать: если им не хотелось, чтобы их съели, то что они в таком случае делали на тарелке?

— И что произошло потом?

— Короче говоря, однажды мне эти дурацкие игры надоели, и я наколол одного на вилку и проглотил.

— А что сделали остальные?

— Притворились, будто ничего не заметили, и продолжали болтать. Только разговор у них пошел более тупой, потому что одним стало меньше. Понимаете, чем их больше собирается вместе, тем умнее они становятся.

— Давайте вернемся к проглоченному мунгулу. Он протестовал, попав к вам в рот?

— Нет, он словно ожидал этого. Мне показалось, что для мунгулу нет ничего жестокого и несправедливого в том, что его глотают.

— И какие они на вкус?

— Немного напоминают панированных устриц в остром соусе, но есть некоторые тонкие отличия. Инопланетяне, сами понимаете.

Когда шоу закончилось, я заметил стоящую в углу нашей комнаты колыбельку. В ней лежало прелестное маленькое существо, чем-то похожее на меня. Сперва я подумал, что это каким-то образом вернувшийся Клод Байерсон, но Римб тут же все объяснила:

— Это малютка Челчек. Он наш.

— Ах вот как? Что-то я не припоминаю, чтобы ты ждала ребенка.

— Я отложила роды до подходящего момента, — пояснила она. — Мы, божественники, умеем это делать.

— Как ты его назвала? — спросил я.

— Его зовут Челчек.

— Это что, типичное имя на вашей планете?

— Вовсе нет. Я назвала его в честь твоего вида.

— А откуда же такое имя?

— Разве ты не догадался? Челчек означает «человечек».

— Вообще-то мы на Земле делаем все не так, — сказал я, но она так и не сумела понять, что я имел в виду. Да и я не понял ее объяснения, в результате какого процесса Челчек появился на свет. Откладывать роды не свойственно жителям Земли. Насколько я уразумел, Римб решила подождать подходящего для родов дня. Но до сути мы так и не сумели добраться. Бывает

Челчек лежал в колыбельке, агукал и вообще вел себя так, как, на мой взгляд, полагается нормальному человеческому младенцу. Я очень загордился. Мы с Римб оказались одной из первых смешанных пар, у которых появилось потомство. Позднее я узнал, что ничего особенного в этом факте нет, и на всей Земле рождались такие дети. Но какое-то время это было для нас важно.

Соседи стали приходиться поглядеть на младенца. Первыми, выйдя из своей новой комнатки, которую они прилепили снаружи к стене дома после линьки, заглянули Байерсоны. Они осмотрели Челчека с ног до головы и сказали:

— Выглядит неплохо.

Они предложили нянчить малыша, но нам не захотелось оставлять Челчека с ними наедине, потому что мы все еще не сумели достоверно узнать, чем Байерсоны питаются. Загвоздка в том, что на сбор точной информации об инопланетянах уходит очень много времени, хотя федеральное правительство и решило сделать общедоступными сведения обо всех существах, прибывающих на Землю.

Присутствие среди нас инопланетян стало причиной следующего шага в развитии людей и возродило интерес к композитной жизни. На наш с Римб взгляд, было бы интересно стать композитным существом вроде медузы или «португальского кораблика». Но полной уверенности у нас не было, и поэтому мы не знали, радоваться или нет, когда получили по почте уведомление о том, что мы выбраны кандидатами на создание композитного существа. В те дни включение в композит было еще чем-то необычным.

Мы с Римб долго спорили и в конце концов решили сходить на первую встречу, потому что она была бесплатной.

Встреча проходила в нашей местной Унитарийской церкви, где собрались сотни две людей и инопланетян, проявлявших немалый естественный интерес к тому, чего от нас ожидали. Все мы оказались новичками и попросту не могли поверить, что сумеем без всякой тренировки образовать композит из двухсот личностей.

Наконец вышел некто в красном блейзере с блокнотом и сказал, что для начала нам следует попробовать образовать композиты из пяти единиц и как только мы создадим их пару дюжин и поймем, как это делается, то перейдем к следующему уровню композитного существования. Только тогда мы поняли, что путь к многокомпонентным существам может быть многоступенчатым, а на каждой ступени образуется самостоятельное существо.

В церкви имелся большой просторный подвал, где мы с нашими химерическими партнерами стали учиться соединяться.

Поначалу нам мешали вполне естественные смущение и путаница. У многих не было никакого опыта стыковки с другими существами. Например, мы раньше и слыхом не слыживали об энглене (это такой орган у псевдонтоиков, который плотно входит человеку в левое ухо).

Но все же с помощью эксперта (парня в красном блейзере), который вызвался нам помочь, мы вскоре образовали наш первый композит. И хотя не все получилось гладко, потому что кое-какие органы не входят в определенные отверстия человеческого тела, мы с трепетом ощутили, как превратились в новое существо с собственной индивидуальностью и самосознанием.

Вершиной нашего общения с композитами стал ежегодный пикник. Мы отправились к Хэнфордским развалинам, где некогда находилась старая атомная электростанция. Там все поросло сорняками, причем некоторые имели воистину странную форму или цвет. Причиной тому, как нам сказали, было нечто странное, попавшее в почву еще в древности. Неподалеку журчал грязный ручеек, на его берегу мы и разбили лагерь. Нас собралось около двухсот, и мы решили сперва перекусить, а потом уже объединяться.

Дамы-помощницы начали раздавать еду, поставив рядом ящик для пожертвований, куда каждый бросал столько, сколько мог. Я кинул синестерианскую банкноту, которой мне недавно заплатили за повесть. Многие приняли ее разглядывать, охая и ахая, потому что синестерианские деньги и в самом деле красивые, хотя настолько толстые, что их нельзя сложить и положить в бумажник, поэтому от них всегда торчат карманы.

Какой-то тип из Большого Красного композита склонился над ящиком и уставился на синестерианскую банкноту, потом вытащил ее на свет и стал любоваться бегущими по ней переливами форм и цветов.

— Какая прелесть, — сказал он. — У вас никогда не возникало желания вставить ее в рамочку и повесить на стенку?

— Как раз об этом я сейчас и подумал.

Тип решил занять банкноту и спросил, сколько я за нее хочу. Я назвал цену, в три раза превышающую ее обменную стоимость в американской валюте. Услышав цену, он пришел в восторг, осторожно взял банкноту за краешек и понюхал.

— Как приятно пахнет! — воскликнул он.

Теперь и я понял, что синестерианские деньги и в самом деле прекрасно пахнут. Тип вновь принялся.

— Никогда их не ели? — спросил он.

Я покачал головой. Такого намерения у меня никогда не возникало. Тип откусил кусочек.

— Просто деликатес!

Я даже позавидовал, глядя, как он наслаждается. Мне тоже захотелось попробовать, но теперь это была его банкнота, ведь я ее продал. А взамен получил старые американские бумажки.

Я порылся в карманах, но синестерианские деньги уже кончились. Не осталось даже одной штучки, чтобы повесить на стенку, а уж тем более попробовать на вкус.

И это в очередной раз напомнило мне о том, как изменилась жизнь с тех пор, как пришли инопланетяне.

А потом я заметил, как Римб сидит в сторонке, скучает в одиночестве и выглядит так привлекательно, что я решил к ней присоединиться.

Содержание

Глаз реальности

Зири без охраны, дворец Дженгик горит, Джон Вестерли мертв, <i>перевод В. Серебрякова</i>	7
Конечная, <i>перевод В. Серебрякова</i>	12
Рассказ о странном происшествии со средним американцем, <i>перевод В. Ковалевского</i>	15
Прощание с болью, <i>перевод В. Серебрякова</i>	22
Последние дни (параллельной?) Земли, <i>перевод В. Серебрякова</i>	28
Рука помощи, <i>перевод А. Нефедова</i>	32
Пальба в магазине игрушек, <i>перевод В. Ковалевского</i>	34
Болото, <i>перевод В. Серебрякова</i>	42
На пять минут, <i>перевод А. Нефедова</i>	44
Жизнь как жизнь, <i>перевод А. Нефедова</i>	47
В случае смерти наберите наш номер, <i>перевод В. Ковалевского</i>	49
Глаз реальности, <i>перевод В. Серебрякова</i>	53
На слете птиц, <i>перевод А. Нефедова</i>	54
Ксолотль, <i>перевод А. Нефедова</i>	59

Машина Шехерезада: шесть историй

История первая: Машина Шехерезада, <i>повесть,</i> <i>перевод И. Васильевой</i>	77
История вторая: Город Мертвых, <i>перевод О. Васант</i>	166
История третья: Персей, <i>перевод И. Васильевой</i>	190
История четвертая: Джордж и коробки, <i>повесть,</i> <i>перевод С. Трофимова</i>	201
История пятая: Семь молочных рек с кисельными берегами, <i>перевод В. Ковалевского</i>	323
История шестая: День, когда пришли инопланетяне, <i>перевод А. Нефедова</i>	356

НОВЫЕ МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Том второй

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*
А. Хиршфелде
Оператор компьютерной верстки
Н. Жук
Оформление шмуцтитолов: *М. Ермаков*
Оформление форзаца: *Л. Булыкина*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 8.08.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,32. Тираж 15.000 экз.

Заказ № 2369. С 204.

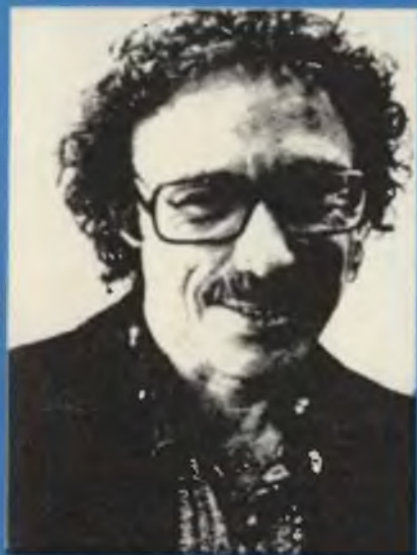
Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В составе второго тома избранных произведений блистательного американского фантаста — рассказы и повести последних десятилетий, в том числе и те, что вошли в последний, только что увидевший свет авторский сборник «Машина Шехерезада» (1995), включающий в себя одноименную повесть.

Искрометный стиль, полный изящных каламбуров и сложных аллюзий, почти сюрреалистические образы и невероятные повороты сюжета, так характерные для творчества этого великолепного автора, сочетаются в его рассказах с глубоким пониманием человеческой природы, делающим писателя одним из выдающихся мастеров избранного им жанра. Рассказы позднего Шекли сравнивают по сложности с произведениями К. Воннегута, и в то же время писатель не потерял легкости и яркости, свойственных ранним его вещам. Занимается ли он литературными играми в повести «Машина Шехерезада» из одноименного сборника или с горькой иронией повествует о мрачном царстве Аида в «Городе Мертвых», исследует ли психологию безумия, как в повести «Джордж и коробки», или рассказывает веселые и печальные притчи — Роберт Шекли неизменно создает шедевры, достойные войти в золотой фонд фантастики.

